

СТАНИСЛАВ ЛУСКИ

ПРЕДАТЕЛЬНОСТЬ И ИЗМЕНА

ВОЙСКА ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА В ЧЕХИИ

САН ФРАНЦИСКО
1982

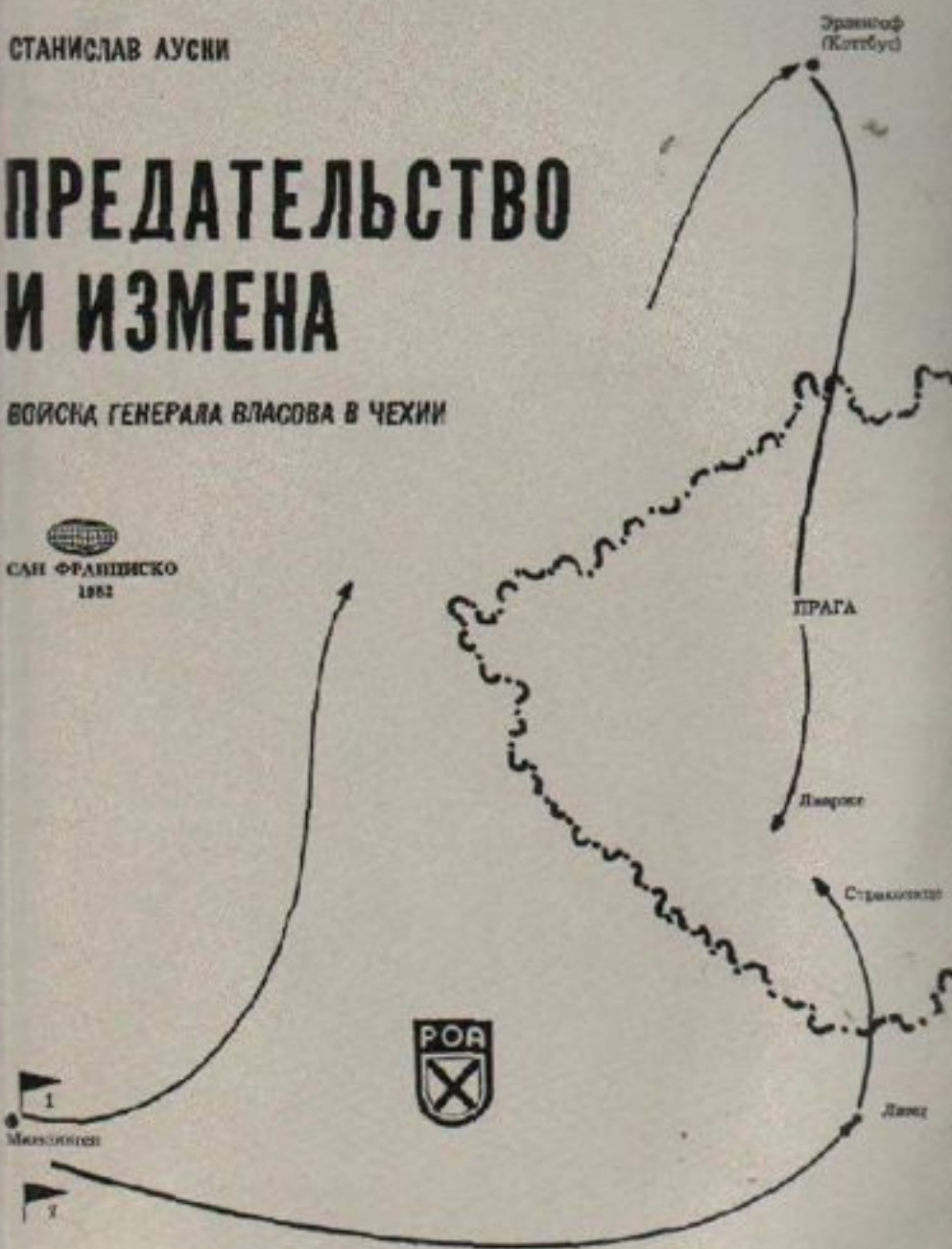

СТАНИСЛАВ ЛУСНИ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА

ВОЙСКА ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА В ЧЕХИИ

САН ФРАНЦИСКО
1952

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

STANISLAV AUSKY
PREDATEL'STVO I IZMENA
VOISKA GENERALA
VLASOVA V CHEKHII

Globus Publishers San Francisco 1982

STANISLAV AUSKY
BETRAYAL AND TREASON
ARMY OF GENERAL VLASOV IN BOHEMIA
(CZECHOSLOVAKIA)

Copyright 1982 by Author and Globus Publishers.

Library of Congress Catalog Cord Number: 82—8189D

All Rights Reserved. No part of this publication may be translated, reprinted, reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopy, recording or any information storage and retrieval system, without permission in writing from the publisher.

Printed in United States of America

Предисловие автора к русскому изданию

В то время, когда настоящая книга уже была переведена на русский язык и поступила в набор, произошло то, что зачастую случается с любым автором-историком. Когда текст уже был набран, начали поступать новые сведения. Существует предельный момент, когда уже становится невозможным делать изменения текста или вносить дополнения. Кроме того, мне хотелось бы обратить внимание русского читателя на то обстоятельство, что моя книга была написана уже тогда, когда истек официальный срок и документы, которые до этого классифицировались в качестве документов тайного и секретного характера, стали доступными для широкой общественности. Усовершенствовалась техника доступного копирования документов, — и современный историк находится в более выгодном положении, чем было положение авторов десять лет тому назад. Это даст возможность изучения документов в оригинале и автор уже не находится в прямой зависимости от мемориальной литературы, как это было в прошлом. Благодаря всему этому, мы в данном случае, то есть, спустя 36 лет после окончания войны, знаем о ней больше, чем о ней знали ее участники, а также историки, написавшие свои труды в пятидесятых годах.

Конечно, возможны неточности и ошибки. Этого не избежал ни один из историков. Некоторые неточности в моей первой книге на чешском языке, я исправил при ее издании в переводе на русский язык. Безусловно, мне не удалось исключить всех неточностей.

Только теперь, я, после долгих поисков получил книгу полковника В. Б. Позднякова «Андрей Андреевич Власов», изданную после смерти автора в 1973-м году. Было мало столь осведомленных людей из состава прямых участников Движения, каким был полк. Поздняков. В книге, в которой около пятисот страниц, полк. Поздняков

поместил все то, что ему удалось сохранить и передать для будущего. Ввиду недостатка времени, а не имел возможности перечесть все снова, а также сверить все его данные с оригиналами подлинных документов. Однако, вследствие обширности взятой на себя полк. Поздняковым темы, он должен был использовать воспоминания других лиц, а вместе с ними и значительную долю возможных неточностей... На стр. 347 в его книге помещена карта, на которой показаны действия 1-й дивизии РОА на фронте, — атака на предмостное укрепление Эрленгоф. Вне всякого сомнения известно, что поместье Эрленгоф и названное этим наименованием предмостное укрепление, находится южнее от гор. Фюрстенберг и участие 1-й дивизия РОА подробно документировано в немецких, источниках.

Среди многих тысяч немецких документов, хранящихся в Национальном Архиве, изложена и вся история Движения сопротивления народов России диктатуре коммунизма во время Второй мировой войны. Два больших архива находятся в Колумбийском университете и в Гуверском институте. Немало документов хранится и в частных архивах. К сожалению в эмиграции не удалось сосредоточить историю Движения в одном общем труде, как это удалось осуществить Белой эмиграции после Первой мировой войны, когда за период с 1920-го по 1937-й годы, она издала в Берлине труд, состоящий из 22 томов под названием «Архив Русской Революции». Отдельные авторы публикуют монографии о Движении генерала А. А. Власова, но общая картина не была отображена ни в одной из публикующихся книг и я сомневаюсь, что когда-либо удастся опубликовать всеохватывающий труд.

Несмотря на все усилия авторов этих книг, все еще остаются неясными и малоизвестными многие события. Продолжают все еще существовать скорее легенды, которые передавались со времени окончания войны. Например, автору настоящей книги так и не удалось удостоверить и засвидетельствовать на основании документов личность американского капитана Донахью

(Донагуе), несмотря на то, что было предпринято все возможное, и работники архивов проявили при этом максимальную помощь своим опытом, советами и содействием. Оказались безрезультатными и все мои попытки разыскать его частным путем при помощи ассоциаций бывших чинов дивизий США, которые в мае 1945-го года оперировали в районе южнее от гор. Пльзень.

Мой первоначальный сотрудник по переводу книги на русский язык, широкоизвестный среди русской эмиграции проф. Александр Цуриков, трагически погиб во время пожара его дома в Мюнхене. Честь его памяти!

Перевод моей книги на русский язык и ее издание в Соединенных Штатах Америки осуществилось по инициативе издателя Владимира Николаевича Азар. На этих страницах, я выражаю ему мою глубокую признательность за его всестороннюю помощь и за все его содействие в моей творческой работе.

Выражаю мою глубокую признательность первому редактору русского текста Ариадне Ивановне Делианич, скончавшейся не доведя свой труд до конца. Вечная ей память!

Благодарю взявшего на себя труд закончить редактирование книги Петра Петровича Балакшина.

Также приношу свою благодарность переводчице, Евгении Петровне Новиковой-Петровской, благодаря которой, моя книга стала доступна русским читателям.

Лас Крусес, США.

Октябрь 1981 г.

СТАНИСЛАВ АУСКИ.

Предисловие автора к чешскому изданию

Настоящая книга коренным образом отличается от всех публикаций, посвященных событиям последних дней Второй мировой войны, написанных как в самой Чехословакии, так и за границей. Этот труд создавался вне пределов сегодняшней Чехословацкой республики, поэтому автор не считает себя обязанным кого-либо восхвалять или порочить из-за разницы в политических взглядах или принадлежности к определенной национальности. Но в такой же степени, он не считает себя чем либо обязанным какой-либо организации, которая способствовала бы созданию и опубликованию настоящего труда. Автор считает себя связанным лишь собственной совестью — с максимальной объективностью описать те события, которые до сих пор остались почти неизвестными. В книгах иностранных писателей к судьбе Русской Освободительной Армии (РОА) подходят лишь как к части более широкой картины, отражающей отрицательное отношение к политическому строю, установившемуся на территории Советского Союза. В книгах же, опубликованных в Чехословакии, участие РОА в событиях последних дней войны или обходится полным молчанием, или же иногда ограничивается скупым констатированием фактов.

Исходя из принципов свободного гражданина Западного мира, считаю своим вполне естественным правом свободно высказать свою личную точку зрения. Когда отдельные лица, или даже группы людей, ведут деятельность, которая является враждебной государственному строю в их стране, тогда их можно считать врагами или изменниками. Когда же людей, проявляющих свое несогласие с режимом — миллионы, тогда такой строй нужно считать враждебным и когда-то он должен будет измениться.

В чешских публикациях, которых весьма немного и которые вообще уделяют мало внимания деятельности РОА на территории Чехии, участники этой Армии называются изменниками, наймитами иностранных держав, перебежчиками в последнюю минуту или оппортунистами, а в советских публикациях даже бандитами. С авторами таких взглядов нет смысла полемизировать. Относительно чешских писателей, необходимо, однако, признать, что у них не имеется в наличии материалов, повествующих о зарождении РОА. О существовании Комитета Освобождения Народов России (КОНР), как Верховного правительства за границей, ни в одной из публикаций, выпущенных в восточно-европейских странах, вообще не упоминается. Для чешского писателя затрагивать эту тему настолько опасно, что он предпочитает этого избежать.

Как автор данной книги, считаю своим долгом особо выделить и доказать следующие исторические факты:

Во-первых, Движение, которое во время Второй мировой войны возглавил генерал Андрей Андреевич Власов, было проявлением политического сопротивления сталинской диктатуре и целью этого Движения было ее свержение при помощи вооруженных сил. О том, что будет дальше, свидетельствует спектр различных политических взглядов, направленных преимущественно на построение нового государства на социалистических принципах. Тенденций к восстановлению монархии в этом Движении не наблюдалось.

Во-вторых, необходимо, подчеркнуть, что Движение имело национально-объединительный характер и, в то же время, давало возможность выйти из состава новой России тем национальным группировкам, которые изъявили бы о своём желании отделиться. Уже сам этот факт представляет собою в истории России новое направление и, в случае реализации, означал бы распад многонационального государства и конец агрессивной политической экспансии Советского Союза. Внутренние разногласия многонационального государства были главной преградой и на пути Движения за освобождение

России. Ненависть к Центральному правительству была настолько вжитой и сильной, что участники Движения сопротивления других национальностей не хотели объединиться с генералом Власовым, чтобы вместе бороться с общим врагом.

В-третьих, необходимо сказать, что Движение находилось под влиянием сильных эмоций, идущих в двух направлениях; первое — против собственного строя в своей же стране, второе — против Третьего Рейха, т. е. против немцев. Эту ненависть вызвали сами же немецкие представители своим жестоким поведением и порядком, установленным ими на оккупированных восточных землях. Объединение с ними произошло лишь только потому, что не было никого другого, с кем участники Движения сопротивления могли бы объединиться. А решиться на открытую борьбу одновременно с обоими врагами, было невозможно. В этом отношении действия КОНР были более рациональными, чем, например, действия Украинского движения сопротивления, которое не объединилось ни с кем и, таким образом, само обрекло себя на гибель с самого начала.

Действия 1-ой дивизии РОА, перешедшей 5-го мая на сторону чешского национального восстания в Праге, некоторые считают желанием застраховать себя, точнее выражаясь, действием, в результате которого якобы советские граждане ожидали прощения за то, что они подняли оружие против своей страны. Это, конечно, лишь наивное представление западных журналистов, которые с политическими и национальными проблемами в Советском Союзе не достаточно ознакомлены. Каковы были побуждения, почему 1-ая дивизия решилась на этот шаг, подробно повествуется в настоящей книге. Вполне естественно, что в составе Армии генерала Власова, преимущественно, в его 1-ой дивизии, существовали различные тенденции и настроения. Это было неизбежным и является характерным явлением, когда крупные военные части формируются быстро. В составе дивизии были и люди, которые в заключительный момент добровольно перешли на сторону Красной Армии. Никто

из них, однако, не ожидал помилования. Они шли с сознанием, что попадут в лагерь, многие из них уже в третий раз в своей жизни. У многих желание вернуться было сильнее, чем страх перед предстоящим наказанием. Большинство из тех, которые перешли на сторону западных союзников, было насильственно репатриировано в Советский Союз. Это бесчеловечное злодеяние никогда и никто не сможет оправдать! Производилось это, преимущественно, английской оккупационной армией с такой вопиющей жестокостью, которую в истории Европы можно сравнить лишь с жестокостью средневековых религиозных войн.

Кроме Армии РОА, которая в политическом отношении была подчинена КОНР, на всех участках европейского фронта воевали и другие российские добровольческие части. Они проявляли крайнее упорство и боролись с большей стойкостью, чем сама немецкая армия — преимущественно на Западном фронте и в Югославии, и воевали лишь только потому, что у них не было никакого другого выхода. Эти части ошибочно включаются в состав Армии, возглавляемой генералом Власовым, т. к. они подчинились ему буквально в последние дни войны. Несмотря на то, что они носили знак РОА и считались «власовцами», они не были подчинены генералу Власову, вследствие военно-административных мероприятий Рейха. Число добровольцев с Востока в немецкой фирме достигло за время Второй мировой войны 900.000 человек. Западные союзники легко позабыли это, но этот факт останется навсегда в истории как серьёзное напоминание об ошибках прошлого.

Когда в конце 1945 года производился допрос генерала Кёстринга в Аугсбургском лагере, ему был задан следующий вопрос: «Как вы сумели с помощью револьвера заставить советских пленных воевать па стороне немцев?». Генерал Кёстринг ответил американскому офицеру, что у него не было никакой необходимости применять револьвер. Его допрос заканчивается словами: «Попытка Власова организовать

крупные воинские части, и обнародовать политические цели, конечно, произошла слишком поздно и могла закончиться лишь только трагедией».

Стиль настоящей книги выбирался преднамеренно: попытаться осветить часть событий последних дней войны в ином аспекте, чем все те точки зрения, которые были представлены ранее и, главное, ввести эти события в общую историческую рамку, соответствующую данному времени. Для того чтобы понять проблему русских добровольческих частей во всем её объеме, рекомендую ознакомиться с книгами, приведенными в перечне литературных произведений. В первую же очередь, советую прочесть книгу писателя Свена Стеенберга «Власов», в которой описывается политическая и военная деятельность как отдельных лиц, так и национальных и политических группировок, несогласных со строем в Советском Союзе в более широком масштабе, а, главное, даётся описание личности генерала Власова. Мой труд повествует об истории пребывания частей РОА на территории Чехии и о событиях, которые находились в прямой зависимости с ними или им предшествовали. Я многим обязан Свену Стеенбергу и выражаю ему глубокую благодарность за предоставленные им документы. Свой вклад в историю РОА я смог осуществить, главным образом, благодаря помощи М. В. Шатова, директора Архива РОА в Нью-Йорке и историка РОА, которому выражаю мою глубокую благодарность за все предоставленные мне материалы.

Одновременно, выражаю мою сердечную признательность всем чехам-читателям моих рукописных материалов. А именно: проф. Франтишеку Шварценбергу, д-ру Вилему Пречану и проф. Радомиру Луже. Все они оказали мне неоценимую помощь своими замечаниями и советами, которые учтены мною в настоящей книге. В такой же мере благодарю книгоиздателя д-ра Иосифа Шкворецкого за всё его терпение и за помощь, оказанную мне как во время работы над книгой, так и во время её издания, когда пришлось её несколько раз перерабатывать.

Кроме всех вышеперечисленных, я многим обязан целому ряду других людей, внесших свою лепту в описание приводимых мною событий. Их имена приводятся там, где я это считал необходимым. Учитывая, что в те времена, когда эти события происходили, многие из этих свидетелей находились на взаимно враждующих сторонах. Я не называю их имён в данной книге, но я бесконечно благодарен за всю их помощь и сведения.

В заключение выражаю благодарность следующим учреждениям:

National Archives and Record Service, Washington D.C.

Hoover Institution on War, Revolution and Peace,
Stanford, California.

Institut fuer Zeitgeschichte, Muenchen.

Bundesarchiv-Militaerarchiv, Freiburg, Koblenz.

Sudetendeutsches Archiv, Muenchen.

Bundesverband der Soldaten der ehem. Waffen-SS e.V.

СТАНИСЛАВ АУСКИ

Лас Крусес, США, октябрь 1979.

Вступление

Со времени военных событий, происшедших на территории Чехии и Моравии весной 1945 года, прошло уже более 35-ти лет. Многие остались в памяти как горестное и тягостное воспоминание; многое было, или должно было быть, забытым по разным причинам; кое-что передается, как легенда, которая со временем все более и более приобретает неясные формы хотя бы потому, что она зачислена в ряд утаиваемых исторических событий с политическим прошлым. Такова и легенда о том, как «Власовцы освободили Прагу».

Рассматривая эти события с учётом истекшего времени, можно констатировать, что только лишь некоторые из них, происшедшие весной 1945 года, можно назвать героическими. Всё то, что произошло, было — и навсегда останется, — совокупностью события преимущественно трагических, в которых в равной мере разделили судьбу все участники — чехи, немцы и, прежде всего, «Власовцы». Под этим наименованием в легенде подразумеваются граждане различных национальностей Советского Союза, которые в последний год войны были включены в состав двух добровольческих пехотных дивизий.

1-я и 2-я Русские добровольческие дивизии находились во время майских событий 1945 г. на территории Чехии. И вот именно, 1-я Русская дивизия, полностью военно-организованная, по стечению обстоятельств сыграла ту роль, которая стала источником данной легенды. В период полного развала строя, который был вынужден согласиться на её формирование, эта дивизия пыталась найти выход из отчаянного положения. Однако, в час «заката богов» её могла ожидать только трагическая участь.

Масштабы моего вклада в дело описания событий весны 1945 года не дают мне возможности рассказать о зарождении и формировании указанных двух Русских

дивизий. Это был длительный процесс, обусловленный полным нежеланием нацистской идеологии приспособиться к существующим обстоятельствам

Подробное описание всех, как военных и организационных, так и идеологически противоположных мероприятий, которые предшествовали формированию дивизии, есть в некоторых книгах, доступных читателям Западных стран. Авторы и названия книг приводятся мною в отдельном перечне.

Думаю, однако, что для ознакомления чешского читателя, я должен хоть в общих чертах описать тогдашние условия и возникновение РОА, а подробное описание начну с того момента, когда события начали происходить на территории Чехословацкой Республики, т. е. с Пражского Манифеста, провозглашенного 14-го ноября 1944 года в Рудольфовой галерее Пражского Замка.

На страницах этой книги читатель сможет познакомиться с численностью и масштабами этого, до сих пор самого крупного движения, сопротивления против большевистской диктатуры Сталина. Ввиду того, что это движение общеизвестно под наименованием «Власовское движение», считаю необходимым вкратце ознакомить читателя с биографией генерал-лейтенанта Андрея Андреевича Власова.

А. А. Власов родился 1-го сентября 1900 года в Нижнем Новгороде в семье крестьянина-ремесленника. Он учился в православной семинарии, когда вспыхнула революция, произошло свержение монархии и в России настал период социальных перемен. Молодой Власов покинул семинарию и занялся изучением сельского хозяйства. В 1919 году он был призван на военную службу в Красной армии. Во время Гражданской войны Власов командовал ротой у красных, а после её окончания остался в армии на той же должности. С годами он продвигался по службе в армии и стал занимать командные посты, благополучно пережив все чистки, связанные с устранением маршала Тухачевского. В 1938 году он был командирован в Советскую миссию в Китае, (при ставке

Ген. Чан Кайши), где пребывал до ноября следующего года. В Советский Союз Власов вернулся в период самого жестокого сталинского террора — неуспешной войны с Финляндией, оккупации Балтийских стран и раздела Польши. Вскоре после возвращения, он был назначен командиром дивизии, которая была признана наилучшей во всей Красной Армии. В январе 1941 года Власов был назначен командиром корпуса в г. Львов, а месяц спустя — награжден Орденом Ленина.

Военные поражения в 1941 году и беспомощность советской системы во время критических дней отступления на Восток, лишили А. А. Власова всяких иллюзий на счёт правомочности советского строя. В октябре он был вызван в Москву, и числа 10-го участвовал на конференции лично у Сталина. Это было как раз тогда, когда немецкая армия подступила к предместьям Москвы, и падение города казалось неизбежным. Власов был назначен командующим 20-й армии, формирувавшейся из сибирских частей, и во время приёма у Сталина в его распоряжение было предоставлено 15 танков. С этими частями Власов решил пойти в контрнаступление и на Волоколамском участке ему удалось остановить немецкое наступление. В январе 1942 года он был за заслуги награжден Орденом Красного Знамени и произведен в чин генерал-лейтенанта.

6-го марта Власов был снова вызван к Сталину. В этот раз ему было поручено командование 2-й ударной армией на фронте под Ленинградом. Наступление в условиях болотистой местности, в весеннюю оттепель, не предвещало успеха и было остановлено немецкой обороной. Отступление, предложенное генералом Власовым, было Сталиным категорически отвергнуто, в результате чего постепенно были окружены и уничтожены девять дивизий и семь бригад. Пережившие наступление немцев, которых осталось лишь 32.000 человек, попали в немецкий плен. Одиннадцатого июня и генерал Власов стал военнопленным № 16901, будучи выданным местными жителями в руки немецких частей.^[1]

Книги о Движении связанные с именем генерала Власова, вызвали в Западных странах некоторый интерес и были подвергнуты острой критике. Нежелание признать действительность такой, какой она есть, сознание собственной ответственности в трагедии заключительных событий, незнание и слишком позитивный подход к Советскому Союзу, преимущественно в либеральных кругах — все это приводило к отрицанию и неверию. В первые годы после окончания Второй мировой войны, было слишком трудно подвергнуть критике СССР, недавнего союзника, а писать о Третьем Рейхе было похоже на хождение по тонкому льду. Существенный поворот наступил только после книг Александра Солженицына, ибо он слишком крупная личность, и его невозможно было обойти молчанием.

В стране же, где все эти события разыгрались, — как будто бы их никогда и не было. Участники и свидетели этих событий постепенно уходят из этого мира, по размеры трагедии были, и по-прежнему остаются, настолько велики, что невозможно обойти ее молчанием. Я убежден, что память о ней должна быть сохранена навеки, хотя бы в тех пределах, как это позволяют блекнувшие воспоминания или же столь редко встречающиеся в архивах военно-исторические источники.

Памяти трагически погибших участников этого Движения, а также всем остальным, оставшимся в живых и ныне разбросанным по всему миру, посвящаются дальнейшие главы моей книги.

I

Формирование Добровольческих частей

Удаленность от баз снабжения, невозможность использовать моторизованные средства и необходимость применять вместо них повозки и сани, а также неблагоприятное расположение частей немецкой армии в глубоком тылу — привели к тому, что командиры всех немецких воинских частей на Восточном фронте без согласования с Верховным командованием вооруженных сил Германии (ОКВ) создавали вспомогательные отряды из пленных и местных добровольцев, чтобы справиться, главным образом, с тыловыми заданиями. Война в начале представляла собой ряд молниеносных побед и местное население, в большинстве случаев, приветствовало немецкие части как своих освободителей. Не было партизан, были лишь бесконечные размытые дороги слякоть и лютая, непривычная зима.

В противовес мощной расовой и политической пропаганде, война на Востоке не была подготовлена ни в пропагандном, ни в политическом смысле, а замечания представителей верховного командования насчет неправильного способа ведения войны и управления оккупированными землями, не принимались во внимание. Прежние успехи начали замедлять ход и постепенно росли неудачи.

Система тоталитарных режимов во всем комплексе недостаточно понятна для западных стран. Так же как не была понята оппозиция против Сталина, несмотря на наличие сотен тысяч перебежчиков и пленных, попавших в плен лишь потому, что они не хотели или не могли воевать,^[2] так и в пределах тоталитарного строя Третьего Рейха существовал ряд различных течений, включающих влиятельных лиц и организации, стоящих в оппозиции как

самой официальной идеологии, так и ее реализации. Эти течения постепенно пробивали себе дорогу, высказывались и проявляли свою деятельность. Даже у таких государственных деятелей, как Розенберг и Геббельс, возникали сомнения на счет «Остполитик» (Восточная политика)^[3] — как наилучшего орудия ведущего к победе.

Однако, главным приверженцем теории о «Унтерменше» (подчеловеке) был сам Гитлер, и ее проведение в жизнь он поручил гиммлеровским частям СС. Поэтому было немыслимо рассчитывать на проявление каких-нибудь сомнений со стороны членов Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), которые глубоко верили в идеологию. Идеология же эта находила практическое подтверждение в нищенских условиях жизни советской провинции, наблюдаемых германскими вооруженными силами ежедневно во время продвижения на Восток. Под влиянием идеологии, они ошибочно объясняли эти явления теистическими особенностями, но никак не искусственным обнищанием вызванным коллективизацией и массовым террором в конце тридцатых годов.

Среди немецких офицеров воевало немало людей, которые по происхождению принадлежали к балтийским немцам или у которых была более близкая связь с Россией в историческом смысле слова. Именно эти люди стали инициаторами замысла, предложенного членам Верховного немецкого командования, использовать существующий огромный потенциал антисоветских тенденций и советских пленных для практической цели. Речь шла о том, чтобы путем частичного самоуправления на т. наз. «Освобожденных территориях» граждане отдельных национальностей помогли победить Советский Союз. Если бы этот подход к разрешению проблем, с которыми немецкая армия не могла справиться, был осуществлен вовремя, то это существенным образом изменило бы ход войны. Однако, к такому решению проблем идеология Третьего Рейха относилась абсолютно

отрицательно и до осени 1944 года не удалось реализовать ничего, что могло бы повлиять на исход войны. Все ограничилось тем, что при молчаливом согласии представителей Верховного командования немецкой армии, создавались вспомогательные отряды, доходящие до батальонов, а советские пленные в немецкой форме участвовали в военных действиях на всех участках европейского фронта.

Инициаторы замысла ожидали, что среди тысячных масс пленных найдется человек, который окажется способным объединить все национальные группировки, проживающие в изгнании еще со времени Первой мировой войны, и включить всех их в общую акцию, вместе с советскими гражданами в немецком плену, многие из которых имели за собой активное коммунистическое прошлое. Но нужно было бороться не только с непониманием со стороны представителей Рейха, но и с антагонизмом зарубежных организаций.

Для того, чтобы найти подходящих людей среди советских пленных, в течение всего 1942 года, на Виктория-штрассе 10 в Берлине, постепенно создавался особый центр, находящийся в здании бывшего персидского посольства. Это была резиденция секретной организации «Винета», которая концентрировала все органы пропагандной войны против Советского Союза. Делалось это конспиративно, как и все информационные акции, но главным образом, чтобы вся эта акция была скрыта от Гестапо, от его «удлиненной руки» — органов СД и от организаций СС. Одним из тех, кто проявлял интерес к этой акции, был генерал-майор Рейнгард Гелен. Центр был подчинен Пропагандному отделу Верховного командования вооруженных сил Германии (ОКВ).

Первым пленным, который появился в берлинском Центре, был майор авиации Федоров. После него — начальник штаба армейского корпуса Головин. Затем появилась исключительная личность, комиссар армейского корпуса Мелентий Александрович Зыков, марксист до мозга костей, противник Сталина и еврей по происхождению. Именно он разработал

«Организационный проект для практической мобилизации русского народа против сталинского режима».

Особое внимание заслуживает также генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин. В июле 1941 года, во время хаотического отступления Красной Армии (далее КА), он был назначен командующим всеми вооруженными силами в районе Смоленска и получил приказ начать решительное контрнаступление против продвигающихся немцев. Несмотря на то, что ему угрожали полевым судом, в случае отступления, он вынужден был отступать до тех пор, пока 15-го октября, тяжело раненный, не попал в плен вместе с окруженными советскими частями близ Вязьмы. В тот же день ему в немецком полевом лазарете ампутировали правую ногу. Одна рука у него осталась навсегда покалеченной. Еще до войны Лукин был известен как «аполитичный» генерал и, может быть поэтому, он пережил предвоенные чистки в армии. В период выздоравливания в офицерском лагере для военнопленных в Циттен-хорсте, он начал открыто высказывать свои взгляды, как перед остальными советскими пленными, так и перед немецкими офицерами, которые его допрашивали. Особенно сильно он критиковал злоупотребления допускаемые властью в годы сталинского террора, а также насильственную коллективизацию сельского хозяйства. В такой же мере он, однако, отвергал и немецкую оккупацию, а когда узнал о поведении немцев на оккупированных ими землях, то вообще отказался от участия в Освободительном движении, несмотря на то, что ему была предложена руководящая роль. Его имя приводится в проекте постановлений Русского комитета^[4] в числе десяти генералов КА, большинство из которых впоследствии отказалось от сотрудничества с КОНР.

17-го сентября в Берлин был доставлен генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов,^[5] человек долго ожидаемый, имеющий собственные побуждения, собственные взгляды и высокие идеалы. Его сопровождал капитан немецкой армии Вильфрид Штрик-Штрикфельдт, по происхождению балтийский немец, который позднее прошел вместе с Власовым через все фазы создания

Добровольческой армии. Именем генерала Власова стало называться все Освободительное движение, однако, его личная доля участия в событиях Весны 1945 года в Чехии, главным образом в Праге, является второстепенной. Власов был, все-таки, исключительной личностью и его усилия при преодолении всех трудностей и в борьбе с непониманием фактического положения дел со стороны представителей германских органов, были настолько велики, что описать их в рамках этой книги невозможно.

А. А. Власов никогда не считал себя наймитом или перебежчиком, который служит иностранному государству. Будучи русским националистом, он ждал приказов только от Национального русского правительства и только лишь по приказу этого правительства, Власов считал себя вправе поднять оружие против советского строя.

Также следует упомянуть полковника Владимира Кояргкого, командира 41-й советской гвардейской дивизии, и генерала Георгия Николаевича Жиленкова.

Учреждением, имеющим решающее слово на занятых немецкой армией территориях, было Министерство оккупированных восточных стран. Однако, его влияние на события было минимальным, а сам министр Альфред Розенберг, считался лишь праздным идеологом без какого-либо партийного веса. Управление этими землями практически находилось в руках армии, а безопасность в тылу обеспечивалась органами СС, путем жестокого, непостижимого террора, обосновываемого идеологией.

Долгое время немцы пользовались Власовым только лишь в пропагандных целях. Для генерала и его группы, которая стремилась к активному участию в войне, это время было периодом тягостного ожидания. В то время неудачи на восточном фронте росли и соответственно с этим все больше было голосов, настаивающих на создании Добровольческой армии из советских пленных.

Первые переговоры состоялись лишь летом 1944 года. Инициатором новой акции был СС Хауптамт. Началась реорганизация дивизии СС Галиция, образовались

литовские и эстонские части СС, Туркестанская дивизия СС, Кавказские отряды и Казачий корпус под командой генерала Хельмута фон Паннвица.

Монолитная организация германских учреждений не была в состоянии приспособиться ко всем изменениям, вызванным затягивающейся войной. Германская политика с самого начала имела много недостатков, и люди, ежедневно получающие информацию о действительном положении дел на Востоке, начали высказывать свои критические замечания, часто в весьма резкой форме. К сожалению, они по личному опыту знали, как эти учреждения работают и как избегают всего того, что могло бы привести к конфликту с принципами НСДАП. С затягивающейся войной росло и количество людей, которых не удовлетворяло фактическое положение дел.

В конце 1943 года руководителем отдела СД, ответственного за получение информации из восточных территорий, стал майор СС Фридрих Бухардт. Он был балтийским немцем, говорил по-русски, имел опыт работы с советскими пленными и в управлении оккупированными территориями. При содействии своего начальника Отто Олендорфа, который был руководителем отдела внутреннего информационного бюро, он начал собирать вокруг себя людей, одних с ним убеждений, преимущественно из среды балтийских немцев. Эти люди не были военными по натуре и подходили к решению по-своему, иногда совсем не по-военному. Их целью было склонить на свою сторону кого-нибудь, кто имел доступ к верхушкам политических кругов.

Одновременно с этим, и начальник СС Генрих Гиммлер издал свои директивы, мотивированные такой же озабоченностью, но они были настолько далеки от фактического положения дел и их практического осуществления, что СС стали мишенью для открытой критики, преимущественно со стороны представителей Верховного командования вооруженных сил. В числе проектов Гиммлера было, например, введение буддизма в России, создание казачьих поселений на западных границах и прочее.

Более критически настроенные члены СС старались рассматривать все проблемы, главным образом на восточном фронте в целом. Их интересовали не только сами военные действия, но и проблемы военной экономики. Промышленное производство зависело от наличия рабочей силы из Восточной Европы, но ее производительность невозможно было удерживать или повышать лишь путем насилия. Зародилась идея, что для обеспечения лояльности сотен тысяч людей из Восточной Европы в немецкой форме нужно было им дать политическую целеустремленность. Эта идея формировалась на основании опыта: популярность генерала Власова среди пленных была огромной и летучки с его именем, сбрасываемые над частями КА, достигали цели, увеличивая число перебежчиков и пленных. (СС-Криг корреспондент Стандарте «Дитрих Экхарт»).

Однако, прежде чем чинам СД удалось наладить контакт с кем-нибудь из руководителей, произошло непредвиденное обстоятельство связанное с именем полковника СС Гюнтера д'Алькена, который был сначала командиром специальной воинской части, включающей в свой состав корреспондентов и фотографов. Позднее, этой части было поручено вести пропаганду непосредственно на фронте, как в своей армии, так и в частях противника. С этой целью к нему были откомандированы люди принадлежавшие к различным национальностям. Д'Алькен пользовался неограниченным доверием Гимmlера и вот именно д'Алькен и его информации привели Гимmlера к решению создать Русскую армию. Гимmlер его никогда не считал мечтателем, как многие другие.

По донесениям Гестапо и по решению самого Адольфа Гитлера, генерал Власов считался, однако, нежелательным лицом. В июне 1943 года Гитлер дал прямой приказ немецкой армии, запрещающий сотрудничать с генералом Власовым и его Освободительным движением. Поэтому Гимmlер старался вместо генерала Власова найти кого-либо другого среди русских. Сначала выбор остановился на Зыкове и Жиленкове, но Зыков, подозреваемый в

еврейском происхождении, и марксизме, был устранен окончательно, а Жиленков никогда не стал так популярен, как генерал Власов.

Наконец, Гиммлер, подробно рассмотрев все доводы, приведенные д'Алькеном, а также под впечатлением начавшегося наступления КА, решился поддержать формирование Освободительного движения во главе с генералом Власовым, независимо от предшествующих директив Гитлера.

Первая встреча Гиммлера с Власовым должна была состояться 21-го июля, но за день до встречи, 20-го июля, было совершено неудачное покушение на Гитлера. Гиммлер сразу же занялся чисткой среди генеральского и офицерского высшего состава, и поэтому телеграммой сообщил генералу Власову, что свидание откладывается на неопределенное время.

Встреча состоялась лишь 16-го сентября. Гиммлер начал переговоры следующими словами: «...Должен честно признаться, я глубоко сожалею, что эта встреча произошла только теперь».^[6] Поражения на восточном фронте способствовали тому, что, наконец, они стояли друг перед другом: «Унтерменш» — бывший русский генерал, один из тех, кто разбил германскую армию под Москвой, и самый первый и ярый пропагандист теории о второстепенных народах, (который в то время, впрочем, уже начинал сомневаться в победе немцев). Главной темой разговора было обсуждение, каким путем в качестве равноценных партнеров достигнуть свержения сталинского строя.

С согласия Гитлера, выраженного весьма неохотно, А. А. Власов был назначен главнокомандующим Добровольческих частей в чине генерала. Ему были предоставлены полномочия по формированию двух дивизий, и дано обещание на создание дальнейших в будущем. Генерал Власов ожидал большего. Его интересы носили преимущественно политический характер, а его целью было создание независимой, свободной России. Он предложил Гиммлеру реорганизацию всей Восточной

Европы, создание новых географических государственных единиц, из которых только некоторые стали бы составной частью Нового строя, как нацистская идеология называла новый политический порядок в Европе. Для этой цели наличие лишь двух дивизий было недостаточно. Но это было долгожданное начало. Генерал Власов надеялся на будущее осуществление военно-политической силы на Востоке, после победоносного завершения войны. В какой именно мере его представления о новом порядке в Европе были действительно связаны с Новым строем, остается под вопросом. При наличии потенциала, который был бы ему подчинен, он не должен был бы безоговорочно принимать приказания немцев. Согласно свидетельствам участников, именно так представляли себе дальнейшее развитие событий и некоторые немцы.

Затем последовало соглашение о создании политического центра, в действительности же, речь шла о правительстве с политической программой, которому подчинялась бы вновь организованная Освободительная армия. Генерал Власов к тому времени уже разработал программу и намеревался это временное правительство назвать Комитетом.

Тем временем Гиммлер стал командующим Резервных дивизий и его претензии росли соответственно тому, как Гитлер отдалялся от реального мира. Однако, претензии и проекты великодержавного характера всегда находятся в зависимости от возможностей, необходимых для их реализации. К концу 1944 года этих возможностей у Третьего Рейха было не так уж много. Командиры всех участков фронта требовали прислать новые дивизии, которых просто не было. Гиммлер ломал себе голову над созданием европейских частей СС и предложение генерала Власова о формировании новой армии приветствовалось, хоть и произошло это с двухлетним опозданием.

Гиммлер, впрочем, продолжал жить в сфере расовых иллюзий и поэтому, вместо армии, дал согласие на формирование лишь двух дивизий.

II

**Комитет Освобождения
Народов России — КОНР**

Создание Комитета Освобождения Народов России — КОНР — и образование Русской Освободительной Армии — РОА — было провозглашено на конференции разных группировок из оккупированных территорий Советского Союза, 14-го ноября 1944 года, в Праге.^[7] Подготовка этой конференции началась сразу же после встречи Власова с Гиммлером. Сначала велись обсуждения относительно выбора места. Первым был предложен город Дабендроф,^[8] где тогда находился ограниченный штаб генерала Власова, затем город Потсдам, но немцы считали его неподходящим для переговоров с русскими. Подыскивалось место и на территории тогдашней оккупированной Польши и, в конце концов, выбор пал на Прагу, главным образом, из-за старинного славянского замка, — как пишет в своих воспоминаниях д-р Курц... (Генрих Курц Пропаганда-министерium, Абтейлунг Ост, II Политик), которому была поручена организация конференции. Власов также настаивал на том, чтобы конференция происходила на славянской земле и сам лично предложил Прагу. Германский государственный министр Карл Герман Франк протестовал против этого, т. к. опасался роста панславистского чувства среди чехов. Позднее, однако, он выразил желание помочь в меру своих полномочий и возможностей, несмотря на то, что ни к русским, ни к Освободительному Движению он никогда не питал полного доверия.

Подготовка конференции в самой Праге началась приблизительно за месяц до ее открытия и осуществлялась органами СС, которые составили протокол, выбрали делегатов и приняли меры по расквартированию, транспорту и обеспечению безопасности. Это была рутинная работа, но в военных условиях, конечно, не столь уж легкая. То обстоятельство, что органы СС принимали такое большое участие во всех подготовительных мероприятиях, может теперь показаться, что конференция, в сущности, не являлась делом Власова или, что его роль в этом деле была лишь второстепенной. Необходимо, однако, учесть, что в то время Власов и его движение не были официально

признаны, а правомочность его де-юре вошла в силу лишь с момента опубликования Манифеста 14-го ноября. До этого времени у Власова не было даже административного аппарата, который мог бы осуществить организацию конференции. Далее, необходимо указать, что под выбором делегатов подразумевался выбор официальных немецких представителей правительства и гостей. Выбор же русских делегатов и участников конференции был результатом совещаний в штабе Власова в Дабендорфе. Органы СС в эти совещания не вмешивались и можно предполагать, что против избранных демократическим путем русских делегатов и делегатов других национальностей со стороны немецких органов не было возражений. Избранные участники конференции являлись представителями всех существующих тогда политических и социальных группировок, которые включились в Освободительное Движение Народов России.

Соглашение Власова с Гиммлером вызвало, однако, споры между старыми эмигрантскими группировками. Реакция была различная: начиная с полного принятия и кончая полным отрицанием. Причиной расхождения не было соглашательство с органами СС. Многие эмигрантские группировки уже давно сотрудничали с органами СС или же являлись их составной частью. Но Власов был русским человеком и националистом и, вследствие этого, по мнению некоторых представителей нерусских группировок он являлся более опасным врагом, чем сам Сталин. По подсчетам немецкого генерала Эрнста Кестринга,^[9] на службе у немцев в то время находилось в военных и вспомогательных частях от 900.000 до 1.000.000 людей ненемецкого происхождения, из этого числа, в русских подразделениях находилось около 400.000. Гиммлер испугался, узнав о такой численности, и не хотел этому верить. По его мнению, такого количества было достаточно, чтобы составить две полные армейские группы. Он с ужасом сознавал, что на формирование Русской Освободительной Армии он сам дал прямое согласие и, тем самым, способствовал созданию такого положения, когда на судьбу Третьего Рейха начал

оказывать влияние кто-то, кому в немецкой идеологии не было места. Ввиду того, что его решение было самостоятельным, без приказа согласия со стороны Гитлера в тех масштабах, в каких Гиммлер их осуществлял, тогда как Верховное командование (ОКВ) стояло на стороне Гитлера, он фактически оказался в положении конспиратора!

К тому времени в Дабендорфе, из первоначального штаба генерала Власова образовался «Комитет Освобождения Народов России», который приступил к объединению различных национальных комитетов в единый Центральный комитет.

В октябре, в Министерстве восточных территорий в Берлине встретились представители различных национальных группировок, которые не желали подчиниться генералу Власову. Наибольшее сопротивление выражали представители кавказских народов и украинцы. Министр восточных территорий Альфред Розенберг, в течение долгих лет пренебрегаемый и игнорируемый органами СС, у которого в то время уже почти никаких восточных территорий в распоряжении не оставалось, мог теперь отыграться, и поэтому все жалобы охотно предъявлял маршалу Кейтлю и Мартину Борману, а те, в свою очередь должны были их передать Гитлеру. Только разумная позиция генерала Власова, который согласен был вести переговоры, но лишь после окончания войны, сохранила Освободительное Движение.

В этой атмосфере, полной интриг и непонимания со стороны немцев, генерал Власов разрабатывал Декларацию целей и программу, которая должна была быть провозглашена в Праге. Первоначальный текст декларации был столь же точно определен и ясен, как и сама личность Власова. Слова Манифеста предназначались не только народам Востока, но и нынешнему союзнику. Они должны были стать политическим манифестом, оповещающим Западный мир о создании нового политического государства. Поняли ли эту новую действительность западные союзники?

Почти нет никаких сомнений, что они ее не поняли. Свидетельством этому является поведение представителей американского и английского верховного командного состава в то время, когда Армия генерала Власова и остальные добровольческие отряды сдались им в плен.

Неизвестно также, вообще, был ли известен на Западе первоначальный текст этого Манифеста?

Первоначальный текст Манифеста провозглашал полную независимость от гитлеровского строя и размежевание с эмигрантами-монархистами. Текст содержал 14 пунктов и его можно назвать «прогрессивно-демократическим». Главной целью было свержение сталинской диктатуры и предоставление России новой конституции.^[10]

Государство Новой России должно было иметь границы, бывшие на 1-ое сентября 1939 года и не предъявлять никаких территориальных претензий по отношению к Польше, Балтийским странам и Финляндии. Уже сам этот факт свидетельствует о том, что в будущем Власов намерен был соблюдать национальные интересы украинцев, а договор о совместных действиях с руководителем Украинского национального комитета, генералом Павло Шандруком, этот факт подтверждает.^[11] Аналогичный договор был заключен с представителями казачьего движения.

Первоначальный текст, конечно, был отвергнут Гиммлером. Когда же ген. Власов, по настоянию своих сотрудников, согласился внести в него несколько идеологически-шаблонных выражений из гиммлеровского словаря, Манифест был одобрен и на пути к осуществлению конференции в Праге уже не было никаких преград.

В действительности же, первое заседание КОНР при участии всех его членов, состоялось 12-го ноября в Дабендорфе, и именно там был установлен окончательный текст Манифеста, Устав КОНР, избраны члены Президиума и председатель Комитета — генерал Власов. Некоторые русские историки в эмиграции считают именно

эту дату днем основания КОНР. т. к. заседание, состоявшееся 14-го ноября в Праге, не носило рабочий, а только лишь церемониальный характер, с заранее установленной программой.^[12]

Официальное признание генерала Власова и его Движения вызвало всеобщий широкий отклик. Для национальных групп, воевавших на всех участках европейского фронта, оно явилось моральным признанием, перспективой на более гуманное обращение с пленными советской армии, а для всех остальных «восточных рабочих», на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве Третьего Рейха, было признанием их заслуг.

Германский полковник Хейнц Данко Херре,^[13] начальник штаба по делам организации РОА, вспоминает о своем путешествии в специальном скором поезде из Берлина 13 ноября 1944 г.: во всем поезде преобладали формы СС. Все хотели принять участие в крупном событии предстоящего дня в Праге. Полковник Херре с горечью вспоминал два истекших года, когда те же люди в большинстве были заядлыми противниками идеи, которую на следующий день должны были с энтузиазмом реализовать. С каким пренебрежением еще совсем так недавно они отзывались о русских!

Кроме знаков СС и Армии, на форменном рукаве некоторых пассажиров был знак с синим Святоандреевским Крестом на белом поле, а в верхней части знака — золотые буквы РОА — Русская Освободительная Армия.^[14] Это были те, которые начинали вместе с генералом Власовым, прошли лагеря военнопленных, прожили годы долгого ожидания и многих отказов. И, теперь, на исходе 1944 года, они должны стать союзниками в борьбе против Сталина. Штатских среди них было мало. Выла война и военная форма преобладала.

Специальный скорый поезд прибыл на пражский Главный вокзал 14 ноября, в 5.00 часов и часов до семи находился на особо отведенном пути. Около семи часов

генерал Власов покинул поезд, прошел через вокзал, где его приветствовал немецкий генерал Рудольф фон Туссен, [15] произвел смотр почетного караула и, около 10 часов прибыл в отель Алькрон, отведенный для него и остальных гостей. Генерал Власов занял комнаты на первом этаже. Для обеспечения безопасности гостей, в отеле находились части СС. Эсесовцы давали понять, что это их акция. В фойе отеля было полно репортеров и любопытных.

Но на первом этаже царила тишина. Генерал Власов и его сподвижники сидели молча в одной из комнат. Когда вошел полковник Хейнц Херре, генерал Власов, без очков, приветствовал его без слов, а потом сказал: «Андрей Федорович, вот хорошо, что и вы тут сегодня. Но не поздно ли?». Полковник Херре ответил: «Если есть вообще еще какая-нибудь надежда, то это сегодня». Затем Власов принял генерала Кестринга, с которым встретился впервые. Генерал Кестринг исполнял должность Инспектора добровольческих формирований и, тем самым, находился между Власовым и его противниками, но сам лично ничего предпринять не мог. Преклонный возраст и большой опыт ему подсказывали, что все эти усилия были уже напрасными, и именно так он высказывался уже давно. Поэтому, встреча двух генералов носила чисто формальный характер.

Незадолго до одиннадцати часов, через Прагу проехала длинная вереница автомашин и медленно поднялась по Нерудовой улице к Чернинскому дворцу. Это Карл Герман Франк [16] устраивал в своей резиденции завтрак для генерала Власова и его ближайшего окружения.

Большинство делегатов, между тем, собралось в клубе Агентства печати. Представители многочисленной группы «Остовцев» (остарбайтеров) и ненемецких воинских частей, которые в течение долгих лет подвергались грубому обращению и привыкшие к однообразной лагерной жизни, чувствовали теперь себя необычно в роли почетных гостей. Всего, в Прагу прибыло около 600 таких делегатов.

Открытие самой Конференции должно было состояться в 15.00 часов в Рудольфовой галерее Пражского замка. В тот день караул замка несло войсковое подразделение РОА, а проверку пригласительных билетов производили части безопасности Армии Власова. Развевался ли над Пражским замком Андреевский флаг рядом с германским флагом — этого мне не удалось установить. Происходил, ведь, акт государственной важности! При входе в замок, генерал Власов произвел смотр немецкого почетного караула. Фотоснимки этого смотра были тогда помещены в местной и немецкой печати.

В Рудольфову галерею прибывали делегаты германских учреждений, представители союзников Третьего Рейха, несколько дипломатических представителей нейтральных стран, высшие офицеры армии и СС, представители правительства Протектората Чехии и Моравии, русские делегаты и журналисты.

Когда внутренний двор замка постепенно опустел и делегаты вошли в замок, подъехал на машине полковник Херре. Во дворе одиноко стоял седой человек с черной шляпой в руке, который как будто-бы кого-то ожидал. Это был советник посольства Густав Хилгер, бывший торговый атташе в Москве, в последние годы член Русского Отдела при Министерстве иностранных дел и советник по вопросам, связанных с Власовым, к которому он относился положительно. Когда полковник Херре подошел к Хилгеру, тот обратился к нему по-русски со следующими словами: «Андрей Федорович, если бы сегодняшние обстоятельства произошли два года тому назад, у нас не было бы сейчас никаких забот»..^[17]

Советник Хилгер, несомненно, выражал мысли большинства участников конференции, а сама конференция, несмотря на всю церемониальную пампу и множество огней в Рудольфовой галерее, не могла разогнать мрачного настроения.

Генерал Власов вошел в зал в сопровождении Карла Германа Франка и генерала СС Вернера Лоренца,

представителя Третьего Рейха. Все присутствовавшие встали. В первом ряду заняли места генерал СС фон Туссен, генерал Лоренц, генерал Власов и К. Г. Франк.

Конференцию открыл К. Г. Франк. Он приветствовал русскую делегацию от имени Гитлера и Гимmlера как нового союзника Рейха. Полковник Херре вспоминает, что в его словах явно отсутствовала сердечность и убежденность. После него с приветственной речью выступил генерал Лоренц, но он часто запинался и, таким образом обе речи показались мало убедительными. Конференция получила поздравительные телеграммы от Гимmlера, Риббентропа и нескольких немецких генералов, но Гитлер молчал.

Затем начались выборы делегатов Комитета. На присутствовавших немцев эта демократическая церемония произвела непривычное впечатление. За годы нацистской диктатуры они отвыкли проводить выборы путем публичного голосования. Всего было избрано 49 членов Комитета, который с этого момента стал правительством в изгнании. После этого, члены Комитета заняли места за длинным столом Президиума. Посередине сел генерал Власов, по обе стороны генералы Жиленков, Малышкин и Трухин, и остальные члены Комитета. ^[18]

Заседание Комитета открыл генерал Власов. После него выступил генерал Трухин. Затем последовали выборы Исполнительного комитета, после чего слово снова взял генерал Власов. Торжественным голосом он медленно произнес слова Манифеста.

Соотечественники! Братья и Сестры!

В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем.

Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и

эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней своё счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей вили.

Силы разрушения и порабощения прикрывают свои преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они понимают завоевание чужих земель. Под защитой демократии они понимают насильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войны народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель её — ещё больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всём мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революцию 1917 г. народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решившиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошёл за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, — что эта партия, захватив власть, завоёванную народом, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоеванные им права, ввергла его в постоянную нужду, бесправие и самую бесовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов право на социальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народа свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свободу местожительства и передвижения, свободу промыслов и возможность каждому человеку занять своё место в обществе сообразно со своими способностями. Они заменили эти свободы террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоеванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в

бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и наиболее угнетённых.

Большевики отняли у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насильем, террором и подкупам сделать её оружием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Всё это прикрывается ложью о демократизме сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна страна в мире не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остаётся при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ — её бесправным, обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевизму удалось хотя временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоившая бесчисленных жертв. Большевизм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению. Поэтому усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и не допускающего присвоения

результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством.

Исходя из этого, представители народов России, в полном сознании своей ответственности перед своими народами, перед историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет Освобождения Народов России.

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;

б) Прекращение войны и заключение почётного мира с Германией;

в) Создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров.

В основу государственности народов России Комитет кладёт следующие главные принципы:

1. Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

Ликвидация принудительного труда и обеспечение всем трудящимся действительного права на свободный труд, созидающий их материальное благосостояние;

установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того.

вёл ли он её по убеждению или вынужденно.

Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния — городов, сёл, фабрик и заводов за счёт государства.

Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет Освобождения Народов России уверен, что объединённые усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость-

Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, большего чем в революции 1917 года;

б) наличием растущих и организуемых вооружённых сил — Русской Освободительной Армии, Украинского Вызвольного Войска, Казачьих войск и национальных частей;

в) наличием антибольшевистских вооружённых сил в советском тылу;

г) наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет Освобождения Народов России главное условие победы над большевизмом видит в объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче свержения власти большевиков. Поэтому Комитет Освобождения Народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооружённую борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших своё мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер, томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск!

Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая цель. Общими должны быть наши усилия. Только единство всех вооружённых антибольшевистских сил народов России приведет к победе. Не выпускайте полученного оружия из рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов — большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. Освободите их!

Соотечественники, братья и сестры, находящиеся в Европе!

Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной армии!

Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и бесправие.

Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!

Выступление ген. Власова не раз прерывалось аплодисментами. В заключительной части Манифеста находились призывы к борьбе против сталинской диктатуры. Но во всем тексте не было ни единого слова о Гитлере и о национал-социализме. Манифест ясно гласил, что он преследует свои собственные политические цели. В этом отношении, он радикальным образом отличался от выступлений иных сотрудников Рейха на оккупированных территориях, которые свои цели отождествляли с интересами Третьего Рейха.

После выборов Комитета, заседание велось на русском языке. Немецкий перевод Манифеста и выступлений был роздан лишь после окончания конференции. Трудно сказать, было ли это преднамеренно, или произошло по недоразумению. Капитан Штрик-Штрикфельдт вспоминает, что немецкие участники конференции просили, чтобы он им переводил ход конференции, и, главное текст Манифеста, но он отказался. Учитывая нежелание К. Г. Франка, чтобы конференция вообще происходила в Праге, а также еще совсем недавно принципиальное сопротивление Власову со стороны почти всех высокопоставленных лиц, станет ясным, что капитан Штрик-Штрикфельдт хотел воспрепятствовать возникновению негативных реакций.

Заседание продолжалось час и пятьдесят минут. Оно подтвердило, уже известный факт, что Добровольческие части давно существуют и хорошо себя зарекомендовали в бою. Этот государственный акт лишь признавал их как нового союзника и с немецкой стороны было дано разрешение на то, чтобы существующие части были соединены в одну самостоятельную армию.

Во время заседания было допущено и несколько бестактностей, но под впечатлением торжественного настроения, которое царило преимущественно среди русских, они были легко прощены. Заседание закончил генерал Власов, который выражая благодарность Франку

за его гостеприимство, в заключение сказал: «Выражаем благодарность также правительству Чехии и Моравии и господину президенту, черт, я забыл его имя»....^[19]

После окончания конференции Франк устроил в Чернинском дворце банкет в честь 50-ти главных ее участников. Остальные делегаты были развезены на автобусах по трем отелям. Для них был устроен ужин в Киноклубе, который находился напротив отеля Алькрон. Кроме ужина была и увеселительная программа, в которой выступил ряд известных немецких киноартистов и певцов,^[20] а также русская эмигрантская труппа из Праги.

В 22 час. 30 мин. в Киноклуб пришел Власов в сопровождении нескольких сотрудников. Его мгновенно окружили поздравители и любопытные. Из пленного генерала, которым еще до недавнего времени пользовались, вернее, которым злоупотребляли, лишь в пропагандных целях, в течение одночасового акта он стал Главой Правительства и Главнокомандующим.

На следующий день, 15-го ноября 1944 г., в 10.00 часов, специальный поезд Власова покинул Прагу. Блеск и успех одного дня не могли изменить ощущения, что время работает против его намерений. Власов уезжал из Праги с тягостным сознанием этой действительности. Правда, ему удалось найти путь к сотрудничеству с представителями национальных и политических группировок — в составе Исполнительного комитета были казаки, украинцы, представители политических групп с левой ориентацией, — правда, сам он, считал Комитет лишь временным орудием борьбы и не верил в его долгое существование. Но, все-таки, в ноябре 1944 года положение дел еще не было столь безнадежным. В окружении генерала Власова считали, что развал всех немецких фронтов произойдет осенью следующего года. Таким образом, у них был почти год для организации армии и сохранения ее для будущего. И Власов, и его окружение, верили, что единственным фактором, который может оказать влияние на будущее, является национальная русская армия.^[21] На это они хотели направить все свои

устремления ближайших месяцев, и с этой целью генерал Власов ехал в Берлин, где 18-го ноября выступил с речью на собрании делегатов от рабочих и военнопленных лагерей. Там он снова подчеркнул значение идеи борьбы за независимую Россию, освобожденную от советского гнета. В Берлине он также встретился с представителями православной церкви за рубежом, и получил от них благословение.

После провозглашения Пражского Манифеста, популярность генерала Власова возросла не только в русских кругах, но и среди других национальных групп, которых объединял лишь их антикоммунизм.

С предложением войти в подчинение генералу Власову прибыл тайный посол от сербского премьер-министра генерала Петра Недича. Прибыли представители хорватских частей. Сербского корпуса безопасности Раевского и даже посол от Дражи Михайловича. Все о них знали о русских добровольческих частях в Югославии.^[22] Прибыли также венгерские представители, (которые в качестве добровольцев воевали на стороне немцев до самого конца войны). Даже балтийские народы готовы были принять политическую программу генерала Власова. Контакт с чехами можно отнести уже к началу 1944-го года, когда Зыков и другие сотрудники ген. Власова установили связи с бывшими членами чехословацкого генерального штаба. Этот контакт длился до конца войны и в значительной мере способствовал участию 1-й Дивизии в Пражском восстании. В начале, однако, эти контакты не носили ярко выраженного антинемецкого характера. Все усилия были направлены на привлечение как можно большего количества приверженцев нового политического движения — Европейского содружества народов. Эта организация была принята и людьми из окружения Власова. Абвер о росте этого движения знал, но пока что не особенно нарушал ход его дел. Согласно его сообщениям, окружение Власова имело в Праге контакт, помимо других, также с остатком организации Машина. Из-за невозможности доступа к чешским

архивам, следует ограничиться лишь этим общим констатированием фактов.

Также обстояло дело и с целым рядом национальных движений в Югославии. Руководители профсоюзных движений, кроме Тито, и правительства-сателлиты в Сербии, Хорватии, а также военные круги в Словакии, открыто стояли на стороне Власова. Для народов Югославии, разобщенных вследствие гражданской войны, это движение являлось новым объединительным элементом.

Власов не очень-то был склонен вести переговоры с правительствами на оккупированных землях, у которых не было своих армий и ясно выраженных антикоммунистических целей. Известно, что на попытки завязать с ним такие отношения, он всегда спрашивал эмиссара о вооруженных силах их правительств.

Единственным человеком, который выражал протесты против постановлений КОНР, был посол японской империи в Берлине генерал барон Хироши Ошима. В то время Япония для видимости сохраняла дружественные отношения с Советским Союзом и ее внешняя политика не была склонна к изменениям, которые могли бы произойти в Советском Союзе в случае установления какого-либо иного правительства. Посол Ошима, таким образом, представлял в Берлине интересы Советского Союза и, кроме того, имел большое влияние на Гитлера. Всякий раз, как только в ходе войны казалось, что идея Освободительного движения будет осуществлена, Ошима выражал Гитлеру свой протест и деятельность в этом направлении по приказу фюрера замедлялась.^[23]

Д-р Крегер пытался внедрить Освободительное движение ген. Власова и вне территории Германии. В качестве первого шага дипломатической деятельности нового союзника был выбран путь в столицу Словацкого государства Братиславу, которое с осени 1944 года, вследствие неудачной попытки произвести восстание, находилось под германским контролем. Деятельность ген. Жиленкова, который прибыл в Братиславу с

дипломатической миссией и для установления Представительства КОНР в этом городе, была настолько обширной, что ей была посвящена отдельная глава.

В Братиславе предполагался также созыв в феврале 1945-го года панславитского конгресса, на котором должен был председательствовать ген. Власов. Однако, военное положение на всех участках фронта настолько ухудшилось, что на февраль 1945-го года планировалась эвакуация русских людей из Словакии. При таком положении, конечно, проведение конгресса было бы неподходящим. Отмена этого конгресса была вызвана именно этим положением, а не, как иногда утверждается, вследствие несоответствующего поведения ген. Жиленкова и распространения панславитских идей. Необходимо подчеркнуть, что в 1945-м году эти идеи уже не преследовались со стороны немцев; как раз наоборот, на многих местах они считались подходящим противовесом лозунгам, распространяемым советской пропагандой, если они исходили из антикоммунистических кругов.

РЕАКЦИЯ ЧЕШСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ПРОТЕКТОРАТНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ МАНИФЕСТА [\[24\]](#)

Провозглашение Манифеста, состоявшееся 14 ноября 1944 года в Пражском замке, было большой неожиданностью как для пражского правительства, так и для чешского населения, потому что германские учреждения никого не информировали о предстоящем государственном акте.

В русских и украинских эмигрантских кругах [\[25\]](#) знали о «случае с Власовым» уже с 1943 года, но лишь по отрывочным сообщениям и на основании устной передачи. Это было в то время, когда на восточном фронте начали образовываться добровольческие отряды по национальностям, и РОА тогда была лишь частью этих формирований. Наличие национальных отрядов оживленно обсуждалось в эмигрантских кругах Протектората. С марта 1944 года в этих кругах стал шириться лозунг: «Против Гитлера и Сталина — е немцами против большевизма». Образование добровольческих отрядов считалось предзнаменованием того, что немцы наконец-то поняли, что теория и методы национал-социализма в борьбе против большевизма потерпели крах. Автором вышеприведенного лозунга считался генерал Власов, но этого не удалось установить и СД предполагало, что лозунг возник где-то в Берлине. Еще весной 1944 года в эмигрантских кругах ожидалось, что одновременно с армией будет установлено правительство или комитет, который возьмет на себя задание бороться против правительства в Москве, объединит отдельные русские группы в эмиграции и мобилизует на борьбу всех русских людей.

Немцы считали такие взгляды противонемецкими, вернее, направленными против официальной идеологии. Слухи эти в общем соответствовали взглядам, которые как было известно СД, в то время господствовали в окружении ген. Власова. Несомненно, все это способствовало противодействию Освободительному движению, а не его поддержке.

О встрече ген. Власова с Гиммлером, состоявшейся 16-го сентября, германская печать сообщила лишь 30-го сентября 1944 г.^[26] В чешских кругах эти сообщения не вызвали большого интереса. Считалось невозможным, чтобы добровольческие части могли повлиять на ход войны. Среди русских и украинских эмигрантов преобладало мнение, что они слишком долго живут вне пределов России; первое эмигрантское поколение считало себя слишком старым для активной борьбы, а молодое поколение, в большинстве, было настроено антинемецки.

Представители украинской эмиграции были решительно против какого-либо сотрудничества с Власовым и считали такой союз вредным для интересов свободной Украины. Среди русской эмиграции вообще считалось, что немцы наконец-то покончили с неуспешной политикой на Востоке. Однако, эмигранты не ожидали, что ген. Власов будет пользоваться успехом среди военнопленных Красной Армии. Наибольший интерес к новой акции проявили члены НТС (Национально-трудовой союз), которые 28-го октября послали из Праги в Берлин двух представителей с поручением, узнать о дальнейшем непосредственно от самого генерала Власова. В Берлине их встретил ген. Малышкин, который им дал прочесть проект текста Манифеста, но не разрешил взять с собой копию. Он только сообщил им, что в кратчайший срок Манифест будет торжественно обнародован, но не сказал, что это состоится в Праге.

2-го ноября 1944 г. в Праге происходило заседание Чешского национального просветительного общества, тема заседания: «Власов». Выступавший на этом собрании докладчик, имя которого в документе не приводится, говорил о славянских симпатиях к русским и о своем

шестнадцатилетнем опыте, приобретенном в России. Он же сказал, что Власов от имени русского народа заключил мир с Гитлером и получил от него «свободу действий». Он рассчитывал, что будет сформирована пятимиллионная армия из пленных, а также произойдет мобилизация шестнадцати миллионов русских беженцев. Как он говорил, как будто это уже осуществилось, говорил об армиях действующих непосредственно в Советском Союзе, в Западной Сибири, на Кавказе и у Брянска. Его выступление, будто бы, произвело на слушателей большое впечатление. Среди них находились также ведущие представители чешских культурных организаций.

Выступления на этом собрании были органами СД подытожены так, что в Протекторате можно ожидать расширение панславитских тенденции и что, якобы, «не должно идти вразрез с немецкими интересами». В последнее время стали даже проявляться большевистские тенденции. В кругах коммунистически настроенной чешской интеллигенции преобладало убеждение, что западный либерализм находится в стадии отступления и что для чехов наступает время социализма, который сформируется в двух формах: германской и славянской. Для чешской интеллигенции более приемлемой будет форма славянского социализма, дающая чехам возможность избежать большевизма.

Рапорт датирован 10-ым ноября и это совершенно определенно показывает, что общественность еще не была осведомлена ни о способе, ни о времени провозглашения Манифеста. Печать и радиовещание коротко сообщили об этом только лишь 14-го ноября вечером.

Ввиду того, что чешское население об Освободительном движении генерала Власова почти ничего не знало, реакция на провозглашение Манифеста была разная и, в большинстве случаев, свидетельствовала о полной неинформированности. Более того, чешские корреспонденты приглашенные в Пражский замок непосредственно перед началом конференции, ничего не знали о предстоящем событии. В одинаковой мере, не была подготовлена и исполняющая службу полиция.

Именно с учетом всех этих фактов следует анализировать реакцию чешского населения.

Отрицательно настроенные люди утверждали, что это лишь русское дело, и оно чехов не касается: что Германия нуждается в солдатах и что Власова к этой акции принудили; что это только лишь немецкий пропагандный блеф. Даже Общество национальной солидарности отнеслось к этому событию отчасти отрицательно. К неприятию также прибавлялось и недоверие. Генерал Власов сравнивался с генералом Гайдой и назывался авантюристом. Некоторые сомневались в его искренности и указывали на противоречие между его коммунистическим прошлым и настоящим заявлением. По донесению тайного агента, некто в гор. Брно сказал: «Власов продан немцам и поэтому вместе с Германией разделит ее судьбу».

Тот факт, что местом торжественного акта стал Пражский замок, некоторые чехи считали провокацией. Донесения органов СД указывают на пробенешовские и коммунистические элементы, как на источник этих настроений. Центр русских эмигрантов в Праге получил два угрожающих письма: отправитель первого выдавал себя за нелегальный Национальный комитет в Праге, а в другом говорится, что в результате посещения ген. Власовым Праги, был осквернен Замок чешских королей и что все движение является большим несчастьем для русского народа. Автор письма признается, что он, собственно, не знает в чем дело, но считает, что Движение является актом международной подлости и что будет пролито много русской крови, а Власова нужно считать врагом чешского народа и поэтому каждый, кто ему окажет помощь, должен быть строго наказан.

Люди, согласные с замыслом, видели в нем преимущественно возможность отвести большевистскую угрозу, от территории Чехословакии, которую потом освободят англо-американцы. Прогерманские же круги говорили, что «Германия кое-чему научилась и теперь применяет дипломатические методы». Чешские коллаборационисты в Праге приветствовали акцию,

благодаря которой Прага становилась естественной точкой соприкосновения германо-славянского элементов. С удовлетворением было принято, что Франк перестал говорить о Праге как о «немецкой Праге», а стал называть ее культурным центром европейского масштаба. В городе Оломоуц, бывший чешский капитан сказал: «Если бы я был Франком, то я бы дал возможность Власову говорить по-чешски на Вацлавской площади, чтобы чехи, наконец, услышали из уст высокопоставленного большевика, как дело обстоит в братской России».

Положительный отклик акция имела среди чешских фашистов, народных демократов и у «Кураториума» (куратора) по делам воспитания молодежи. Ожидалось даже, что бывший легионерский генерал и фашист Гайда снова себя проявит. Генерал Гайда лично придавал всей акции большое значение, но держался в стороне. Борьба против большевизма вдохновляла и некоторых чехов вступать в РОА добровольцами, пока что по одному, они приходили в Центр НТС в Праге.

Мнения о перспективах Движения ген. Власова были разнородные так же, как и первая реакция на провозглашение Манифеста. Бывший чешский генерал заявил: «Почему Германия не дала возможности русскому народу воевать на освобожденных территориях? Теперь же, когда Германия должна была отступить из России, она хочет, чтобы Россия освободилась сама?».

Выражались сомнения и на счет лояльности Власова по отношению Германии, и, в одинаковой мере, верности Германии к данным ею обещаниям. Многие рассчитывали на то, что Власов став в будущем правителем России, будет содействовать тому, чтобы дипломатическим путем добиться широкой автономии для братского чешского народа, или даже самостоятельности. (В оригинале рапорта это место подчеркнуто, а также и следующие сведения). Независимо от отношения чехов к Освободительному движению и к Власову, все они боялись, что ныне возникла опасность быть — вопреки обещаниям Гитлера — призванными на активную борьбу с большевизмом. Тесно связано с этим было мнение, что

акция ген. Власова, хотя и может отдалить опасность большевизма от границ Протектората, но успех Власова будет успехом немцев, а это будет означать сохранение настоящего положения, т. е.

зависимости Чехии от Германской империи.

Если мнения населения, так как они зарегистрированы в рапортах СД, спустя столько лет могут показаться наивными, то и информированность и мнения правительственных кругов Протектората не были иными.

О предстоящем государственном акте в Пражском замке шпего, кроме доцента д-ра Климента, председателя Верховного административного суда, не знал. Судя по данным СД, д-р Климент каким-то образом был включен в «акцию Власов», но никаких более точных сведений о его деятельности, в настоящее время нет. Протекторатное правительство участвовало в акте провозглашения Манифеста только в качестве гостя, приглашенного на торжество в последнюю минуту, и никто из его членов не произнес от его имени речи. Члены правительства, однако, были приглашены на прием в Чернинском дворце, заседали в Рудольфовой галерее, а затем были вечером у Франка, но в течение всего этого времени держали себя настолько сдержанно, что это всем бросалось в глаза. Причиной такого поведения, несомненно, было то, что организаторы конференции практически игнорировали протекторатное правительство. В составе правительства были люди, которые в тяжелых военных условиях старались сохранить то, что еще возможно было сохранить. Но были там и оппортунисты, которые любили себя показать и использовали для этого любую возможность. Однако, всем им по воле Франка была предназначена лишь роль наблюдателей. Кроме того, со стороны германского правительства была допущена и бестактность в выборе особы, которая представляла Германскую империю на этом торжестве. Этой особой был генерал СС Вернер Лоренц, руководитель отделения Фольсдойче Миттельштелле, одним из главных инициаторов «Фалл Грюн» (код о ликвидации Чехословакии). Его присутствие должно было

подействовать на протекторатное правительство угнетающе.

Неожиданный вызов в замок оторвал министров от их ежедневной работы. Председателю правительства д-ру Крейчиму было сначала сообщено, что отменяется его поездка в г. Брно, где он должен был ввести в должность председателя Верховного суда, а только потом вручено приглашение на торжество. Он был настолько удивлен, что не знал, что собственно ему предпринять: если дело идет о государственном акте, то нужно ли в зале вывешивать Святовлацлавскую орлицу? Он также опасался неприятных последствий, которые эта акция может вызвать среди чешского народа. Когда ему сообщили, что акту будет предшествовать торжественный обед, он успокоился и сказал: «Не может быть ничего плохого, если сначала будут есть и пить».

Рапорт СД составлен почти исключительно на основании чешских источников, а ввиду того, что правительство не могло до 14-го ноября иметь никакого мнения, то в рапорте приводится реакция лишь отдельных министров на то, что они на конференции слышали и видели. Преобладал скептицизм относительно успеха этой акции; но для них это было не столь важным, как вытекающие из этого выводы для определения своего собственного положения. Они думали, что наконец-то стали свидетелями того, как Германия начинает вести разумную политику. Все они сходились на том, что это является событием первостепенной важности, т. к. авторитарное государство тут поддерживает режим, который является демократическим. Как часть населения, так и члены правительства усматривали в этом действии стремление к пониманию панславизма.

Д-р Климент, занятый государственно-правовым положением Протектората в Германии, полагал, что выбор Праги для создания Комитета не имеет никакого отношения к славянским тенденциям чехов. По его мнению, Прага является немецким городом и чехи могут участвовать в чем-либо подобном только при посредстве Германской империи. Также и министр Моравец отрицал

какую-либо панславитскую трактовку Движения и отказался принять призыв ген. Власова к чешскому народу, переданный ему ген. Жиленковым. В призыве к чехам вспоминается участие славян в битвах против большевизма и об исторически-важной роли чешских легионеров в Сибири. Позднее, Моравец упрекал членов правительства в том, что на конференции никто из них не выступил с речью, из-за чего у русских гостей могло сложиться впечатление, что правительство Протектората не имеет большого значения.

Несмотря на открытую сдержанность чехов, члены Комитета старались войти в контакт с отдельными министрами и заинтересовать их своей деятельностью. Так, например, ген. Власов, обратившись к министру Моравцу, сказал, что акция является подходящей возможностью для включения чехов в противобольшевистский фронт. Моравец ответил, что не считает данное время подходящим только потому, что в Праге начинает создаваться противобольшевистский институт. Аналогичными аргументами было отклонено и предложение ген. Жиленкова. Министр Моравец даже перешел в наступление, заявив ген. Жиленкову, что он считает для чешского народа гораздо более важным, чтобы в сводках с фронта появилось сообщение, что Освободительная армия переняла какой-то участок фронта и идет в наступление. Русские, по-видимому, считали Моравца важной особой, потому что Юрий Жеребков, и ген. Бискупский, руководитель монархической группы, пытались наладить с ним связь. Моравец был, однако, непреклонным. Хорошо информированный СД знал причину антирусского настроения министра народного просвещения Протектората.

Сам же генерал Власов произвел на членов правительства разное впечатление. Они на него смотрели и слушали его, с перерывами, с полудня до полночи, но ни один министр, кроме Моравца, не говорил по-русски, к тому же до этого они ничего о Власове не знали. Нижеследующие данные я привожу только для полноты картины.

На д-ра Крейчиго он произвел хорошее впечатление, со многими оговорками. Министру сельского хозяйства Грубому он показался мужиком. У министра транспорта и техники Каменицкого от встречи с Власовым и офицерами осталось хорошее впечатление, но менее благоприятное от встречи с его сотрудниками. Из остальных членов правительства, в рапорте приводятся имена министра внутренних дел Биенерта и начальника президентской канцелярии д-ра Попелки. Оба они старались говорить как можно меньше. Но о будущем Освободительного движения все единогласно высказывались с недоверием.

Во время прощания с ген. Власовым д-р Крейчи ограничился лишь словами: «Много счастья и успехов в борьбе против большевизма».

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СПОРЫ И РЕАКЦИЯ ГЕРМАНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

14-го ноября Германия, наконец, приобрела союзника, которого ей не нужно было принуждать к борьбе. Но этот союзник был согласен воевать только за свои собственные интересы, которые совпадали с интересами Германии лишь до некоторой степени. Реальные рапорты СД не вводили никого в заблуждение, на счет того, что происходило на самом деле. В гор. Ружомберк на вокзале отказалась от послушания воинская часть РОА и один из русских офицеров сказал: «Нас никто не должен уговаривать. Но мы должны за вас воевать и при этом позволять вам в это вмешиваться? Мы боремся за свое дело».^[27]

С осени 1944 г. и до самого окончания войны, население Чехии и Моравии было свидетелем движения различных воинских частей, преимущественно на Запад. На вокзалах, где они иногда были расквартированы, появились безоружные и недисциплинированные итальянские и венгерские части. Их противонемецкое поведение подкрепляло мнение, что война близится к

концу и что с такими союзниками Германия будет не в состоянии остановить напор с Востока. В транспортах появились также представители восточных народов в немецких формах. Согласно решению ОКВ, эти части отводились с различных участков фронта и перемещались в Германию, где в учебных лагерях в Мюнзингене и Хойберге начала формироваться Русская Освободительная Армия (РОА). Наилучшей военной выправкой и дисциплинированностью отличались части, состоящие из кавказских народов. Все старания чехов поколебать их уверенность в победу и настроить их против немцев не имели никакого успеха. Они спокойно принимали от чехов подарки и продукты, но оставались замкнутыми и отрицательно относились к настроениям чехов. Совсем иначе вели себя в конце ноября добровольцы частей СС, калмыки и представители других национальностей. В замке в Бойковицах они вели себя так, что офицеры, наводили порядок с хлыстом в руке. Транспорты с русскими охарактеризованы по-разному, но по наблюдениям в Мюнсингене — это были жертвы своего собственного режима, лагерей военнопленных, а также несправедливости в добровольческих отрядах, которые были включены в немецкие части. Для того, чтобы из них образовать армию, уже не было достаточно времени.

Наименование Русская Освободительная Армия и понятие добровольцы в национальных частях, безусловно, находятся во взаимном противоречии. Если Освободительное движение должно было быть организованным, начиная с 14-го ноября, под эгидой военной организации, носящей наименование Русская, то необходимо было считаться с тем, что такое одностороннее решение вызовет возражения. Именно так и произошло. 18-го ноября 1944 г. министру Розенбергу было послано коллективное письмо уполномоченных Идел-Урала, Кавказа, Крыма, Туркестана, Украины и Белоруссии.^[28] Письмо это полно возражений и оговорок против пражского Манифеста. Подписавшиеся заявляют, что их народы в течение столетий были жертвой русского империализма и что их борьба против русского

притеснения никогда не прекращалась. Самостоятельность, которую они приобрели в 1918 году, была Советами подавлена. Они приветствуют акцию ген. Власова, но будучи русским по национальности, он должен ограничить свою деятельность этническим значением этого слова, так как они не признают его глашатаем девяноста миллионов граждан Советского Союза нерусских национальностей. Подписавшиеся настаивают на признании прав своих народов на самостоятельность, на предоставлении для национальных воинских частей своего собственного командования и на подчинении германской армии только в оперативном смысле. Лица, которые подписали в Праге Манифест, не признаются представителями указанных ими национальностей.

Казалось бы, что такой текст должен был бы вызвать какую-то реакцию и мероприятия с немецкой стороны. Почему это не произошло, объясняет письмо, которое в тот же день министр Розенберг послал непосредственно Гитлеру. Письмо особенно интересно тем, что проливает свет на настроение в немецких кругах, и поэтому я его привожу полностью. [\[29\]](#)

Берлин, 18-го ноября 1944 года

Мой Вождь!

Прошу прощения, что это прошение представляю Вам в чисто личном порядке.

В течение целого года я, однако, не имел возможности, мой Вождь, ознакомить Вас лично со своей работой. За это время все мои просьбы об аудиенции отклонялись Вашим секретарем или имперским министром и рейхсканцлером с указанием на то, что Вы слишком перегружены военными делами и не имеете времени для восточных проблем. Введение в действие генерала Власова, чего я добивался всеми силами в течение почти двух лет без успеха, и что наконец произошло без моего участия, является именно восточной проблемой. Рейхфюрер СС и министр иностранных дел получили полномочие, о котором я узнал случайно, и содержание которого мне так

же мало известно, как и рейхминистру д-ру Ламмерсу, который, согласно Вашему решению, мой Вождь, уполномочен решить все вопросы с участвующими сторонами, а потом передать объективный текст Ваших приказов. В докладной записке от 12. 10. 1944 г., я стремился представить Вам мою точку зрения. Эта докладная записка Вам не была передана. Мне также неизвестно, были ли отменены Ваше постановление от 28. 7. 42 и содержание телеграммы д-ра Ламмерса от 22. 9. 44. «Дело Власова» разрешено теперь, вопреки прошлым директивам, без участия представителей всех нерусских национальностей, которым отведена роль лишь статистов. В качестве довода, почему я не был приглашен на переговоры, мне теперь приводится, что я не могу быть уполномочен на руководство в вопросе «Власов» потому, что я занят «колониальной политикой» на Востоке! В этом я усматриваю серьезную дискриминацию. Позволяю себе, мой Вождь, изложить Вам в приложении действительный ход событий, которые я могу в любое время подтвердить документами. Я взываю к Вашей справедливости.

Присоединяю к этому еще просьбу принять меня лично. И прошу Вас, чтобы Вы мне и в дальнейшем верили.

Да здравствует мой Вождь!

Подпись: А. Розенберг.

Прямой реакцией на события 14-го ноября является обширная корреспонденция имперских учреждений, сохранившаяся в архивах. Она интересна только тем, что в этой акции теперь хотел участвовать каждый. Развал, как предвестник приближающегося конца, привел к тому, что о двух дивизиях было гораздо легче говорить и писать, чем осуществить их экипировку и вооружение.

Приложение.

Реакция со стороны Советского Союза

Советское правительство реагировало на Освободительное движение одной лишь пропагандной акцией рядом мероприятий по ликвидации руководящих деятелей, главным образом, самого генерала Власова. Во время первых фаз движения в 1941-42 гг., каждое организованное сопротивление игнорировалось и замалчивалось, как и отрицалось существование советских пленных в немецких лагерях, которые, отвергнутые собственной страной, переходили на сторону врага.

Апогеем активной пропаганды был 1943-й год, год образования добровольческих национальных частей на восточном фронте. После этого с лета 1943 до лета 1944-го года наступил год пропагандного затишья. К этому времени остовцы («осттруппен») были переброшены на западный фронт. Провозглашение Манифеста в Праге почти ничего не изменило. Перебежчиков было мало. Патриотические чувства, вызванные поведением немцев и изменением советской идеологии от коммунизма к патриотизму, и надежда населения оккупированных областей на скорое победоносное окончание войны дало Советскому правительству повод думать, что две пехотные дивизии Освободительной Армии не представляют для Советского Союза никакой опасности.

Реакция со стороны западных союзников

В Национальном архиве в Вашингтоне, хранится обширный материал ОСС (Оффис оф Стратеджик Сервисес). Большею частью, это сообщения с анализом положения различных фаз Второй мировой войны. Естественно, внимание уделяется также оппозиции, которая возникла против политического строя в Советском Союзе как со стороны отдельных лиц, так и этнических групп. По своему содержанию они весьма интересны и теперь после тридцати лет. По истечении этого срока материалы становятся доступными историку. К сожалению, это обилие информации стратегически и

политически важной для принятия решений на месте, в Европе, до этих штабов не доходила, а именно они в последней стадии войны должны были решать проблемы скорее политического, чем военного характера. Я прочел информационное сообщение (G-2) XII корпуса американской армии и всех подчиненных ему дивизий. Эти части, в различной мере, приняли участие в событиях, описываемых в этой книге. Я не нашел никаких документов, которые бы говорили о подготовленности западных союзников к проблемам военного и политического характера, с которыми им пришлось столкнуться в Европе. Единственной их целью было, как можно скорее закончить войну. В течение тридцати лет после окончания войны эта позиция различным образом обосновывалась, но никогда не была достаточно убедительной. В свете доступных теперь документов, частично рассекреченных, конец мировой войны представляется в новом свете и большинство ранее опубликованных трудов о конце войны требует пересмотра.

До конца марта 1945 года периодически делались попытки заключения сепаратного мира между Германией и Советским Союзом, которые, если бы удались совершенно изменили бы ход войны, а главное, ее исход. Западные союзники знали об этих попытках по расшифрованным сообщениям. Это явилось стимулом желания поскорее закончить войну. Поэтому война закончилась ценой терпимого отношения к сталинским политическим целям в Европе. ^[30]

Особенно драматическую роль в этих планах пришлось сыграть Освободительному Движению Народов России. Весь период организации КОНР и его армии имел трагичный подтон. Из-за неполноты данных об этих замыслах, осуществление которых, вероятно, происходило бы на территории Чехии и Моравии, писать пока что невозможно.

Эта глава отображает реакцию с разных сторон на провозглашение Манифеста в Праге, 14 ноября 1944-го года. В заключение этих противоречивых взглядов,

необходимо привести мнение Верховного командования немецкой армии.

Согласно решению Адольфа Гитлера, ген. Власов был назначен на пост Главнокомандующего войсками КОНР 28-го января 1945-го года. Это назначение было официально объявлено перед построеной в ряды 1-й дивизии РОА 10-го февраля 1945-го года в Мюнсингене^[31] на торжественной церемонии, на которой присутствовали представители германского правительства, армии и СС-Гауптамта.

Эта церемония в Мюнсенгене лучше всего документирована во всей истории Освободительного Движения письменными документами, свидетельскими показаниями, фотоснимками и даже киносъемками. Это событие носило формальный характер и его значение относится, главным образом, к широте отношений между ген. Власовым и ген. Красновым. Исходя из этого, событие это будет подробно описано в отдельной книге, посвященной взаимоотношениям между А. А. Власовым и представителем интересов казачества П. Н. Красновым.

В официальном немецком документе ОКВ подводится оценка тому, что было до сих пор достигнуто, а относительно будущего движения документ гласит:

«Эти русские любят свою родину, хотят вернуться в Россию с Власовым и в нем видят единственную гарантию добиться — силой народа и с немецкой помощью — того, о чем они мечтают. В этом отношении их надежды, доверчивость и вера в Германию велики. Зависит от нас, как и куда эти шесть миллионов мы поведем».

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КОНР В ПРАГЕ

Вполне естественно, что в Праге должно было находиться первое Представительство КОНР: в Праге все началось и в Праге также все закончилось. Конечно, было бы неправильным предполагать, что его деятельность сводилась лишь к представительству иностранной

державы. Оно более носило характер учреждения по оказанию социальной помощи. Люди перемещались во всех направлениях и беженцы искали пути к спасению ввиду приближающегося фронта. Во время бомбардировок в пути они лишались всего; нужно было о них позаботиться, дать им самое необходимое, чтобы они могли продолжать свой путь; позаботиться об их семьях, когда мужчины уходили в свои военчасти. Много национальностей, различных языков, много военных форм, а также взаимно-политических антипатий, которые еще не были преодолены.

Помимо этого, Пражское Представительство вело и тайную дипломатию. О том, что там происходило, участники его не хотели рассказывать после окончания войны, а позднее, уже не было возможности их об этом расспрашивать. Они разъехались во все концы мира и тайну унесли с собой в могилу. Однако, в общих чертах нам известно, в чем была его сущность. Первым заданием было сближение генералов А. А. Власова с П. Н. Красновым, которое предшествовало бы объединению самых крупных воинских частей, РОА и Казачьего Корпуса. Вторым заданием была подготовка последнего боя, оборона чешского котла. Все, что было упущено в годы успешного хода войны, должно было сорганизоваться и осуществиться тогда, когда уже не могло быть надежды на успех. Новая многомиллионная армия, новое вооружение, новое упорядочение Европы, — все это должно было заменить предшествовавшие ошибки и произвести поворот в ходе событий.

Пражское представительство было учреждено в конце декабря 1944-го года и его главой стал ген. — лейт. Е. И. Балабин, — эмигрант, который эвакуировался из Белграда. Вместе с ген. — лейт. Ф. Ф. Абрамовым, первоначально из Софии, оба были первыми казачьими генералами, которые отошли от всеказачьего атамана ген. П. Н. Краснова и перешли на сторону КОНР; оба были членами его Президиума и оба поставили свои подписи под Пражским Манифестом. Начальником штаба Представительства

был полк. Тиллин и полковник, позднее генерал-майор, Митрофан А. Моисеев,^{[32][33]} Его обязанностью было содействовать эвакуации всех тех людей, которые пожелали уехать в Германию. Далее, он направлял в формирующиеся в Германии дивизии РОА, добровольцев, которые собирались в Праге и в других городах Протектората.

Деятельность этих генералов находилась под наблюдением агентов «Абвера» (Министерства обороны) и донесения поступали в «Фремде Геере Ост», непосредственно в руки ген. — майора Гелена. Однако, сомнительно, что он их читал, т. к. на полях не имеется никаких пометок. Донесения датированы февралем 1945-го года. Согласно их содержанию, почти все члены КОНР были каким-нибудь образом связаны с советской информационной сетью. Единственно сам Власов был пощажен от этого сенсационного разоблачения. Анализом этих донесений занимались люди, знающие об условиях, в которых возникали такие «документы» и о конце, последовавшем за этим.

Подобные донесения не были в то время единичными. С различным содержанием, но всегда с клеветнической тенденцией, они рассылались десятками экземпляров. Их автор должен был быть русский, находящийся на службе у «Абвера» (ни один из них не является рапортом СД!) и они содержат смесь правды и вымысла. Правдивыми являются личные данные и иногда характеристики, но вымышленной является деятельность, а в некоторых случаях и она, опять-таки, представляет собой смесь обоих элементов. Этим, может быть, объясняется отсутствие пометок на полях: донесения, как недостоверные, просто закладывались в папки. Однако, могут быть и иные объяснения. Целью этих фабрикаций было нанести вред Освободительному Движению.

В связи с содержанием данной книги, необходимо привести донесение из Праги с датой 7 февраля 1945 г., в котором содержится три пункта:

1) Приблизительно четырнадцать дней тому назад ожидалось, что со стороны бывшей организации Машин (в оригинале Махин), которая находится в контакте с представителями Власова, будет предпринята антинемецкая акция. Однако, она была вовремя разоблачена и обезврежена.

2) Даже чехи-антикоммунисты понимают, что повторение Варшавы является нежелательным...

3) Особое внимание нужно обратить на русского генерала Абрамова, который прибыл из Софии. В действительности, он является руководителем всех организаций Власова в Чехии (официальным представителем Власова является Балабин)...ген. Абрамов... имеет в своем распоряжении опытных социально-революционных активистов (организация Махин).^[34]

Вопросом остается, где провести разграничительную динию между действительностью и ложной фабрикацией. Фактом остается, что чешское подпольное движение было в контакте с одной из организаций КОНР. Однако, это единственный случай, когда в общем спорный документ, приводит что-то, что может быть правдой.

Из дальнейших отрывочных информации известно, что состав Представительства покинул Прагу в конце апреля 1945-го года и направился поездом в Баварию. В составе группы было около 30 человек. Вскоре после отбытия из Праги, поезд был разбит во время налета пикирующих самолетов и остаток пути в Баварию эта группа должна была пройти пешком. Границу Баварии они перешли в первый день православной Пасхи, 5 мая 1945 года. В тот же день 1-я дивизия РОА вышла в поход на Прагу.

III

Формирование 1-й дивизии

Формирование двух первых русских добровольческих дивизий в рамках РОА началось в первые дни ноября 1944 года, т. е. еще перед Пражской конференцией. Руководил этой акцией полковник генерального штаба Хейнц Данко Херре, составивший штаб из военных офицеров, которые были его единомышленниками. Большинство из них были ветеранами по организации добровольческих отрядов и говорили по-русски. Хотя приказ об организации исходил от органов СС и соответствовал идее создания европейских частей СС, немецкие офицеры были все-таки выбраны из состава армии, и дивизии в рамках армейской организации получили обозначение 600 и 650 пехотные дивизии — «Русские». И тут проявилась бестактность немецкого командования, т. к. среди добровольческих частей, эти обе дивизии всегда обозначались как 1-я и 2-я пехотные дивизии. В организационном отношении они соответствовали немецким «Фольксгренадир-Дивизион» (наименование введенное для пехотных дивизий в конце войны).

1-я Дивизия была сформирована и приступила к обучению 9-го ноября 1944 г. в учебном лагере в Мюнсингене (Вюртемберг).

Она состояла из разных частей, понесших большие потери добровольческих батальонов и отозванных с восточного фронта. Прибывающие в Мюнсинген части были полностью дезорганизованы и это соответствовало немецким представлениям о них.

11 ноября прибыл полковник Сергей Кузьмич Буняченко, назначенный генералом Власовым на пост командира дивизии, и, вместе с ним, подполковник Николай Петрович Николаев, начальник штаба. Оба были отозваны с фронта, где они командовали русскими добровольческими отрядами.

Лагерь не был подготовлен для приема людей. Недостатки проявлялись во всем. Не хватало жилой площади, не было отопления, а поставка всего необходимого для экипировки и вооружения со стороны немецких командиров тыловых частей, происходила весьма неохотно, и лишь под давлением. Однако, Буняченко был человеком железной воли и хорошим организатором. Обнаруживая недостатки, он немедленно использовал свои импровизаторские способности. Благодаря этому, уже к началу марта он сумел создать из бестолковой толпы, о которой в первые дни с негодованием отзывались как о «бандитах, ворах и грабителях»,^[35] настоящую боевую дивизию, которая соответствовала всем военным требованиям, даже по немецким критериям.

В январе 1945 г. в дивизию были включены первые группы солдат и офицеров непосредственно из лагерей для военнопленных. Было вполне понятно, что среди вновь прибывающих должны быть советские агенты, засланные в РОА из Советского Союза через лагеря для военнопленных. Генерал Буняченко и информационные органы дивизии относились беспощадно к разоблаченным агентам. Трудно все-таки сказать, сколько людей такого рода осталось в дивизии до самого конца.^[36]

В составе дивизии было, конечно, немало и таких, которые скорее «тащились» за всеми, чем активно участвовали в ее действиях. Это было результатом бесконтрольного наплыва как отдельных лиц, так и целых групп, большей частью, беглецов из рабочих и военнопленных лагерей, которые включались в состав дивизии. Также к дивизии присоединялись различные аделкие части других национальностей России.^[37]

Дивизия насчитывала около 20.000 бойцов и до самого конца, несмотря на все отрицательные влияния, осталась дисциплинированной и боеспособной частью.

Немецкий майор Хельмут Швеннингер, подробно анализируя условия в дивизии, большое внимание уделяет, главным образом вопросу «надёжности».^[38] По его

мнению, у всех в дивизии было основание ненавидеть Советский Союз. Причины были разные, но всегда конкретные и личные: арест и преследования членов семьи, доносы, вмешательство режима в частную жизнь. Вступление в армию для многих означало возможность никогда больше не возвратиться в коммунистическую Россию. На Власова возлагалась единственная, хотя и слабая, надежда Советские пленные, вступившие в РОА, были первой большой общественной группой с территории Советского Союза, которая, ознакомившись с западным миром, смогла сравнить пропаганду с действительностью. С другой стороны, все члены дивизии отвергали нацистский режим, пропаганду теории о «подчеловеке» и колониальную политику, проводимую органами СС на оккупированных территориях на Востоке.

Интересными являются наблюдения полковника Херре по поводу явного общественного расслоения между чинами дивизии. Уже тогда немецкие офицеры обратили внимание на то, что различие в советском обществе указывало на определенную связь между возможностью получения образования и отношением к окружающему миру.

По понятиям национал-социалистического строя и его армии, дивизия никогда не была надежной, т. к. не имела желания умирать за национал-социализм. Но она была полна решимости идти в бой против Сталина до тех пор, пока оставалась хоть маломальская надежда на успех. Майор Швеннингер разделял дивизию по степени убежденности, приблизительно, следующим образом:

20 % убежденных антисталинистов,

60 % оппортунистов и

20 % противников нацизма и потенциальных перебежчиков на советскую сторону.

После роспуска дивизии в американском плену, когда отдельным лицам была предоставлена возможность поступать по собственному усмотрению и на собственный риск, этот приблизительный подсчет подтвердился.

Количество перебежчиков в добровольческих частях, во время включения их в бои на восточном фронте, составляло 0,6 до 2 %. Только у Поволжских татар оно доходило до 5,0 %. Эти цифры не внушали опасения.^[39] Разница между этими двумя показателями вытекает из того, что Швеннингер рассматривает условия в 1-й дивизии в начале 1945 года, на которые повлиял бесконтрольный рост ее состава, а данные с восточного фронта являются результатом оценки меньших частей за период 1943-44 гг.

Организационная структура дивизии приводится в примечании.^[40]

Одной из главных проблем, связанных с организацией дивизии был подбор офицерского состава. Большинство офицеров, направляемых из частей в Мюнсинген, не имело офицерского ценза. Это были люди, получившие подготовку в частях по борьбе с партизанами, во вспомогательных частях, или офицеры с не соответствующим требованиям боевой дивизии.

Для устранения этих недостатков, в январе 1945 года в Мюнсингене было создано Офицерское училище РОА. Его начальником был назначен полковник М. А. Меандров, позднее получивший, чин генерал-майора. Он считался человеком исключительных качеств, который, несмотря на все разочарования пережитые до и во время войны, остался верным идеям социализма, как и большинство членов высшего офицерского состава штаба ген. Власова. Но тогда еще никому не было известно, что он сотрудничал с немецкой информационной службой под кличкой «Леандр».

Вместе с частями, отозванными с фронта, естественно, прибыло и много раненых или выздоравливающих бойцов. Да и большинство вновь прибывших из лагерей для военнопленных было не в состоянии нести военную службу. Для того, чтобы справиться с этой проблемой, была создана Резервная бригада под командой подполковника Койды.

На активную службу в РОА явилось также много бывших царских офицеров, живших в эмиграции. Как правило, они имели высокие звания, но мало знали о современном способе ведения войны. При штабе РОА была создана специальная комиссия, которая каждого из них проверяла и, в большинстве случаев, их заявления отклоняла.^[41] Духовная деятельность в Училище была вверена прот. Александру Киселеву.

IV Формирование 2-й дивизии и остальных воинских частей

14-го января полковник Херре направил майора Зигфрида Кейлинга, в качестве офицера связи, в учебный лагерь в Хойберге (Вюртемберг), где должно было начаться формирование 2-й дивизии.

На восточном фронте как раз началось решающее зимнее наступление. Офицеры-корреспонденты внимательно следили за его развитием и вскоре стало очевидным, что фронт не сможет удержаться. Тогда ген. Власов и члены его штаба занялись решением вопроса о спасении армии, которая, вопреки приближающемуся окончанию войны, непрерывно росла как по количеству солдат, так и воинских частей. От решения штаба зависела судьба многих тысяч беженцев с территорий России, которые присоединились к движению и боялись попасть в руки наступающей Красной Армии.

Ген. Власов принял решение сконцентрировать все части в районе гор. Иннсбрук в Австрии и там попытаться достигнуть соглашения с западными союзниками. Полковник Херре об этих попытках знал, но в ход событий не вмешивался и занимался организацией 2-й дивизии.

В Хойберге собралось около 18,000 солдат и офицеров, по большей части, прибывших непосредственно из лагерей для военнопленных. Проблемы, с которыми пришлось встретиться в Мюнсингене, повторялись снова. Во всем ощущался недостаток; командиры с фронтов требовали новых дивизий, а политические представители Рейха боролись между собой за — на этот раз уже минимальную — власть. Пешкой в этой игре стала РОА, которой они не доверяли и делали все возможное, чтобы она не смогла действительно сформироваться. О том, чтобы она могла развернуться в несколько десятков дивизий, не могло быть уже и речи.

Ген. Власов назначил командиром 2-й дивизии полковника Г. А. Зверева, который в феврале был

произведен в чин генерала. По своей целеустремленности и грубой требовательности в точности исполнения его приказов, он был похож на командира 1-й дивизии. Однако, по своим изысканным манерам и холёной внешности, он скорее походил на немецкого офицера. В этом отношении он был полной противоположностью генералу Буняченко, которого, в сохранившихся немецких источниках, характеризуют не особенно лестно. Ни один, ни другой не говорили по-немецки и не проявляли ни малейшего желания ему научиться. Начальником штаба 2-й дивизии стал полковник Богданов. Группу священников в дивизии возглавлял игумен Иов.

Формирование 2-й дивизии происходило в других условиях, чем 1-й дивизии. В учебном лагере в Хойберге были немецкие школьные части, среди которых был довольно странный батальон под наименованием Индийский легион, в качестве усиленного пехотного полка, и французская милиция маршала Петена. Во 2-й дивизии знали, что в лагере Хилдешейме также формируется добровольческий батальон из англичан,^[42] пожелавших бороться против коммунистов, и что на оставшуюся территорию Рейха стягиваются добровольческие части других европейских народов. Все это способствовало тому, что русские бойцы перестали считать себя одиночной группой и начали чувствовать себя частью более широкого союза. Тот факт, что сторожевые посты у ворот лагеря составлялись из разных национальных частей, способствовал повышению дисциплинированности.

Между тем, в результате союзной бомбардировки и пикирующих воздушных налетов, положение транспорта на остающейся территории Рейха настолько ухудшилось, что лишь часть 2-й дивизии могла быть снабжена ручным оружием. Подвоз тяжелого оружия, артиллерии и средств транспорта оказался практически неосуществим. В таких условиях, лишь с частичным вооружением, 2-я дивизия позднее покинула Хойберг.

Одновременно была произведена переорганизация 631-й артиллерийской Русской батареи^[43] в Запасную бригаду, сначала под командованием подполковника Садовникова, а позднее — полковника Койды. Вследствие этого, структура частей значительно изменилась. По сравнению с хаотическим формированием 1-й дивизии, которая состояла из ранее существовавших частей, Запасная бригада имела в своем распоряжении ряд лагерей, в которых добровольцы проходили подготовку для включения в регулярные части. Они получили военное обмундирование, действительное военное удостоверение и военную книжку (Солдатенбух). Один из таких лагерей находился в замке селения Тмань, на юго-запад от гор. Бероун, и его командиром был капитан Ленский. Когда в мае 1945 г. ген. Буныченко стоял с дивизией в гор. Сухомасты, то этот лагерь полностью перешел на сторону 1-й дивизии.

28-го января в Мюнсингене произошел знаменательный формальный акт: Гитлер передал командование вооруженными силами КОНР генерал-лейтенанту А. А. Власову, который в тот же день отдал приказ № 1, где об этом решении доводилось до сведения всех подчиненных частей. Приказом № 2 он постановил, что список подчиненных частей должен приводиться в специальном приложении; однако, оно не сохранилось. В приказе № 3, генерал-майор Ф. И. Трухьян назначался начальником штаба. Вследствие этого приказа, части генерала Власова перестали подчиняться Верховному командованию германских вооруженных сил. Русская Освободительная Армия (РОА), как одна из национальных армий, в результате этого стала составной частью Вооруженных сил КОНР. Однако, на практике она осталась единственной армией, которая когда-либо была подчинена этому Верховному командованию. Три месяца до окончания войны были слишком коротким сроком для проведения в жизнь объединительного процесса с остальными национальными армиями.

В рамках резервной бригады формировался артиллерийский полк, обозначенный, согласно немецкой

организации, номером 1650, который должен был, в составе четырех частей, быть вооруженным и пройти обучение в течении трех месяцев.

Приблизительно в то же время планировалось создание 3-й дивизии под командованием генерала Шаповалова.

В феврале ген. Власов посетил 1-ую и 2-ую дивизии в их учебных лагерях. Подготовка 1-й дивизии продвинулась настолько далеко, что она была в состоянии включиться в бои на фронте. В то время, кроме находящейся в окружении армейской части Курланд, немецких армий на советской территории уже не было. Майор Херре приводит, что дивизия была боеспособной уже в середине января. Приказ об ее введении в бои пришел лично от ген. Власова лишь 5-го марта. Это произошло так поздно, по нескольким причинам. Люди, стоящие во главе РОА, не желали потерять в бессмысленных боях единственное, что они имели, т. е. армию. Что же касается немецкой армии, то в январе командующим фронтом на Висле стал Гиммлер. Это способствовало лишь увеличению хаоса, а дивизия в бездействии ожидала дальнейшего развития событий.

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ФРОНТЕ «ГРУППА ПОЛК. САХАРОВА»

В конце января 1945 г., во всех частях РОА производилась вербовка добровольцев в специальную часть, о назначении которой и заданиях тогда еще ничего не было известно.^[44] Вербовку производили полковник Игорь Константинович Сахаров и капитан граф Григорий Ламсдорф. После проверок, в эту часть преимущественно вошли, члены Отряда безопасности майора Тензорова в Берлине и четыре выпускника старшие кадеты В. Н. Азар, И. Аммосов и кадеты Шаповалов и Иванов Русского Кадетского Корпуса*). Эта часть получила наименование «Противотанковый отряд» и состоял из 45 бойцов и 5

членов штаба, включая полк. Сахарова и кап. Ламсдорфа. Большинство из них были офицерами, но в отряд они были включены без званий. Современники называют этот отряд «Сахаровской группой».

Перед отправкой на специальное обучение и затем на одерский фронт, отряд был представлен ген. Власову в Дабендорфе. Он простился с ними следующими словами: «От вас зависит, выполните ли вы задание, которое вам было дано. Задание нелегкое, но вы лучшие из лучших в нашей армии. Идите, исполняйте свой долг и родина о вас не забудет».^[45]

*) Из Крыма в 1919-20 г.г. были эвакуированы в Югославию 3 Кадетских Корпуса: Донской, Крымский и 1-й Русский. Позднее, Королем Александром I, они были сведены в один — Первый Русский Кадетский Корпус (город Белая Церковь). В сентябре 1944 г., ввиду приближения фронта, Корпус был эвакуирован в Чехию, в г. Хеб Опер). В январе 1945 г., старшая рота прибыла в Берлин, а оттуда была направлена в Хойберг.

Инициатором акции был сам Гейнрих Гиммлер. Когда в Мюнсингене была создана 1-я дивизия, а в Хойберге создавалась 2-я дивизия, он хотел убедиться, прав ли он был, разрешая формирование двух дивизий. Поэтому перед отправкой их на фронт, он решил испытать, хотя бы частично, можно ли на них надеяться, не перебегут ли части РОА на сторону противника, как об этом его предупреждали некоторые люди из его окружения.

Бойцы противотанкового отряда еще в Берлине получили новое снаряжение, маскировочную одежду, новые военные книжки и отряд был переброшен в окрестности Бранденбурга, где им было дано новое оружие (автоматы Штурмгевер 44 и противотанковые панцерфаусты). После шестидневного обучения, отряд был перевезен под Штетин, где, в общей сложности, участвовал в четырех боевых операциях.

Первой боевой акцией было участие в атаке на предмостное укрепление Красной Армии близ Гюстебизе на Одере, на севере от города Кюстрин (теперь Кострынь).

Описание этой атаки сохранилось как в приводимой заметке поручика В. Н. Азар, так и в письме Гейнриха Гиммлера от 9-го февраля 1945 г., адресованном генерал-лейтенанту СС Фегелейну:

«Ознакомьте Вождя вкратце с первым включением в бои власовской части: пггабный отряд Власова, 50 чел., под командой русского полк. Сахарова, принял участие в атаке на предмостное укрепление Гюстебизе. Русские наступали с решимостью. Участвовали, прежде всего, в очистке селения Карлсбизе и Нойлевин (Зитцинг на Одере), увлекли за собой вперед атакующие немецкие группы, а переключаясь ночью на русском языке, вызвали у большевиков значительную панику... Я намерен, последовательно вводить в действие больше таких русских частей».^[46] Это описание соответствует описанию, приведенному в источнике РОА. Гиммлер направил поздравительное письмо также генералу Власову.

В последующие дни отряд совершил две боевые разведки в области Шведт и принял участие в противотанковой обороне близ города Старгард.

Все акции проходили успешно и члены отряда, согласно данным В. Н. Азар, были награждены восемью Железными крестами 1-й степени и двадцатью четырьмя крестами 2-й степени, а так-же серебрянными и бронзовыми знаками отличия РОА *). Они уничтожили 12 сов. танков, а во время одной из разведок взяли в плен 3-х штабных офицеров. Из офицеров, которые участвовали в боевых акциях, приводятся следующие имена: капитан Герсдорф, старший лейтенант Алексей Бабицкий, лейтенант В. Н. Азар, лейтенанты Андрей Москаленко, Георгий Садовский. Полковник Сахаров, несмотря на то, что в акции не участвовал, подал письменный рапорт, подкрепленный рапортами офицеров, принявших участие в боях. 6-го марта Иосиф Геббельс, прочитав этот рапорт, сказал:

«Унизительно читать свидетельские показания офицеров этих частей и констатировать, что у них

создается впечатление, будто германские войны устали от войны, потеряли силу и волю к наступлению на врага...». [47] Таким же образом описывает поведение немецких частей и Вл. Ник. Азар. Он указывает на их нежелание содействовать и, главное, на то, что немецкие части пошли в атаку лишь тогда, когда успех отряда, наступавшего передовым, стал очевидным, но момент неожиданного захвата врасплох уже был упущен.

После акций на Одере, отряд был переведен в Берлин-Далем и там распущен. С этого момента начинается история 4-го полка, к которой необходимо сделать следующую предпосылку:

В Ленинградской области (район Порхов-Дно) в 1941 году, были организованы «Восточные батальоны» (иногда их называют 1-й Белорусский партизанский полк). До осени 1943-го года эти батальоны участвовали в боях против партизан, а с отступлением немецкой армии, были переведены в Данию, где несли сторожевую службу и входили в состав береговой охраны. Размещены они были в Скагене, Фридриксхавене и в районе Кильского канала, В 1943-м году эти батальоны были наименованы «Русский Гренадерский Полк» и полк этот вошел в состав 416-й немецкой пехотной дивизии. С 1943-го года офицерские должности до командиров рот включительно, были заняты русскими офицерами, а с 1944 года русские были и командирами батальонов. Два батальона этого полка, I-й и II-й, послужили основанием 4-го полка 1-й Дивизии РОА.

*) Награды были вручены лично Полковником Отто Скорцени, известным участником десанта парашютистов на остров Крит и «Освобождением» Муссолини из американского плена.

После возвращения в Берлин-Далем, офицеры противотанкового отряда остались вне зачисления. В начале марта в Далем вернулся полк. Сахаров и сообщил офицерам о своем назначении командующим Русского Гренадерского полка в Дании и предложил им занять вакантные посты (вместо откомандированных немецких офицеров). III-й батальон, в котором были сосредоточены

различные тыловые части и полковой оркестр, был направлен железнодорожным транспортом в Хойберг на формирование 2-й Дивизии РОЛ. Так начал свою деятельность новый 4-й полк под командованием полк. Сахарова, с двумя батальонами. Начальником штаба был Григорий Ламс-дорф, произведенный в чин майора^[48] -

V

Перемещение КОНР в Карловы Вары (Карлсбад)

6-го февраля 1945 года на оккупированную территорию Чехословакии прибыли новые гости. По мере приближения фронта, Берлин перестал быть безопасным местопребыванием, поэтому КОНР перемещал свои части из Далема (близ Берлина) в Карловы Вары (Карлсбад). В то время КОНР уже значительно возрос. Из первоначальных семи человек во время пражской конференции, штаб и правительство ген. Власова расширилось до 700 человек и их количество все росло. Вместе со всеми отделениями, которые являлись собственно министерствами, с сильной пропагандной группой, со вспомогательными отделениями и с членами семейств, он достиг такой численности, что Карловы Вары не успевали размещать все учреждения и расквартировывать весь персонал.

Некоторые из них должны были уехать в Марианские Лазне (Мариенбад), в Яхимов или в иные близлежащие селения. Курортный город Карловы Вары был тогда на положении лазаретного города и избытка мест не имелось. Гаулейтер Конрад Хенлейн, естественно, протестовал самым решительным образом против присутствия русских на своей территории, а 9-го марта он дал ген. Власову 48 часов сроку, чтобы его Комитет покинул Карловы Вары и все остальные занятые места. В тот же день Власов снесся по телеграфу с Гиммлером, а телеграмму подписал также СС Хауптамт Русс, Лейтштелле Карлсбад.^[49] Телеграмма имеет рукописные пометки с именами лиц, которые должны были это дело уладить. Среди них оказалось и имя К. Г. Франка.

Несмотря на то, что Хенлейн угрожал даже применением силы, его старания были бессильны, чтобы оказать влияние на решение СС Хауптамта и русские продолжали оставаться как в Карловых Варах, так и в

окрестных городах. Акция Хенлейна была, возможно, не столь уж выражением враждебного отношения к русским, как скорее проявлением старых разногласий между СС и партией. Размещение членов КОНР в Карловых Варах не встретило дружелюбного приема и со стороны местного немецкого населения. Дело в том, что наличие боевого штаба в городе, где были только лазареты и выздоравливающие, вызвало опасения, что город не избежит воздушной бомбардировки, К счастью, этого не произошло. Одинаковое недружелюбие к русским проявили и чехи. С приближением конца войны они стали отстраняться от немцев и столь же отрицательно держать себя в отношении русских, которых считали просто немецкими союзниками. ^[50]

Штаб ген. Власова, канцелярии КОНР и народные советы, т. е. национальные группы, которые сотрудничали с КОНР, были размещены в отеле Ричмонд парк. С этого времени и до 1-го мая, он стал свидетелем многочисленных переговоров, направленных на объединение всех политических, военных организаций и национальных групп в общую формацию. Успех был незначительный. Переговоры с казаками затянулись вплоть до 29-го марта, когда на казачьем конгрессе в Веровитицах в Югославии, войско решило перейти на сторону КОНР, вопреки желанию своего старейшины ген. П. Н. Краснова. Безуспешно проходили переговоры и с украинскими сепаратистами. Мечта о свободной Украине была более сильной, чем рациональные доводы пользы союзничества. Кавказские народы, главным образом грузины, не имели в своей среде сепаратистов и их переход под командование ген. Власова был лишь вопросом времени. Однако, этого-то времени, было не так уж много. Рассмотрением национального вопроса и разрешением дальнейших проблем Совет национальностей при КОНР занимался на своем единственном заседании, состоявшемся 20-го февраля, но оно носило чисто формальный характер и не было вынесено никаких решений. Конец же войны стремительно приближался.

Город Карловы Вары не был избран самим КОНР в качестве своей резиденции. Его военные части формировались в области Ульм, а германские учреждения явно не желали географически соединить политическую организацию с армией. Выбор не был подходящим и потому, что город Карловы Вары имел тогда очень плохое сообщение с Германией, а именно с г. Ульм, вблизи которого происходило сосредоточие армии. Таким образом, КОНР оказался изолированным от остального мира. Единственным преимуществом было, что Карловы Вары, как лазаретный город, был пощажён от союзных воздушных налетов. Этим, конечно, воспользовались все члены СС, которые имели какое-либо отношение к новому союзнику, и перебрались вместе со своими семьями из находящегося под угрозой Берлина в Карловы Вары, где в условиях относительного комфорта и покоя провели весь остаток войны.

Для КОНР, однако, это время изоляции было периодом бездействия и отчаяния, которое длилось два с половиной месяца. Положение ухудшал ещё и тот факт, что согласно решению германских учреждений, коммуникационный радиоузел должен был оставаться в Берлине и, тем самым, был абсолютно оторван как от КОНР, так и от обеих дивизий.

Кто, собственно, дал приказ к перемещению КОНР в Карловы Вары, мне так и не удалось установить. Согласно решению министра пропаганды Геббельса, все германские учреждения должны были оставаться в Берлине и участвовать в его обороне. Можно, правда предполагать, что на перемещении настояли, в собственных интересах и ради собственной безопасности, сами органы СС. Естественно, что бессмысленность этих решений вызвала у всех членов Комитета ещё большую ненависть к немцам, а с приближением западного фронта и в результате умножающихся споров с германскими органами, всё чаще и чаще стали раздаваться голоса, которые, наконец, открыто стали требовать войти в контакт с американцами и англичанами.

24-го марта в Карловы Вары приехал ген. Власов и на следующий день обсуждал это дело с Жеребковым. Жеребков информировал его, что он уже делал попытки войти в контакт с Западом.

27-го февраля, в отеле Ричмонд Парк происходило последнее заседание КОНР. Заседание проходило в мрачной атмосфере в виду надвигающейся трагедии, а после выступления бывшего киевского старосты во времена немецкой оккупации Форостинского, перешло в бурную противонемецкую демонстрацию. Староста Форостинский, обратившись к офицеру связи СС д-ру Эрхарду Крегеру и к остальным представителям Главного управления СС, сказал:

«Мне нечего терять. Я осужден на смерть. Мое имя внесено в список, осужденных советскими учреждениями к смертной казни за сотрудничество с немцами. Поэтому я вам здесь хочу сказать правду в глаза. Я сам лично послал в Германию 45.000 юношей и девушек — и почти половина из них ехала добровольно — потому что я вам доверял и верил, что эти молодые люди помогут своим трудом освободить нашу родину от большевизма. А что вы с ними сделали? Они стали бесправными рабами, и вы даже теперь не хотите облегчить их положение. Препятствуете нам на каждом шагу, когда мы хотим этим несчастным людям помочь. И это вы называете социализмом?».^[51]

После речи Форостинского выступило несколько десятков дальнейших ораторов и все они говорили в том же духе. В лица присутствовавших немцев летели слова горьких упреков и ненависти и ни один из них не находил слов для ответа. Впервые за долгие годы немцы должны были выслушать горькую правду. Однако, надвигающуюся гибель невозможно было остановить словами.

Между тем, в западной Чехии, под командованием генерал-майора авиации Виктора Ивановича Мальцева, формировалась еще одна воинская часть, — смешанная авиационная дивизия. Комендатура и штаб этой части сначала помещались в Марианских Лазнях (Мариенбаде),

а позднее в Нырске, и в ее состав входили: авиационное училище в Хебе, авиадесантный батальон, полк зенитной артиллерии, батальон связи и разведывательная авиачасть. По большей части, эти формации еще ранее в рамках воздушной авиации и были, после соглашения с Герингом, переведены в состав РОА. Офицером связи стал немецкий генерал авиации Г. Ашенбреннер, бывший атташе авиации в Москве. Он был офицером прежней школы, симпатизировал Власову и давно знал, что война уже проиграна. Он был одним из немногих немецких офицеров, которые по собственной инициативе старались войти в контакт с западными союзниками в интересах Власова. Организатором самой авиационной подготовки был немецкий лейтенант авиации Герхард Бушмаян, балтийский немец, который до того, как ему была вверена организация и обучение авиачастей РОА, занимал аналогичный пост в авиачастях войск балтийских республик.

Для авиачастей в рамках РОА, использовалось обозначение ВВС-РОА (Военно-Воздушные Силы Русской Освободительной Армии). 1-я эскадрилия истребителей «Полковника Казакова» начала свою деятельность в Хебе уже под конец 1944 года, где находился учебный аэродром. Первым командиром был полковник Байдак, выдающийся летчик старый эмигрант. В январе 1945 года эта авиачасть была направлена с 16-ю самолетами марки «Фоккевульф» на военный аэродром в гор. Немецки Брод. Там ее командиром стал кап. Бычков, который перед переходом на сторону РОА, был удостоен звания и ордена «Героя Советского Союза». Затем, на учебном аэродроме создавалась 2-я эскадрилия под командой капитана Антилевского, которая после окончания тренировки также была переброшена в г. Немецки Брод. Под конец войны сформировалась еще 3-я эскадрилия в составе 30-ти самолетов. Части, находившиеся на военном аэродроме, использовались в боевых полетах для поддержки немецких частей, воевавших тогда на границах Словакии и Моравии, но уже с ограниченными возможностями так как союзная авиация имела абсолютный воздушный перевес.

В апреле 1945 года произошли открытые разногласия между РОА и командованием немецкой армейской группы «Центр». На военном аэродроме был уничтожен весь запас бензина. С аэродрома поднялся лишь один самолет. Остальной персонал в первые майские дни попал в советский плен. В то время с немецкой стороны была совершена попытка произвести «за саботаж» арест ген. Мальцева, которая, однако, не удалась. Подробности этого неизвестны.^[52] Г

На аэродроме в Хебе экипажи самолетов покинули свои машины и перешли в плен к американцам. Только один самолет перелетел к англичанам.

Вся авиачасть насчитывала 300 пилотов и 70 самолетов. Авиадесантный батальон был вооружен очень хорошо, в его состав входило около 400 человек, а командиром был подполковник Коцар. О полке зенитной артиллерии известно лишь, что его командиром был полк. Ростислав Мстиславович Васильев.

Численность авиачастей РОА предполагалось довести до размеров от 6.000 до 7.000 чинов. Достигнутая численность была около 4.500 человек.^[53]

И еще одна, довольно «особенная» часть, вернее ее штаб, прошла приблизительно во второй половине апреля в направлении с севера на юг через территорию Чехии; вспомогательные (технические) войска КОНР, созданные в райопс Берлина в двух лагерях под командованием инж. подполк. К. Попова.^[54] В сущности это были рабочие части, собранные из русских пленных по примеру «Организации Тодт». В источниках приводятся цели этих специализированных частей, но почти никаких данных об их фактическом включении в действие. Их численность достигла, будто бы, количества 4.000 человек.

В начале апреля, когда положение в районе Берлина становилось все более и более безвыходным, штаб Вспомогательного войска решил переместиться на юг и, согласно директивам ген. Власова, собрать все части около города Зальцбург (Австрия), где в то время формировались

добровольческие части под командованием ген. Туркула. Вспомогательное войско имело в своем распоряжении несколько автомашин, которые они собственными силами переоборудовали на газогенераторную тягу. Вместе со штабом Вспомогательного войска, в Прагу продвигался командир Корпуса безопасности майор Николай Тензор с 40 служащими своей части. Конвой следовал вблизи восточного фронта для избежания воздушных атак американских пикирующих истребителей и через три дня добрался до Праги. Здесь он стоял в течение двух дней, расположившись на одной из главных улиц. Своим необыкновенным видом возбуждал большое внимание пражского населения. О судьбе этой части известно лишь то, что она действительно добралась до Зальцбурга и перешла в американский плен. Одновременно переместился также штаб РОА из Берлина в Хойберг, а школа пропагандистов — из Дабендорфа близ Берлина в замок Киселка близ гор. Карловы Вары. Из Берлина не был эвакуирован лишь архив Синода Православной церкви и, ввиду того, что не было возможности его эвакуировать, он был уничтожен.

Помимо всех указанных частей, на территории Чехии в конце войны находилось еще несколько рабочих батальонов, состоявших из русских добровольцев. В чешских источниках они называются «власовцами», хотя под командованием РОА не находились. Эти части были разоружены без всякого сопротивления в первые майские дни, а потом попали в плен Красной Армии.

Для полноты данных, в заключение необходимо указать, что в Хеб были эвакуированы также Русский Кадетский Корпус и Русская Гимназия из Югославии. ^[55]

О присутствии КОНР в Карловых Варах, очевидно, Чешское Движение Сопротивления знало. Это подтверждает статья Ф. Богатырчука, члена президиума КОНР. Богатырчук приводит, что чешские партизаны-коммунисты пытались войти в контакт с президиумом КОНР на одном из последних заседаний (вероятно, в конце февраля 1945 года — прим. автора). Эти попытки были отвергнуты как КОНР, так и Власовым, который

принципиально был против какого-либо объединения с коммунистами. [\[56\]](#)

VI

Деятельность КОНР в Словакии

В настоящей главе нет описания драматических событий. Пусть читатель ее примет как короткую остановку, чтобы на мгновение бросить взгляд в прошлое, которое в истории уже никогда не сможет повториться.

Вопреки тому, что Словакия была страной, где было больше всего естественных предпосылок для широкого отклика на зарождение КОНР, в действительности этого не произошло и его деятельность на ее территории носила лишь второстепенный характер.

Во многих отношениях программа КОНР отождествлялась с условиями возникновения свободного словацкого государства. Оно возникло как национальная формация в процессе сопротивления деятельности центрального правительства. Вместе с приобретением независимости, оно вынуждено было принять от своего патрона, Третьего Рейха, также и отрицательную сторону — отдачу своих южных территорий, как результат Венского арбитража, вошедшего в силу 4-го ноября 1938 года. Как для КОНР, так и для государственного строя Словакии Третий Рейх и оказываемое им влияние были явлением скорее терпимым, чем желательным. Все же, никто иной не мог предоставить им обоим самостоятельности, хотя бы в таких размерах, какие можно было дать в условиях войны. По идеологически — существенным факторам они отличались друг от друга лишь одним: вопросом вероисповедания. В КОНР класс духовенства служил Движению, а в Словакии он был движущей силой. Остальные же факторы преобладали.

Из всех оккупированных территорий, Словакия, — это первоначально самостоятельное государство, даже и после восстания и разоружения словацких дивизий в августе 1944 г. — была наиболее подходящим местом для жизни нового союзника, поэтому ее столица Братислава, была первым местом, которое смог посетить ген. Жиленков, как было описано во 2-й главе. Sicherheitsdiest (органы СД) весьма внимательно следили за развитием этих отношений, а сохранившиеся рапорты легли в основу данной главы. [\[57\]](#)

Заслуживает особого внимания тот факт, что после 14-го ноября 1944 г., органы СД пользуются общим наименованием «Акция Власов» (Wlasow — Aktion). В эту акцию и под таким названием были включены все народы из Советского Союза, в данном же случае, это преимущественно касается украинцев и казаков. Это общее наименование отображает решение руководителей SS-Hauptamt сосредоточить все сопротивленческие движения с востока в одну общую организацию не давая им возможности действовать самостоятельно, что было в прошлом неоправдавшейся концепцией министра по делам этих территорий — Розенберга. Далее, необходимо подчеркнуть, что согласно содержанию этих рапортов, немцы ожидали от «Акции Власов» гораздо больше, чем она в действительности могла дать. Они готовы были провести ряд мероприятий, предлагаемые им русскими эмигрантами, но многое из того, что они хотели сделать, они уже не были в состоянии провести в жизнь. Это относилось, главным образом, к Словакии, где с декабря 1944 года Красная армия начала занимать территории этого государства с востока. Эти рапорты хронологически пронумерованы, первый рапорт не сохранился, а второй по счету несет дату 23-го ноября 1944-го года. В нем приводятся фантастические данные, вызванные скорее благими пожеланиями, чем действительным положением дел. Читавший его Chef der Einsatzgruppen в Братиславе, пометил на рапорте «Немедленно направить дальше».

«Из русских эмигрантских кругов сообщается о том, что воздействие акции ген. Власова развивается весьма успешно. Правда, в различных эмигрантских кругах все еще имеется недоверие, но все же в общем преобладает убеждение, что путь, на который вступил Власов, для миллионов русских эмигрантов является единственным путем к тому, чтобы иметь возможность вернуться на родину. В украинских кругах предполагается, что число боеспособных людей для армии генерала Власова достигает в Германии семи миллионов человек. К этому прибавляется еще около двух миллионов из бывшей армии Колчака в Маньчжурии. Против восьми миллионов бойцов

армии Тимошенко.^[58] можно было бы закончить войну с СССР в короткое время, если одновременно с этим с немецкой стороны была бы развернута широкая пропаганда, для привлечения миллионов добровольцев л оказания влияния на советский тыл.»

Органы СД подробно изучали украинский вопрос и его разрешение в рамках акции ген. Власова.^[59] Эти сообщения исходят непосредственно из Украинского комитета помощи и Украинского комитета обороны и в них главное внимание уделяется двум главенствующим украинским фракциям, Бандеры и Мельника, их отношениям к германскому правительству и возможности их дальнейшего развития.

Сообщения с предприятия «Шкода» в Дубнице расходятся с сообщениями из словацкой провинции. Ввиду того, что они не подкреплены указанием количества слушавших их лиц, как и то, кто против, трудно вывести верное заключение. В общем можно констатировать, что с приближением линии восточного фронта возрос интерес к политическим и военным событиям. В церковных кругах велись разговоры о судьбе двух восточно-словацких городов, занятых Красной армией. Воспрепятствовать тому, чтобы и остальную словацкую территорию не постигла одинаковая участь, могло только движение Власова и его армия. В успех немецкой армии уже не верили; может быть новые немецкие орудия и новая политика по отношению к народам с востока еще могли бы предотвратить неминуемую катастрофу. В церковных кругах, безусловно, верили в возрождении национального движения в России, — и даже в случае поражения Германии, — силу, которая смогла бы уничтожить большевизм и возродить права церкви. Другие, желая Власову успеха, не доверяли ему из-за его коммунистического прошлого и опасались, что человек, который уже один раз перебежал, может сделать это и вторично.

В декабре 1944-го года события начинают приобретать такой характер, что возникает необходимость в

проведении положительных мероприятий, исходящих непосредственно из кругов Власова, иначе может быть открыт отказ из эмигрантских кругов нерусской национальности. Бывший офицер царской армии говорит об этом следующим образом:

В Словакии имеется достаточное количество людей, которые желали бы примкнуть к Власову. Все они хотели знать о его Движении более конкретно, а не только то, что приводится в сообщениях и редких информациях по радиовещанию. Подъем среди русской эмиграции еще не достиг своего апогея. Крайне необходимо, чтобы за это дело взялась подходящая организация, которая поддерживала бы эти отношения и углубляла путем пропаганды. Никто до сих пор не знает точно, каковы возможности поступления в ряды этой армии, где находятся сборные пункты и каково социальное обеспечение для их семейств. Если это не осуществится немедленно, то подъем падет под влиянием неустанно усиливающейся пропаганды из противного лагеря. Начинают даже циркулировать слухи о том, что в Комитете Власова нет единства, так как украинцы и казаки не желают ему подчиниться и требуют создания своих собственных частей. Ввиду того, что словацкие учреждения занимают отрицательную позицию по отношению к Акции Власова, пропаганда с другой стороны приобретает больше веса. Для того, чтобы воспрепятствовать этому явлению, необходимо здесь учредить власовское представительство, которое будет иметь поддержку со стороны немцев. ^[60]

Против Власовского движения в Словакии открыто встали украинцы. В Братиславе даже появились их плакаты с призывами, гласящими, что нет нужды оказывать поддержки Комитету Власова, потому что он не базируется на прочных основах и, кроме того, здесь имеются в наличии иные организации, которым оказывается поддержка с немецкой стороны. Эту украинскую оппозиционную пропаганду возглавлял, будто бы, д-р Владимир Комаринский, юрист из Подкарпатской Руси. В рапорте приводится также оппозиционное

высказывание казачьего офицера, которое, однако, можно считать проявлением мышления меньшинства.^[61] Рапорт заканчивается предупреждением о необходимости введения активной пропаганды в пользу Акции Власова, которая на словацкой территории может иметь успех лишь в том случае, если она будет вестись из братиславской центральной станции радиовещания.

Можно составить такое суждение, что требования, сформулированные в этих рапортах, в максимальной мере способствовали принятию решения направить в Словакию ген. Жиденкова и иных лиц.

Ввиду того, что ни на одной из других территорий не было сосредоточено во время войны столь большого количества эмигрантских группировок на сравнительном малом участке, где они могли бы с относительной свободой вывить свои взгляды, я считаю необходимым упомянуть эти группировки с короткой характеристикой их деятельности до тех пор, пока они не вышли на арену действий в период с декабря 1944 г. по февраль 1945-го года. В ход событий они не включились динамическим путем. Эти сообщения являются интересным документом в период окончания войны, который необходимо сохранить.

Голос украинской эмиграции можно было легко обойти и ими пренебречь. У немецкого управления никогда не было намерения предоставлять Украине какие-либо права. Несмотря на то, что Украина де-факто проявила себя как первый союзник Германии, для немецкой концепции она представляла собой лишь приобретение участка территории, а судьба населения была для органов немецкого управления безразличной. Украинская эмиграция, расщепленная на множество политических группировок, имела один общий украинский национализм и общую мечту о создании независимого государства. В рамках своей политической расщепленности, она делилась на две основные группировки: западные украинцы, т. е. галичане с польских территорий до войны, и на восточных украинцев, с территорий Советского Союза, сильно пострадавших вследствие раскулачивания и террора в

период между двумя войнами. Помимо них, уже тогда существовала эмиграция из Подкарпатской Руси, бывшей до марта 1939 года составной частью Чехословацкой республики, а затем ставшей на несколько дней независимой и, наконец, оккупированной Венгрией. Ее возвращение на свою землю препятствовала советская оккупация и коммунистическая махинация, в результате чего эта территория, в конце концов, стала составной частью Великой Украины, как первой чужой территории, аннексированной Советским Союзом. Интеллигенция, которая составляла большинство этой эмиграции, ориентировалась, как и галичане, на западную культуру.

РУССКИЕ ЭМИГРАНТСКИЕ КРУГИ:

Союз галлиполийцев: в нем состояли остатки Белой армии ген. Врангеля, которая эвакуировалась из Крыма в ноябре 1920-го года. До 1923-го года они были интернированы на турецкой территории в Галлиполии и на острове Лемнос. Годы совместной борьбы на территории России, а затем жизнь, исполненная страданий во время интернирования, создали из этих многих тысяч бойцов общество с чувством родственности. Это чувство росло еще и вследствие социальных программ, введенных ген. Врангелем до того, как они разбрелись по разным странам. Многочисленные группы их проживали потом в Болгарии, Югославии и Чехословакии. Они продолжали придерживаться своих военных традиций, а в отдельных государствах им была предоставлена возможность обучения в высших и иных учебных заведениях. В Словакии они составляли наиболее многочисленную и наилучшим образом организованную группу. Позиция, занятая Союзом по отношению к немцам, не всегда была антинемецкой и органы СД считали их англоманами с прозападной ориентацией. Союз принял программу Власова и стремился в этом отношении получить монопольную позицию среди русской эмиграции. Председателем Союза был г-н Порхаев.

Союз инженеров: большинство членов этого союза получило образование в чехословацких высших учебных заведениях и многие из них находились потом на государственной службе. Этот Союз не имел того политического влияния, каким пользовался Союз галлиполийцев; он тоже занял провласовскую позицию.

Союз русских врачей: так же как и в аналогичной организации во времена Протектората, стремления этого Союза были направлены на ведение своей профессиональной деятельности. Большинство членов этого Союза придерживалось провласовской ориентации.

Русский Красный Крест: в нем были объединены все слои русской эмиграции. Число участников на их

заседаниях значительно возросло с того времени, как в Братиславе заговорили об Освободительном движении.

Казачи-сепаратисты: (ген. В. Г. Глазков с местожительством в Праге). Эта группа в Словакии была представлена сравнительно слабо. В Братиславе ее возглавлял инж. Растрин, который стремился получить от представителей ген. Власова сведения об отношении Движения Власова к ген. П. Н. Краснову, который был Начальником Главного управления казачьих войск в Берлине.

Помимо этого существовала центральная организация, которая стремилась объединить интересы всех эмигрантских группировок. О ее деятельности сохранилось лишь сообщение о ее наличии и фамилия ее председателя, Порхаева, из Союза галлиполийцев.

Первым представителем Власовского движения, прибывшим в столицу Словакии Братиславу, был майор Дубов. Он приехал по приглашению Союза галлиполийцев, стремившегося в продолжение всего его пребывания в Братиславе, держать его в стороне от общения с остальными русскими организациями. Свое первое заседание, посвященное Власовскому движению, Союз созвал 21 декабря 1944 г. в Братиславе, в котором приняло участие около тридцати русских эмигрантов из различных организаций. Дубов заявил слушателям, что он прибыл в Братиславу выяснить положение дел в русских кругах. В Берлине, согласно его данным, существует совершенно неверное представление о русских эмигрантах и что будто бы все русские находятся в Братиславе только в военных лазаретах. Он был удивлен, найдя здесь большое количество русских офицеров и что он рассчитывает на их поддержку в рядах новой армии. После его выступления от слушателей поступило несколько вопросов о возможности поступления в армию, а также званий, на которые могли бы рассчитывать. Заседание прошло без особых происшествий.

Органы СД предоставили Дубову возможность встретиться также с иными эмигрантами в частном

порядке в отеле, в котором он остановился, а также ознакомиться с общим положением дел в Словакии. Позднее Дубов сказал, что у населения Словакии детское представление о большевистском режиме и предложил расширить пропагандную работу в интересах Власова. Аналогичное мнение он высказал и при встречах с местными немецкими организациями, например, в Обществе немецко-словацкой дружбы. В заключение его визита. Союз галлиполийцев вручил ему меморандум для передачи ген. Власову в Берлине.

Более оживленная деятельность развернулась после его отъезда. Союз русских врачей представил предложение 23-х своих членов оборудовать для ген. Власова полевой лазарет с полным составом врачей, а русская женщина-зубной врач предложила оборудование всего зубоврачебного кабинета. Русские эмигранты подготавливали ряд концертов в местном театре при участии русских артистов, главным номером программы которого было бы выступление примадонны братиславской оперы, русской по национальности. Доход от концерта было решено передать Красному Кресту РОА.

В одном лишь отношении выступление майора Дубова было принято с оговорками. Он был признан хорошим человеком, но недостаточно подходящим лицом для представительства и явно полуобразованным. В этом отношении он стал темой разговоров, главным образом, в среде бывших царских офицеров. Говоря по правде, это явление было не первым случаем, а несоответствующее представительство вообще было одним из слабых мест Движения. У обеих сторон, как немецкой, так и русской, сложилось такое мнение, что для следующего визита представителя РОА должен быть тщательно подобран такой человек, который был бы опытным пропагандистом непосредственно из окружения генерала Власова. С немецкой стороны, было высказано требование, чтобы следующий представитель не вращался бы преимущественно в кругах галлиполийцев, а посещал бы все эмигрантские группировки русской колонии в Братиславе. Наличие «нездоровых» тенденций в этом

Союзе было подчеркнуто еще раз. Поразительным является то, что это требование исходило от его секретаря, которого органы СД рассматривали в положительном свете.

Исходя из всего этого опыта, итоги которому были подведены органами RSHA в Берлине, по рапортам адресованным этому учреждению, было выведено соответствующее заключение и следующим лицом, направленным в Братиславу, был не только опытный пропагандист, но сам начальник пропагандного отдела, состоявший как бы на должности министра иностранных дел в КОНР, ген. Георгий Николаевич Жиленков.

Его посещение носило характер установления дружественных и дипломатических отношений и одновременно оказания моральной поддержки авторитету Словацкого государства, сильно пострадавшему во время подавления восстания осенью минувшего года, и наличия на его территории немецких войск. Ген. Жиленкова сопровождал представитель Рейха СС-майор д-р Фридрих Бухардт, который занимал должность Зондеркомандо-Ост в штабе д-ра Крегера.

Его приезд в Словакию, несомненно, был самым крупным событием за годы жизни в эмиграции. Он не был эмигрантским генералом. Те иногда приезжали и уезжали, создавали организации по борьбе за освобождение русских земель, а в эмигрантской печати помещали поздравления по случаю православных праздников. Жиленков был генералом иного типа, таких как в эмиграции до сих пор не было. Перед эмиграцией возникли также проблемы, которых она до сих пор еще не знала. В течение двадцати лет они жили в новой стране с родственным языком, без характерных признаков иностранца, как это случалось в иных местах. Многие из них заключили смешанные браки и в значительной мере ассимилировались. Вначале 1945-го года Красная армия начала занимать Восточную Словакию, а Подкарпатская Русь уже была утрачена. Осевшие в этих местах эмигранты снова превратились в беженцев. Когда же придет черед для тех, которые осели в Тренчине,

Жилине, и когда они будут вынуждены покидать занимаемые ими должности инженеров на государственной службе и врачей в Братиславе? Беженцы с востока не оставляли никого в сомнении об арестах в Кошицах и Прешове. Безусловно, не у всех из них был интерес к вступлению в новую армию, которая создается для той цели, которая фактически уже утрачена в результате происшедших событий. Двадцать лет они жили в надежде вернуться на родину и теперь сомневались, хотят ли они в действительности вернуться в случае победы над коммунизмом. От нового генерала, союзника немцев, который формирует «миллионные армии», они хотели узнать: есть ли надежда на то, что мы сможем здесь остаться? Кто нам в случае катастрофы сможет обеспечить эвакуацию? В 1920-м году они были еще молодыми и могли свободно передвигаться по территории послевоенной Европы; в Югославии все они могли вступить в ряды Русского кадетского корпуса, в Чехословакии они могли получать стипендии для обучения в высших учебных заведениях и стать врачами, лесными и горными инженерами. В январе 1945 года для поездки из Братиславы в Вену или в Прагу требовалось разрешение от немцев. Получить это разрешение можно было лишь тогда, когда немецкое управление дало приказ об эвакуации, и когда никто на том месте, куда они намеревались добраться, их не ожидал. Теперь у них были семьи, какое-то имущество. Это уже не были молодые казаки с лампасами. Время изменилось, изменилось и мышление.

В такую атмосферу, в Братиславу прибыл ген. Жиленков 8-го января 1945 года. На вокзале его встретили представители словацкого правительства, германских учреждений, русские эмигранты и, конечно, представители печати. Отсутствовали только украинцы и казаки из группы ген. Глазкова. Но и эти две группировки позже начали приближаться к ген. Жиленкову. Они не могли оставаться в стороне навсегда. Больше всего гостем интересовались галлиполийцы.

В тот же вечер ген. Жиленков сделал доклад для приглашенных гостей и доложил о заданиях Освободительного движения. Прежде всего он передал собравшимся два приветствия, от ОДНР и лично от ген. Власова. В его выступлении не было ничего нового, чего бы слушатели не знали раньше. Более важные заявления были сделаны позднее.^[62]

На следующий день утром, в понедельник 9-го января, он был гостем в Союзе инженеров. Там уже обсуждались проблемы, непосредственно относившиеся к русской эмиграции. Жиленков обещал, что в случае опасности для Словакии, будет организована эвакуация всех эмигрантов.

Во второй половине дня премьер-министр и министр иностранных дел д-р Штефан Тисо принял Жиленкова. Значение приезда было подчеркнуто смотром почетного караула с военным оркестром. Произошел традиционный славянский обмен поцелуями и, яко бы, сердечный разговор. Несмотря на всю внешность, пастор Тисо с трудом находил слова для бывшего советского комиссара. После этого Жиленков посетил начальника отдела пропаганды, посла Тида Гашпара.

Вечером того же дня Общество словацко-немецкой дружбы устроило в помещениях Редуты прием в честь ген. Жиленкова. На приеме присутствовали премьер-министр д-р Тисо, министры д-р Пружинский, д-р Медржицкий, Гашик, представители Словацкой армии, Т. Й. Гашпар, СС-генерал и генерал вооруженных сил СС и полиции Геффе и другие гости. На этом приеме Жиленков должен был отвечать на вопросы журналистов. Вопросы, задаваемые Жиленкову и его ответы, как и реакция органов RSHA недостаточны ясны в своих последствиях, послуживших поводом для прекращения подобных командировок и ведения пропаганды в пользу Освободительного движения вне территории Германии. В собрании всех документов, которые легли в основу данной главы, не имеется ни единого рапорта, сигнализирующего берлинскому центру что-либо против ген. Жиленкова, что могло бы вызвать его опасения. Подводимая в них оценка его выступлениям во всех случаях положительная. Нельзя,

однако, знать, сколько рапортов было отослано и весьма возможно, что сообщения отрицательного характера были сосредоточены отдельно и не сохранились,

После трех дней пребывания Жиленкова в Братиславе, произошло значительное изменение, но еще не полный поворот в стане противников ген. Власова. Ввиду того, что Жиленков делал доклады и комментировал программу КОНР, — поскольку нам известно об этом из прямых документов, — он, несомненно, должен был высказаться относительно статута остальных народов в новой упорядоченной России. Уже тогда существовало соглашение между германским правительством, представленным Розенбергом и Гиммлером, и Освободительным движением, представленным Власовым. Оно содержит шесть пунктов, полный текст которого приводится в приложении. Мне хотелось бы здесь подчеркнуть пункт № 4, по которому казакам гарантируется самоуправление, а в пункте № 5 всем нерусским народам и племенам гарантируется широкая культурная автономия. Это является трактовкой содержания пункта № 1 Манифеста КОНР, устанавливающего равноправное положение для всех народов России, право на развитие, самоопределение, а также в случае принятого ими решения, право на полную независимость.^[63] Документы свидетельствуют, что представители казачества примкнули к дальнейшей деятельности Жиленкова в Братиславе, а д-р Комаринский даже изъявил желание встретиться с ним.

В то же время находился в Брасиславе, генерал Антон Васильевич Туркул, бывш. боевой командир Дроздовской дивизии, армии генерала Врангеля. Он прибыл 11-го января, 1945 года из Зальцбурга, где был главой Союза Андреевского Флага, являющегося организацией. а также учебным центром РОА для подготавливаемой 4-й пехотной дивизии. Он встретился с представителями местных эмигрантских группировок и всем своим авторитетом ратовал за деятельность ген. Власова, указывая на то, что русская эмиграция должна безоговорочно встать на сторону Власова и что уже нет времени пребывать в

разрозненных организациях, несмотря даже на то, что Движение Власова находится в начальной стадии. Он высказался против деятельности генерала Алексея Александровича фон Лампе. Его «Русский Общевоинский Союз», по мнению Туркула, был лишь общественной организацией, мало пригодной для настоящей борьбы. Он осудил также ген. Ф. Ф. Абрамова за то, что тот покинул Болгарию во время ее разгрома только со своим адъютантом, не позаботившись об эвакуации и спасении русской колонии.

Ген. Туркул представил также своего заместителя д-ра Ира, назначенного им на должность уполномоченного по делам юго-восточных территорий, главной деятельностью которого в будущем должна быть подготовка эвакуации и обеспечение получения виз. Это сообщение было принято в среде эмиграции с чувством большого удовлетворения, главным образом потому, что они стали свидетелями того, как деятельность Жиленкова и Туркула взаимно дополняют друг друга. Для исполнения своих обязанностей у д-ра Ира было достаточно финансовых возможностей, так, что он не зависел от местных немецких учреждений.

15-го января 1945 г. состоялось заседание немецких органов безопасности и пропаганды в Словакии, на котором председательствовал SS-Hstf д-р Берч. Темой обсуждения было подведение итогов и оценка посещения ген. Жиленкова. Все его участники подтверждают, что общий ход его визита, пресс-конференция, его выступление в Редуте и затем отклик в печати и радиовещании, были приняты положительно как русскими, так и словаками, а также немцами, проживающими в Словакии (Фольксдейче). Его посещение выполнило свое назначение и вызвало рост дальнейшей инициативы в борьбе против большевизма. Недостатком является лишь слабая оценка его визита в словацкой печати, что не соответствовало большему интересу к Движению ген. Власова среди словацких офицеров.^[64] Конечно, были и голоса с критическими высказываниями. Но они были направлены не столь

против ген. Жиленкова, как скорее, против самого ген. Власова, которому некоторые эмигрантские группировки не доверяли.

Автор заключительной оценки визита Жиленкова сообщает, что она потому сложилась столь положительно, что Жиленков не прибегал к упоминанию Германии в каждой второй фразе и тем дал понять, что Власов, хоть и сотрудничал с Германией, но преследовал свои собственные политические цели. В этом отношении, выступления Жиленкова оставили такое впечатление, что «Программа Власова не могла быть более успешно и более демократично сформулирована ни в одной из великих демократических держав».^[65] Д-р Тэерч, прочитав этот абзац, подчеркнул эти строки толстой карандашной линией и на полях сделал пометку «гут» (хорошо).

Дальнейшим характерным явлением в ходе обсуждений и переговоров Жиленкова с представителями Словацкого государства было то, что они велись в «панславитском духе». Так по крайней мере их расценивает д-р Бухардт, что в то время уже не считалось нездоровым явлением, а наоборот, такие тенденции скорее поддерживались немецкой стороной. Свен Стеенберг в своей книге «Власов», приводит разговор Жиленкова с представителями иностранной печати, вопросы и ответы, источником чего является неопубликованный меморандум д-ра Бухардта, которого автор настоящей книги не имел возможности прочесть.^[66] Важным, однако, является утверждение, что ответы Жиленкова якобы носили такой характер, что д-р Крегер, прекратил его дальнейшие поездки за границу. Все это противоречит оценке, данной его посещению органами СД, а д-р Крегер в своих письмах к автору никогда не упоминает о том, что SS-Leitestelle наложил запрет на его дальнейшие поездки вне территории Рейха.^[67] И действительно, Жиленков прибыл в Братиславу еще один раз. Только одно его выступление, подтверждено документами, а именно, 8-го января 1945 г.^[68]

Концерт Русского Красного Креста в пользу РОА состоялся 22-го января в братиславском Национальном театре. Он прошел с большим успехом, чем все предыдущие концерты, устраиваемые словаками, главным образом, вероятно потому, что он являлся чем-то новым, как в политическом отношении, так и в выборе программы. Лицо, которое должно было выступить перед открытием концерта прибыло в Братиславу на следующий день, из-за прерванного железнодорожного сообщения. Это был Алексей Иванович Спиридонов, полковник РОА и заместитель начальника отдела пропаганды РОА. Вместе с ним при- был его адъютант лейт. Крылов. Их опоздание, повидимому, лишь способствовало успеху концерта, потому что о Спиридонове и его деятельности в Братиславе не сохранилось ни одного положительного слова. Речь о нем будет позднее.

27-го января 1945 г., наконец, состоялось официальное установление Представительства КОНР в Словакии. Сохранился немецкий перевод русского меморандума,^[69] который гласит:

В связи с посещением ген. Жиленкова Братиславы здесь создано Представительство Комитета Освобождения Народов России. Были назначены:

С. И. Кугаевский — Социальная помощь.

А. В. Кузминский — Военно-политический и административный отдел. Пропаганда.

А. Г. Лавров — Эвакуационный отдел

Представительство приступило к исполнению своей деятельности в канцеляриях Штругассе № 1, на 4-м этаже.

Главным назначением этой группы, в рапортах иногда обозначаемой как «триумвират», была эвакуация. Первый эвакуационный железнодорожный состав был заказан на 10-е февраля 1945 года для 1.000 -1.200 человек. Особые условия были для эвакуации в Протекторат. К. Г. Франк разрешил эвакуацию из Словакии только тем эмигрантам, у которых в Протекторате имелись родственники или знакомые, которые обеспечили бы им жилищные условия.

Для таких лиц предполагалось из Братиславы отправить особый состав.

Военный отдел приступил к регистрации тех лиц, которые вступили в ряды РОА. Полк Спиридонов предложил для этого опросные листы. Отделы пропаганды констатируют, что у него все еще мало материала, и поэтому его деятельность ограничивается лишь столицей.

Секретариат Представительства был вверен г-ну Н. А. Ленглуле, которому словацкое Министерство транспорта и общественных работ обеспечило выплату жалования на следующие три месяца. В финансовом отношении Представительство зависит от денежных пожертвований и взносов в размере 15 крон с каждой зарегистрированной особы. О своей деятельности Представительство регулярно делает отчеты штабу (не приводится кому).^[70]

Эта ограниченная деятельность является явным результатом приближающегося окончания войны и агонии Словацкого государства, включая общественные слои, которые его поддерживали, а к их числу принадлежала русская и украинская эмиграция. Две словацкие пехотные дивизии были разоружены немецкой армией в районе Медзилаборце-Стропков в восточной Словакии, как ненадежные. Остаток Словацкой армии был распределен среди технических полков и был послан в Италию; часть его уже находилась в американском плену или среди итальянских партизан. Во время этой всеобщей апатии и тревоги о будущем в Братиславу прибыл 23 января 1945 г. представитель КОНР, полк. Спиридонов. Его сдержанность и отсутствие интереса к деятельности усугубляло всеобщее настроение. Сразу после приезда он заявил, что прибыл без всякого задания и директив для деятельности братиславского отдела. Весьма вероятно, что никаких директив вообще не существовало. Он вел переговоры со всеми эмигрантскими группировками с Порхачевым, с вышеупомянутым «триумвиратом», с майором Дубовым и лейтенантом Ирой. Он больше задавал вопросы и выслушивал ответы, чем отвечал сам, а если и отвечал, то лаконично и в недружелюбном духе, а то вообще не отвечал, если дело касалось чего-либо

важного. Открыто он высказался только в двух случаях. В первом, он отклонил участие прежних эмигрантов и вступление бывших царских офицеров в ряды РОА, что в русских кругах вызвало значительное охлаждение. Во втором, он настаивал на включении украинских представителей в состав триумvirата. В этом его поддерживали д-р Кугаевский и остальные эмигранты, а Спиридонов требовал от д-ра Комаринского, чтобы к этому присоединилась и украинская группировка. Последний дал обещание, признав серьезность положения, но решения предоставил своему отцу, руководителю украинской эмигрантской группировки. Во время его переговоров с полковником Лавровым из Союза галлиполийцев, последний высказался открыто: «Мы с немцами не идем!». ^[71] Спиридонов обошел это заявление молчанием.

Также сдержанно вел он себя и с немцами; когда он должен был вторично встретиться с д-ром Гоффманом из части «Курт Эггерс», он намеренно не явился. Его пребывание в Братиславе действовало на окружающих как ледяной душ, а немецкая сторона советовала не посылать подобных лиц в заграничные командировки.

В связи с визитом Спиридонова, появляется «Казачий Союз Парапонова». Для его заданий была необходима некоторая денежная сумма, затребованная непосредственно от RSHA. ^[72]

Вся деятельность КОНР в Братиславе подитожена в двух рапортах органов СД, датированные 15-м и 22-ым февраля 1945-го года. ^[73]

До конца своего существования на территории Словакии, Представительство не было снабжено какими-либо письменными полномочиями, устанавливающими его правовое положение и которые оно могло бы предъявить во время переговоров со словацкими или немецкими учреждениями. Инж. Кузминский утверждал, что всех троих членов Представительства ген. Жиленков представил в словацких министерствах как представителей Комитета. Органы СД настаивали на том,

чтобы они были снабжены личными удостоверениями с указанием их функций. Он признает также, что главным заданием этого учреждения является подготовка эвакуации и оказание социальной помощи беженцам с востока. Относительно этого у Представительства КОНР нет точного представления о количестве лиц, о которых оно должно было бы позаботиться. Представительство не выяснило число заявок на жительство в словацких полицейских управлениях и не опросило желающих эвакуироваться. Предполагается, что в Словакии находится приблизительно от 8 до 15 тысяч человек различных народностей из Советского Союза. Спорным является вопрос, сколько из этих людей может быть эвакуировано в Германию; по всей вероятности, незначительное меньшинство.

Особым вопросом является наличие в Словакии большого количества русских инженеров и техников, находящихся на государственной службе, преимущественно в Министерстве транспорта. Во время посещения ген. Жиленкова им было обещано, что все они будут эвакуированы даже вместе с их семьями. Но в последние дни из числа эвакуированных исключаются лица моложе 16 и старше 60 лет. Это вызывает среди эмигрантов сильное волнение. Этот вопрос должен быть разрешен в словацких министерствах до 15-го февраля 1945 г.

Ожидалось, что с уходом русского технического персонала, главным образом из сектора Министерства транспорта, хаос в транспортной системе увеличится еще больше. И, наоборот, их использование на территории Германии может принести пользу. В то время еще не были широко известны результаты воздушных налетов. Западная Европа с ними ознакомилась после союзного десанта летом 1944-го года. Центральная Европа их познала весной 1945-го года. Железнодорожный транспорт, независимо от ухода русских инженеров, все равно вскоре пришел в расстройство вследствие приближения линии фронта. Нет сомнения, что русские люди, находящиеся на государственной службе в

Словакии, с большой неохотой покидали свои места, но у большинства из них не было иного выхода. Их уход с работы должен был оформляться таким образом, что они получают постоянный отпуск с отступным в размере от двух до четырехмесячного оклада, в зависимости от длительности их работы. Часть этих денег они намеревались использовать на покупку продовольствия, которое в Словакии все еще можно было получить легче, чем в Германии. Неразрешенным остался вопрос с паспортами. В документах не приводится, сколько в конце концов из них эвакуировалось и с какими паспортами.

Словацкое Министерство транспорта рассталось с отбывающими русскими людьми и с персонально ограниченным Комитетом самым гуманным путем. Из восьми санитарных железнодорожных составов, которые стояли неиспользованными из-за отсутствия в Словакии действующей армии, один полный состав был подарен братиславскому Комитету КОНР. Этот состав должен был послужить большим вкладом в дело РОА. Однако, у братиславского Комитета не было возможности для его приема и содержания в пригодном состоянии. Если мы обойдем иные вопросы, например, почему он не был использован для эвакуации, остается неизвестным, покинул ли этот состав вообще свое место на братиславском вокзале.

Неподходящим лицом для проведения эвакуации проявил себя и полк. Лавров, бывший ранее в армии ген. Врангеля. Первоначально он включил в список эвакуирующихся только своих галлиполийцев и только в последние дни включил и иных русских людей. В списке первого транспорта он приведен на десятом месте, как начальник транспорта. Новые беженцы из Советского Союза во всех его действиях по праву усматривали стремление спасти лишь прежнюю эмиграцию и потому начали обращаться за помощью к украинцам и казакам. Лавров покинул Братиславу в первом эвакуационном составе 19-го февраля 1945 г. Кузминский в это время находился в Праге.

Д-р Кугаевский, положительно расцениваемый немецкими органами, остался в Братиславе совершенно один с тяжелыми и неприятными обязанностями.

Эвакуация русских людей из Словакии была полным провалом. В нем повинны были все: словацкие учреждения из-за своей незаинтересованности, русские люди из-за недостатка инициативы и решимости, немецкие учреждения вследствие своих формальностей. Во время подготовки к отбытию была объявлена трехчасовая воздушная тревога; в немалой мере провалу способствовала проповедь священника отца Михаила, произнесенная им накануне отъезда. Неизвестно почему он навязал русским людям фатальную мысль, что нет нужды покидать эту гостеприимную страну, потому что никто не может избежать своей участи. Он весьма резко высказался против Сталина, Рузвельта и Черчилля, ухудшив этим еще больше положение. Из 650 человек, зарегистрированных в списке транспорта, по вышеупомянутым причинам явилось только около 200. Словацкие министерства выплатили отступные своему отбывающему персоналу лишь на следующий день, вследствие чего и они не могли выехать. Перед отъездом лица, готовые к отъезду, должны были заполнить опросной лист и ответить на вопрос: «Желаете ли вы вступить в ряды армии ген. Власова или нет?» — что заставило других отказаться от отъезда. Ген. Жиленков, который в это время снова находился в Братиславе, стремился произнести убедительную речь в том смысле, что каждый из отбывающих мужчин может считать для себя честью вступить на территории Германии в кадры РОА. Отказались и другие. — Среди них раздавались голоса: «Так этот транспорт идет прямо в армию! Теперь-то они, наконец, захватили нас!».

Приближался конец войны и людям не хотелось умирать...

Следующий отъезд предполагалось подготовить к 3-му марта. Он должен быть лучше организованным, с расчетом на более эффективную помощь со стороны немецких учреждений. В рапортах, однако, не сообщается

о том, как немцы глядели на своего русского союзника. Немецкое население и учреждения до сих пор не были эвакуированы. Между тем южнее Братиславы шли тяжелые бои. Немецкая армия теряла там свои последние дивизии в тщетной попытке остановить продвижение Красной армии к Вене.

В день отбытия первого эвакуационного транспорта ген. Жиленков сообщил, что в Братиславу прибыло два офицера РОА и что они будут производить набор в армию; майор Продан — для 2-й пехотной дивизии в Хойберге, и старший лейтенант Афанасьев — для смешанной авиадивизии в районе г. Карловы Вары. Можно было ожидать, что в атмосфере эвакуационного психоза этот набор не имел успеха. Прямые доказательства не сохранились..

Далее ген. Жиленков сообщил, что КОНР занят в настоящее время решением вопроса об укреплении своей позиции путем заключения контактов с заграницей. Повидимому, он имел ввиду деятельность, которую подготавливал и проводил Юрий Жеребков. Жиленков к этому добавляет, что подразумевается открытое письмо на имя Черчилля и Рузвельта, которое должно было бы «расшевелить совесть англичан и американцев». (См. главу № IX).

Наконец, Жиленков пытался лично предпринять некоторые меры, как, например, начать русские радиопередачи из Братиславы и Баньской Быстрицы. Его группа пропагандистов уже три недели находилась в бездействии. Братиславское радиовещание не желало предоставить им время, которое подходило бы для московского времени, а радиостанция в Баньской Быстрице, которая вела передачи на длине московской волны, готовилась к переезду в Германию. Коротковолновые передачи этой радиоустановки имели довольно большой успех, о чем свидетельствовали во время допросов перебежчики и пленные Красной армии. Жиленков сообщил также об успехах противотанковой части на Одерском фронте. (Группа полк. Сахарова).

Осталось неизвестным, покинул ли второй транспорт Братиславу 3-го марта 1945-го года, как неизвестно и число эвакуированных лиц. Можно предполагать, что в двух транспортных Братиславу могло покинуть около 1.000 человек. После этого транспорта, немецкие учреждения считали эвакуацию законченной. Число беженцев с востока, по сравнению с последними предположениями, должно было значительно увеличиться. Под вопросом остается судьба тысяч других. По аналогии с подобным положением во время окончания войны, можно предполагать, что большинство из них покинуло Словакию на собственный риск. Остальные ожидали свою участь, оставаясь на прежнем месте. Не потому, что на них повлияла проповедь отца Михаила, а потому, что у них просто не было иного выхода или они чувствовали себя слишком уставшими от своей судьбы — быть вечными беженцами.

Часть из тех, кто решил остаться на месте, после прихода Красной армии была сослана в Советский Союз. Некоторым из них помогли доброжелательные нотариальные учреждения. Может быть они были подкуплены, но они помогли людям, попавшим в беду; евреям — во время войны, а русским — после войны, спастись от собственных братьев.

После перечисления содержащихся в документах событий, которые легли в основу настоящей главы, следует пустота, измеряемая горем человеческого страдания.

VII

Введение 1-й дивизии в бои на восточном фронте

А теперь вернемся немного назад, к драматическому изменению событий, которое произошло 2-го марта, когда полк. Херре получил приказ отправить 1-ую дивизию в армейскую группу «Висла» и там включить ее в бои на фронте. Исполнение приказа, однако, оттягивалось из-за споров о том, кто именно имеет право отдавать приказание русским частям. Прежде, чем это положение было разрешено, в дивизии развернулась чрезвычайная деятельность. Это была, собственно, подготовка к бунту, первому из многочисленных, которые потом последовали. Генерала Буняченко так рассердил тот факт, что он получает приказания от кого-то другого, а не от собственного командира ген. Власова, что он готов был не подчиниться, поэтому подготовка к уходу, производимая тогда членами дивизии, была скорее подготовкой к вооруженному восстанию. Отношение ген. Буняченко к полк. Херре не было из наилучших, а когда Херре предъявил ему приказ о железнодорожной переправке на восточный фронт, то вспыхнул открытый конфликт. Согласно тексту приказа, дивизия должна быть разделенной по разным железнодорожным транспортам таким образом, что части были бы разделены и оторваны от своих командиров, а поэтому весь транспорт пришел бы в хаотическое состояние. Буняченко подозревал, что в этом кроется намерение снова разделить дивизию на мелкие части. Переговоры затягивались и конфликт готов был перейти во взрыв. Буняченко созвал своих командиров и было принято решение подготовить дивизию к вооруженному сопротивлению так, чтобы в случае, если немцы решатся на насильственные действия, то дивизия немедленно покинет район Мюнсингена и пробьется в горы к швейцарской границе, находящейся на расстоянии всего нескольких десятков километров. Там дивизия должна будет дать отпор немцам, войти в контакт с наступающими союзниками и вместе с ними начать

боевые акции против немецкой армии. В операции должна была участвовать и 2-я дивизия, а также юнкера офицерского училища. Обе дивизии должны были вооружиться запасами оружия из местных немецких складов.

5-го марта в дивизию прибыл ген. Власов и благодаря своему влиянию внес успокоение в создавшееся положение. Планы переброски на фронт были переработаны, а с немецким командованием было достигнуто соглашение о том, что на тот же участок восточного фронта будет переведена и 2-я дивизия, остальные части и, главное, Казачий корпус из Хорватии и Италии. После сосредоточения этих войск, командование ими будет принято генералом Власовым, а вся армия будет в дальнейшем совершать операции самостоятельно.

После того, как 5-го марта Власов этот приказ подтвердил, 1-я дивизия покинула лагерь Мюнсинген, между 6-м и 8-м марта. Офицером связи был назначен майор Хельмут Швенингер. Перемещение из Мюнсингена в Нюрнберг было произведено тремя походными маршами, а оттуда продолжалось железнодорожным транспортом в учебный центр Либерозе, в тылу восточного фронта. Отдельные части постепенно прибывали в лагерь между 22-м и 26-м марта.

Перемещение 1-й дивизии на фронт, а затем на юг Чехии, приводится с указанием времени на прилагаемой карте. При сравнении с нанесенным общим положением, начиная с января и кончая апрелем 1945 г., карта прекрасно отображает заколдованный круг, в котором русские части перемещались под давлением всеобщего военного положения. Стремление к самосохранению, хоть и проявленное лишь непосредственно в последние фазы боев, было в различных вариантах главным мотивом действий многотысячной армии. (Карта № 2).

Перемещение дивизии в апреле месяце по территории Чехии было вызвано именно этим включением в бои на восточном фронте. Если бы она осталась в лагере в Мюнсингене, то приблизительно 21-го апреля, она

перешла бы в плен к американцам. Однако, ее судьбу это не изменило бы. Согласно Ялтинской конференции, она все- равно была бы выдана Советам. Но ввиду того, что она участвовала по меньшей мере в двух, хотя и ограниченных акциях, можно хотя бы частично дать оценку того, чего именно армия ген. Власова могла бы достигнуть, если бы ей для этого были предоставлены время и подходящие возможности. Обе акции, как на восточном фронте, так и в Праге, были тесно связаны тем, что в бои была включена лишь неполная и изолированная дивизия и, хоть и со сравнительно многочисленным количеством бойцов, она воевала, как говорится, «спиной к стене». Этот фактор необходимо учитывать при любом суждении о военных достижениях 1-й Дивизии РОА.^[74]

Во время предварительных переговоров, состоявшихся в армейской группе «Висла» между ген. — полк. Готтхардом Гейнрици, который сменил в управлении Гимmlера, и представителя РОА, было вынесено решение, что включение дивизии в бои будет иметь ограниченный, главным образом, пропагандный характер. Оба штаба выбрали боевое задание, которое дивизии дало бы возможность добиться успеха. Немецкая армия обещала оказать всестороннюю поддержку, главным образом, артиллерийской подготовкой и включением самолетов.

Восточный фронт в первых числах февраля остановился на реке Одер и советская армия готовилась к решительному наступлению на Берлин, который, ради престижа, хотела занять первой. Общеизвестно, что советскому прорыву на Одере предшествовало массовое скопление частей и необыкновенно широкое использование технических средств. Этот факт освещает то положение, в котором оказалась 1-я дивизия во время своего первого введения в бои на фронте.

Угрозу дальнейшего наступления Красной Армии должны были остановить немецкие части Запасной армии, быстро призванные из гарнизонов. Среди них было Офицерское училище из Потсдама (командир — подполковник фон Нотц), состав которого был пополнен частью из Фольксштурма до силы двух полков. Один из

них Фааненюнкеррегимент № 1233, под командованием подполк. фон Нотца дошел до района южнее Франкфурта на Одере. Полку не удалось полностью остановить наступление Красной Армии, которая перешла скованный льдом Одер и построила предместное укрепление Эрленхоф,^[75] южнее от Фюрстенберга. В тяжелых боях, которые происходили между 2-м и 10-м февраля, полк помешал расширению предместного укрепления, главным образом, в западном направлении. До конца марта положение на этом участке установилось таким образом, как это приводится на карте № 3. Предместное укрепление было около шести километров длиной, но его глубина составляла лишь несколько сот метров. Позднее, когда лед на реке Одер растаял и уровень реки поднялся, глубина укрепления в некоторых местах была лишь 100 метров.

Введение в бок на восточном фронте одной русской дивизии никак, конечно, не могло воспрепятствовать угрозе надвигающейся катастрофы. Но дивизия была организована, была вооружена и обучена, поэтому немецкое командование решило подвернуть ее испытанию огнем.

В надежность русских добровольческих частей немцы никогда полностью не верили, поэтому для испытания избрали такое место, где перебежке на вражескую сторону препятствовало бы топографическое расположение. Укрепление Эрленхоф этому условию соответствовало. С восточным берегом Одера их соединяла переправа, а мост из Фюрстенберга через Одер был при отступлении немецкой армии уничтожен. Кроме того, укрепление соответствовало общепринятому тактическому условию: его уничтожение было заданием рассчитанным на силу одной пехотной дивизии. Когда положение на фронте установилось, части Красной Армии использовали каждую ночь для того, чтобы на предместном плацдарме возводить укрепления к до середины апреля месяца построили целый ряд дотов полевого типа и траншейной системы, защищенной густыми заграждениями из колючей проволоки и минными полями. Кроме того, оно было под сильной охраной артиллерии с восточного

берега Одера, расположенного выше чем западный, и на нем были луга и поля, открытые в западном направлении. Советские части, которые защищали предместное укрепление, состояли из молодых и хорошо обученных призывников и на все попытки немцев уничтожить его в феврале и марте, оказывали решительное сопротивление.

Во время относительного покоя, немецкая армия произвела несколько разведок с целью приобретения сведений и к захвату пленных. В одном случае, лобовую атаку производил ударный отряд СС. Из этой атаки вернулась в исходное место лишь треть бойцов, да и то все с ранениями. Вплоть до начала дальнейшего наступления, немцам не удалось здесь захватить ни одного пленного.

Последний транспорт 1-й дивизии прибыл на железнодорожную станцию Либерозе 25-го марта. Войска разместились временно по окрестным лесам.

27-го марта дивизия вошла в подчинение 9-й армии, командир которой ген. Теодор Вуссе приказал дивизии построить и занять 2-ю оборонную линию в 10–12 километрах восточнее от линии фронта на Одере. Штаб расположился в селении Гросс-Мукров, а полки устанавливали оборону на реке Шлабе, между городами Рейхерскройзе и Мюльрозе, юго западнее от Франкфурта на Одере.

Это, однако, противоречило первоначальным распоряжениям, а поэтому дивизия не была удовлетворена новым заданием. Она согласилась с заходом на фронт лишь при том условии, что вместе со 2-й дивизией и с казачьими частями будет сформирована самостоятельная, более значительная часть, под непосредственным командованием ген. Власова, а подчинение 9-й армии этому не соответствовало. Во время переговоров с командиром 9-й армии, ген. Буняченко выразил полное несогласие. Однако, ген. Буссе его заверил, что все остальные части находятся в пути и что прежде, чем они прибудут, дивизия должна быть как-то использована. Буняченко все-таки не верил, да и впрямь, он имел серьезные основания предполагать, что Буссе не говорит

ему правду. Казачьи дивизии сражались глубоко в Хорватии, а до сих пор фактически невооруженную 2-ю дивизию нельзя было рассматривать как боевую часть. Все же он, в конце концов, подчинился и дивизия приступила к установке обороны, стала нести сторожевую службу, а ее разведывательные отряды старались проникнуть на правый берег Одера.

го апреля Буняченко, наконец-то, получил от 9-й армии приказ подготовить свои части к атаке на предмостное укрепление Эрленхоф. Но Буняченко имел новые возражения: Где 2-я дивизия? Где Казачий Корпус? Почему приказ пришел не от ген. Власова? Ген. Буссе отвечал: «Как вы себе представляете? Вы думаете, что ваша дивизия тут будет сидеть, ничего не делать и ждать прибытия остальных власовских войск? А что, если они не придут, то вы не намереваетесь вообще воевать?».

Буняченко заявил: «Придут ли остальные русские части или нет, это зависит от немецкого командования. А будут ли они воевать или не будут, это зависит от генерала Власова».

8-го апреля в дивизию прибыл ген. Власов с группой немецких офицеров. Уже во второй раз он появился в последнюю минуту и снова воспрепятствовал угрозе нового конфликта. Он утвердил приказ и включение дивизии в боевую атаку.

Атака, с заданием ликвидировать предмостное укрепление, была назначена на 13-е апреля 1945 г. Во время предварительных переговоров в операционном штабе 9-й армии, у немецких офицеров сложилось такое впечатление, что как ген. Буяченко, так и начальник его штаба Николаев, обладают большими военными познаниями и что ген. Буняченко явно одаренный командир. В переговорах принял участие и ген. Власов, но сразу же после этого, 12-го апреля, он снова уехал.

На тех участках фронта, где немецкие офицеры вошли в прямое соприкосновение с командирами отдельных частей дивизии, они расценивали их качества по-разному. Немцы разделяли русских офицеров на два типа: тип

«советский» и тип тех офицеров, которые служили еще в царской армии. Эти офицеры отличались от офицеров советского типа, главным образом, лучшим поведением в обществе. Буняченко трудно было отнести к какой-либо группе. Несмотря на службу в немецкой армии в течение нескольких лет, он оставался человеком неотёсанным для немецкого вкуса. Всеобщей отличительной чертой было, однако, отмежёвывание русских командиров от своих бойцов. Согласно немецкой оценке, эти две группы жили рядом, но не вместе.

После определения задания и обсуждения подробностей, ген. Буняченко поставил немцам следующие условия:

1. Артиллерийская подготовка должна быть обеспечена немцами 28.000 зарядов;

2. Немецкие части не будут участвовать в атаке. Они сменят дивизию лишь после занятия предмостного укрепления;

3. Атаке будет предоставлена помощь самолетами.

Все эти условия были выполнены со стороны немецкого командования. [76]

Описание хода самой атаки здесь составлено на основании немецких и русских источников, главным образом, по данным полк, фон Нотца и по описаниям подполк. Артемьева, командира 2-го полка дивизии.

Условия для боевой активности были вообще неблагоприятными. Лобовая атака или какое-либо передвижение частей были исключены из-за условий местности, т. к. территория была ровной, без растительности и под наблюдением с восточного берега Одера. Единственным направлением, возможным для проведения атаки, было идущее вдоль западного берега по обеим боковым сторонам предмостного укрепления, где на севере и на юге были две узкие полосы, пригодные для продвижения. Этими полосами являлись, собственно говоря, предохранительные дамбы и искусственные земляные валы, которые постепенно расширялись в

глубину этого оросительного района. Наступление, на такой узкой полосе давало место только одной пехотной роте между Одером, с одной стороны, а с другой, ровной поверхностью с заграждениями из колючей проволоки. Таким образом, если бы рота проникла в глубину оборонной линии, то ей удалось бы приобрести территорию, на которой лотом мог бы развернуться пехотный батальон. Необходимо, однако, было учитывать, что атакующие будут подвергнуты как лобовому, так и боковому обстрелу.

Вопреки этим крайне неблагоприятным условиям, немецкое командование настаивало на проведении атаки, несмотря на то, что Буняченко указывал на все эти обстоятельства и не скрывал, что сомневается в успехе наступления. Наконец, он заявил, что дивизия пойдет в атаку лишь тогда, когда приказ придет от самого ген. Власова.

За день до этого, было произведено перемещение дивизионной и полковой артиллерии на новые огневые позиции, которая вместе с немецкой артиллерией, должна была участвовать в артиллерийской подготовке и переброске огня во время наступления.

Начало наступления было назначено на 5.00 часов. На разработку планов были уполномочены геп, Буняченко и его штаб. В атаке должны были участвовать две атакующие группы, каждая в силе одного пехотного полка, которые должны были продвигаться с севера на юг, вдоль берега Одера. Использование танков или самоходов в низко расположенной местности, частично затопленной водой, было исключено. Саперную подготовку наступления произвели немецкие части. Саперный батальон дивизии был в это время в Мюнсингене и позднее, вместе с частями 2-й дивизии, переместился в южную Чехию. В северной атакующей группе был 2-й пехотный полк, а южной атакующей группой был 3-й пехотный полк. 1-й пехотный полк находился за немецкой оборонной линией, в качестве резерва командира дивизии.

Остальные дивизионные части остались позади и приступили к сооружению второй оборонной линии. Они находились в состоянии полной боевой готовности, главным образом потому, что командование дивизии опасалось вражеского вмешательства со стороны немецких частей.

Против фронтальной атаки с запада говорил опыт, приобретенный в течение прошлых месяцев. Подполк. фон Нотц все-таки предлагал, чтобы хотя бы один полк пошел в атаку, с применением дымовой завесы, через открытую территорию с запада. Его проект, однако, не осуществился.

Немецкие части 1233 Фаанен юнкер полка пережили перед наступлением беспокойную ночь. Вплотную перед ними были окопы с частями Красной Армии, а непосредственно в их оборонной позиции, занимали исходное положение идущие в атаку полки РОА, их «союзники». Для этой ночи был дан пароль: «Да здравствует Власов».

В 04,45 мин. немцы начали артиллерийскую подготовку, которая по световым сигналам наступающих частей и соответственно ситуации, должна была перебрасываться вплоть до полной ликвидации предстоящего укрепления. Одновременно, артиллерия должна была держать под огнем переправу и артиллерийские батареи Красной Армии на восточном берегу Одера.

Ровно в 05.00 час., атака началась. Открыли ее развернутые роты с севера и юга. Советская оборона была этой атакой застигнута врасплох. По всей вероятности, она не ожидала нападения, несмотря на то, что немецкие батареи производили пристрелку на цели со вчерашнего дня.

Уже с самого начала продвижения, полностью проявились все невыгодные стороны условий местности, да и вообще всего положения. Роты, продвигающиеся в узких местах через первые окопы, очутились под боковым обстрелом и не были в состоянии продвинуться в глубину

обороны. Подполк. Вячеслав Артемьев, командир северной атакующей группы, сравнивал ситуацию с мясорубкой, способной перемалывать все новые и новые роты и батальоны по мере того, как они последовательно бросались бы в бой.

Когда Буняченко получил рапорты от двух командиров полков, то решил не включать дальнейшие роты в прорыв обороны и остановил наступление на той линии, до которой атакующие части дошли. Он сообщил о своем решении командиру 9-й армии Буссе, но получил следующий ответ: «Продолжать атаку. Вытеснить врага с предместья во что бы то ни стало и занять позицию обороны на западном берегу Одера. На этом участке фронта сменить немецкие части в обороне».

Последняя фраза противоречила соглашению, договоренному на совещании в штабе армейской группы «Висла». Правда, 1-я дивизия должна была завладеть укреплением, но оборону на Одере должны были перенять после этого немецкие части.

То, что затем последовало, было окончательным выходом дивизии из подчинения немецкому командованию: так именно и озаглавил подполк. Артемьев, в своем дневнике главу о событиях, последовавших после окончания атаки. (См. книгу; П-к Артемьев — «Первая Дивизия РОА». Изд. СБОНР, Австралия 1974 г.).

За наступающими частями южной группы следовал подполк. фон Нотц в сопровождении командира своего северного батальона кап. Харбрехта и двенадцати венгерских солдат, служивших в немецком полку в качестве добровольцев. Нижеследующие данные взяты из его наблюдений:

Сначала атака проходила соответственно плану, несмотря на то, что на севере наступление вскоре замедлилось. Артиллерия несколько раз перебросила огонь, но атакующие войска, наконец, остановились у проволочных заграждений, где и раньше были остановлены все предшествующие немецкие атаки. Кроме

вышеупомянутых препятствий, возникших вследствие неподходящих условий местности, неукладке безусловно способствовало и то обстоятельство, что это первое включение РОА во фронтовые бои было просто слишком запоздавшим. В частях в то время уже не было той дисциплины, чтобы они были способны выполнить столь тяжелое задание. Теоретически рассуждая, их цифровой перевес (приблизительно 1:8), а также оказанная им артиллерийская поддержка, должны были привести к успеху. Проволочные заграждения и там месте, до которого дошли атакующие, части, были сильно повреждены. Радиоконтакт Красной Армии, перехватываемый в ходе атаки, указывал, в каком затруднительном положении защитники находились: «Пошлите помощь, самолеты, мы не устоим». Части Красной Армии также знали, кто именно их атакует: немецкие самолеты в этот день были обозначены Святоандреевским Крестом.

Критическое положение настало между 8.00 и 10.00 часами. После этого стало ясным, что атака закончится неудачей, т. к. в атакующих полках наглядно проявлялись признаки разложения. Около 12.00 часов они все вернулись в свои исходные позиции.

В то время на захваченной части укрепления оставался один лишь командир немецкого полка со своей группой, которая собирала огнеметы, оружие и боеприпасы, брошенные на поле сражения. Одновременно Красная Армия перебрасывала подкрепления с восточного берега и весьма медленно, с большой опаской, начала занимать свои первоначальные позиции.

Так закончилось первое введение дивизии в бои. Согласно суждению подполк. фон Нотца, она не была боеспособной. В ней сказывались все признаки такой части, которая собиралась наскоро, из абсолютно разнородного людского материала, и это обстоятельство, вместе с отрицательным влиянием со стороны германского политического управления, а также вследствие приближающегося окончания войны, вызвало в самой дивизии неизбежное внутреннее напряжение.

Выражаясь весьма просто, по словам фон Нотца, русская дивизия имела в то время лишь один интерес — самосохранение.

Относительно же командного состава, то и в нем проявлялись такие же противоположности, как и среди бойцов. Немецких офицеров больше всего поражал способ командования в дивизии. Командиры полков и батальонов имели командные посты далеко позади за своими частями, а не среди них, как было привычным в немецкой армии. Например, командир полка подполк. Александров остался за 7 километров позади линии наступления и поэтому мог включаться в ход боя только лишь по радио.^[77]

После окончания атаки, когда дивизия стянулась в тыл немецкой обороны, дисциплина еще более упала. Были даже случаи перестрелок с немецкими частями.

В последующие дни дивизия по собственному решению покинула фронт. Для 9-й армии это было желанным решением, а для 1-й дивизии — необходимостью.

Акция 1-й дивизии на Одере была лишь незначительным эпизодом в конце Великой войны. Для германских офицеров, которые ратовали за создание РОА, это было большим разочарованием. Если считать подлинным изречение ген. Власова: «Война на Востоке будет выиграна, если 1-й Дивизии удастся отеснить Советскую армию хотя бы на 5 километров»,^[78] то необходимо заметить: Власов должен был знать, что на Одере не имелось в то время ни малейшей перспективы на успех такого размера. И если бы даже дивизии удалось ликвидировать укрепление, то нет никакого сомнения, что как только советское командование узнало бы, кто, собственно стоит против них, то по политическим соображениям включило бы в контратаку любые силы, — а они имелись у него в наличии, — и, не считаясь ни с какими жертвами, продолжало бы контратаку до тех пор, пока в живых не осталось бы ни одного бойца дивизии.

За день до атаки, в разговоре с майором Швеннингером, ген. Власов сказал: «Многое зависит от операции

Эрленхоф. Но не настолько, чтобы мы могли пожертвовать 1-й дивизией. Мы должны ее сохранить. Она нам нужна». Из этого, а также из той поспешности, с которой ген. Буняченко, без немецкого разрешения, стянул дивизию с участка фронта ясно, что оба генерала отдавали себе полный отчет в этом и согласно этому и действовали. То обстоятельство, что ген. Власов уехал с фронта еще перед началом наступления, также свидетельствует о том, что он согласовал с генералом Буняченко не рисковать излишне и стянуть дивизию, как только для этого представится возможность. Правда, в источниках этого нигде не приводится, но я лично думаю, что это близко к правде.

На другом берегу Одера советские части находились в состоянии относительного покоя. Немецкая авиаразведка была ограниченной. Советские части не поддерживали радиоконтакта. Все это указывало на приближение последнего наступления.

У генерала Буняченко земля горела под ногами.^[79]

VIII

Переброска 1-й дивизии на юг

Поход 1-й дивизии на юг, в Чехию, шел вопреки немецким приказам, а часто даже как проявление полного неповиновения, что немцы квалифицировали как признак мятежа. 1-ю дивизию, после ее ухода с фронта близ Эрленгофа, объединял с немецкой армией единственный фактор: зависимость от поставок горючего материала и продуктов питания.

Непосредственно в 9-й армии, командир которой был очевидцем случившегося краха, доводы ген. Буняченко были приняты с пониманием и дивизии было разрешено покинуть фронт и переместиться на юг. Такое положение соответствовало планам КОНР — сосредоточить армию в Австрии. Дивизия должна была отойти в район севернее от г. Коттбус и, тем самым, перейти в ведение армейской группы «Центр» фельдмаршала Фердинанда Шернера.

Самому походу предшествовал разговор, состоявшийся 14-го апреля между майором Швеннингером и генералом Буняченко. Последний дал себе повторить все приказы предшествующего дня и спросил Швеннингера, какие будут по его мнению дальнейшие приказания и не предполагает ли он, что дивизия будет снова послана на фронт. Майор Швеннингер ответил, что сведений об этом пока что не имеется. Однако, Буняченко продолжал возвращаться к этому вопросу и, наконец, схватив со стола какую-то бумагу, с возмущенным видом сказал: «А, что вот это?».

Это был приказ, согласно которому 600-я пехотная дивизия — русская (немецкое обозначение 1-й дивизии) входит в подчинение 275-й немецкой пехотной дивизии в рамках армейской группы «Центр». Ее заданием является занятие позиции в тылу этой немецкой дивизии. Ген.

Буняченко решительно отказался исполнить столь унижительный приказ и настаивал на том, чтобы дивизия, прежде чем она примет какое-либо приказание, была

перемещена в район Коттбуса, соответственно приказу ОКБ данному через 9-ю армию.

Так начались дни, полные упорных очных ставок с маршалом Шернером, командиром армейской группы «Центр». Маршал Шернер был своеобразной личностью. Он был самым молодым немецким маршалом и этот пост приобрел благодаря своей жестокой бесжалостности. Военное счастье ему пока-что сопутствовало и он жил в условиях относительного покоя. Подвластная ему территория была частью большого участка, в состав которого входили Чехия, Моравия, Силезия, Австрия, Бавария и Северная Италия (см. карта № 1). Этот участок был мало затронут военными событиями и союзными бомбардировками. Армейской группе «Центр» принадлежала северная часть этого участка, которая, помимо относительного слабого натиска с Востока, в Силезии и Моравии, находилась пока в состоянии относительного покоя ожидая лишь окончания войны.^[80] Крупные наступления происходили на севере и на юге, на Берлин и по долине Дуная. Вследствие этого относительного покоя, у Шернера пока что имелось достаточно времени, чтобы разводить интриги и их мишенью стала именно 1-я дивизия. Шернеру импонировали ее многочисленность и вооруженность, что в то время было уже необычным для сильно ослабленных немецких дивизий. Удивительно, все же, что у него нашлось столько времени, чтобы обратить свое внимание на одну-единственную дивизию. Быстрый ход событий требовал, скорее, иных решений. Но, об этом позднее, — в дальнейших главах.

Майор Швеннингер знал, в чем дело и поэтому не хотел допустить, чтобы это положение перешло в открытый конфликт. 275-ая дивизия группы «Центр» была подчинена 5-му армейскому корпусу в Коттбусе и майор Швеннингер прибыл в его комендатуру 14-го апреля, приблизительно в 11.00 часов. Там он старался убедить командующего генерала, что у дивизии иные задания, совсем не входящие в рамки его армейского корпуса. Вскоре, однако, он убедился, что дух Шернера

владевает и среди подчиненных ему частей. Командир 5-го корпуса отказался изменить приказ и сообщил Швеннингеру, что маршал Шернер должен прибыть в комендатуру корпуса в 14.00 часов. Шернер вел себя во время переговоров со Швеннингером, как со своим подчиненным. Он дал ему понять, что у него нет времени для обсуждения судьбы одной дивизии, которая так неожиданно появилась на его участке, но в конце концов все же дал себя убедить, что в силу особого характера дивизии, будет более рациональным использовать ее в ином месте, где у нее будет больше возможности развернуть свою деятельность. Безусловно, оба офицера хорошо знали, что это лишь академическая полемика. Все же Шернер отменил приказ о подчинении 1-й дивизии 275-й немецкой дивизии, но оставил за собой право выносить решение о ее дальнейшем использовании, относительно же ее перемещения на территорию Чехословакии, пока что не высказался.

После своих успешных переговоров, майор Швеннингер вернулся к Буняченко и сообщил ему, что дивизия должна ожидать последующих приказаний.

15-го апреля, в 9.00 час. утра, Буняченко его снова вызвал в штаб. Там, по всей вероятности, происходило совещание, т. к. присутствовали все командиры полков и дивизионных батальонов. Буняченко был в хорошем настроении, предложил Швеннингеру бокал вина, а затем, соответственно своей привычке, обрисовал настоящее положение дел. Швеннингер занес его слова в своих записях:

«Вы знаете, что я подчинен генералу Власову и ему только ответственен так же, как и любой командир немецкой дивизии ответственен перед своим начальством. Каждая боевая деятельность моей дивизии требует хотя бы согласия генерал Власова. На этом я должен безоговорочно настаивать. В остальном же, каждому солдату, который о положении дел судит толково, должно быть ясно, что мою дивизию необходимо переместить с этого участка, иначе она будет раздроблена между союзниками, наступающими с запада и с востока, и она

определенно попадет в руки Красной Армии. О последствиях я не должен вам говорить. Вчера Вы мне сообщили, что я должен ожидать дальнейших приказаний. После серьезного размышления и, учитывая все данные обстоятельства, я прошу Вас, чтобы Вы сообщили в 5-й корпус, что мне не остается ничего иного, как принять дальнейший приказ ген. Власова, или же самому дать дивизии приказ выступить на юг». И еще добавил с легкой иронией: «Сообщите командующему генералу, что вся дивизия сосредоточена на этом участке и что мы хорошо размещены. Нам тут хорошо, лес нас защищает от авиаразведок, наша противотанковая оборона, самоходки и танки размещены так, что мы способны на оборону любого вида, например, и против прорвавшихся вражеских танков».

Это было уже явной угрозой и немцы должны были ее расценивать, как бунт. Повидимому, так решили командиры дивизионных частей, т. к. знали, что ген. Власов находится вне досягаемости дивизии и никакого приказа дать не может. Угроза ген. Буняченко была переломным пунктом. Вследствие этого, дивизия сама себя выключила из союза с немецкой армией и решила преследовать собственные цели, т. е. соединиться с остальными частями РОА на территории бывшего Протектората Чехии и Моравии.^[81]

Что дивизия с этого момента находилась в состоянии мятежа, было ясным, в первую очередь, самому ее командиру. После окончания разговора, Буняченко спросил майора Швеннингера, готов-ли он сообщить это решение командованию 5-го корпуса. Швеннингер согласился и ушел. Начальник штаба дивизии подполковник Николаев его сопровождал по дороге из здания. Он знал, с каким именно посланием Швеннингер уходит, поэтому предложил ему послать это сообщение по-радио, чтобы Швеннингер мог избежать подозрения, что он тоже участвовал в этом решении. Швеннингер все же настоял на том, что он это сообщение сделает лично. Тогда Николаев дал ему радиостанцию дивизии и добавил:

«Если с Вами что-ни- будь случится, то мы придем и выгородим Вас из этого».

В то утро, 16-го апреля, как раз, когда Майор Швеннингер добился связи со штабом 5-го корпуса, началось наступление Красной Армии. Поэтому ни у кого не было времени заниматься дивизией, которая причинила столько хлопот, и дивизия весьма быстро получила разрешение продолжать движение на юг. У Швеннингера сложилось такое впечатление, что все были довольны тем, что эта проблемма разрешилась сама собой.

Целью 1-ой дивизии было достигнуть территории Чехии, как можно скорее. Швеннг*нгер в течение всего последующего времени, путем своего влияния старался избегать всех дальнейших приказаний. Военное положение с каждым днем ухудшалось и дивизия должна была идти по окольным путям, чтобы не столкнуться с Красной Армией. Все верили, что если конец войны застигнет их на территории Чехии, то это будет для них гораздо лучше, чем оказаться среди немецкого населения на германской территории. В этом отдавал себе отчет штаб армии Шернера.

Движение дивизии на юг указано на карте № 2.

16-го апреля, когда дивизия находилась в области Сенфтенберг, она соединилась с 4-м полком, которым командовал полк. Сахаров и который в середине марта был перемещен из Дании на фронт в районе Штетин-Гарц-Казеков, где он занял вторую линию обороны. Полк принял участие в попытке перейти Одер и создать предмостное укрепление на правом берегу. Эта попытка не удалась из-за неудовлетворительной артиллерийской подготовки. 16-го апреля полк соединился с 1-й дивизией в районе Франкфурт-на-Одере. В тот же день 1-й и 2-й батальоны покинули железнодорожную станцию Либерозе вслед за 1-й дивизией. 3-й батальон прибыл на станцию Либерозе лишь на следующий день, когда как раз началось советское наступление на Одере. Батальон попал в плен непосредственно на железнодорожной станции и лишь

незначительной группе удалось пробиться на запад. Из офицеров спасся лишь пор. Шаповалов.

Однако, прежде чем дивизия вышла в поход, она получила еще один приказ: переместиться на фронт. Под первыми ударами наступающей Красной Армии, в немецком командовании произошла явная паника и поэтому они от дивизии требовали оказать поддержку немецкой обороне в области Косель, приблизительно в 6-ти километрах на северо-запад от г. Ниески. Генерал Буняченко отказался

исполнить это и приказал дивизии продвигаться на юг, причем отверг предложение о предоставлении ему железнодорожного транспорта из Радеберга. Дивизия выступила и следовала по узкому проходу, который оставался между двумя фронтами. Посередине этого прохода немцы установили прожектор, который ночью служил в качестве направляющего маяка для всех частей, отступающих на юг. 1-я дивизия воспользовалась этой возможностью и уже 21-го апреля, когда достигла г. Бад Шандау, снова оказалась в условиях относительной безопасности. Весьма вероятно, что если бы она ожидала предоставления железнодорожного транспорта в районе Радеберг, то она никогда не попала бы на территорию Чехии.

Еще до того, как дивизия дошла до Радеберга, рядом с 4-м полком, который следовал в качестве арьергарда, появилась конная группа горцев Кавказа, а с ними 15 шотландцев в красных беретах, из какого-то лагеря военнопленных. Шотландцы были переодеты в форму РОА, чтобы не привлекать на себя внимания, и проследовали весь дальнейший путь вместе с 4-м полком. Речь о них будет позже.

По пути на юг, дивизия забирала брошенные немецкие танки и самоходки, количество которых возросло до нескольких десятков. Однако, с большими трудностями приобреталось горючее для них и, главное, огнеприпасы. В обоих был уже большой недостаток.

21-го апреля дивизия достигла г. Бад Шандау, а 23-го апреля пришел дальнейший приказ из штаба Шернера: дивизия должна занять линию обороны в районе г. Нови Бор (нем. Хейда). Одновременно с этим, ген. Буняченко получил приказ явиться 24-го апреля, в 17.00 часов, в Нови Бор, где он должен лично встретиться с маршалом Шернером, где по всей вероятности, Шернер должен был дать приказ для подготовляемой обороны остающейся территории. Вместо ген. Буняченко прибыл начальник разведки дивизии майор Костенко с сообщением, что Буняченко получил травму во время автомобильной катастрофы. Когда майор Швеннингер увидел ген. Буняченко после его возвращения в дивизию, голова у Буняченко, его правая нога и рука, были покрыты бинтами и он красочно рассказывал, что с ним произошло. Майор Швеннингер не верил ни единому слову его повествования.

24-го апреля дивизия перешла границу Чехии, западнее от гор. Дечин. Штаб дивизии расположился в районе г. Дечински Снежник, непосредственно на горном хребте Крушне-гори (Рудных гор). Здесь ген. Буняченко вынужден был дать дивизии отдых. Продвигаться далее на юг все-равно было невозможным, т. к. дивизия израсходовала зесь запас горючего, а продуктов питания оставалось только на один дет. Именно в это время, пришло извещение о предстоящем посещении дивизии фельдмаршалом Шернером.

26-го апреля, вместо него, однако, прилетел на самолете начальник штаба армейской группы ген. Олдвиг фон Натцмер. Согласно его решения, дивизия должпа была занять оборонный участок в районе г. Брно, шириной в несколько десятков километров, частично уже занятый немецкими частями, а 1-я дивизия должна была заполнить незанятые участки. Перемещение предполагалось осуществить при помощи железнодорожного транспорта. Оба приказа имели дополнения, гласящие, что будут предприняты суровые санкции в случае невыполнения приказа дословно. Ввиду того, что у дивизии к тому времени иссякли все запасы, ген. Натцмер дал приказ

экипировать ее на три дня. Дальнейшие запасы должны были поступить по мере продвижения по железной дороге. Ген. Буняченко, хотя и сделал вид, что приказ принял, ко когда ген. Натцмер отбыл, он заявил: «Маршировать за кусок хлеба? — Ну, нет!».

Исполнение приказа об обороне г. Брно означало бы, в действительности, рассеивать армию. Отдельные транспорты, в ходе их прибытия в этот район, получали бы задания соответственно срочной необходимости на фронте, вследствие чего дивизия перестала бы существовать. Кроме того, было под вопросом, удастся ли железнодорожным транспортам вообще добраться до г. Брно. Можно предполагать, что большинство из них вышло бы из строя в результате воздушных налетов американских истребителей.

Ответственность за решение, подчиниться ли приказу или действовать далее самостоятельно, взял на себя совет командиров, созванный немедленно после отбытия ген. Натцмера

«... Положение создалось такое, что я сам не могу принять решения о нашей дальнейшей деятельности. Я дал фельдмаршалу свое согласие на переброску в Брно, но для сохранения дивизии я готов свое слово не соблюсти... Однако, прежде чем я отдам приказ, я хочу услышать Ваше искреннее мнение...» С такими словами ген. Буняченко обратился к своим подчиненным командирам. Они решили, что единственным разрешением положения будет не подчиниться приказу и продолжать следовать на юг. Иного пути не оставалось.

Ген. Буняченко сознавал, что его решение приведет маршала Шернера в ярость и что конфронтации с ним не избежать. Но он рассчитывал на то, что после вступления на территорию Чехии, дивизия будет на «дружественной земле» и надеялся на поддержку населения, когда произойдет конфликт. Для сохранения хороших отношений с местным населением, он издал особый приказ о соблюдении строгой дисциплины и угрожал суровыми наказаниями. Был даже случай, когда один из

солдат артиллерийского полка был в назидание другим расстрелян за кражу.

Когда 27-го апреля дивизия двинулась в дальнейший путь на юг и обошла тот участок, с которого должен был отойти железнодорожный транспорт, майор Швеннингер был крайне удивлен и заявил ген. Буняченко: «Но ведь это обман! Это нечестно! Вы получили приказ от фельдмаршала...» — Но ничего не добился. Ему не оставалось ничего иного, как сообщить в штаб армейской группы о том, что произошло. Ответ фельдмаршала майор Швеннингер передал ген. Буняченко устно. Продвижение дивизии, — приказывает Шернер, — будет остановлено силой. Это означало — бой. Конечно, Буняченко это предвидел и, несмотря на дальнейшие протесты майора, дивизия продолжала следовать, идя при этом в боевом порядке таким образом, чтобы в любую минуту быть в состоянии начать оборону.

Над продвигающейся дивизией появились самолеты. С одного из них был сброшен пакет, содержащий письмо на имя ген. Буняченко, написанное в тот же день, т. е. 27-го апреля, в Ставке главнокомандующего генералом Ашбрэннером. В письме командир дивизии предупреждался, что он своим поведением ведет к гибели себя, своих офицеров и своих солдат. Но дивизию уже ничто не могло остановить. Она быстро продвигалась, идя несколькими походными колоннами по широкой полосе, начиная от Теплице—Усти-на-Лабе до района Лоуни—Слани—Раковник.

Однако, не все части следовали на юг. Командир дивизии должен был несколько раз менять направление. Иначе нельзя объяснить, почему части дивизии попали даже в гор. Теплице (28-го апреля). Видимо некоторые части двигались на гор. Карловы Вары. Подполковник Артемьев приводит, что в этот день части дивизии прошли 100 километров без больших остановок и без ночного отдыха. Это сведение, конечно преувеличено, но целеустремленностью дивизии было оторваться от немецкого командования и отойти как можно дальше в

центральную часть Чехии. Лишь форсированным маршем могла она избежать конфронтации с немцами.

Документированным фактом остается, что в течение двух дней, 27-го и 28-го апреля, дивизия преодолела расстояние около 120 километров с одним пятичасовым отдыхом и остановилась в районе Лоуни—Слани—Раковник. Штаб дивизии расположился в селении Козоеды, в 12-ти километрах южнее от гор, Лоуни.

В то-же время ген. Власов, вместе с д-ром Крегером, посетил Шернера в курортном городке Велиховки, где разместился штаб армейской группы «Центр». Ген. Власов считал себя обязанным сделать все возможное, чтобы отвлечь опасность, которой подверглась 1-я дивизия. Сначала Шернер принял лишь д-ра Крегера и сообщил ему, что 1-я дивизия будет подвергнута бомбардировке с воздуха, т. к. она открыто совершила акт измены. С Власовым он вообще не желал говорить. По настоянию д-ра Крегера он, однако, все же выслушал Власова. Результатом этого разговора была гарантия, данная генералом Власовым в том, что его армия не предпримет никаких враждебных действий против немецкой армии при условии, что она сама не будет подвергнута нападению с немецкой стороны. Ген. Власов давал в то время гарантию лишь за себя, но надеялся на свое влияние в армии. Он уже довольно долгое время не доверял ген. Буняченко, знал о его различных предварительных контактах, но был абсолютно против каких-либо военных авантур.

Все немецкие источники единогласно утверждают, что ген. Власов не был дипломатом. Он был в первую очередь солдатом, действовал прямо и открыто, а в его честности ни у кого не было никакого сомнения. Именно поэтому, Шернер согласился, наконец, с ним говорить о будущем 1-й дивизии. В то время все еще предполагалось, — хотя теперь это и кажется абсурдным, — что ген. Власов получит на восточном фронте свой участок и попытается с помощью РОА и других добровольческих частей, остановить наступление Красной Армии на границах Чехии и Моравии. Перемещение разных частей в Чехию,

которые до того времени не были подчинены Власову, а также большое число добровольцев из лагерей для военнопленных, свидетельствует о том, что даже в зародыше, этот план все же существовал. Подробности об этом приводятся в 8-й главе. Нет сомнения, что в то время на Власова еще делался какой-то расчет, иначе импульсивный маршал не вел бы с ним переговоров.

28-го апреля в полдень Шернер оповестил по радио о вторичном посещении дивизии. Приблизительно в 12-ти километрах южнее гор. Ловосице, близ деревни Клапы (Клаппай), приземлились два самолета, в которых находились фельдмаршал, ген. Власов и сопровождавшие его лица, прибывшие с курорта Велиховки. В этот раз Шернер вел себя добродушно. С бутылкой и коробкой сигар, он пришел узнать непосредственно от командира дивизии, что замышляется Буняченко, отвечая уклончиво, заявил, что согласен с перемещением в Брно, после чего Шернер одобрил новую ось маршрута, который должен был приходиться южнее Праги. Визит продолжался неполный час и переговоры велись в присутствии ген. Власова.

Ген. Власов остро критиковал поведение Буняченко, подчеркнув, что подчинение Шернеру, как командиру армейской группы, является абсолютно необходимым. Он уже производил впечатление уставшего, надломленного и безвольного человека. Буняченко это заметил, отказавшись перед Шернером признавать его авторитет, как главнокомандующего РОА, и совершенно открыто заявив, что командуя 1-й дивизией он сделает все то, что найдет нужным для ее спасения. «...Войну можно считать оконченной, а Германию побежденной...».

Какое впечатление эти слова произвели на Шернера, можно догадываться. Помимо изменения маршрута, о чем не было договорено, Шернер убедился, что на влияние Власова в 1-й дивизии полагаться не приходится. Впрочем это он предчувствовал еще раньше. Но новостью для него было изменение в отношениях между главнокомандующим и его подчиненным, генералом Буняченко. И хотя на следующий день эти отношения в

значительной мере наладились можно точно констатировать, что с этого дня гсп. Буняченко фактически взял на себя право самостоятельно распоряжаться 1-й дивизией, отодвинув Власова на задний план. Оставаясь и в дальнейшем для РОА легендарным Андреем Андреевичем, ответственным за судьбу всей армии и десятки тысяч невооруженных бойцов и частных лиц, он до конца войны оставался в стороне. За пражскими событиями он наблюдал издали, даже по данным майора Швеннингера, покинул по неизвестным причинам дивизию на короткое время. Весь остаток дня во время переговоров с Шернером Власова неотступно сопровождала группа немецких офицеров и членов СС. Лишь на другой день, 29-го апреля, ему удалось прийти в комендатуру дивизии без немецкого сопровождения. Там ген. Власов объяснил собравшимся командирам дивизионных частей настоящее положение, а также свое отношение к немецким союзникам. Выразив полное согласие с действием ген. Буняченко, он коснулся общего положения Движения и своей личной ответственности. «Германское командование, — сказал он, — ожидает, что группа Центр сохранит все части РОА». Он считал себя обязанным поддерживать немцев, потому что иначе жертвой станут тысячи невооруженных русских, которые все еще находятся в Германии... Это единственная причина, почему он не может открыто занять противонемецкую позицию. Лишь только 1-я дивизия в хорошем положении, остальные же части находятся в худших условиях. Полный разгром Германии не за горами и прежде, чем это случится, армия не смеет вступить в открытый конфликт с немцами. В заключение он сказал: «...С вашими действиями я согласен и полностью поддерживаю Сергея Кузьмича (Буняченко). Пусть он и в дальнейшем действует, согласно собственным решениям...». Затем оба генерала, по русскому обычаю, обнялись и этим недоразумение было ликвидировано.

После усиленных походов дивизия отдыхала на занятой ею территории и чувствовала себя в безопасности. Но не так чувствовали себя командиры соседних немецких частей. Они приходили в штаб и старались узнать, какие

намерения у их нового соседа. Получив заверения, что у дивизии нет вражеских намерений, они ух ода. пи, успокоенные обещаниями о взаимной помощи в будущем.

Однако, при вступлении на территорию Чехии, дисциплина в дивизии начала падать. Немецкие офицеры связи начали замечать, что среди дивизионного состава и чешского населения стали возрастать нервность и беспокойство. Были случаи ограбления военных складов, захвата бензина, конфликтов с немецкими регулировочными органами в проходных пунктах, где дивизия не была внесена в списки частей для прохода через них. Участились стычки с полевой жандармерией, отдельными лицами или группами немецких солдат, бежавших с фронта через территорию дивизии. Нарастали противонемецкие настроения под влиянием местного населения. Хорошее отношение было только к немецким офицерам связи, оставшимися с добровольческими частями до самого конца. Неизвестно ни единого случая, чтобы кто-нибудь из них покинул свой пост. Я преднамеренно указываю здесь на это обстоятельство, так как эти дни, с 29-го апреля по 2-е мая, являются временем перелома в истории дивизии, которая вскоре после этого сыграла такую неожиданную роль. В общем развалу никто не мог бы помешать офицерам связи уйти, если бы они решились на это. Для РОА они уже все равно ничего не могли сделать.

После отбытия маршала Шернера, в штаб пришло сообщение о стычке патруля 1-й дивизии с группой СС и о жертвах понесенных обеими сторонами. Вскоре после этого в Козиеды на грузовике были привезены убитые, а также шесть пленных офицеров и солдат СС. Ген. Власов приказал допросить пленных. Из допроса обеих сторон было установлено следующее:

На вокзале в гор. Лоуны патрулировал взвод РОА из близстоящей воинской части под командой лейтенанта Семенова. Когда прибыл пассажирский поезд, в котором один вагон был занят группой СС, патруль РОА потребовал, чтобы члены СС предъявили свои документы, после чего попытался их обезоружить. Произошла

бешеная перестрелка. Члены СС строчили из пулеметов и автоматов из своего вагона. Были убиты лейтенант Семенов, два сержанта и трое солдат. На стороне СС было четверо убитых и несколько человек раненых. По показаниям старшего лейтенанта Бабушкина нет сомнения, что это произошло в результате злоупотребления правомочий. Перед зданием штаба собравшаяся толпа русских солдат требовала, чтобы оставшихся членов СС судили русским военным судом с приговором к расстрелу. Весть об инциденте быстро распространилась по всей дивизии, усилив еще больше антинемецкие настроения. Этот инцидент вызвал у Власова большое негодование и обвинение солдат за их поведение. Немецкие офицеры из окружения Власова предложили, чтобы пленным были возвращено их оружие и предоставлена возможность продолжать свой путь. Власов дал согласие. Но один из членов СС заявил от имени всей группы, что оружия они не возьмут, так как не намереваются больше воевать, считая, что война проиграна и, поэтому просят, боясь насилия со стороны русских, чтобы их отправили под конвоем с места инцидента. Власов удовлетворил эту просьбу и распорядился отвезти их к немецкой границе. Это решение вызвало резкий протест со стороны немецких офицеров из окружения Власова, вызвавший взаимные угрозы. В конце концов, немцы покинули собрание, заявив, что в штабе Власова они не могут больше чувствовать себя в безопасности. В сопровождении русских офицеров они были отведены в свои помещения. В тот же день немцы покинули Козоеды, и в штаб ген. Власова больше не возвращались.

Этот инцидент еще более расшатал падающую дисциплину. Солдаты выразили свою месть немцам тем, что расстреляли весь обслуживающий персонал связного центра, который с конфликтом не имел ничего общего. Власов уже ничего не мог поделать. К вечеру дивизия как-то успокоилась, но ночью кто-то бросил в помещение д-ра Крегера ручную гранату. Крегера в помещении не было и от взрыва гранаты никто не пострадал. На следующий день Креггер уехал в Прагу к К. Г. Франку. Но у него не

было намерений покидать Власова. Будучи ответственным перед СС — Хауптамтом за деятельность Освободительного Движения, он отправился к Франку оповестить его об общем положении в Протекторате в связи с перемещением РОА на его территории. Несмотря на то, что в среде русских он не пользовался большой любовью, он не боялся, — даже после случая в Козоедах, — что кто-либо выступит против него. Вследствие событий, развернувшихся в последующие дни в Праге, он оказался отрезанным от Власова и уже никогда с ним больше не встречался.

Инцидент в гор. Лоуни имел еще один интересный эпилог. Лейтенант Семенов и убитые бойцы его патруля были похоронены 29-го апреля на кладбище в Козоедах. В 1947 году, советский генерал Д. из оккупационной армии в Германии, искал своего сына, лейтенанта Семенова. Поиски привели его на деревенское кладбище в Козоедах....^[82]

Открытый переход дивизии на сторону чехов произошел 5-го мая по инициативе Буняченко, Николаева и Сахарова. Соппротивление Власова, который с этим не был согласен, могло вызвать открытый мятеж среди бойцов. Дивизия в то время уже полностью выступала на стороне чехов, а стычки с немцами и разоружение небольших групп немецких солдат стали обычным явлением.

Зная об этих случаях, Шернер, чаша терпения которого переполнилась, принял решение вмешаться в это дело и разоружить дивизию. Произошли события, закулисная сторона которых недостаточна ясна.

Генерал-полковник Герман Хот, командир 4-й танковой армии, размещенной в районе Крушне Гори (Рудной

Горы), будто бы получил приказ с содействием немецких частей в районе Праги разоружить русскую дивизию, находящуюся якобы в состоянии мятежа. 1-го мая в дивизию прибыло два парламентаря с белым флагом из штаба Хота с целью установить на месте действительное положение событий. Согласно сведениям,

полученным ими от Швеннингера, а также по их поведению, выходило, что ни у кого не было ни желания, ни нужных для этого средств. У ген. Хота ничего кроме этих двух фактов не имелось и для проведения интервенции имелось в наличии только два батальона, парламентареры охотно покинули дивизию, убедившись, что никакого мятежа не произошло. Власова и Буняченко, посетившего ген. Хота в Крушне Гори, последний заверял, что на разоружении настаивал комендант Праги ген. фон Туссен, который позже утверждал, что ничего не знал об этом. Вероятнее всего, это было последней интригой маршала Шернера, в результате которой антинемецкие настроения в дивизии достигли максимума.

Описывая эти события я старался объяснить причину возникновения противонемецких настроений в дивизии. При таком положении дел, соответственно вышеописанному, переход на чешскую строону был процессом проходившим одновременно.

30-го апреля дивизия все еще находилась в районе гор. Ловосице. По данным майора Швеннингера в этот день один из командных пунктов чехов вошел в контакт с ген. Буняченко.

Незадолго до этого представители нескольких чешских групп Движения Сопротивления посетили штаб дивизии.. [83] Они просили предоставить им оружие и оказать помощь разного характера. До этого времени дивизия не оказывала прямой и открытой поддержки партизанским частям. Да и сам ген. Власов никогда не вел личных переговоров с представителями партизан. В ходе первых связей с ними штаб дивизии выяснил, что чешское Движение Сопротивления разделяется на два лагеря и что у сторонников антикоммунистического движения нет ни политической программы, ни единого командования и что они недостаточно вооружены. О коммунистических партизанах стало известно, что в большинстве случаев ими командуют парашютисты из Советского Союза и что хотя они и хорошо организованы, они так же слабо вооружены и что население их мало поддерживает.

Коммунисты, конечно, ничего не ждали от дивизии, но засылали в нее агентов и агитаторов.

Чины дивизии несколько раз встречались с такими «партизанами» на территории Чехии. По мнению офицеров дивизии на самом деле это были регулярные военные части, которые работали в тылу у неприятеля и применяли методы партизанской борьбы. Об этом свидетельствовали как их экипировка, так и строгая военная дисциплина. По мнению подполковника Артемьева эти части, разделенные на шесть групп, выполняли задания советских политруков.

Во время перемещения в Чехию, группа квартирьеров дивизии натолкнулась в лесу на таких партизан. Последние им сообщили, что их командование находится далеко, а их командир, советский майор, был бы очень рад с ними поговорить. Это, мол, могло бы послужить и им на пользу, т. к. он является весьма влиятельным человеком. Разговор продолжался, когда внезапно появился и сам майор. Его очень заинтересовало, что дивизия намеревается расположиться на ночлег поблизости и он просил квартирьеров передать их командиру о его желании встретиться с ним. «У меня есть радиосвязь с высокопоставленным советским командованием и я могу предоставить вашему командиру возможность войти в прямой контакт»... Ген. Буняченко не проявил интереса к таким контактам.

Запасы дивизии, приобретенные ею по приказу штаба армейской группы «Центр», иссякли во время усиленного похода на юг, а так как она отказалась от контакта с армейской группой, то ей пришлось просить ближайшие гарнизоны о предоставлении провианта, которые в большинстве случаев удовлетворяли их просьбу, боясь конфликтов. В иных случаях бойцы просто захватывали немецкие склады и забирали то, в чем нуждались, предоставляя остальное гражданскому населению.

После инцидента в гор. Лоуни командир дивизии дал приказ об ежедневных переходах по 20–25 километров дальше на юг. Комендатура все еще оставалась в

первоначальном месте. 2-го мая части дивизии дошли до района Раковник — Нове Страшеци. Население уже знало об их открытой антинемецкой позиции.

2-го мая дивизию посетили офицеры чехословацкой армии, которые отрекомендовались представителями подготовляемого восстания в Праге..^[84] Сообщая Власову о своих намерениях, они настаивали, что если восстание не будет осуществлено в назначенное время, то немцы узнают об этом. Они отдавали себе отчет также и в том, что начинать восстание без посторонней помощи было весьма рискованно. Поэтому они обратились к «братьям власовцам» с просьбой оказания им помощи. Они старались повлиять на Власова, утверждая, что в случае неуспеха население понесет большие потери. Власов не дал им обязывающего согласия, несмотря на настояния Буняченко, который тотчас же согласился оказать им помощь. По его мнению, дивизия не могла стоять в стороне, если она окажется в центре событий. В конце концов, Власов дал согласие на оказание помощи, но чешским делегатам об этом сообщено не было. Им было обещано, что помощь будет оказана только в случае крайней необходимости..^[85]

Трудно было принять решение о том, что следует предпринять в последующие дни для сохранения дивизии. Тогда еще никто не мог определенно сказать, какая из союзных армий займет территорию Чехии. Те, кто думали не только об окончании войны, но и о ее последствиях, предполагали, что если Прагу займут американцы, то их никто не принудит покинуть ее. Если же Прага будет занята Красной Армией, то повторится случай с Польшей. Чешская делегация от подготовляемого Пражского восстания также информировала Власова и Буняченко о том, что восстания или не будет или оно будет кратковременным, если армия Шернера отступит на Запад. Это было ясным для вождей готовящегося восстания. Бой должен начаться раньше, чем отступающая армия Шернера займет Прагу, но для успешного проведения этой акции пока нет возможностей. Если 1-я дивизия примет на себя руководство восстанием и удержит Прагу до прихода

американской армии, то национальные круги, создавшие затем правительство, гарантируют дивизии право политического убежища.

После таких заверений ген. Буняченко и большинство офицеров его корпуса приняли решение включиться в Пражское восстание. Ген. Власов отнесся скептически к этому плану, не веря предположениям, что американская армия продвинется на Восток в центральную часть

Чехии. Кроме того он не желал вмешиваться во внутренние дела Чехословакии. Главным же доводом несогласия было то, что он не желал идти на открытую борьбу с германским союзником, т. к. при последнем свидании с Шернером он дал ему обещание, что его армия останется лояльной до тех пор, пока на нее не будет нападения с немецкой стороны. И хотя он, наконец, согласился с генералом Буняченко о помощи чехам и предоставил ему возможность вести с ними переговоры он сам отошел от этого дела, оставаясь сторонним наблюдателем до 8-го мая, когда в интересах армии он снова взял на себя инициативу в попытке войти в переговоры с американцами в Пильзене.

Против перехода дивизии на чешскую сторону высказался и командир 1-го полка подполк. А. Архипов. Согласно его воспоминаниям, на собрании, где решался вопрос об участии дивизии в этом деле, произошел резкий обмен мнениями, и когда участвовавшие в нем командиры приняли решение против мнения Власова, то последний покинул его со словами: «Если вы не желаете слушаться своего командующего, то зачем мне тут оставаться?». Архипов приводит далее, что после этого решения ген. Власов во время всего Пражского восстания был как бы пленником генерала Буняченко.

Все это отображает ход связей и переговоров между «власовской» и чешской сторонами в период от 30-го апреля до первых майских дней. Основой приводимых данных послужили отрывочные сообщения из некоторых русских и немецких источников. Недоступные для нас источники в чехословацких архивах, несомненно, дали бы

возможность получить более детальную картину развития указанных отношений, которые в заключение перешли в вооруженное вмешательство со стороны «власовцев». После окончания войны, члены Освободительного Движения в эмиграции не раз возвращались к событиям этих дней в ряде статей и дискуссий. Можно констатировать, что отношение к событиям, которые разыгрались в прошлом, расценивалось двояко. Непосредственно после окончания войны союзничество с чехами осуждалось. Позднее, «Пражская акция» стала в воспоминаниях ее участников одним из немногих светлых моментов трагического прошлого. Даже те, кто вначале осуждали этот союз, начали писать об этом в своих воспоминаниях в хвалебном тоне. Среди них был и А. Архипов. Следует лишь заметить, что он часто приписывает себе большее участие, чем это было в действительности.

Между тем дивизия продолжала продвижение на юго-восток и ее части 3-го мая расположились лагерем в замковом парке и окрестностях близ гор. Лани. Переговоры с военными представителями повстанческого движения продолжались. С генералом Буняченко встретился капитан правительственного войска Рендл, начальник замковой охраны в Ланах и, как свидетельствуют документы (см. гл. X), передал результаты переговоров через чешскую военную комендатуру в гор. Кладно, пражской комендатуре «Бартош».

Относительно этих контактов подполк. Тензоров-Ветлюгин приводит несколько интересных подробностей. [86] По его сведениям, в начале мая в Праге находилась часть штаба ген. Власова, имеющая особое задание, цель которого автор книги преднамеренно не указывает. (По-видимому дело шло о деятельности, сопряженной с планом «Аусбау дес Бёмишен Кессельс», см. гл. VII). Эта группа вернулась в штаб непосредственно перед началом боёв. В районе гор. Лани штаб дивизии посетили два чешских офицера, которые вручили короткое письмо, приглашающее командира дивизии для дальнейших

переговоров в гор. Лани. В качестве связного был уполномочен подполковник Тензорев, который затем, вместе с переводчиком и группой автоматчиков, отправился в договоренное место в гор. Лани. Там они встретились с двумя чешскими капитанами, один из которых предложил от имени советского командования, чтобы 1-я дивизия ожидала в районе Праги прибытия частей Красной Армии, а затем вместе с ними выступили бы против немецкой армии. Переговоры велись на чешском языке и разговаривал лишь один из двух капитанов. Второй капитан в продолжении всего разговора хранил молчание. Позднее, еще во время переговоров, выяснилось, что второй капитан на самом деле был офицером Красной Армии в чешской военной форме. После того, как Тензорев отказался от какого-либо совместного выступления с Красной Армией, чешский капитан заявил, что в таком случае, военные акции 1-й дивизии на территории Чехии и, в частности, оказание помощи Пражскому восстанию, являются нежелательными. На этом встреча закончилась. Напоминаю, что этот разговор происходил за 3–4 дня до начала самого восстания.

Тензорев также указывает, что в районе дивизии появились «русские партизаны». В действительности же, это были советские десантники и их заданием было следить за деятельностью дивизии. Боевых стычек с ними, однако не было.

Во время следования на юг, дивизия разоружала немецкие части, если они попадались на ее пути. Однако сообщение В. Артемьева, согласно которому Буняченко в ночь на 3-е мая издал приказ о разоружении всех немецких частей в округе нескольких десятков километров, не приходится считать точным.^[87] Будучи занятой столь широкой деятельностью, дивизия не смогла бы 4-го мая пополудни дойти до села Сухомасты. Весьма вероятно, что немецкий гарнизон в гор. Кладно капитулировал, так как дивизия находилась в этом районе. Не совсем ясно, по каким направлениям дивизия дошла до района Сухомасты. 4-го мая она прошла через г. Беровун,

где ген. Власов произвел смотр дивизии, а в район Сухомасты она вошла в послеобеденные часы. В тот же день пополудни произошел некоторый спор между русскими и немцами на переходном пункте в гор. Здице, где появились части РОА, которые там, очевидно, не должны были проходить.

Судя по документированным трассам следования частей, нельзя сказать, чтобы части приближались к Праге одновременно. По-видимому, они в первую очередь, имели задание соединиться в южной Чехии. Но это только лишь предположение.

Перед прибытием в г. Бероун, одна пехотная колонна была обстреляна американскими самолетами. Подвергшиеся нападению части немедленно расстелили свои бело-сине-красные опознавательные знаки, после чего американские самолеты прекратили налет и исчезли. Эти части ни разу не воспользовались своими зенитными орудиями, а бойцы дружески махали руками. За какую именно армию американские летчики приняли намеченную ими цель, трудно сказать, положение в то время было совсем уже запутанным. В результате короткого налета, погибло несколько десятков солдат и офицеров, в гужевой и артиллерийской частях было убито немало лошадей и сгорело несколько автомашин.

4-го мая вечером штаб дивизии разместился в каменном здании Сокола, находящегося на южной окраине селения Сухомасты, а части дивизии расположились на ночлег в Тмань, Быкош, Борек, Желковице, Конепрусы, Малков, Литень и других селах.

4-й полк дошел до Бероуна в качестве арьергарда пехотной колонны. Командный пост полка и 2-й батальон перешли через реку Бероунку, разоружили немецкий городской гарнизон и на ночь разместились в бероунских казармах. 1-й батальон расположился в районе г. Србско, на юго-восток от Бероуна.

В этот день пополудни, в селении Сухомасты приземлился немецкий самолет, в котором из г. Немецки Брод прибыл генерал-майор Шаповалов с немецким

пилотом лейтенантом Герхартом Бушманном. Шаповалов уехал на автомашине из штаба РОА, находящегося в селе*- нии Рейкбах, еще накануне, и его первым заданием было разыскать ген. Власова и 1-ую дивизию, с которыми штаб РОА потерял связь. Начальник штаба ген. Трухин намеревался скоординировать деятельность южной группы РОА (2-й дивизии) с деятельностью 1-й дивизии и для дальнейшей деятельности нуждался в приказах ген. Власова. В этот день Власов находился в состоянии глубокой депрессии. Его беспокоила 1-я дивизия и ее деятельность, на которую он уже не мог влиять, как и судьба всего Движения: КОНР, эвакуированный в Баварию, бессмысленное перемещение 2-й дивизии и остальных частей в Линц, а оттуда в южную Чехию. Камнем на сердце у него лежала неопределенность судьбы сотен тысяч людей, включившихся в Движение, и его беспомощность что-либо предпринять для их спасения. Обо всем этом он разговаривал с Шаповаловым и Бушманном до глубокой ночи. Он был уверен, что лично будет выдан, ею не верил в возможность выдачи на советскую сторону сотен тысяч других людей. Предложенную ему возможность спастись, он отклонил. У кап. Антилевского был приготовлен самолет с дополнительными бензобаками, который должен был переправить ген. Власова из Чехии в Испанию или в Португалию. Говорилось и о том, что Бушманн будет вести самолет, как лучше знающий условия полета над Европой, чем Ангилевский. Генерал Власов все эти предложения отклонил. «Командир, который покинул своих людей в критическую минуту, для будущего не имеет цены. У меня были все возможности вышграть. Может быть немцы, может быть судьба встали против меня. Остается лишь одно — вступить на последний путь».^[88]

Шаповалов и Бушманн улетели из селения Сухомасты 5-го мая утром и поэтому не могли сообщить Трухи- ну о трагическом повороте событий, которые произошли в первой половине этого дня.

Путь Шаповалова в сел. Сухомасты связан также с недостаточно ясным делом относительно писем, которые содержали приказ о перемещении 2-й дивизии в район Праги. (Подробности об этих событиях см. главу XII).

IX

Попытки войти в контакт с Западом

Согласно Статуту КОНР ген. Георгий Николаевич Жиленков был главой «Информбюро», которое представляло интересы Движения в отношениях с прессой. Главным его заданием было информировать общественность об Освободительном Движении. Судя по документам, а также согласно свидетельствам участников Движения, Жиленков не подходил для этой должности. Во время критического развала Рейха, когда моральной обязанностью КОНР было сделать все возможное для спасения добровольцев, попавших в плен западных союзников и оказавшихся под угрозой насильственной репатриации в Советский Союз, ген. Жиленков не сделал ничего.

Инициатором переговоров, вместо Жиленкова, был Юрий Сергеевич Жеребков, прежний эмигрант из Парижа, один из немногих в окружении Власова, который владел иностранными языками и был знаком с западным миром. Жеребков встретился с Власовым в Берлине в 1943 году и предоставил себя в распоряжение КОНР. Власов назначил его шефом «Секции по делам сношений с правительственными учреждениями», которая находилась в ведении Жиленкова. Начиная с этого времени, Жеребков активно и энергично исполнял должность дипломата на службе у КОНР.^[89]

Благодаря ему СС-Хауптамт наконец согласился, чтобы о судьбе пленных добровольцев велись переговоры при посредничестве Международного Красного Креста. Для этой цели Жеребков должен был отправиться в Швейцарию, где, согласно инструкциям Власова, должен был вести переговоры уже не только о судьбе добровольцев в плену у союзников, но также завязать в Берне контакты с американскими и английскими представител-

вами в интересах самого КОИР. Зная или предполагая об этом, германские учреждения безопасности отнеслись отрицательно к его поездке в Швейцарию. Ведя переговоры с д-ром Крегером^[90] Жеребков предъявил ему ультиматум: или СС-Хауггтамт даст свое разрешение на поездку или КОИР будет считать этот отказ проявлением недоверия и сделает из этого соответствующие выводы. 12-го апреля Министерство иностранных дел разрешило ему поездку.

На въезд в Швейцарию Жеребков не получил разрешения и советник швейцарского посольства отказался сообщить мотивировку. По-видимому, Швейцария не желала ухудшать будущих отношений с Советским Союзом из-за предоставления визы представителю русских антикоммунистов. Поэтому Жеребков решил проникнуть в Швейцарию нелегально. Еще перед этим, он по важному делу должен был неожиданно отправиться в Берлин и Прагу. Причиной этих поездок было отношение Власова к Гиммлеру, а также дипломатическая деятельность Жеребкова, которая стала известной в дипломатических кругах.

13 апреля 1945 года заместитель председателя Международного Красного Креста доктор Лохнлих, предложил Жеребкову навестить его в Берлине. Он сообщил Жеребкову, что трудно будет изменить судьбу добровольцев, явно подразумевая под этим соглашение Ялтинской конференции. Он рекомендовал, чтобы ген. Власов реабилитировал себя в глазах западных союзников путем какой-либо исключительной услуги. Международный Красный Крест и международные политические круги опасаются, что органы СС в последние дни войны истребят заключенных во всех концентрационных лагерях и надеются, что влияние ген. Власова на Гиммлера достаточно велико, чтобы воздействовать на решения ответственных германских кругов. Красный Крест обращается к Власову с призывом, чтобы он с помощью своего влияния предотвратил такую катастрофу. Так как Власов тогда находился в Праге, то

Жеребков мог передать ему предложение Лехнлиха лишь 17[^]-го апреля в отеле «Алькрон».

Что именно Власов предпринял для этой цели и встретился ли он вообще с Гиммлером, установить не удалось. Однако это мало вероятно, и тогда практически неосуществимо. Линии фронтов на Востоке и на Западе взаимно приблизились настолько, что север Германии, где находил- с я Гиммлер, был отрезан от остального мира.^[91] Кроме того, у Гиммлера в то время были иные планы и вряд ли он интересовался Власовым. Его проект о перемирии с западными союзниками был получен в Лондоне 25-го апреля, а между обеими этими акциями определенно не было никакой связи.

Другие высокопоставленные нацисты все же не утратили интереса к Власову. Жеребков указывает на значительное изменение в отношениях немцев к КОНР в апреле 1945 года. В те времена политические и военные представители Рейха начали иметь виды на Власова, в иллюзорных надеждах, что его антибольшевистское движение поможет им договориться с западными союзниками. Разрешение на поездку Жеребкова в Женеву было дано именно, как следствие этих попыток. 4-го апреля, прежде чем Жеребков выехал в Берлин, д-р Крегер сказал ему во время совместной встречи в отеле «Ричмонд» в Карловых Варах: «Многие из нас с вашей поездкой в Женеву не соглашались, потому что мы предполагали ее истинную цель. Теперь я вам могу сообщить, что мы не против, а, наоборот, будем приветствовать, если вам удастся связаться с англичанами».

Предполагаемая поездка Жеребкова в Швейцарию должна была, в сущности, стать кульминационным пунктом всех его стремлений, которые он предпринимал еще задолго до этого. В январе 1945 г. он сделал попытку при помощи швейцарского журналиста в Германии, опубликовать серию статей о власовском движении в «Цюрихер Цейтунг». Но это пгло в разрез с принципом о нейтралитете Швейцарии и поэтому статьи не были опубликованы. Еще перед этим, в декабре 1944 года,

Жеребков пытался завязать отношения с западом через посредство шведского военного атташе в Берлине полк, фон Даненфельда, а также при помощи чиновника германского представительства в Мадриде Марзана, который регулярно совершал поездки между Берлином и Испанией. Безрезультатной оказалась также и его попытка войти в контакт с Густавом Нобелем, которого он знал по Парижу.

Следующую попытку Жеребков решил предпринять в последних числах марта и в начале апреля, когда в Праге происходил съезд русских ученых. Среди участников съезда был также проф. Вышеславцев из Парижа. После разговоров с Жеребковым, он проявил больше чем максимальное желание использовать свое влияние и свои связи в Швейцарии в интересах судьбы КОНР. Из Праги он уехал в Карловы Вары и совещался с Власовым, но задержался там так долго, что из Чехии уехал только в начале мая, когда уже было слишком поздно что-либо изменить.

В таких же попытках участвовали и чехи, еще в ноябре 1944 г. Русские эмигранты в Праге связали Жеребкова с лицами, имевшими контакты с Лондоном. Целью переговоров было стремление сохранить антикоммунистические силы, т. наз. военные и политические организации путем интернирования с гарантией, что они не будут выданы в руки Советского Союза. Через пять недель пришел вежливый ответ из Лондона, но в принципе отрицательный. В нем приводились доводы, почему союзники не могут осуществить никаких мероприятий такого характера. К сожалению Жеребков не приводит ни имен, ни подробностей. Вероятно, послание должно было пройти через несколько инстанций первая из которых известна. Это был Ватикан. Жеребков знал лишь начало и конец этого дела.

Дипломатические попытки Жеребкова наладить контакт с Западом закончились 19-го апреля во время переговоров с К. Г. Франком в Чернинском дворце. КОНР обратился с просьбой к Франку о предоставленTM ему

пражского радиопередатчика для последней официальной попытки защитить тысячи активно борющихся добровольцев и еще большее количество беженцев из Советского Союза на территории Германии, тогда находящихся в лагерях для интернированных у западных союзников, от выдачи в руки советских властей. Речь, которая информировала бы мир о готовящейся трагедии, должен был произнести 25-го апреля сам ген. Власов, а после него предполагалось передавать переводы на английском и французском языках. Речь предназначалась, в первую очередь, для заседания Конференции по случаю основания Организации Объединенных Наций в Сан Франциско и должна была ознакомить новую Организацию с мотивами, по которым Советский Союз покинули сотни тысяч людей, пострадавших под сталинской диктатурой, под гнетом которой до сих пор живет большинство советских граждан, несогласных с коммунистической идеологией. Власов намеревался, далее, начертать свою программу демократического упорядочения Восточной Европы, обосновать свое сотрудничество с немцами и выразить протест против принятия Советского Союза в ООН пока будет сохранена диктатура Сталина.^[92]

К. Г. Франк не отклонив прямо проекта Жеребкова, заявил, что все радиостанции подчинены Берлину, с которым у него уже нет связи и отказался взять на себя ответственность за проведение такого политического акта. Всё же он дал Жеребкову документ о том, что он уполномочен для проведения важной государственной миссии и предоставил в его распоряжение автомашину и тот, наконец, отправился к швейцарской границе. Добрался он до нее 30-го апреля, но перед этим еще встретился с Власовым в Ферпассе и получил от него неограниченные полномочия для ведения переговоров в Швейцарии. Швейцарцы его не пустили через границу. Трижды он пытался нелегально перейти границу и, наконец, в четвертый раз ему это удалось. Спустя 14 часов он все же был арестован швейцарскими жандармами и на следующий день был выдан немцам. Так закончилась

деятельность единственного человека из окружения Власова, о котором можно сказать, что у него был контакт с внешним миром. Все остальные, включая ген. Желенкова, которому полагалось быть официальным дипломатом и пропагандистом КОНР, или не оправдали себя, или вообще не делали даже попыток для реализации чего-либо существенного.

История стремлений войти в связь с Западом не ограничивается, однако, одним Жеребковым. Перед своим отъездом в Прагу, 16-го апреля Власов также вел переговоры в Карловых Варах с руководителями НТС, [\[93\]](#) где было принято решение послать некоторых из них на западный фронт с тем, чтобы они перейдя линию фронта, вошли бы в контакт с западными союзниками. О том, было ли это осуществлено, никаких документов обнаружить не удалось.

Когда война переместилась в центральную часть Европы, лица, не намеренные далее сидеть в подземных убежищах и командовать воображаемыми частями, пытались с большей активностью повернуть ход событий в последнюю минуту. Исторических документов о таких попытках не существует. Но сохранились свидетельские показания участников, зачастую неполные, так как мало кто, особенно в первые годы после окончания войны, желал говорить на эту тему. Замыслы, определенно касавшиеся территории Чехии и важную роль в которых должны были сыграть добровольческие части, главным образом РОА, требуют, хотя бы вкратце, освещения.

В конце 1944 года зародился план, названный «Создание заграждения против проникновения советской армии на Запад последними вооруженными силами» или «Аус- бау дес Бёмишен Кесселс». План был рассчитан на быстрое сосредоточение всех добровольческих частей как самостоятельных, так и включенных в высшие германские формации, двух казачьих корпусов и других единиц, которые под командой ген. Власова создали бы «Свободное европейское движение сопротивления». Расчет делался также и на армейскую группу «Центр» фельдмаршала Шернера, несмотря на то, что тот отнесся

отрицательно к этому плану. Общая численность этой армии предполагалась в два миллиона бойцов. Она должна была остановить продвижение Красной Армии и дать возможность американским войскам занять исторические места Германии и Средней Европы. Ввиду того, что единственной «неприятельской территорией», на которой весь этот бой должен был бы разыгаться, являлась Чехия, то необходимо было знать позицию чехов. Расчет делался даже на их возможное участие и на чешскую промышленность не

затронутую еще войной. Инициаторы плана пытались войти в контакт с чехами через посредничество К. Г. Франка, который оказался самой неподходящей фигурой для столь деликатного задания. Но он занимал в Чехии ключевую позицию и обойти его было невозможно. Франк отказался от участия на том основании, что у него не было одобрения Гитлера, без которого он не желал ничего предпринимать. Положение же было настолько угрожающим, что он не вмешивался в ход переговоров, которые происходили, несмотря на его первоначальный отказ. В совещании, состоявшемся 17-го апреля 1945 г., при участии Власова и членов его штаба, был поднят вопрос о 1-й дивизии, которая, как стало известно, отказывалась исполнять немецкие приказания.

Прозондировать настроение чешских кругов был уполномочен Сергей Фрелих.^[94] В Праге жила многочисленная группа белых эмигрантов, которые в период между двумя мировыми войнами занимали сравнительно высокие должности в правительственных кругах и в армии. Здесь также было старшее поколение офицеров и генералов чехословацкой армии, ветераны русских легионов. Русские эмигранты устроили Фрелиху встречу с одним из таких людей. Это был генерал Владимир Клецанда, личность, известная, как вне военных кругов, так и за границей. Во времена Протектората он был штатским человеком и занимался торговой деятельностью. Встреча произошла с глазу на глаз. Когда Фрелих объяснил Клецанде суть дела, то генерал отнесся к этому весьма скептически, заявив, что

вся страна ожидает освобождения Красной Армией, что население слушает каждый вечер сообщения из Москвы и ожидает возвращения президента Бенеша с Красной Армией.

«Если при таком положении я заявил бы, что мы будем оказывать сопротивление вместе с немцами и армией ген. Власова, люди подумали бы, что дед помешался или запродался немцам. Только тогда, когда коммунисты пробудут тут три месяца, возможно будет говорить о каком-то сопоотивлении».

Клепанда отнесся также пессимистически и к судьбе армии РОА. Он считал, что единственным выходом для армии будет сдача в плен американцам, но и в этом случае не надеялся на какие-либо гарантии. Он также разъяснил Фрелиху свое недоверие к западным союзникам. Во время гитлеровской оккупации Чехии и Моравии он был чехословацким военным атташе в Риме. Он тогда пытался убедить дипломатических представителей западных держав, что война неизбежна и что необходимо спасти из оккупированной Чехословакии хотя бы 20.000 офицеров, служба которых понадобится вскоре. Однако его предложение не вызвало никакого интереса. Никто не верил в возможность войны с Германией. На вопрос Фрелиха, что бы он предпринял на месте ген. Власова, Клепанда ответил, что единственной возможностью для спасения было бы пробиться к какому-нибудь порту на Атлантическом океане и уплыть вместе с армией в Южную Америку, где их, впрочем, ожидал бы более или менее рабский труд. На вопрос, покинет ли он Прагу, когда начнутся бои, он ответил: «Комендант Праги свой пост не покинет».^[95]

В связи с планом о последних боях в Чехии, необходимо помнить, что в немецких кругах окончание войны предполагалось осенью 1945 года. Таким образом, переговоры происходившие в Праге во второй половине апреля, не имели никакого смысла. Даже чешские коллаборационистские круги усилили свою деятельность к концу 1944 года. С приближением восточного фронта к границам Моравии, на территории Протектората была

объявлена мобилизация сельскохозяйст венной молодежи для фортификационных работ в Бескидах и с большой осторожностью была даже сделана попытка организовать добровольческую воинскую часть; появились лица, которых нельзя было уличить в коллаборационизме призывавшие население к борьбе против коммунизма. Имели ли эти явления какое-либо отношение к плану «Обороны чешского котла», трудно сказать.

Из инициаторов замысла об идейном повороте хода войны образовался общий немецко-русский штаб с местопребыванием в горном отеле «Прокоп», между городками Нырск и Железна Руда. Русскую сторону представлял ген. Мальцев со своим штабом, немецкую сторону — ген. — лейт. Ашенбреннер. Но война шла гораздо более быстрым темпом, чем предполагалось. Правда, в середине апреля территория Чехии пока еще не была затронута, но линии фронтов приближались и практически находились на расстоянии слышимости. Так что в действительности на оборону уже не приходилось рассчитывать.

Поэтому штаб попытался предпринять все, что было в его силах, чтобы к моменту окончательного развала фронта, добровольческие части на территории Чехии не попали бы в советский плен. Далеко не все части находились в Чехии. В конце войны Казачий корпус был застигнут в Австрии, а другие казачьи части — даже в Северной Италии. Конец войны застал 1-ую украинскую дивизию на южном фронте, а 2-ая украинская дивизия, еще не полностью сформированная, безнадежно погибла под ударами быстро наступающей Красной Армии в Саксонии. Оставалась только Русская Освободительная Армия. Почти в полной еще силе, она, по стечению различных обстоятельств, в последние дни войны оказалась на территории Чехии.

Главным организатором новой миссии был ген. Ашенбреннер. Для переговоров о переходе всех частей РОА на американскую сторону он послал через фронт капитана Теодора Оберлендера, уполномочив его лично снестись с командующим 3-й американской армии ген.

Джорджем Паттоном, взгляды которого на коммунизм были хорошо известны. У Оберлендера были полномочия и от Власова в письменной форме. Но к Паттону Оберлендер не попал, а вел переговоры с ген. Кеннеди, которому он сообщил о желании Власова сдать части РОА в американский плен. Американская сторона большой интерес проявила к переговорам, но в них не участвовал никто из лиц, имевших верховные правомочия. На следующую встречу ген. Ашенбреннер был приглашен лично, где было договорено, что Власову будет предоставлена возможность встретиться с ген. Эйзенхауером, Верховным Главнокомандующим войсками западных союзников. Власов должен был сперва явиться к ген. Ашенбреннеру, а затем, вместе с ним, направиться к американцам. Посланный к Власову С. Фрелих застал его в Линце, откуда 2-я дивизия в то время перемещалась в Чехию. Власов не использовал немедленно эту возможность, в то время, как события на фронте разворачивались с такой быстротой, что американцам стало не до этого.

Оберлендер несколько раз переходил фронт и, за исключением первого случая, когда в перестрелке погиб один американский солдат, остальные проходили благополучно. Переговоры продолжались и предвещали успех. Было очевидно, что американцы недостаточно хорошо понимают положение РОА, и не имеют ясного представления, о том, что ожидает русских солдат, если они попадут в советский плен. Следовательно, как позднее было доказано, они вели переговоры только «для отвода глаз», с намерением без боев захватить в плен как можно больше войск и тем ослабить немецкую оборону в Чехии. Из последнего перехода фронта, Оберлендер вернулся с требованием американцев, фактически с ультиматумом, гласящим, что все части должны перейти фронт не позже, чем через четыре дня. В ультиматуме были указаны места перехода, время и опознавательные знаки. В указанное время в переходе участвовало большинство членов штаба из отеля «Прокоп», среди них ген. Ашенбреннер, штаб и часть авиачастей ген. Мальцева, полностью первоначальный штаб из Дабендорфа, начальником

которого к концу войны был ротмистр барон Эдуард фон Деллингс-хаузен. Перейдя на американскую сторону, они сложили оружие и в качестве военнопленных провели всю неделю на болотистой лужайке, без палаток и практически без снабжения.

Последним покинувшим отель «Прокоп» был С. Фрелих с одним сержантом, и то только тогда, когда американские танки с закрытыми смотровыми отверстиями стали ползти по горной дороге к отелю.

Кто, собственно, стоял за проведение идеи поворота хода войны путем обороны Чехии и в каких кругах она зародилась? В идеологическом смысле ее отцом был немецкий писатель Эрих Эдвин Двингер, который во время войны пытался внедрить сотрудничество с русскими антисталинистами настолько упорно, что впал в немилость с запрещением публиковать свои труды. Вторым инициатором был Теодор Оберлендер, профессор Немецкого университета в Праге, сосланный туда из Германии за критику теории Гиммлера о «подлжцах» и преследуемый за это и Гестапо. Благодаря ген. А. Ашенбреннеру он все же мог взять на себя сотрудничество с добровольческими частями. Движущей силой этого дела был ген. Ашенбреннер, «серый кардинал» (лицо, направляющее ход событий, но оставаясь в тени — прим. перев.), Клаус Борриес представитель планового управления Министерства военной промышленности и его друг философ Эйбель. Безусловно, участвовали и другие, но их имена неизвестны.^[96]

Войти в самостоятельный контакт с американской армией пытался и ген. Буняченко в районе Бад-Шандау, когда дивизия передвигалась с фронта на юг.^[97]

Между тем органы СС имели свои собственные планы. С начала апреля 1945 года было приступлено к планам перемещения РОА и КОНР из Карловых Вар в г. Фюссен (на юг от Мюнхена, на австрийской границе) и сосредоточению политических организаций и армий в районе «Крепость Альпы». С этого участка предполагалось продолжать бои, затягивать войну в

ожидании возможного разлада между западными союзниками и Советским Союзом. Для членов РОА оттягивание конца войны означало уменьшение опасности выдачи Советам поэтому, против такого плана в принципе они не возражали. В связи с ним, 14-го апреля первым уехал из Карловых Вар полк. Константин Кромиади, начальник канцелярии ген. Власова, для подготовки расквартирования РОА. В его группе были члены семейств, а также несколько членов НТС, только что выпущенных из концентрационного лагеря. Переезд они совершали поездом, но в Пильзене он был бомбардирован самолетами. Полк. Кромиади получил тяжелое ранение в ногу, а среди сопровождавших его лиц были убитые и раненые, архив же канцелярии сгорел в поезде. Полк. Кромиади, вместе с оставшимися членами группы, продолжал путь в Фюссен.

19-го и 20-го апреля из Карловых Вар был эвакуирован остаток штаба и КОНР в 18-ти автобусах с газогенераторным приводом, принадлежащих Пражскому транспортному отделу и предоставленных в распоряжение Комитета К. Г. Франком. В Фюссене был недостаток общежития, поэтому люди спали в сараях, на сеновалах и в окрестных деревнях. 20-го апреля вместе с д-ром Крегером прибыл Власов. Он посетил полк. Кромиади в госпитале и пять последовавших дней совещался с членами штаба, относительно возможности сохранения армии.

Между тем, д-р Крегер направился к гаулейтеру Хоферу в Тироль, где началась постройка дотов «Крепости Альпы». Как уже было упомянуто, оборонять легендарную, но в действительности не существующую крепость немцы рассчитывали при помощи армии ген. Власова, в его же распоряжении имелась лишь его личная охрана под командой кап. Шатова и штабные и резервные части, эвакуированные из лагерей в Мюнзикген и Хойберг. Кроме дивизии РОА, расчет делался также на XV-ый Казачий корпус и на национальные части с Балканского полуострова и Восточной Европы. Однако, ни одна из них не имела возможности отступить в этот район.

В предполагаемом сосредоточении столь большого количества частей «Крепости Альпы» связана и организация военного госпиталя РОА, основанного в Праге. Главным врачом этого госпиталя должен был стать д-р Иван Тимофеевич Камышанский из Праги, председатель Организации русских врачей в Протекторате. Госпиталь предполагалось создать в окрестностях г. Ксмптси, приблизительно в 30 километрах на запад от гор. Фюссен. Ген. Власов дважды совещался с д-ром Камышанским, в последний раз между 17-м и 19-м апреля 1945 г., когда тот был приглашен в Пражский Кремль, где ген. Власов дал последние распоряжения по созданию этого госпиталя. Д-р Камышанский был уполномочен собрать в Праге группу русских врачей-эмигрантов и одного зубного врача и все они, приблизительно 30 человек, вместе со своими семьями и медицинским оборудованием, 26-го апреля покинули Прагу в железнодорожном транспорте с Гибернского вокзала. У ген. Власова не было полномочия призывать к себе на службу врачей из Протектората, несмотря на то, что они были русскими по национальности, а один из них был даже из гор. Кромержж. Это мог сделать государственный министр К. Г. Франк или кто-либо из его канцелярии, о чем свидетельствует совещание в Пражском замке. Группе д-ра Камышанского так и не удалось добраться до г. Кемптена. В Баварии, как и «власовцы», они попали в плен к американцам. Спустя несколько лет, наконец став Ди-Пи, они рассеялись по разным странам, принимавшим их к себе как эмигрантов.^[98]

Полковник Кромиади сомневаясь, что при существующем положении дел представление о «Крепости Альпы» являются реальными, не видел иного выхода, как начать переговоры с американцами. По его мнению, ген. Власов должен был переждать критическое время где-нибудь в горах, так как если бы он попал в плен, не было бы возможным вести переговоры. Необходимо было добиться того, чтобы Власов не был выдан Советам и как-то переждать первое время ненависти к немцам и к тем, кто объединились с ними.

Кромиади предупреждал его об еврейском влиянии в кругах западных союзников, подкрепляемом сознанием о миллионной трагедии, и обращал его внимание на то, что за военные преступления нам же последует отмщение.

Однако Власов не верил в выдачу. Он идеализировал западных союзников, и представлял послевоенный мир как солдат, а не политик. Он продолжал верить, что если армия будет спасена, то ока станет единственной реальной силой, когда произойдет неизбежное столкновение между Западом и Востоком. «Может быть мы переживем это время в лагерях или в колониях, но выданы мы не будем, — говорил он. — Да, в конце концов, даже на принудительных работах! Ведь это же просто невозможно, выдать Советам десять миллионов русских людей против их воли!».

«Кончились немецкие дела. Теперь мы пойдем своим путем». Этими словами закончился последний разговор ген. Власова с полк. Кромиади.

25-го апреля генерал Власов уехал туда, где он чувствовал, его присутствие было крайне необходимо: в 1-ю дивизию. Перед своим отъездом он решил оставить в Фюссене часть своего штаба, капитана Шатова, а также генералов Малышкина и Закутного. Кроме того в Фюссене осталась часть Корпуса безопасности подполковника Тензорова. Всем членам штаба были даны полномочия на ведение переговоров с западными союзниками.

Прежде чем Власов добрался до 1-й дивизии, он еще заехал в комендатуру армейской группы «Центр», находящуюся на курорте Велиховки.

Архив КОНР был погружен в Карловых Варах в железнодорожные вагоны и с сопровождением отправлен в Фюссен. Однако, поезд доехал только до станции Платтинг (Бавария). Один из солдат сопровождающей части, добрался до Фюссена и доложил полк. Кромиади о том, что архив необходимо дальше транспортировать на автомашинах. Однако, раненый полк. Кромиади уже не мог ничего предпринять для сохранения архива. С этого места все его следы потерялись.

Переговоры с приближающейся американской армией так и не состоялись. Игорь Юнг, член НТС, сообщил командиру американской части в Фюссене, что в городе находится штаб РОА. Кроме полк. Кромиади, который вследствие ранения был оставлен в своем доме, все члены Штаба были переведены в американский плен.^[99]

Был и еще целый ряд попыток войти в контакт с западными союзниками, но все они окончились безуспешно.^[100] От штаба РОА в феврале 1945 г. к западным союзникам был направлен капитан Л... Через полгода после окончания войны он был выдан Советам. Следующим парламентаром был майор М.; через год он был выдан английской оккупационной армией непосредственно органам НКВД.^[101]

1 мая начали эвакуироваться из Карловых Вар оставшиеся члены КОНР и их семьи. Эвакуацией в гор. Фюссен или Зальцбург руководил ген. Малышкин. Вскоре после того, как поезд покинул Карловы Вары, на него налетели американские самолеты. В поезде погиб, помимо других, Н. Н. Будзилович, член президиума КОНР. Некоторые из членов КОНР, как например, проф. Ф. П. Богатырчук, покинули Карловы Вары самостоятельно и направились в Германию, где у них оставались семьи. Находящиеся в то время в Праге члены Комитета 8-го мая, вместе с группой русских эмигрантов из Праги, перешли без особых затруднений на территорию Баварии близ гор. Фюрс на Вальде.

Х

Общее положение немецкой армии и вооруженных сил СС в апреле и мае 1945 г на территории Чехии

Настоящая глава посвящена времени, которое предшествовало Пражскому восстанию в мае 1945 г. и описывает все важные события, вплоть до окончания боев в районе Праги. Описание и оценка военных действий не ограничивается лишь одной стороной, как это имело место во всех чешских и русских публикациях о РОА, которые говорят о положении противника лишь в общих чертах. Решения военных командиров, даже на самых низших ступенях, всегда исходят из положения как неприятельской, так и собственной стороны. Оставим это принципиальное военное правило действительным и для описания событий, происшедших в конце войны в Чехии, но прежде чем описывать участие РОА в Пражском восстании, ознакомимся с тогдашним положением немецких войск в Чехии.

Насколько мне известно, установить наличие и местонахождение немецких частей в районе Праги в интересующее нас время, никто еще до сих пор не пытался. Да и этот перечень немецких частей не будет полным. Из того, что мне удалось установить, вытекает, однако, что против восстания не стояли «целые дивизии», как это приводится в чешских источниках. Для немецкой армии в конце войны было характерным, создание частей, получивших наименование «боевая группа» (Кампфgruppe). Численный состав таких частей колебался между усиленной ротой и усиленным полком. Причиной этому послужило несколько обстоятельств. В первую очередь это был повсеместный недостаток средств для выполнения заданий, которые возникали вследствие развала западного и, главное, восточного фронтов. Далее, это также отражало новое военное мышление, согласно которому более выгодным было создавать части с меньшим количеством живой силы, но с несравненно

большой огневой силой, чем в таких же частях в начале второй мировой войны. В большинстве случаев это были моторизованные части, усиленные различными видами оружия, главным образом, небольшими танковыми частями и самоходной артиллерией.

С 6-го мая к Праге начали двигаться с разных сторон именно такие группы, следуя из своих первоначальных пунктов или из тех мест, где они быстро формировались в последние дни войны. Иногда в качестве пехоты в них включались и штабные подразделения, а также авиационные и артиллерийские части, но в большинстве они состояли из резервных учебных и школьных частей с бойцами самого молодого призывного возраста. Это обстоятельство должно было сильно влиять на их боеспособность.

Венно-политическое положение разворачивалось следующим образом:

1-го мая 1945 г., в то время, когда верховный адмирал Дениц возглавил правительство на оставшейся части Германии под немецким управлением и из оккупированных территорий оставались только Дания, часть Норвегии, большая часть Голландии, Протекторат Чехия и Моравия, Австрия и Хорватское государство.^[102]

У нового германского правительства было множество проблем, но в первую очередь, оно должно было в ближайшие же дни разрешить три вопроса, связанных с оккупированными территориями:

Имеет ли оккупация этих территорий для германского правительства какое-либо военное или политическое значение для дальнейших действий?

Должно ли германское правительство и военное командование удерживать эти территории и если должно, то как долго?

Каким наиболее рациональным образом произвести капитуляцию на этих территориях?

Ввиду того, что новое правительство, не имея точных сведений и считая необходимым воспрепятствовать тому, чтобы на занятых еще территориях кто-либо продолжал вести войну на собственный риск, Денитц вызвал в резиденцию правительства в Фленсбурге всех гражданских административных работников и военных командиров из оккупированных областей. Конференция состоялась 3-го и 4-го мая.

Из ряда общих директив, принятых на этой конференции, для нашей цели наиболее важным является та, которой Денитц придавал особое значение: прекращению на занятых территориях «военного беснования» (Кригс-фурие). Необходимо было избежать каких-либо провокаций по отношению к населению, а передачу исполнительной власти произвести без всяких недоразумений и пока это было возможным оказывать населению помощь снабжением и общественно-полезной деятельностью.

На конференции представляли Протекторат К. Г. Франк и ген. — лейт фон Натцмер, начальник штаба армейской группы «Центр». Согласно их рапортам, было установлено следующее решение:

Сохранить политическое положение в области Протектората было невозможно.^[103] Чехия находилась накануне революции. Некоторые мероприятия с немецкой стороны могли бы еще оказать влияние на события. О решениях Ялтинской конференции относительно этой территории еще ничего не было известно. Можно было ожидать, что она будет занята с востока. К. Г. Франк имел связи с правыми чешскими кругами, которые усматривали в этом большую опасность и, безусловно, приветствовали бы освобождение страны западными союзниками. Поэтому необходимо было при помощи чешских политиков попытаться капитулировать перед американцами.^[104]

Ни Шверин, ни Денитц не верили в успех таких планов, считая, что подобным путем политическое положение изменилось бы в последнюю минуту. Несмотря

на это они поручили Франку установить реальные возможности. Такая капитуляция облегчила бы положение и немецких частей в Чехии, которое причиняло новому правительству особые заботы. Одновременно Прага была объявлена «открытым городом», что дало немцам надежду на умиротворение чешского населения.

Об успехах переговоров Франка с чехами правительство Денитца ничего не узнало. 6-го мая утром было получено сообщение о восстании в Праге и с этого момента связь с властями германского протектората прервалась.

В военном отношении Протекторат охранялся армейской группой «Центр», которую в то время можно было считать непострадавшей. Расчет делался на то, что стянутая на территорию Судет, группа приобретет крепкую естественную оборонительную позицию и устоит до тех пор, пока не истощатся все запасы. Запасы были обеспечены приблизительно на три недели.^[105] Но Денитц требовал, чтобы уже с 1-го мая армия отошла в Крушне Горы (Рудные горы) в Судетах, и тем самым в момент капитуляции была бы вне досягаемости Красной Армии. Но ОКБ и ген. — лейт. Натцмер убедили его, что такой быстрый отрыв означал бы полный развал всей армии, тогда как отступательный бой проходил бы более организованно. Заканчивая совещание, Денитц особо указал на смысл и цель последнего боя: спасение как можно большего количества немецких людей. В этом верховный адмирал видел «священный долг», который должен быть выполнен во что бы то ни стало.

Но все равно произошел крах и 6-го мая утром Денитц отдал приказ об отступлении. Было потеряно несколько драгоценных дней и большая часть армейской группы «Центр» попала в советский плен.^[106]

А теперь, на короткое время, дадим слово строгим и точным записям из «Военного дневника Верховного командования армии»:^[107]

го апреля: Ген. Рудольф фон Туссен, вследствие угрозы восстания, объявил в Чехии положение боевой готовности.

го апреля: Подчинение Протектората Чехия и Моравия правомочию армейской группы «Центр».

го мая:...В Моравской Острове, а также на юг и на север от Брно, наши части воспрепятствовали попыткам совершить прорыв около Витковиц, Выпкова, Брно и Милкова.

го мая:...На юго-восток от Моравской Остравы, Красная Армия бросила в бои новые части и продвинулась на северо-восток от Бышкова.

го мая:...Повторное занятие фронта юго-восток от Моравской Остравы продолжается планомерно... Близ Оломоуца происходят упорные бои...

Ген. фон Туссен сообщает из Праги, что рабочие отказываются работать на предприятиях военной промышленности, но продолжают работать в гражданском секторе.^[108]

го мая:...Продолжаются тяжелые бои в районе Оломоуца, где советским войскам удалось занять только малый участок. На фронте в Силезии и в Саксонии по-прежнему все спокойно.

го мая;...Упорные атаки в районе Оломоуца и севернее от него. На западе американские части начали наступление от Пильзена на Прагу.

го мая:...Были утрачены города Оломоуц и Штемберк. Американские части дошли до г. Бороун.

го мая: Специальное сообщение о прекращении боев неприятелем на всех участках фронта... Также на юго-восточном фронте, от гор. Брно до реки Лабе; все главнокомандующие получили приказ о прекращении боев. Чешское повстанческое движение на всей территории Чехии и Моравии, однако может, трезить условиям проведения капитуляции в данном районе. Рапорты верховному командованию о положении армейских групп Лехр,^[109] Рендулиц и Шернер до сих пор

не поступили. Начиная с полночи наступило перемирие на всех участках фронта.

Немецкий военный архив за 1945 год, за малым исключением был утерян или сожжен.^[110]

Из съемок армейской группы «Центр» сохранилась последняя оперативная карта района Чехии, зарисованная вечером 30-го апреля.^[111] Помимо уже указанной позиции 1-й дивизии РОА (600-я русская) в районе Козли, в Карловы Вары и Яхимов имеются два символических знака чести. Один из них указывает предполагаемое местонахождение командного поста группы «Центр» в районе г. Остров близ Карловы Вар в то время, когда группа должна была быть стянута в Крушии Горы и сдаться американским частям. Значение второго символического знака мне не удалось установить. От Терезина к северу от Билины до Крушних Гор проходит толстая линия, какой обыкновенно наносится предполагаемое оборонительное сооружение. Большой дугой так же обведены включенные в предполагаемые районы обороны Литомержице и Мелник, с характерными особенностями предмостного укрепления на правом берегу реки Лабе. Никакого символического знака, у Праги не было, что отвечает намерению оставить ее открытым городом. Это означало бы укрепление оборонительной линии на запад от Праги, но на карте она не обозначена.

Чехия, страна относительного покоя, где о происходивших боях напоминали, по большей части, лишь налеты американских пикирующих истребителей на комму-никационные центры связи, в течение нескольких дней превратилась в оживленную арену заключительного акта войны, которая не закончилась здесь перемирием 9 мая, как приводится в «Кригстагебух».

Отступательные бои немецкой армии, как на западном, так и на восточном участках фронта, начались в начале апреля согласно приказу Адольфа Гитлера от 15 марта 1945 г. В наиболее важной части его говорится: «Русским необходимо оказывать самое решительное сопротивление,

а западного противника задерживать в его наступлении. При наступлении обоих противников необходимо уничтожать все мосты и все коммуникационное оборудование. Это является обязанностью военных командиров; уничтожать и парализовывать промышленные объекты является заданием гаулейтеров и ответственных хозяйственно-административных органов...».

Согласно сведениям А. Спеера известно, что этот приказ выполнен не был, главным образом, относительно промышленных объектов и коммуникаций. Командующий армейской группой «Юг» ген. Рендулиц приказа тоже не послушался, т. к., будучи австрийцем, явно не желал способствовать военным разрушениям в Австрии, на территории которой его армейская группа вела отступательные бои.

Совсем иначе было в армейской группе «Центр», командир которой фельдмаршал Шернер, готов был исполнять все приказы до последней буквы. Однако давление Красной Армии с севера и востока увеличивалось интенсивно настолько, что не оставляло достаточно времени для выполнения приказа. В конце апреля в распоряжение Шернера еще находилась армия численностью в 1.200.000 человек. На север граница его группы проходила в районе г. Коттбус, на юге же она менялась несколько раз. Поэтому часть Южной Чехии и Моравии иногда переходила в ведение командования группы «Юг», командиром которой с 6-го апреля был ген. — полк. Лотар Рендулиц и которая насчитывала 600.000 бойцов.

По записям в «Кригстагебух» на территории Протектората 26-го апреля еще находилось 79.000 бойцов в подразделениях, которые не были включены в боевые части.

Тогда же в КТБ приводится запись о приказе сосредоточить все незанятые силы армейской группы «Юг» в

\

районе гор. Линц, откуда они будут переброшены в Протекторат или на северный фронт.

С этой записью связана и предшествующая запись от 12-го марта, согласно которой предполагалась оборонительная линия на реке Лабе со многими укреплениями, которые в чешском районе должны были построить подразделения безопасности Верховного командования запасной армии. Кроме того должна быть произведена рекогносцировка на линии реки Влтава. Много сообщалось о создании партизанских частей (Банденбилдунг) в Протекторате, но не удалось установить, до какой степени они являлись реальной угрозой.

Записи соответствует положение указанное на карте. В первых числах мая до новой оборонительной линии дошла 20-ая Гренадир-Див. вооруженных сил СС (1-я эстонская), стянутая в значительно ослабленном виде с фронта в Силезии. В Мелник она прибыла через г. Елени (Хиршберг) — Турнов.^[112]

В Моравии Красная Армия пробивалась на запад весьма медленно и верховное командование немецкой армии явно замышляло развернуть решающие бои в районе гор. Иглава:

26-го апреля в этот район была послана 10-ая десантная дивизия и, одновременно, 2-ая СС-танковая дивизия «Дас Рейх». 27-го апреля в армейскую группу «Центр» была также направлена 9-ая СС-танковая дивизия «Хо-хенштауфен». Сосредоточение этих сил явно имело целью укрепить оборону против одного из главных наступлений Красной Армии, которое ожидалось в районе г. Брно.

Удалось ли всем вышеперечисленным дивизиям добраться до указанного им в приказе района остается под вопросом. Важно, что часть сконцентрированных воинских частей, в конце концов, принимала участие в попытке ликвидировать пражское восстание 7-го и 8-го мая.

Прага за время немецкой оккупации приобрела особый статус. Она стала резиденцией одной из верховных военно-административных организаци «Wehrkreis B&hmen und MShren», резиденцией военного уполномоченного по делам Протектората; кроме того там находилась комендатура и часть собственных воинских частей 539-ой Пражской территориальной дивизии. Согласно организационной схеме, все они находились в подчинении Комендатуры запасной армии и ОКВ. Свою деятельность эти организаци должны были координировать с К. Г. Франком, но последний опирался на части СС и фактически был неограниченным властителем Протектората. Эти обстоятельства вызывали постоянную напряженность между армией и учреждением государственного министра, который поступал, в первую очередь, как член СС. Такое положение и его последствия, сказавшиеся в дни восстания, не являлись, в какой-либо мере исключительными. Наглядным примером подобных трений были события, происшедшие 20-го июля 1944 г. после неудачного покушения на Адольфа Гитлера. Аналогия является особенно убедительной вследствие того, что все участвовавшие находились под одинаковой угрозой на своих позициях и действовали одинаковым образом. Дух в вооруженных частях меняется не так уж быстро. Как чешские офицеры представляли себе восстание в Праге соответственно своей традиционной военной доктрине, так и пражские части СС, после покушения в 1944 году, и в мае 1945 года, стереотипно реагировали на события согласно установленной схеме, выраженной лозунгами: атака — оборона — преданность — окончательная победа. Иначе вряд ли можно объяснить, почему некоторые части СС остались в Праге после официальной капитуляции армии 8-го мая и продолжали вести бои.

Когда 20-го июля 1944 г., пополудни, в Прагу поступили противоречивые сведения,^[113] все сановники органов СС и армии в то время находились на собрании по случаю торжественного открытия офицерского училища СС в Техническом институте в Дейвицах. Как К. Г. Франк,

так и командующий военным округом ген. Шаал были тотчас же отозваны в свои учреждения. Хотя радиосообщение гласило, что попытка совершить покушение не удалась, одновременно всем армейским округам был дан приказ фельдмаршала фон Витцлебена о разоружении всех партийных организаций и частей СС. Приказ вызвал в обеих организациях лихорадочную активность и ряд мероприятий как в комендатуре армейского округа, так и в частях СС. Только на следующий день в девять часов утра обе стороны договорились о взаимной встрече. Чешское население при этом не проявило никакой угрозы. Шаал был убежден в том, что Гитлер мертв, но одновременно он сознавал, что в борьбе за власть, которая последует, он должен действовать весьма осмотрительно на чужой и неприятельской территории. Он должен был так же принять во внимание, что у частей СС в Праге был значительный перевес и что открытое столкновение было рискованно. Под влиянием этих обстоятельств, наконец, было достигнуто соглашение о встрече представителей обеих вооруженных частей в «третьем месте», в резиденции СС ген. — майора графа фон Пюклера, командующего вооруженными силами СС в Протекторате, в здании Юридического факультета. Ген. Шаал прибыл в здание факультета лишь перед 11-ью часами. К этому времени уже было известно, что покушение не удалось и Шаал был вынужден отменить все мероприятия согласно приказу Витцлебена и подчиниться своему политическому начальнику К. Г. Франку. На следующий день он был арестован и находился в заключении вплоть до краха и развала германских учреждений в апреле 1945 года.

После этого события мощь органов СС в Праге возросла еще больше. Ген. Шаала сменил ген. Рудольф фон Туссен, который в первые дни мая стал начальником гарнизона Праги. Однако с этим политическим наследием он не пользовался популярностью в пражских частях СС. Это обстоятельство оказало большое влияние на ход драматических событий после начала Пражского восстания.

При отступлении армий с восточного фронта, положение Праги, как стратегического и проходного пункта для наикрупнейшей воюющей группы «Центр», начало приобретать все большее и большее значение. Коммуникационная система железнодорожных путей и иных дорог, почти без изменений перенятая от габсбургской монархии, обусловлена географически и сходится в центре Чехии, в Праге. Это обстоятельство сыграло исключительно важную роль в коммуникационной системе Чехии. Когда в начале восстания Прага перестала быть проходным городом, массы немецких частей, стягивающихся па запад, постоянно должны были менять пути отступления, что создавало случаи их скрещивания., осложнения и потерю времени. Отступление армий, которые вынуждены были обходить Прагу, превратилось в катастрофу под давлением напора Красной Армии с севера.

Немецкое командование сознавая, что Прага является ключевой позицией в коммуникационной системе Чехии изменило весной 1945 г. в начале подготовки оборонительной линии Влтава—Лабэ статус Праги, объявив ее «укрепленным городом».

В начале апреля, когда было создано специальное командование «Verteidigungs bereich Prag», возникли всевозможные затруднения, например, с занятием поста командира. В Праге, с самого начала этот план вызвал сомнения, а военный уполномоченный по делам Протектората отказался от командования. Наконец, после расследований на месте, в первые дни апреля, командиром был назначен ген. — лейт. Мюллер-Геххарт, а его резиденцией стало одно из зданий против храма св. Николая, в части города Мала Страна. 10-го апреля, Мюллер-Геххарт издал тайный приказ по обороне Праги под наименованием «Richtlinie fur Kampffuhrung gegen auseren Feind Be- kampfung fur die Unruhen»,^[114] обширный документ на 36 страницах с приложениями, начинающийся словами: «Прага будет защищена при всех обстоятельствах, как от внутреннего, так и внешнего врага». Любопытен не столько сам документ,

устанавливающий оборонительные линии и обозначающий объекты для разрушения, сколько данные для его осуществления. В ближайших окрестностях Праги, в Миловицах и Бенешове, в учебных районах были сосредоточены части СС, которые, однако, не принимались в расчет при обороне Праги. Для этой цели, в большинстве случаев, в ускоренном порядке были созданы новые части. Например, одной из них был велосипедный полк в учебном районе Миловиц под командой подполк. фон Флотова, который потом действительно участвовал в пражских боях, а 6-го мая даже проник в часть города Мала Страна; далее, пехотные роты, организованные из авиачастей, из которых одна участвовала в боях непосредственно в районе Комендатуры оборонительного округа, т. е. в центре Праги; и, наконец, несколько частей, состоявших из самых старых и самых молодых призывников,^[115] а также учебные подразделения, которые в Праге и ее окрестностях проходили обучение при 31-й СС «Freivilligen-Division Bfthmen und Mahren».^[116]

Перед восстанием в городе находилось также два батальона СС, несущих сторожевую службу в Пражском замке. Юридический факультет был занят одной из этих частей.

В разных местах района Большой Праги были размещены учебные и резервные подразделения, а именно: СС-Резервный и учебный артиллерийский полк под командой СС-полковника Эйнспеннера, в Дейвицах; СС- Учебный и резервный батальон танкодесантников (Panzer-grenadier) № 2, в Рузини (бывшие артиллерийские казармы), под командой СС-майора Якоба Оэттингера.

На аэродроме в Рузини стояли части IX авиакорпуса (J); истребительная эскадрилья и 30-ть человек наземного персонала. Частями на аэродроме командовал ген. — майор Кортэ. До 7-го мая общая численность авиачастей уменьшилась до 60 человек.^[117]

Сверх того, командование перевело в Прагу несколько батарей артиллерии, сосредоточив их на Страгове и Петршине. В общее количество вооруженных лиц необходимо включить и части немецкой полиции и полевой жандармерии, сторожевые части многих военных объектов, включая 18 главных военных лазаретов, где в то время находилось около 50.000 раненых. Немцы имели в своем распоряжении также два главных военных аэродрома, Рузынь и Кбелы, и противотанковую оборону.

Наконец, в Праге находилась часть подразделений пражской 539-й Grenzwachendivision с гарнизонами по всей Чехии, как и 540-я Grenzwachendivision в Моравии. В 539-й дивизии в Праге, вероятно, находились части 72-го полка, 374-й и 504-й пехотные батальоны и 539-я артиллерийская часть. Командиром дивизии был ген. — лейт. Рихард Спейх. Численность размещенных в Праге частей могла достигать 3.000 человек. Как указывает название дивизии, она не была боевой полевой дивизией, о чем свидетельствует и ее размещение по батальонам и ротам по всей территории Чехии. Это была часть сил безопасности, размещенная на окраинной и неприятельской территории, каковой немцы всегда считали Протекторат.

Помимо этих подразделений, присутствие которых подтверждается документами, в мае в Праге по-видимому, стояли еще и другие войска, присутствие которых, однако не возможно засвидетельствовать документально.

Кроме немецких частей в окрестностях Праги было несколько подразделений словацкой армии, отступавших на Запад вместе с немцами. Чешский Национальный Совет обратился к ним с призывом присоединиться к Восстанию. О дальнейшей судьбе этих подразделений чешские источники умалчивают.

Большинство немецких частей было размещено в районах Праги Дейвице, Бржевнов, Град чаны и Стрешовице. Центром немецкого сопротивления и действительным командным пунктом, который с 12 часов

5-го мая координировал действия с внепражскими частями СС, был Юридический факультет.

По моим подсчетам в Праге в начале восстания находилось от 9.000 до 10.000 бойцов немецких вооруженных частей. В это число не включен гарнизон в Рузини, который в пражских боях не участвовал. Согласно данным д-ра Крегера, немецкая сторона считала положение в Праге вне опасности — при условии, если 1-ая дивизия РОА не перейдет на чешскую сторону.

Большинство этих вооруженных частей уже не обладало той военной дисциплиной, которая была свойственна немецкой армии в начале войны. Среди них появились признаки усталости в результате длительных боев и страх, что конец военных операций застанет их на вражеской территории. Этнический состав подразделений также играл важную роль. В основном, части были сформированы из немцев с территорий, потерянных Германией на Востоке (Фольксдейче), но было также много австрийцев и венгров. Такой же состав стал обычным во вновь формирующихся частях СС.^[118] Все эти подразделения не проявляли никакой готовности воевать, как это ожидалось от них. Ряд приказов о повышении дисциплины и принятии строгих мер наказания за дезертирство подтверждает, что об этом хорошо знало и немецкое командование. L

В западно-германском военном архиве не сохранилось материалов о пражских делах, но в общих чертах можно констатировать, что именно так выглядела «крепость Прага» в конце апреля.^[119] С этими войсками, и анахронизмом с Первой мировой войны, с несколькими десятками бронированных поездов, немцы начали 5-го мая борьбу против Пражского восстания.

Решение нового немецкого правительства верховного адмирала Денитца объявить Прагу «открытым городом» никоим образом не повлияло на положение вещей. Комендатура оборонительного района работала вплоть до дня капитуляции, 8-го мая.

Кроме того, на случай восстания существовал первоначальный план обороны города. Согласно этому плану, все немецкие подразделения должны были занять стратегически-важные места города и тем самым предотвратить разрастание восстания. Пражские немцы указывали на опасность изоляции этих центров и на то, что при постоянно возрастающем количестве немецких беженцев с Востока, первой жертвой восстания станет гражданское население. Никаких планов эвакуации, кроме явно невыполнимых указаний, что в случае опасности граждане должны сосредоточиться в районе Праги Дейвице-Бубенец-Градчаны в своем центре «укрепленного города» не существовало.

В апреле у пражских немцев появились признаки паники и в массовом порядке они стали уезжать в Германию. Франк выпустил 8-го апреля летучку, которая должна была успокоить немецкое население и остановить беспорядочный побег. В ее пункте № 4 говорилось: «В случае прямой угрозы с вражеской стороны я своевременно дам приказ об эвакуации». Неожиданно быстрое наступление Красной Армии опередило Франка, который, несомненно, рассчитывал на то, что американская армия продвинется вплоть до Праги, поэтому приказа он не отдал, т. к. ничего не было подготовлено для его исполнения. Единственным действием в этом направлении была поездка заместителя коменданта Праги ген. Зирфогела и протекторатного министра Бергча, посланных 5-го мая ген. фон Туссен в американскую армию в Западной Чехии. До своей цели они не добрались, т. к. близ гор. Каменне Жехровице их забрали в плен повстанцы, которые через г. Кладно известили Прагу о цели их поездки. Они намеревались договориться с американцами об отмене Протектората и образовании министром Франком нового правительства в сотрудничестве с правыми чешскими политиками, а также с ген. Паттоном о продвижении американской армии на восток. Они должны были сообщить Паттону, что ген. Туссен отдал немецким частям приказ не оказывать сопротивления американскому наступлению и сдать Прагу без боя. Они должны были также договориться с 3-й

американской армией о форме капитуляции и о способе эвакуации немецких женщин и детей из Протектората на территорию Рейха. [\[120\]](#)

Попытка создания нового правительства в Протекторате под руководством К. Г. Франка, однако, не имела бы успеха. События зашли слишком далеко. Уже не оставалось времени для мирного разрешения, а лица, которых Франк выбрал в состав нового правительства, были не приемлемы для чешской стороны. Среди которых был ген. Клецанда.

Описание военных операций армейской! группы «Центр» на территории Средней Чехии в последние дни войны не является заданием данной книги. [\[121\]](#) Все же считаю необходимым упомянуть о попытке внепражских частей участвовать в подавлении восстания. Ход их действий изложен в приложении № 7 вместе с перемещением и деятельностью 1-й дивизии РОА. Восстание постепенно охватило всю территорию Большой Праги и ее окрестностей. Ввиду того, что участниками восстания, за малым исключением, были группы добровольцев, трудно занести на карту районы их действий. Территория, покрытая на карте штриховкой была утрачена чехами 7-го и 8-го мая после насильственного наступления немецких внепражских частей.

Продвижение 1-й дивизии РОА разделило Прагу на северную и южную части и тем самым воспрепятствовало соединению немецких частей, намеревавшихся занять весь город. Положение 1-й дивизии, занесенное на карту, наилучшим образом говорит о важности ее вмешательства и стирает с истории налет легенды.

Считаю необходимым внести поправки в описание некоторых событий, которые можно найти в чешских источниках. Не все немецкие части достигшие в критические дни окраин Праги, появились здесь хотя подчиняясь приказу СС ген. Пюклера они должны были участвовать в ликвидации восстания. Частично были подразделения с фронта, которые просто попали на

окраины Праги при своем хаотическом отступлении не зная ни о переговорах пражского военного гарнизона, ни о попытках перемирия или капитуляции. Поэтому были частые случаи нарушения перемирия, как это указывается в чешских публикациях. При отсутствии координаций действий, немецкий комендант города Праги ген. Туссен был не в состоянии препятствовать возникновению стихийных боев. О некоторых подразделениях известно лишь то, что дойдя до Праги и узнав о вспыхнувшем восстании, они старались пробить себе дорогу на запад. С ними отступали беженцы, преимущественно женщины и дети и, поэтому они старались избежать боев.

О маршале Шернере иногда утверждается, что он не подчинился приказу о перемирии, которое вступило в силу 9-го мая в 00,00 часов, продолжая и далее вести бои против Красной Армии на собственный риск. Происхождение этих утверждений могло исходить из его двух обращений от 5-го и 7-го мая, в которых Шернер уведомляет воинов своей немецкой группы, что все сообщения о намерениях нового германского правительства капитулировать — фальшивы и являются главным образом войной на нервах. Согласно действительным приказам верховного адмирала, война на востоке продолжается.

Положение же продолжало осложняться и территории, все еще удерживаемые на чешско-моравской возвышенности, в Саксонии и в Силезии, оказывались вне контроля штаба Шернера. Свидетельством этому является тот факт, что перегруппировка Красной Армии южнее Берлина не вызвала контрмер штаба немецких войск, так как она была направлена на уничтожение армейской группы «Центр».

8-го мая в штаб Шернера, находившийся все еще на курорте Лазне Велиховки, прибыл представитель организационного штаба армии полк. Мейер-Детринг с четырьмя американскими офицерами и передал фельдмаршалу сообщение от ген. — полк. Йодля. Согласно этому сообщению, части 4-й танковой армии ген. — полк. Хота в Круш-них Горах еще некоторое время

должны были оказывать сопротивление, чтобы дать возможность войскам восточного фронта отступить на Запад. Приказ совершенно определенно гласил, что ни фельдмаршал, ни его штаб не смеют в Крушних Горах продолжать бои после хапитуляционного срока. Какую роль исполняли при этом посещения американские офицеры в источнике не указывается. Ген. — лейт. фон Натцмер пытался еще в тот же день создать новый план отступления и отдавал директивы для его выполнения, но с 4-й танковой армией, принимавшей тогда на себя тяжесть натиска советского прорыва между Дрезденом и Герлицем в направлении на Прагу, у него уже не было связи.

Нижеприводимые данные относятся к обстоятельствам, которые до сих пор замалчиваются или неизвестны иным авторам.

С конца марта и вплоть до начала боев в Праге ген. фон Туссен вел неофициальные переговоры с руководителями Пражского восстания.^[122] Целью этих переговоров было не допустить бессмысленные по мнению Туссена бои, которые произошли бы в Праге. Туссен таким образом вел переговоры в противоречии с приказами о создании и обороне «крепости Прага». Он обещал очистить город без боя в тот момент, когда последние воюющие немецкие части с востока пройдут на запад через соединительный узел Прагу. Ведение переговоров, конечно, невозможно было утаить. Шернер о них знал и угрожал Туссену даже личными репрессиями. С чешской стороны попытки Туссена сначала принимались положительно. В конце концов восстание вспыхнуло произвольно, а также при участии агенто-десантников с востока, которые работали в чешских кругах при посредстве коммунистических представителей. Чешские источники не упоминают о них, хотя другие подтверждают документами их присутствие. В боях группы в Парижской улице ее командир СС-кап. Хелмут Мюллер-Веллборн сообщает, что с крыш угловых домов у подступа к мосту и к прилегающим улицам стреляли в каждого, кто появлялся на этом участке, независимо от того, был ли это чех или немец. При ликвидации этих

очагов сопротивления члены СС арестовали в этих домах группу вооруженных людей в штатских одеждах, которые не говорили по-чешски. В Юридическом факультете, куда их отвели, было установлено, что они здесь из Красной Армии. Через русского переводчика они показали, что являются частью десантного войска, высаженного в районе Литомержице в количестве около 3.000 человек. Некоторые из них в штатской одежде проникли в Прагу, где примкнули к боям в нескольких местах; Туссен также упоминает о них, а автор настоящей книги встретился с ними в районе Гржебенка, южнее Стадиона. Все эти факты утверждают о том, — что с оговорками разделяет и автор данной книги, — восстание в Праге вспыхнуло произвольно, [\[123\]](#)

5-го мая, в 15.00 час., в полицейское управление на Летне прибыл в качестве парламентаря сын ген. Туссена, старший лейтенант Рудольф фон Туссен. Отец дал ему поручение добиться немедленного прекращения боев, которые в то время уже велись полным ходом между немецкими танковыми частями и пражскими повстанцами. Его отвели к ген. Кутлашру для продолжения предмайских переговоров ген. Туссена, но теперь при изменившихся обстоятельствах. Восстание уже невозможно было остановить. Присутствие ст. лейт. Туссена объединило повстанческое руководство, до сих пор расходившееся в своих взглядах на восстание, в одном требовании, на котором особенно настаивал Й. Смирковский и которое ст. лейт. Туссен должен был передать своему отцу: о безоговорочной капитуляции. Установив телефонную связь с ген. Туссеном, его сын объяснил ему положение и сообщил требование чешской стороны. Отец ответил, что при таких обстоятельствах это не является возможным и что его собственная судьба должна остаться в стороне. Он простился с сыном и связь была прервана...

С этого момента, ст. лейт. Туссен был объявлен военнопленным; за жизнь которого поручился ген. Кутлашр. По конвенции о военнопленных, нельзя захватывать в плен парламентаря. Таким образом, Рудольф

Туссен стал заложником. После подписания капитуляции 8-го мая, ген. Култвашр, сдержал свое слово и ст. лейт. Туссен был передан немцам.

Бои в Праге были жестокими. Ни в одной войне нет героев на одной стороне, головорезов на другой. Также в любой революции или восстании есть свои герои, как и на другой стороне, которая борется за сохранение статус-кво. Встать на путь насильственной революции и рассчитывать на то, что она будет принята без насильственных действий с другой стороны, является безответственным представлением о тех, кто начинает их. Кроме того реакция регулярных воинских частей на национальное восстание жестока уж потому, что повстанцы навязывают им способ борьбы, к которому они или не подготовлены или не хотят их вести. Если о чешской стороне говорится с обоснованной гордостью, что восстал народ и что в боях, по мере своих возможностей, участвовал каждый, включая женщин, тогда совершенно необходимо допустить, что каждый почувствует последствия боев. Жестокость мероприятий против восстания прямо пропорциональна заданию, которое должно быть достигнуто. В пражском случае это было обеспеченное отступление немецких войск через пражский коммуникационный узел.

Мало кому известно, что вторая мировая война в Праге закончилась штыковыми поединками человека против человека на косогорах восточнее Сливенца. До сих пор я еще нигде в документах и публикациях о Пражском майском восстании не встречался с осуждением этого классического и самого жестокого способа ведения борьбы, к которому готовится каждая армия, но редко использует его. Все же после войны я встретился с людьми, которые за участие в этом столкновении получили награды. Поскольку я помню, на одной стороне боролись части 2-го полка 1-й дивизии РОА, а на другой молодые и неопытные добровольцы частей СС. Говоря о войне нельзя забывать, что у Марса, бога войны было два лица, а у славянского бога Свантовита будто бы четыре лица. Конечно, мне не хочется этим оправдывать зверства, которые допускались отдельными лицами на обеих

сторонах. Я говорю о тех людях, которые до последней минуты придерживались правил войны. Жестокие, бесчеловечные, но человечеством принятые. [\[124\]](#)

Когда 8-го мая, после ухода 1-й дивизии РОА из города, немецкие части заняли большую часть Праги, пришло сообщение, что Красная Армия, путем прорыва у Дрездена, устремляется на юг. Немецкому командованию стало очевидным, что армейская группа «Центр» уже не успеет отступить на запад, а поэтому не было смысла удерживать город Прагу. В 16.00 час. комендант города подписал капитуляцию с входом ее в силу в 18.00 часов, немецкие вооруженные части и гражданское население начали покидать город. На этом закончились действия, в которых бойцы с оружием в руках стояли друг против друга. После подписания капитуляции те же лица стояли друг против друга имевшие право на ношение оружия, как и те, которые не имели такого права.

До некоторой степени история не сделала никакой разницы между победителем и побежденным. После 1948 года тем же судом судили ген. Култвашра, как и ген. Туссен, обрекли обоих на много лет странствовать по чехословацким тюрьмам.

Собственно говоря, ген. Туссен, не был выпущен на свободу. Перед Рождеством 1960-го года его обменяли на группу чешских офицеров, скомпрометировавших себя в федеративном государстве (Западной Германии).

На этом история немецкого участия в Пражском майском восстании закончилась.

XI

1-ая дивизия в Пражском майском восстании

С 4-го по 8-го мая 1945 года, пять дней, которые фактически решили будущее Чехословакии, и как мало о них известно! Лишь спустя двадцать лет после тех событий в Чехословакии вышли первые исторические труды, посвященные майскому восстанию.

Главные действующие лица в этих исторических событиях стремились, по мере своих сил, включиться в их ход, но судьба в значительной мере уже была predetermined в ином месте. Их стремления и сила вмешательства в них не могли мериться с силами, одержавшими верх, и выходили далеко за рамки границ Чехословакии. Этому способствовало традиционное чешское политическое дилетанство, неосведомленность и укоренившаяся уверенность, что кто-то другой придет им на помощь. В следствие этого были изменения и превращение почти в трагедию многих положительно-мотивированных устремлений, оставив в конце концов лишь неопределенную, нередко искаженную, легенду.

Одним из таких искаженных взглядов о ходе восстания считается жестокость, проявленная обеими сторонами. С одной стороны, упор делается на кровавые действия вооруженных сил СС, а с другой, подчеркивается бесчеловечное обращение с немецким гражданским населением. Тот, кому на собственном опыте пришлось пережить это восстание, знает, что обе стороны по своему правы. В интересах соблюдения правды следовало бы подчеркнуть, что немецкое командование не контролировало органы СС, а у ЧНС (Чешский Национальный Совет) и его командование не имело возможности для предотвращения эксцентричных выходов. К сожалению следует признать, что обвинение в жестокости чешских бойцов, можно зачастую отнести и к группе РОА.

Положительной стороной восстания были энтузиазм и жертвенность населения города, преимущественно молодежи. Это было ее заслугой, что восстание овладело Прагой тотчас же, 5-го мая, когда был использован момент неожиданности.^[125] После этого момента вплоть до

самого конца, наступило напрасное уничтожение, принесшее жертвы. Как чешские политические группировки, так и военное командование тоже боролись — если не главным образом — за власть в будущей политической жизни. Немцы продолжали упорно бороться до самого конца, что явилось характерным явлением для немецкой армии во вторую мировую войну, объясняемое комментаторами различно, в зависимости от своих политических симпатий.

Относительно деятельности РОА необходимо прежде всего констатировать, что слишком мало исторических источников доступных общественности. Чтобы дать окончательную оценку участия РОА нужно было бы изучить архивы Министерства внутренних дел в Москве и Праге, записи допросов кал. Яромира Неханского, ген. Карла Култвашра, ген. Рудольфа фон Туссена и других лиц. К счастью, на западе имеется немало источников и современников для детальных и объективных материалов, опубликование которых, я надеюсь, заставило бы заговорить тех, кто до сих пор остается молчаливым свидетелем. Поэтому моя книга не является окончательным словом в истории Русского Освободительного Движения, но лишь, как я думаю первым трудом, который стремится найти историческую взаимосвязь с конкретными данными и объяснить то, что до сих пор все публицисты обходили лишь констатированием в общих чертах. Это относится и к работникам архива РОА.

Работа над этим историческим трудом походила на складывание зеркала из большой груды осколков. Я уверен, что многое мне не удалось найти. Реакция участников и лиц посвященных в эти события представляла собой пеструю шкалу, начиная с готовности предоставить информации и кончая полным нежеланием вернуться к событиям 32-летней давности. Небольшим огорчением в этом отношении было то, что главный свидетель, так много знавший и видевший, ушел из этого мира за полтора месяца до моего начала этой книги. Я никак не мог его найти, а потом было слишком поздно.

Этим главным сви- детелем был капитан РОА Ростислав Антонов, адъютант ген. Власова, человек, который сопровождал его неустанно. Именно он, как единственный представитель РОА, пришел в критические дни в ЧНС. После окончания войны он не давал никому интервью, жил в уединении, навсегда унеся с собой наиважнейшие сведения о том, что на самом деле произошло в Праге и несколько дней спустя, когда ген. Власов был взят в плен. [\[126\]](#)

Прежде, чем приступить к описанию боев, я считаю нужным привести краткий обзор событий этих исторических дней:

с 30-го апреля начинаются первые контакты чешских военных представителей с 1-й дивизией. (Попытки войти в контакты с февраля 1945 г. в Карловых Варах недостаточно документированы);

со 2-го до 4-го мая — учащенные контакты с чешским командованием;

4-го мая — 1-я дивизия в районе селения Сухомасты;

5-го мая — произвольное восстание. Представительство во главе с полковником жандармерии заключает соглашение о совместных действиях с 1-й дивизией. Одновременно в комендатуру 1-й дивизии приходят представители чехословацкой армии. Уже в тот же день дивизия выступает в поход, направление — Прага.

Необходимо учесть, что стало очевидным существование нескольких «Национальных Советов», военных комендатур, и что официальный Чешский Национальный Совет (ЧНС) публично заявил о себе лишь тогда, когда события уже шли полным ходом. Сам же Совет восстание на 5-го мая не подготовлял. Чешский Национальный Совет, возглавляемый проф. д-ром Пражаком, был организацией заседательного характера, без каких либо возможностей осуществить восстания; участвуя во внешних событиях, он не был их инициатором. Никто из среды чешского военного командования, не рассчитывал на то, что судьбу 1-й

дивизии решит именно лишь эта организация, так же как и командир 1-й дивизии, почти никто из военных командиров вначале не знали об официальном Чешском Национальном Совете.

Кроме официальных представителей в ЧНС, коммунистическая партия располагала еще своим центром и связью с советской миссией в Праге, в распоряжении которой имелась одна (задокументированная) радиостанция. КПЧ (Коммунистическая партия Чехословакии) была единственным участником восстания, действовавшим целеустремленно; ее представители по политическим соображениям оказывали принципиальное сопротивление военным действиям совместно с 1-й дивизией, но после окончания войны, она с одинаковым расчетом приписывала себе большие заслуги, чем они были в действительности.

Помимо указанных сил и группировок на арене действий стояли еще три большие армии: Красная и Американские Армии, а между ними, зажатые в тисках и отступающие с боями, немецкие вооруженные части. Создавшееся положение обострилось тоской по свободе, использованное вскоре всевозможными способами вооруженными штатскими людьми, оказавшимися позже членами так наз. партизанских отрядов, и лишь в последнюю очередь судьбой русских добровольческих отрядов, для которых ясного сценария никто еще не написал. Прошло время недавних героических наступлений. Без торжественного марша и боевых фанфар погибали люди, изнуренные войной, умирая в южно-чешских трясилах, в Брдских лесах и на пражских баррикадах. Само восстание, поскольку оно вообще планировалось, не должно было вспыхнуть как произвольное действие, т. к. его цель была иной, чем приписывается теперь. В материальном отношении оно не было достаточно подготовленным.^[127] Миротворческая деятельность Рейнгарда Гейдриха была по документированным фактам весьма эффективной, но и ее влияние лишь незначительно ослабило террор, последовавший после его смерти. В сводках ОКБ о

положении постоянно повторяются донесения о том, что в протекторате не было признаков саботажа, которые достигли бы опасных размеров. Военная промышленность работала почти до последних дней войны. Оккупированная территория Чехословакии, рассматриваемая с точки зрения союзников, представляла собой иную картину, чем та, которую нам хотелось бы видеть. [\[128\]](#)

Настроения гражданского населения Чехии, описываемые немецкими офицерами связи как «положение мятежа», весной 1945-го года, начали однако, постепенно меняться, переходя в первые майские дни в настоящее восстание против немецкой оккупации Чехии. Кое-где это восстание носило спокойный характер, а в иных местах — кровавый характер. Явные антинемецкие настроения частей РОА подкрепляли чувства чешского населения по мере следования 1-й дивизии с севера на юг.

В районе нахождения 1-й дивизии 4-го мая не было никаких немецких частей. Более крупные города (Бероун, Здице) перешли на сторону революционных советов без особых происшествий. В районе расквартирования 1-й дивизии были арестованы и выданы гражданскому управлению те лица сосредоточенные в с. Лоховице, которые причисляли себя к немецкой национальности.

4-го мая в Праге было объявлено осадное положение и через полчаса начались первые столкновения с немецкой полицией и армией, продолжавшиеся всю ночь.

5-го мая утром, в городе царил кажущийся покой. Но к полудню распространился слух, что американская армия, наступая с запада, дошла до г. Бероун (прибл. в 30 километрах на запад от Праги). Это сообщение было ложным, но вызвало мгновенный взрыв. [\[129\]](#) В 10 час. 30 мин. прекратилось городское сообщение, а в 11.00 час. на Вацлавской площади и На Пршикопах появилось две процессии с красными знаменами. Процессия На Пришкопах несла во главе манекен «Нафталина», т. е. офицера армии времен первой республики, представлявшего тех профессиональных солдат, которые не принимали участия

в подпольной деятельности против немецкой оккупации. Если К. Г. Франк и немецкое военное командование очистили бы тогда город, наверное все закончилось бы только процессиями и перестрелками. Но для немецкого командования Прага была не только столицей Чехословакии, но прежде всего, — как я уже упоминал — ключевым коммуникационным узлом, служившим для отступающей миллионной армии единственными воротами в американский плен.

Несмотря на различные утверждения, преувеличивающие численность немецких войск в столице, у немецкого командования, 5-го мая в 12.00 часов, как видно из перечисления в предшествующей главе, вряд ли было достаточно возможности для подавления восстания.^[130]

И восстание вспыхнуло. После 11-ти часов началась перестрелка на Вацлавской площади, а в 12.00 час. начал заседать Чешский Национальный Совет.^[131] До сих пор он не имел никакого влияния на ход событий и намеревался лишь перенять правительство после ухода немцев.^[132] Развитие событий застало как Совет так и немецкое командование врасплох, и поставило перед Советом необходимость принять решение: игнорировать восстание, или возглавить его. После короткого заседания ЧНС принял решение в пользу второй альтернативы. В те времена военным командованием была военная комиссия ЧНС, бывшая лишь формальной частью восстания, не имея никаких средств или технического оснащения, чтобы осуществить боевые операции в городе с миллионным населением. Во главе военной комиссии стоял кап. Яромир Неханский, с кличкой «Йржи», десантник из Англии, который в Праге замещал командующего генерала партизан и десантников, полковника Карел Весельштейнер, с кличкой «Рихард», признанный согласно «протоколу» Кошицким правительством. Однако в пражских боях он не участвовал.^[133]

Восстания в Праге готовились несколькими военными командованиями подпольных групп офицеров

чехословацкой армии, жандармерии, полиции, вооруженных групп Протектората (Правительственное войско, Финансовая охрана и несколько других). У них не было политической программы и они надеялись, что восстание вспыхнет самостоятельно под командой армейских офицеров, без всеобщего и массового участия населения. Это было их главным слабым местом. Кроме того в их составе действовали лица, скомпрометировавшие себя во время немецкой оккупации, а возглавители его вряд ли могли ожидать радостного признания представителя народа и временного политического управления. Когда 5-го мая ЧНС впервые выступил публично, возникла для них необходимость подчиниться его авторитету, иначе Созет распустит бы их. Но эти организации имели за собой более длительную деятельность, чем ЧНС, вследствие чего они вошли в различные контакты, взяв на себя обязательства, которые ЧНС не желал или не мог выполнить.

Одной из жертв такого нарушения обязательств и соглашений была 1-я дивизия РОА. То, что для военных представителей казалось исполнимым и с военной точки зрения логичным, то для ЧНС, по политическим соображениям было неприемлемым. ЧНС аннулировал соглашения, заключенные с 1-й дивизией до 6-го мая, заявил, что это дело касалось контактов «частных лиц». Вследствие этого все эти соглашения и планы канули совершенно в темную бездну истории, от них остались лишь отрывочные сведения.

В истории восстания в качестве действительного военного командования, возникшего естественным путем, вошла группа выдающихся и лучше всех организованных людей, известная под кличкой «Бартош»; в виду того, что 1-я дивизия координировала свои действия в Праге именно с этим командованием, необходимо вкратце привести ее состав.

По стечению обстоятельств, командиром ее стал ген. Кагел Култвашр, начальником штаба подполковник генерального штаба Франтишек Бюргер — «Бартош». Капитан Я. Неханский, первоначальный председатель

военной комиссии ЧНС, был назначен заместителем ген. Култ-вашра, когда группа «Бартош» приняла военное командование ЧНС.

5-го мая после полудня, группа «Бартош» заняла главное убежище пражской противовоздушной полиции в Бартоломейской улице. Оно было сравнительно хорошо оснащено средствами связи со всеми объединенными частями в Праге, а также связь с радиостанцией, т. к. группа «Бартош» немедленно старалась включиться в ход боев. В послеобеденное время командование «Бартош» вошло в подчинение ЧНС, но сотрудничество обеих частей оставалось весьма ограниченным до тех пор, пока 7-го мая ЧНС не перебрался по соседству со своим военным командованием в Бартоломейскую улицу.

В 12.00 часов после приказа К. Г. Франка вооруженным силам СС подавить восстание, они открыли огонь. Одновременно с этим повстанцы атаковали здание радиовещания.

Обезоруженное население Праги в ответ на атаку частей СС установило баррикады. В течение всех последовавших дней, вплоть до 8-го мая, Прага из мирного города, находящегося глубоко в тылу военных событий, превратилась в очаг прежней ненависти и эмоционального возбуждения.

Вмешательство органов СС было кратковременным. Сосредоточенное в нескольких районах Праги, оно не имело большого успеха и СС вынуждены были призвать подкрепление из окрестных районов.

С 15.00 часов К. Г. Франк старался успокоить жителей Праги извещением по радио,^[134] об установлении нового временного правительства Протектората и подготовки их к атаке на Прагу со стороны ее окрестностей. Так как

Прага перестала быть проходным городом из-за установки баррикад, в различных местах оставались застигнутыми врасплох немецкие части, которым ничего не оставалось, как воевать или капитулировать.

В тот же день ночью пражское радиовещание сообщило о переговорах уполномоченных ЧНС с ген. Власовым. Это было первое публичное упоминание о том, что на арену действий вступает третья сила, о которой до того времени не знали ни ЧНС, ни население Праги. Точная же действительность является несколько иной. С ген. Власовым никто не вел переговоров. О том, когда и как переговоры проходили, будет описано после настоящего вступительного слова относительно создавшегося положения. Еще перед тем, как это сообщение было передано по радио, на завод «Валтровка» в районе Праги Йинони-це, прибыл к вечеру разведывательный взвод 2-го полка в качестве передового отряда 1-й дивизии РОА ген. Буняченко. В фойе Вальтеровского завода, незадолго до этого разрушенного взрывом фауст-патрона, его приветствовал чешский офицер авиации, осведомленный о прибытии 1-й дивизии в Прагу. Как вытекает из дальнейшего, контакт ЧНС с военным командованием во время Пражского майского восстания и со всем тем, что этому предшествовало, действовал неисправно. По-видимому, единственным сотрудником ЧНС, который знал о возможности боевых действий 1-й дивизии РОА в Праге, был Франтишек Шварценберг. Он был уведомлен об этом по телефону из Лан г-жой Радловой, дочерью президента Гахи, 2-го или 3-го мая, т. е. еще до того, как ЧНС публично выступил перед общественностью. [\[135\]](#)

Недостаток оружия был самым тяжелым бременем на повстанцах. Согласно договоренности между президентом в эмиграции д-ром Э. Бенешем и ЧНС предполагалось сбросить оружие для повстанцев с самолетов, которые должны были подняться с аэродрома в Бари, в южной Италии. В течение двух ночей ожидалось их появление, а для сбрасывания были назначены район Карловой площади, обозначенной повстанцами двумя белыми крестами из больничных простынь, и два других места в районе Праги. Однако никто этого оружия не дождался. Позднее президент Бенеш объяснил д-ру О. Махотке, что Прагу должна была освободить Красная Армия с тем,

чтобы чешское население считало бы себя благодарным и тем самым с большей готовностью приняло бы коммунизм.

Если этот замысел невозможно доказать Советам письменным материалом, то фактом остается, что под нажимом Сталина Черчилл отменил эту поставку оружия. [\[136\]](#)

Насколько эффективной была бы поставка этого оружия является весьма спорным вопросом. Самолеты С-54, которые должны были доставить оружие, летели бы над Альпами с грузом около 2.500 килограмм. Было приготовлено 24 самолета, оружие предполагалось сбрасывать ночью, но не тяжелые орудия, в которых повстанцы нуждались больше всего.

Когда это гипотетическое предложение об авиапереправке и снабжении с воздуха я предъявил американским специалистам, их ответ был «катастрофа» («дизастер»). Отдельные мешки с оружием и боеприпасами рассеялись бы по эллипсу, длиной приблизительно в 15 миль, т. е. 24 километра. В истории второй мировой войны, снабжение воюющих частей с воздуха носило всегда ограниченный успех, даже при гораздо более благоприятных условиях, чем в Праге. Два белых креста на Карловой площади для точного сбрасывания оружия, наверное, помогли бы так же мало, как включение в последние дни военного командования в пражское восстание.

Наступление танковых частей СС готовилось на Прагу. Единственной силой, которая могла бы ее спасти, раз недостаточно подготовленное восстание уже вспыхнуло, было не легкое оружие в ограниченном количестве, а помощь военных частей.

Положение Красной Армии в то время известно. Когда вспыхнуло восстание, она оперировала на севере, все еще на территории Германии, а на востоке — на территории Моравии. Американцы стояли в западной Чехии и не продвигались. От уничтожения и необозримого массового убийства, Прагу могла спасти, как в классической

трагедии, только «дэус экс машина». А этим могла быть только лишь 1-я дивизия РОА, так как никто иной не стоял готовым к действиям за кулисами кровавой исторической сцены.

СУХОМАСТЫ

4-го мая 1-я дивизия дошла до района селения Сухомасты. О том, как она следовала, у нас имеются лишь неполные сведения. Для перемещения необходимо было несколько походных маршей. Нам известно, что в этот день части РОА были в Здицах по фотографии на которой снят ген. Власов делающий смотр проходящей велосипедной части и в тот же день, после полудня в г. Бероун. Контакты с военным командованием продолжались. Известно точно, что бои происходили в городах Лапы и Кладно, что подтверждается документами командования группы «Бартош». Это командование послало 6-го мая, в 5.30 час., радиосообщение ген. Фишеру в Кладно следующего содержания: «Необходимо, чтобы вы вместе с власовцами находящимися у вас, как можно скорее двигались с запада к Праге».^[137] В это время 1-я дивизия не была ни в Кладно, ни в Ланах. Радиотелеграмма является лишь одним из сообщений, подтверждающим непрерывную связь между 1-й дивизией и военным командованием в последние апрельские дни в районе с. Ловосице.

Из размещения частей в районе Сухомасты видно, что он не был лишь остановкой в ходе движения РОА. Ген. Буняченко определенно преследовал несколько целей. Согласно приказу армейской группы «Центр» он был обязанным перейти в район г. Брно. В целях безопасности и ради спасения дивизии он стремился как можно дальше пройти на запад, в направлении предполагаемого продвижения американской армии. Важную роль в его решениях должны были играть также контакты с чешским военным командованием. Первостепенным же заданием дивизии было соединение с частями РОА в Южной Чехии. Это было прямым приказом ген. Власова и лишь в случае

крайней необходимости он дал разрешение на интервенцию в Праге.

Положение на всех участках фронта настолько ухудшилось, что для всех стало очевидным, — окончание войны является вопросом лишь нескольких дней, а на введение дивизии в действия на восточном фронте, за исключением маршала Шернера, фактически никто уже не рассчитывал.

Решения ген. Буняченко были также обусловлены тем, что немецкие военные круги уже знали или предполагали о наступающем конце войны и о политическом упорядочении Европы. Повсеместно догадывались, что на конференциях в Тегеране и Ялте, сферы интересов были разделены таким образом, что Австрия будет занята западными союзниками, Чехословакия восточными, а Германия будет разделена. Между тем, однако Красная Армия заняла Вену и продвигалась дальше на запад, а на другой стороне американская армия перешла границы Чехословакии и приближалась к г. Пильзень. Исходя из этого, можно было судить, что согласно соглашению Австрия будет занята с востока, а Чехословакия с запада, или что Красная Армия займет Австрию вопреки соглашения, а американская армия вступит в Чехословакию как контрмера. Непредвиденное маневрирование союзных армий, казалось, оправдывало немецкую пропаганду, которая подчеркивала наличие разногласий в «неестественном» союзе запада с востоком и предсказывала, что он должен распасться. Буняченко был убежден, что Чехия, хотя бы на первоначальное время, будет занята с запада. О том, что в чешском подполье стоят друг против друга коммунисты и правые силы, он знал, потому что с одной из них он был в контакте. Он также знал, что для насильственного захвата ни у одних, ни у других нет достаточно возможностей. Из таких рассуждений исходило его решение встать на сторону консервативных военных кругов.

Вместе с дивизией все еще двигался штаб немецких офицеров связи. Майор Швеннингер не восставал против мер Буняченко, которые воспрепятствовали бы захвату в

плен дивизии Красной Армии. Растущие антинемецкие настроения в дивизии для него не были тайной. Конечно, его не приглашали на совещания с представителями восстания, но что они происходили, невозможно было утаить. Он лично сознавал, что теперь не мог понять, почему у него не было мысли о возможности восстания в Чехии и, при наличии таковой, об участии дивизии на чешской стороне.^[138]

УТРОМ 5-го МАЯ В СЕЛЕНИИ СУХОМАСТЫ

Майор Швеннингер и его офицер-корреспондент находились в сельском домике, где они были расквартированы, когда неожиданно услышали с улицы барабанный бой и после этого голос глашатая, который по-чешски что-то читал. Второй офицер говорил по-русски и из того, что он понял, он решил, что был объявлен конец войны. Оба немедленно отправились в комендатуру дивизии. Там их принял начальник штаба Николаев, прося их обождать, так как был занят. Вскоре явился офицер-корреспондент дивизии ст. лейт. Ольчовик и извинился от имени командира дивизии и его начальника штаба, что они не могут пройти, т. к. их отозвали на важное совещание. Затем от имени командира дивизии он предложил им сдать свое оружие, заверив их, что это только в их интересах, а не против их лично, и что ничего не угрожает остальным членам штаба связи. Явившийся позже подполк. Николаев сообщил им, что в это утро в Чехословакии вспыхнуло восстание. В Праге уже происходят бои и руководители восстания обратились к дивизии с просьбой об оказании им помощи. После переговоров с уполномоченными было заключено соглашение, по которому новое чешское правительство и 1-я дивизия обязуются взаимно вести бои одинаково против фашизма и большевизма. Командование дивизии поставило условие, чтобы немцам не оказывавшим сопротивление, был предоставлен почетный плен и отправка на территорию Германии. Членам штаба связи было гарантировано немедленная отправка в Германию,

если они не пожелают остаться при дивизии вплоть до выяснения общего положения, иначе они будут считаться пленными. Майор Швеннингер решил остаться при дивизии со своим сокращенным штабом, т. к. он не имел доверия к чешским гарантиям. Благодаря его присутствию в дивизии у нас сохранилось одно из самых лучших свидетельских показаний об участии дивизии в пражском восстании, и ее отступлении, вплоть до 12 мая. Остальная часть штаба, действительно, уехала и на следующий день добралась до территории Германии.

Единственное, что майор Швеннингер мог сделать при данном положении, было его обращение к Николаеву с просьбой, передать командиру дивизии его личную точку зрения: несмотря на все соглашения, не воевать против немцев.

Николаев его заверил, что он удовлетворит его просьбу. Но это оказалось лишь вежливыми фразами. Он показал Швеннингеру копию соглашения, которое вскоре должно было быть подписанным, гласящим в одном пункте о совместной борьбе против фашизма и большевизма объяснив ему обстоятельства, которые привели командира дивизии к такому решению. Исходило это, однако, из предположения, что Чехословакия будет занята американцами. Швеннингер записал в своем отчете разговор с Николаевым, который я привожу полностью:

«Война кончается. Германия проиграла. От немцев нам уже нечего ожидать. Если мы будем распущены, то куда мы пойдем? У нас нет никакой родины. Германия нам ее не предложит, и даже не может. Советам в руки мы попасть не смеем. Таким образом нет никакого выхода. Но здесь у нас имеется возможность: если мы активно включимся в восстание, то мы обеспечим себе новую родину. Помните ли вы о чешской дивизии, воевавшей на стороне Красной Армии и ставшей позднее советской гвардейской дивизией? Это и есть наш шанс».

Николаев не скрывал, что ген. Власов не согласен с действиями командира 1-й дивизии. У него были свои принципы и он не хотел нарушать договор с немцами.

Кроме того в попытке ген. Буняченко он не видел никакой надежды на успех. Соглашение, поэтому, было подписано не генералом Власовым, а генералом Буняченко и касалось только действий 1-й русской дивизии.^[139]

В заключение Швеннингер заявил Николаеву, что 1я дивизия ставит себя в опасное положение стараясь сидеть между двух стульев. Судя по ответу Николаева, у него сложилось впечатление, что тот признавал эту опасность.

В это предобеденное время в селении Сухомасты было необыкновенное оживление. В здании Сокола, где разместился штаб дивизии, подготавливались приказы к походу в столицу, а отдельные полки и дивизионные части получали задания и участки, занесенные красной краской на синих фототипических картах Праги. Кто, предоставил эти карты мне не удалось выяснить. Весьма возможно, что они были отпечатаны в типографии Неуберт.^[140] В то время КНС еще не заявил о себе публично, а в операциях участвовало несколько политических организаций и военных командований.

Кто же были теми уполномоченными лицами, которые подписали соглашение в Сухомастах? 5-го мая рано утром они приехали в селение Србско (близ Бороуна) и связались с частями 1-го батальона 4-го полка. Оттуда в сопровождении офицера штаба батальона они направились в с. Сухомасты,^[141] Их возглавлял полковник жандармерии, о котором нам известно, что он был коренастый и небольшого роста и что с ним прибыли жандармский капитан, еще один жандармский офицер и сопровождающий штаб. Никого из них мы не знаем ни по имени, ни по фамилии. Ни можно предположить, что при таких обстоятельствах они все равно пользовались бы псевдонимами.

В тот же день в с. Сухомасты прибыл ст. лейт. армии по фамилии Немец. К какому «командованию» он принадлежал, я не знаю. Прибыли еще и другие лица.

В селении Сухомасты и в других окрестных деревнях русские раздавали цветные летучки с провозглашением

освобождения Чехословацкой республики и с призывом к совместной борьбе против фашизма и большевизма. На домах развевались чехословацкие флаги, над окружающей местностью светило майское солнышко. Единственным напоминанием о прошедших шести годах были серые немецкие формы русских воинов украшенные Свято-адреевским крестом. На перекрестках стояли трехугольные черно-белые указатели, на которых немецкими буквами были обозначены районы расквартирования с русскими наименованиями «Артемьева», «Александрова»...

В течение предобеденного времени постепенно исчезли и эти серые формы. Из близкого военного склада, находившегося где-то около с. Литень, привезли немецкие маскировочные одежды и солдаты наспех пришивали на их рукавах знаки РОА. Немецкая армия редко пользовалась этими одеждами, предназначенными исключительно для полевых частей СС. В последующие дни это обстоятельство привело ко многим недоразумениям, т. к. русские добровольцы часто принимались за членов органов СС, несмотря на то, что солдаты, по приказу командира, спорили с форменной одежды германскую орлицу со свастикой. На фуражках членов РОА, уже с самого начала, были овальные бело-сине-красные кокарды.

В тот же день в ином уголке Чехии, в комендатуре армейской группы «Центр», находившейся на курорте Лазне Велиховки, маршал Шернер все еще не оставлял надежды, что он удержит 1-ю дивизию в союзе с германской армией. Он направил в дивизию подполк. Вейтца и переводчика ст. лейт. Ф. с тем, чтобы они установили положение дел и подали ему об этом рапорт. Однако, 6-го мая, повстанцы взяли обоих в плен юго-западнее от Праги и заключили их в тюрьму. Позднее, во время прихода Красной Армии, подполк. Вейтцу удалось бежать.

Таким образом, 5-го мая, дивизия вторично уходила в бой навстречу своей гибели.

1-я ДИВИЗИЯ В ПРАГЕ

Авангардные отряды 1-й дивизии выступили в поход к Праге во второй половине дня. Дивизия продвигалась тремя походными маршами и должна была преодолеть расстояние приблизительно в 50 километров. По пути к Праге население восторженно приветствовало марширующие колонны, а в нескольких местах им были предоставлены грузовики, на которых некоторые части добрались до Праги.

На левом крыле перемещались 3-й и 4-й полки, следуя частично по главной шоссеиной магистрали Беров—Прага, а также 3-й полк, с заданием дойти до аэродрома в Рузини. Около Горжелиц на них налетели немецкие истребители. Убитые были похоронены в полях близ дороги. Несколько лет спустя, их останки были перенесены.

2-й полк и дивизионные части направились из с. Сухомасты на северо-восток, по оси Сухомасты—Корно—Будняны—Моржина—Кухарж—Ржепорыйе—Йинце. Во главе следовал разведывательный велосипедный взвод 2-го полка под командой ст. лейт. Солина, который первым добрался до Праги вечером 5-го мая.

На возвышенности близ селения Корно, рядом с автомобилем у дороги стояла высокая фигура ген. Власова. Лицо его было хмурым. Он молча приветствовал велосипедный взвод. Говорили, что он болен.

Никаких столкновений с немецкими частями во время перемещения не произошло. Командный состав дивизии находился 5-го мая в селе Бутовице, а утром 6-го мая он переместился в Йинонице, где оставался в продолжении всей операции дивизии в Праге. Еще в ту же ночь, 5-го мая, взвод пошел на ночную разведку по смиховскому предместью в сопровождении штатского лица, предоставленного им чешским военным командованием с завода «Вальтровка». Взвод дошел вплоть до Женских домов и до перекрестка «У Анд ела», после чего вернулся обратно на завод «Вальтровка». Во время разведки шел

сильный дождь и баррикады были покинуты, стрельбы со стороны Смихова не было слышно, а с немецкими частями взвод не встречался.

В тот же день, после полудня, в Прагу была направлена дивизионная разведывательная часть с четырьмя танками Т-34 под командой майора Костенко. Ось разведывательной операции в русских источниках не приводится. Нам известно, однако, что на следующий день, 6-го мая, в 10.00 часов, когда в Йиноницах командир дивизии ознакомил командиров своих частей с положением дел и давал дальнейшие приказы с заданиями на текущий день, начальник штаба принес радиограмму от Костенко следующего содержания: «Я нахожусь в районе Радотин—Збраслав, я окружен 4.000 бойцов СС с шестью танками типа Тигр». Согласно тому, что на синих фототипических картах Праги уже 5-го мая были нанесены приблизительные цели и было также известно, что наибольшая опасность Праге грозит с юга, где были сосредоточены части СС в учебных районах близ Седлчан, можно предполагать, что в этом направлении была направлена самая сильная боевая разведывательная часть. Если судить о положении по карте, то весьма вероятно, что Костенко дошел до Радотина по долине реки Бороунки, куда он свернул в с. Будяны и, таким образом, производил не только разведку, но и боковую защиту с юга, без чего наступление на Прагу было бы невыполнимым.

Во втором эшелоне за дивизионной разведывательной частью к Праге продвигался 1-й полк, который вышел из села Литень около 14 часов. На следующий день, 6-го мая, до полудня, в районе Збраслав он натолкнулся на части СС в силе приблизительно двух батальонов, с шестью танками. Это были части запланированной дивизии «Балле нштейн», под натиском которой отступал майор Костенко по левому берегу реки Влтавы к Праге и в 14 часов он дошел до окраинной части Смихова. Наступающие части СС, после этого, заняли весь район между Радотином и Хухле. Вследствие наступления 1-го полка они, однако, не смогли удержать этот район и под натиском полка перешли в Браник, на правый берег

Влтавы. В этом месте, в качестве охраны, русское командование оставило одну пехотную роту с противотанковым оружием. Эта рота вернулась в полк в тот же день лишь к вечеру, когда 1-й полк, после прибытия в район Праги Смихов, разместился близ мостов Ирасека и Палацкого.

В течение всей ночи с 5-го на 6-е мая в комендатуру дивизии приходили члены штаба восстания, с которыми ген. Буняченко поддерживал непрерывную связь вплоть до 8-го мая. Штаб восстания подробно ознакомил командира дивизии с положением в Праге и указал места, где восставшие находятся в наибольшей опасности. Для того, чтобы русских солдат можно было отличить от солдат немецких вооруженных частей, они обозначили себя трехцветным бело-сине-красным значком и нарукавными лентами, которые они получили во время перемещения 6-го мая до полудня.

6-го мая дивизия в течение всего дня принимала активное участие в боях, происходивших как в самой Праге, так и в ее окрестностях. При повторном обозрении деятельности дивизии 6-го мая, до полудня, ее активность проходила следующим образом: к городу с юга, вдоль реки Влтавы, с боями приближалась разведывательная часть, а за ней следовал 1-й полк; 2-й полк постепенно входил в район Праги Йинонице; 3-й полк покинул магистраль Бероун—Прага и развернулся против аэродрома и казарм в Рузини; 4-й полк без боев продвигался по шоссе на магистраль Бероун—Прага в районы Праги Мотол и Коширже.

Вся дивизия действовала на участке длиной приблизительно в 15 километров, производя одновременно, то наступление, то оборону, в зависимости от данного положения, которое на столь большом участке не является достаточно ясным. Неясность в описании военных действий возникает, главным образом, вследствие данных, полученных от подполк. В. Артемьева, командира 2-го полка, который приписывает занятие аэродрома в Рузини, 6-го мая до полудня 3-му и 4-му полкам, а также перемещает и иные события как по времени, так и по

месту действия. Он сообщает, что атака была настолько стремительной, захватив врасплох немецкий гарнизон, что он оставил на аэродроме 56 самолетов, а во время боев было сбито 7 других.

Такие данные безусловно вызывают недоверие. Почему дивизия в составе четырех полков поставила два полка на ликвидацию второстепенного объекта, каким был Рузинский аэродром, а на выполнение заданий в миллионном городе предназначила лишь два оставшихся полка и дивизионные части? В архиве РОА не сохранилось, однако, ни одного документа, который мог бы разъяснить эту неясность. Конечно, подполк. Артемьев^[142] в этой операции лично не участвовал и в своих воспоминаниях вообще мало внимания уделяет участию в пражском восстании. Свое описание он явно передает со слов кого-то другого. Не остается ничего иного, как все описание сравнить с данными, приводимыми в немецких источниках,^[143] относительно СС-бронечастей учебного и запасного батальона № 2, а также гарнизона рузинского аэродрома.

2-го мая командир этого батальона получил приказ от командующего вооруженными силами СС в Праге следующего содержания:

«Закрывать все пути подхода к Праге, по которым с юго-запада приближаются к ней части ген. Власова... Применение огнестрельного оружия не разрешается».

Этот приказ исходил из более широкого приказа фельдмаршала Шернера, который не мог допустить, чтобы в Праге находилась такая ненадежная часть, каковой в его глазах была 1-я дивизия. Запрет применения огнестрельного оружия являлось попыткой избежать прямого столкновения с 1-й дивизией, для ликвидации или разоружения, которой у фельдмаршала уже не было возможности.

Приказ, однако, уже был неосуществимым. У командира батальона для этого не было возможности, т. к. в его распоряжении были лишь недостаточно вооруженные и обученные новички. Преградить путь

многочисленной дивизии, с таким боевым составом было невозможно. Поэтому он отправил в указанный район разведывательную часть, но она вернулась в батальон обезоруженной частями 1-й дивизии. После этого командир батальона стянул все дислоцированные по окрестностям части в рузинские казармы и начал готовиться на тот случай, если ему придется оборонять районы казарм и аэродрома. У него был свой собственный опыт, т. к. еще в последние апрельские дни бойцы его батальона возвращались из Праги обезоруженными. Все свидетельствовало о том, что произойдет восстание. Потом, после того, как оно вспыхнуло, события приняли драматический оборот.

Начальник рузинского аэродрома, расположенного рядом с казармами 2-го СС запасного батальона, полк, авиации Эгер, вошел в контакт с повстанцами и был готов передать его в их руки. Революционные части «Гарда свободы» уже приступили к занятию аэродрома. По приказу свыше Эгер был отозван и заменен надежным немецким офицером, подполковником Гуккенпаком. Этот командир был заодно с командиром СС резервного батальона в том, что свои районы они не отдадут без боя, ни повстанцам, ни «власовцам». Бойцы СС запасного батальона принудили чешские революционные дозоры покинуть аэродром, обеспечить его оборону приблизительно 300-ми бойцами СС из запасного батальона. Одновременно с этим резервный батальон взял на себя пехотную оборону противовоздушных батарей и части противовоздушных орудий калибра 88 мм, а другая противовоздушная батарея была переведена в район казарм. Казармы и аэродром готовились к круговой обороне. С внешним миром гарнизон поддерживал связь только по-радио, по которому командиры обеих частей узнали, что немецкий полковник, посланный ген. фон Туссенем в 1-ю дивизию, был повешен. Когда вскоре после этого они получили по-радио приказ послать к ген. Буняченко парламентаря, адъютанта батальона SS-Ustf. Liebmann, они отказались выполнить его.

Во второй половине 6-го мая части 3-го полка 1-й дивизии перешли государственную шоссейную магистраль Прага—Бероун, приближаясь к аэродрому в направлении Храштяны—Гостивице. Вскоре парламентар РОА прибыл в немецкие части после полудня с приказом их командира безоговорочно капитулировать не позднее, чем через полчаса. Если они этого не сделают, то каждый немецкий солдат, попавший в руки РОА, будет повешен. На этот ультиматум русские не получили ответа и по истечении срока приступили к стрельбе из мхшометов, а позднее, из пехотных орудий. В результате этого радиосвязь батальона с командованием вооруженных сил СС в Праге была прервана и единственным соединением оставалась радиостанция начальника аэродрома. В донесении авиакорпусу о своем положении, он просил о помощи, но об этом речь будет позже.

К вечеру этого дня 3-й полк окружил весь район, обстреливая участки сопротивления как в казармах, так и на аэродроме, но не делая попыток прямого нападения.

На склоне дня радиостанция в комендатуре аэродрома поймала следующей приказ: «Всем немецким частям приступить как можно скорее к перемещению на запад и попытаться пробиться к выдвинутым вперед американским частям». Приказ являлся запоздавшей реакцией штаба армейской группы «Центр» и одновременно предзнаменованием капитуляции немецких вооруженных частей в Праге, о которой пока что велись переговоры. На основании этого оба немецких командира приняли решение сообщать проломить оборону власовских частей и пробиться, как гласил приказ, на запад. Отступление из Рузи- ни было скоординировано со средствами немецкой авиации, которая в то время все еще располагала достаточным количеством автомашин в районе западнее от аэродрома, хотя точное место их нахождения неизвестно. Было договорено, что когда немецкие части пробьются через окружение, авиация им предоставит автобусы для перевозки раненых.

Роль арьергарда и прикрытия отступления обеих частей добровольно взял на себя SS-Ostuf. Karl Wagner,

вместе со 120-ью опытными фронтовиками из роты выздоравливающих. После выполнения задания он должен был снова соединиться с батальоном.

7-го мая рано утром рузинский немецкий гарнизон вышел из окружения в направлении на Лоуны. Во главе колонны на передвижном лафете следовал зенитный пулемет, затем роты СС с ручным оружием и почти без боеприпасов. Посередине колонны, на повозках с конной упряжкой, везли тяжело раненых. Колонну замыкал еще один зенитный пулемет и гарнизон аэродрома. Одновременно, из всех орудий, оставшихся в казармах, рота арьергарда повела огонь по осаждающим частям РОА и сделала попытку совершить атаку в направлении на юг с тем, чтобы отвлечь внимание от своего отступающего батальона и авиачасти. Круг осады явно не был полным, т. к. отступающий к Лоунам батальон не встретился с частями РОА.

С шоссейной магистрали Прага—Бероун, которая была самым высоким местом на стороне РОА, можно было весьма хорошо наблюдать район аэродрома и казарм, несколько в направлении на восток. Северная часть аэродрома и шоссе на Лоуны, однако, терялись за горизонтом и, возможно, поэтому отступление рузинского гарнизона осаждающие не смогли видеть.

В тот же день, 7-го мая утром, части 3-го полка РОА начали наступление на аэродром, защищаемый только 120-ью бойцами арьергарда, которым удалось продержаться только два часа. Израсходовав боеприпасы и уничтожив тяжелые орудия, они под натиском наступающих частей РОА, начали отступление на запад, где они рассеялись на многие группы на большой территории. Одну из них в пяти километрах западне от Рузине (близ села Го-стонье) задержали чешские повстанцы и поместили ее в местной школе. Эта группа позже была отпущена одним чешским полковником и продолжала свой путь в Теплице и далее на территорию Германии. О группе, которой командовал SS-Ostuf. Karl Wagner, не сохранилось никаких сообщений и предполагается, что все ее бойцы, вместе с командиром, погибли.

7-го мая рано утром части 3-го полка РОА заняли районы рузинского аэродрома и казарм. Об авиационной деятельности и о сбитых самолетах в немецких источниках не упоминается. Часть самолетов на аэродроме должна была быть поврежденной или уничтоженной еще накануне, в результате обстрела 3-ьим полком. Ангары, и самолеты, стоявшие во время войны вне их, находились на южном конце аэродрома, который, хорошо видимый с шоссейной магистрали Прага—Бероун, был легко обнажен для прицела.

В 10.00 часов отступающий немецкий батальон дошел до места, где их должны были ожидать автобусы авиации. Но там не оказалось ни одного, а об арьергарде никто не знал ничего. Батальон продолжал следовать на северо-запад, а чешские повстанцы, пытавшиеся остановить его продвижение, стягивались назад вследствие огня из зенитных пулеметов. 7-го мая вечером колонна добралась до селения Злоуще (приблизительно в 10 километрах севернее гор. Сланы). Там их застигло сообщение о всеобщей капитуляции. Моторизованная разведка, посланная к городу Жатец, сообщила, что там стоят советские танки. Командир батальона решил распустить часть с тем, чтобы разбившись на меньшие группы, они на собственный риск могли бы пробиться за американскую линию. В большинстве случаев, сделать этого им не удалось. Вплоть до 14-го мая их держали в качестве пленных в Злоницах и в Жатце. Среди них были и части армии ген. Власова. Всех их без верткого различия на месте расстреливали и убивали части Красной Армии. Из состава СС запасного батальона № 2 спаслись лишь его командир и несколько солдат. Все остальные бойцы встретили смерть в районе Злонице—Жатец, т. к. они двигались прямо в руки Красной Армии.^[144]

Данные о том, что было сбито семь немецких самолетов, как пишет В. Артемьев, мне не удалось удостоверить. Но был сбит один самолет, который вылетел из гор. Немецкий Брод и должен был приземлиться в Рузини. Произошло это при следующих обстоятельствах:

Лейтенант Герхардт Бушманн, который приземлился в селении Сухомасты с генералом Шаповаловым, вернулся на полевой аэродром РОА в Немецком Броде утром 5-го мая. На следующий день авиачасть РОА, оставив самолеты на этом аэродроме, начала отступать на запад. На первой остановке их застал приказ начальника штаба XIII-го авиакорпуса ген. Сейдемана, который приказал лейт. Бушманну вылететь в Рузынь и там уладить, какое-то недоразумение между русскими и немецким гарнизоном. Бушманн немедленно вылетел с Арадом, но на него напали американские истребители, ему удалось с простреленным самолетом приземлиться на небольшом аэродроме. Эта неудача не удержала его от исполнения задания и он снова поднялся в воздух на самолете Фишер-Сторч и низко над землей полетел по направлению к Праге. Несколько раз он попадал под обстрел ручных орудий чешских партизан, поэтому не эффективный. Никто иной в этом районе не стрелял бы в самолет с немецкими знаками. И только во время перелета над долиной южнее рузинского аэродрома он попал под прямой обстрел, был ранен, но смог перелететь над линией высоковольтного напряжения и, с раненой ногой, аварийно приземлился около части, которая его обстреляла — около 3-го полка. Он старался что-то объяснить командиру полка подполк. Александрову, но теряя сознание из-за сильного кровотечения попал в дивизионный перевязочный пункт в Йиноницах. Дни боев он провел в дивизионном лазарете, не будучи в состоянии выполнить своего задания. Все равно у него уже не было никакого шанса что-либо предпринять в пользу рузинского немецкого гарнизона. 1-я дивизия уже неотвратимо стояла на антинемецкой стороне, а требование начальника штаба немецкого авиакорпуса не имело в дивизии никакого веса. Отступление из Праги лейт. Бушманн провел в санитарной автомашине. [\[145\]](#)

В общей сложности боевые операции в Рузини можно расценивать, как действия второстепенного значения, т. к. немецкий гарнизон в этом месте не представлял никакой опасности для Праги. Безусловно, аэродром был занят 3-м

полком на основании требования с чешской стороны. Вначале восстания немецкие самолеты иногда сбрасывали бомбы на цели в Праге, поэтому чешское командование, естественно, желало воспрепятствовать этим действиям путем занятия аэродрома.

В дальнейшем описании снова вернемся к событиям, происшедшим до полудня 6-го мая.

Согласно решению командира дивизии, 2-й полк РОА, был размещен в районе завода «Валтер» в Йиноницах, являясь резервом дивизии. Артиллерийский полк с двумя дивизионами занял огневую позицию на возвышенностях над Злиховом и установил артиллерийский наблюдательный пункт в части Праги «На Видоули».

Из состава 2-го полка снова был выделен разведывательный взвод, который в утреннее время произвел разведку по оси Валтровка — Йиноницкая улица — Пльзеньский проспект, а затем, одновременно по двум направлениям, по Пльзеньскому проспекту и по Голечковой улице, проникнуть на набережную к мостам Ирасека и Сметаны (теперь Мост 1-го Мая). Во время перехода через район Смихова они слышали местное радиовещание, призывавшее повстанцев продолжать бои, подкрепляя их дисциплинированность сообщением о том, что «власовцы идут на помощь Праги». Население восторженно приветствовало части 1-й дивизии, которые так неожиданно появились на пражских улицах, а кое-где даже появились плакаты и фотографии генерала Власова. Баррикады были полностью заняты повстанцами, но команду баррикады «У Андела» поразило, что разведывательная часть РОА подошла к ним с запада. В этой части города было сравнительно спокойно и разведчики не повстречались с немецкими частями. Казармы имени Штефаника были покинуты. Стрельба раздавалась в районе Национального театра. За железной решеткой на набережной, против Национального театра, распластались группы повстанцев, обстреливая дома на противоположном берегу Влтавы. Где именно находились немецкие части, никто точно не знал. С набережной разведывательный взвод возвращался по южным склонам

Петршина по улице «На Гржебенках». На севере шли бои в районе Стадиона и с крыш домов велась стрельба. Было трудно различить, кто в кого стреляет. Разведывательный взвод пытался осмотреть несколько домов. На чердаках нашлись пустые гильзы. Обитатели домов растерянно молчали. Обезоруживать дома «На Гржебенках» не было заданием для одного взвода.

В это время под натиском немцев от Стадиона отступала группа чешских добровольцев из Бероуна...

После полудня разведывательный взвод вернулся обратно на завод «Вальтровка», за это время 2-й полк переместился на юг от Праги.

Долина реки Влтавы, временно очищенная от немцев после прибытия 1-го полка в Прагу, оставалась открытой. Ввиду того, что ожидалось дальнейшее продвижение частей СС с юга, командир дивизии решил поставить там весь второй полк, а именно, два батальона на левом берегу Влтавы и один батальон в районе селения Сливенец. Батальоны 2-го полка продвигались по долине Влтавы с боями и частыми стычками с боевыми группами СС и дошли до слияния реки Бероунки с Влтавой в селении Лаговички. Продвижение частей СС к Праге по левому берегу Влтавы, было наконец, остановлено. 2-й полк потерял близ сел. Лаговички 48 бойцов, которые были похоронены на месте. Это военное кладбище существовало еще в 1946-м году.

Когда части СС не могли проникнуть по узкому коридору между Влтавой и отвесными склонами на западе, они стремились пробиться по долине от гор. Радотин на северо-запад, в направлении сел. Сливенец. Но здесь они снова натолкнулись на пехотный батальон 2-го полка и зайти в тыл Праги им не удалось. 2-й полк в этом районе вел бои вплоть до утра 8-го мая.

Немецкие артиллерийские батареи на Петршине обстреливали цели в Праге и никто не мог им в этом воспрепятствовать. Одной из таких целей был госпиталь Санопс, где оказывалась медицинская помощь раненым повстанцам. После того, как артиллерийский полк 1-й

дивизии занял огневую позицию над Злиховом, он скоординировал свою деятельность с чешскими офицерами из штаба восстания. В регулировании огня и проверке целей непосредственно участвовал командир дивизии с наблюдательного пункта «На Видоули».

4-й полк наступал к Праге по главной шоссейной магистрали Бероун—Прага, вслед за 3-ьим полком. Еще до того, как вся колонна была сформирована, группа шотландцев покинула полк. На одной трофейной самоходке, снова с красными беретами на головах, они отправились в противоположную сторону, в направлении к городу Пльзень, к американской армии. Весьма возможно, что они уехали с каким-то заданием, т. к. часть из них вернулась в полк, когда он уже вел бои в Праге. Прямых доказательств об их деятельности не сохранилось.

Когда полк дошел до селения Храштяны-Зличин, была слышна стрельба из района казарм и аэродрома в Рузини. Там в это время 3-й полк приступил к осаде обоих объектов и обстреливал их немецкий гарнизон.

С аэродрома пытался подняться в воздух немецкий реактивный истребитель «Швальбе», но он остановился на конце взлетной полосы и открыл огонь из бортовых орудий по шоссейной магистрали. 6-го мая до полудня 4-й полк проходил по Пльзеньскому проспекту, через районы Праги Мотол и Коширже, в район Смихова. Население снова восторженно приветствовало марширующих солдат цветами и угощением. Приходили освободители. На жилых домах в Коширжах висело два больших флага со Святоандреевским крестом, а также портрет ген. Власова, парисовапный углем и перскрышающиз! собой два этажа. После того как оба батальона достигли района Праги Смихов, они свернули на север и развернулись против возвышающихся холмов: Страгов, Петршин и Градчаны, где повстанцы вели бои с немецким гарнизоном. Командный пункт полка разместился в угловом доме против казарм им. Штефаника (теперь Площадь советских танкистов). До сих пор полк не натолкнулся на немецкие части. В этой части города продолжал царить относительный покой.

Роты 1-го батальона начали продвижение с улицы Уезд, следуя по склонам Петршина, к обзорной башне и к Страговскому монастырю. Около исторического крепостного сооружения, на северо-восток от Стадиона, они натолкнулись на первое немецкое сопротивление. Но как только немецкий гарнизон установил, что он борется против регулярной армии, он прекратил огонь и со стороны Стадиона прибыл к 1-й роте парламентар, немецкий полковник с белым флагом, предложивший сложить свое оружие. Командир роты его отвел к полк. Сахарову на Смихов. Между тем, там произошло событие, которое оттеснило на задний план капитуляцию немецкого гарнизона на Страгове. В комендатуру полка вернулось четверо шотландцев из первоначальной группы, уехавшей в Пльзень, которые привезли с собой сообщение от одного из американских командований в Пльзень о категорическом запрещении дальнейшего продвижения 3-й армии Паттона. Это означало, что дальнейшие бои дивизии в Праге привели бы к единственному результату: она полностью попала бы в руки Красной Армии, которая явно оставила за собой право на освобождение Праги. Полк. Сахаров немедленно выехал с этим сообщением в командный пункт дивизии. Вернувшись позднее ночью, он прекратил все дальнейшие боевые операции; 1-й батальон еще остался в районе Петршина и Страгова весь следующий день 7-го мая.^[146]

2-ой батальон 6-го мая после полудня был включен в бои против сопротивляющихся частей в районах Пражского кремля и Чернинского замка. Подробности об их деятельности неизвестны, кроме того, что под натиском батальона немецкий гарнизон отступил в район Дейвице. (2-й батальон последним оставил Прагу и далее следовал в арьергарде дивизии).

6-го мая в 23.00 часа, дивизия была размещена по следующим районам:

- 1-й полк: Смихов, мосты имени Палацкого и Ирасека.
- 2-й полк: в районе на юг от Праги.
- 3-й полк: окружал аэродром и казармы в Рузини.

й полк: включен в боевые операции против немецкого сопротивления в районах Петршина, Страгова и Град-чаш айциц и г лнлиЦ*

Разведывательный дивизион: Смихов.

Комендатура дивизии: Йинонице.

Генерал Власов со своим штабом в неизвестном пока месте в нескольких километрах от Йинониц. О его деятельности в Праге известно мало, но и то, что нам известно, является непроверенными и неполными информациями. Вследствие того, что все люди из его окружения уже умерли, а чешские источники хранят молчание. В дни пражского восстания он был болен. Все же не настолько, чтобы не быть в состоянии вести с кем-либо переговоры; можно предположить, что он, вероятно, посетил два места. Из непроверенного источника известно, что он вел переговоры с ген. Клецандой, имя которого повторяется как чешского генерала и руководителя восстания. Ген. Клецанда был единственным человеком на чешской стороне, которого он знал только по переговорам с С. Фрелихом. Для ведения переговоров с ним Власов не нуждался бы в переводчике, т. к. Клецанда говорил по-русски. По ген. Клецанда отстранил участие 1-й дивизии в восстании, судя по записи, сделанной на русском языке и без подписи, которая хранится в музее общества «Родина» в гор. Лейквуд штата Нью Джерси. Из оценки этой записи, содержащей как засвидетельствованные данные, так и искаженные временем информации, вытекает, что они исходят от какого-то лица из близкого окружения Власова и Буняченко и что этот автор сообщает о событиях, о которых ни в одном из документов РОА или в

мемориальном материале не упоминается.

Первые признаки сомнения в том, что дивизия и дальше будет участвовать в боевых операциях в Праге, появились еще в тот же день, 6-го мая, поздно ночью. Возникли они в результате как сообщения, привезенного шотландцами из Пльзеня, так и того, что в Праге появился

американский вооруженный конвой, имевший специальное задание.

Дело заключалось в том, что 6-го мая, после полудня, командование американской 16-й бронедивизии в Пльзене получило от своего высшего командования специальный приказ. Сильно вооруженный моторизованный эскорт должен был доставить в Лазне Велиховки немецкого штабного офицера полк. Мейер-Детринга (см. главу IX), который прилетел на самолете в Пльзень. Его заданием было оказать посредничество в переговорах немецкого гарнизона в Праге о прекращении боев и подготовке капитуляции. Конвой покинул Пльзень к вечеру. Часть конвоя явно имела особое задание и появилась в военной комендатуре в Бартоломейской улице, где командующий конвоем должен был на месте получить сведения относительно положения восстания. (Об американских конвоях см. прим. 34).

О прибытии конвоя ген. Буняченко узнал от жандармского патруля, прибывшего в комендатуру дивизии в Йиноницах немного позже 2-го часа и передавшего ему требование штаба восстания о том, чтобы был послан уполномоченный для ведения переговоров в комендатуру в Бартоломейской улице. Нам известно, что на это заседание ген. Буняченко уполномочил командира полка, вероятнее всего, командира 1-го полка, подполк. Архипова. Когда в сопровождении переводчику он прибыл в Бартоломейскую улицу, то увидел перед зданием ряд американских военных автомашин. Между тем офицеры чешского командования информировали командующего конвоем американского капитана, что им пока еще удастся справиться с положением, благодаря помощи первой дивизии РОА, которая с утра участвует в боях на чешской стороне. В этот момент они не отдавали себе отчета или просто не знали, что в результате их утверждения они лишились последней надежды на участие американских войск в борьбе за Прагу. Согласно окончательному соглашению между ген. Эйзенхауэром и ген. Антоновым от советского Верховного командования, американские

войска не должны были переходить линию Пльзень-Будейовице. Однако, нарушение этой линии американской стороной не исключалось, если оно будет вызвано необходимостью, даже если занятие Праги было бы наверное ограничено временем.

Во время этих разговоров, как я предполагаю, прибыл подполк. Архипов. Американец был удивлен его немецкой формой, но когда ему объяснили положение дел, то он прямо спросил Архипова, уверен ли он, что им удастся преодолеть сопротивление немцев. Подполковник ответил через переводчика: «Да, определенно до тех пор, пока в Прагу не придут дальнейшие американские части». Американский капитан ответил, что его конвой не является авангардом наступающей американской армии и что американские части в Прагу не придут. Его заданием является лишь убедиться на месте о положении, но согласно тому, что он видел и слышал, он не видел необходимости вмешательства с американской стороны. Он уверен, что дивизия справится с положением вплоть до прихода «русского союзника».

Полковник Архипов сначала должен был опомниться. Главная предпосылка участия РОА в восстании — соединение с американской армией — значит, неосуществима. Спустя минуту он ответил: «В военном отношении мы способны это сделать. Но в политическом отношении, при нашем положении, это исключается. Для всех нас это означает осуждение на смерть».

Понял ли американский капитан сущность этого разговора остается спорным. Он спешил, как можно скорее почувствовать себя безопасным за американской линией близ Пльзеня, а хаотическое положение воюющего города, полного всевозможных форм, вооруженных штатских людей и иностранных языков не было доступно его пониманию.

Командир полка ограничил дальнейшие переговоры предупреждением начальнику штаба восстания Бюргеру, что при таком положении дел дивизия наверное Прагу

покинет и чтобы он был готов занять участки, очищенные дивизией.

Ген. Буняченко и ген. Власов были информированы о результатах переговоров той же ночью. Несмотря на это дивизия оставалась в Праге еще весь следующий день, 7-го мая. Окончательное решение покинуть Прагу было принято лишь после расхождений с собственным «союзником» — Чешским Национальным Советом. 7-го мая после того, как Архипов выслушал приговор 1-й дивизии из уст американского капитана, произошли главные военные операции дивизии в Праге.

7-го мая, в 01.00 часов, был дан следующий боевой приказ: в 05.00 часов, дивизия начинает атаку 1-м полком с заданием занять центр города.

Для проведения атаки на Прагу командир дивизии потребовал от чешского командования принятия следующих мер:

Ввиду того, что положение во многих местах является недостаточно ясным, повстанцы должны очистить позиции в непосредственной близости от центров немецкого сопротивления с тем, чтобы у частей дивизии было достаточно места для боевых действий.

В 03.00 часа чешское военное командование предоставит в распоряжение дивизии 50 гидов, хорошо знающих расположение Праги. При сотрудничестве с чешским военным командованием на картах будут обозначены центры сопротивления.

Эти требования чешское военное командование выполнило.

В 05.00 часов дивизия приступила к атаке. Два батальона 1-го полка усиленные двумя танками и двумя противотанковыми орудиями, с частью дивизионной артиллерии, перешли мосты Палацкого и Ирасека. Продвижение продолжалось в среднюю и южную части города. Против Петршина, между казармами им. Штефаника и мостом им. Сметаны, где район Стадиона все еще удерживался немецкими частями, которым за день

до этого не удалось взять, была оставлена одна рота для защиты незанятого участка между 1-м и 4-м полками. До вечера этого дня после взятия в плен около 4.000 бойцов немецкой армии, командный пост полка переместился в отель «Беранек» на Площади им. Тыла.

Приблизительно в 10.00 часов в комендатуру полка прибыл присланный ген. фон Туссенем лейтенант, немецкий парламентар для выяснения «недоразумения». Ген. Туссен требовал прекращения боевых действий против немецких частей, а со стороны РОА было поставлено требование, чтобы немецкая армия сложила оружие. В 12.00 часов тот же парламентар явился снова и на этот раз вручил личное письмо ген. Туссена следующего содержания:

«В этот трудный момент, когда вы, власовцы, и мы должны объединяться против нашего общего врага — коммунизма, вы повернули оружие против нас. Считаю это недоразумением и прошу вас прекратить боевую активность против нас. Завтра, 8-го мая, Прага будет очищена от чешских повстанцев. Генерал Туссен».^[147]

Письмо было немедленно отправлено командиру дивизии.

В русских источниках приводится следующая интересная подробность: на западной окраине города находилась советская радиостанция, занятая семью советскими парашютистами под командой капитана Красной Армии Соколова. Относительно их деятельности известно, что они имели связь со штабом командования пражского восстания. Как-то в ходе дня, командир полка Архипов имел интересный разговор с капитаном Соколовым.^[148]

Л: У телефона командир 1-го полка 1-й дивизии РОА.
С: Здравствуйте, товарищ полковник. Я капитан Соколов.
А: Здравствуйте, капитан.

С: Товарищ полковник, вы убеждены, что Прага будет очищена от частей СС?

А: Да.

С: Каков состав вашего полка и насколько он технически оснащен?

А: (Архипов привел удвоенное количество и это звучало убедительно).

С: Да, с таким полком можно воевать. Скажите, товарищ полковник, могу я сообщить в Москву, что полк идет в бои за товарища Сталина и за Россию?

А: За Россию — да. Не за товарища Сталина.

С: Но ведь вы присягали товарищу Сталину и, наверное, вы закончили Военную академию в Советском Союзе.

А: Я закончил военное училище в Москве в 1914 году. Сталину я никогда не присягал. Я являюсь офицером РОА и я присягал генералу А. А. Власову.

С: Теперь мне все ясно. Вы, наверное, старый эмигрант.

На этом разговор закончился.

Согласно требованию чешского командования подполк. Архипов послал два взвода своего полка для охраны этой советской радиостанции, а также один взвод для охраны чешского радиопередатчика. Является ли эта акция аналогичной или она каким-то образом связана с инцидентом около страшицкого радиопередатчика, которым, будто бы, РОА намеревалась завладеть в результате чего произошла перестрелка, я затрудняюсь сказать.

Части 1-го полка проникли в этот день, после полудня, 7-го мая, даже на Площадь Лобковица (теперь Чапаева) на Виноградах и далее в район Праги Вршовице и на «Соудни» площадь в районе Панкрац. 3-й полк развернулся в районах Праги Рузинь, Била Гора и Бржевнов. Части 4-го полка заняли Петршик, куда переместилась часть артиллерии у Злихова, а также и в части района Градчаны. О деятельности 3-го полка, непосредственно в пределах города, никаких сведений не сохранилось. Частично, это можно объяснить тем, что он

стоял в запасе для боевых действий, предусмотренных на 8-ое мал.

В районе действий 4-го полка полк. Сахарова появилось, перед его уходом из Праги, несколько американских танков. Эти была не боевая часть, а военные репортеры. Они с интересом делали фотоснимки и вносили записи в свои блокноты. Один американский офицер в чине майора, разговаривая с командиром полка, заявил ему следующее:

«Я полагаю, что американское командование проявило бы готовность вести переговоры с вами об интернировании. Я думаю, что ваша боевая активность в Праге против немцев вам поможет в том, чтобы выкупить вас у советского правительства за то, что вы сотрудничали с немцами...»

Это было первой встречей с американцами, от прихода которых в Прагу зависела судьба 1-й дивизии. Об этой судьбе немало говорилось как среди офицеров, так и среди солдат. Единственной надеждой и утешением оставалось упование на то, что когда настанут минуты переговоров с настоящим американским командованием, то тогда, может быть, бойцы РОА встретят больше сочувствия и большее понимание. [\[149\]](#)

В чешских публикациях утверждается, что РОА не сдавало трофейного оружия чешским повстанцам. Отчасти это соответствовало правде и имело свои обоснования. У дивизии был тогда необыкновенно многочисленный состав. Никто не знал ее точной численности. Неустанно к ней прибавлялись вновь прибывшие, беглецы из рабочих и военнопленных лагерей, а также русские добровольцы из немецкой армии. Во время пражской военной операции, численность ее состава достигала приблизительно 23.000 человек. Вновь прибывшие не имели оружия. Невооруженные бойцы армии, в большинстве случаев, оставались в местах расквартирования в районе селения Сухомасты. Несмотря на это количество невооруженных людей и в самой дивизии в Праге было немалым, поэтому

трофейное оружие получали, в первую очередь, именно такие бойцы.

7-го мая вечером пражская радиостанция передавала следующее заявление:

«Чешский Национальный Совет заявляет, что действия генерала Власова против немецких войск являются личным делом этих частей, а Чешский Национальный Совет не имеет с ними никакого политического соглашения. Сотрудничество в военных действиях против нацистов осуществляют военные штабы».

Сообщение содержит одну принципиальную неточность. Дело шло о военных действиях не генерала Власова, но о военных действиях генерала Буняченко, а эти сообщения информировали воюющую Прагу о том, что Совет отмежевывался от действий собственного военного командования. Радиопередача была результатом часто бурного целого дня совещания Чешского Национального Совета. О ходе этого заседания будет сказано ниже.

Выслушав это сообщение, командир 1-го полка немедленно отправился на бронемашине в штаб восстания и там обратился к начальнику штаба подполк. Бюргеру с требованием, чтобы это заявление Совета было опровергнуто, как не соответствующее правде. Последний на это сказал ему, что в Праге теперь два командования, военное и политическое, и что штаб, хотя и вел переговоры относительно 1-й дивизии, но против решения Совета военного командования идти не может. На это Архипов ответил, что в таком случае он немедленно выведет весь полк из города. Начальник штаба заверил его, что до тех пор, пока они будут помогать чехам, радиостанция будет продолжать передачу сообщений о РОА. После этого Буняченко послал в редакцию радиостанции следующее сообщение:

«Героические части армии генерала Власова, которые пришли на помощь нашим братьям чехам, продолжают очищать город от немцев».

Передавала ли радиостанция это сообщение, мне не удалось установить.

В ту же ночь в 23.00 часа командир дивизии отдал приказ дивизии покинуть центр города, перейти реку Влтаву и закрепиться в районах мостов Железнодорожного, Палацкого и Ирасека. Приказ не был лишь реакцией на сообщение радиостанции. Он исходил из более глубоких причин, но само решение покинуть Прагу было вызвано, главным образом, действиями Советов, а также других интриг. Относительно этого речь будет ниже.

На ускорение ухода дивизии из города в максимальной мере, однако, повлияло сообщение командира дивизионной разведывательной части о продвижении Красной Армии, которая в то время перешла Крушни Горы и направлялась к Праге.

Итак, на следующий день, 8-го мая рано утром дивизия покинула Прагу и вечером вернулась в район своего первоначального расквартирования в окрестностях селения Сухомасты. Ген. Власов уехал из Праги еще 7-го мая после полудня и к вечеру уже был на месте, которое точно не установлено, но согласно описанию, оно соответствует или замку в селении Литень или в Сухомастах. Там его еще раз посетила группа из трех офицеров от чешского военного командования в Праге, один из которых говорил по-русски со слабым иностранным акцентом. Об этой последней встрече ген. Власова с чешскими офицерами имеется памятная статья лейтенанта Г. офицера 1-й дивизии о разговоре, который слышал из соседней комнаты, ожидая ген. Власова, чтобы подать ему свой рапорт.

Офицеры, один из которых, согласно описанию, был в генеральской форме, просили ген. Власова остаться в Праге вместе с армией и заверяли его, что примут все меры, чтобы никто из членов дивизии не подвергся наказанию, и что после победного окончания войны, в России настанет новая эра и все будет прощено. На это генерал Власов ответил:

«Прощено? Я не прошу никакого прощения. Если все началось бы снова, я вступил бы на тот же путь».

Об этой встрече повествуется также и в рукописи командира 2-го полка, подполк. Артемьева. Согласно его версии делегация объясняла неуспех переговоров кап. Антонова с Чешским Национальным Советом каким-то недоразумением. Об устранении этой ошибки будто бы штаб восстания уже совещался с ЧНС. Делегация штаба наивно заявила, что ошибка будет исправлена и что чешская сторона принесет извинения. [\[150\]](#)

С вечера того дня пражская радиостанция перестала сообщать что-либо относительно 1-й дивизии и обращалась с призывами о помощи только к Красной Армии. Штабу ген. Власова как и составу всей 1-й дивизии стало очевидным, что в ЧНС перевес взяли коммунистические силы, что подтвердило их решение покинуть город.

После ухода дивизии из города произошли бои в таких местах, где до сих пор не было боев, например, в районах города Смихов, Йинонице и Мотол. До этого эти районы находились под контролем 1-й дивизии. Вероятнее всего, что в большинстве случаев это происходило в результате действий немецких частей, стремившихся пробиться на запад.

Прежде, чем исчерпать все прямые источники, повествующие о боевой активности в Праге, и перейти к описанию закулисной стороны политических переговоров и интриг в те дни, мне хотелось бы вернуться еще к двум сообщениям, которые находились в прямой зависимости с восстанием и деятельностью германских учреждений.

Неполное сообщение о деятельности одного из полков 1-й дивизии исходит от заведующего немецким военным архивом в гор. Фрейбурк, д-ра Стала, который будучи раненым, был в 1945-м году прикомандирован офицером к Комендатуре оборонительного района Праги, находящейся на Малостранской площади. Он вспоминает, как один из командиров полка РОА прибыл с отрядом в комендатуру Праги с требованием сложить оружие. Это требование

тогда было отклонено. Д-р Стал указывает, что полк этого командира потом занял район города Петршин.^[151] Очевидно, дело шло о полке Сахарова, а дальнейшее сообщение находится с данным сообщением в прямой зависимости.

Д-р Крегер также пережил восстание в Праге и его данные дают нам интересную картину внутрипражских кругов СС. Нельзя сказать, чтобы восстание было для них неожиданностью, как и было известно, что некоторые офицеры 1-й дивизии участвовали в конспирации. Появление 1-й дивизии в Праге на стороне чехов, вызвало горечь и разочарование, т. к. командование СС дало жизнь этой армии и ее переход в неприятельский лагерь расценивался, как предательство, хотя оно и признавало долю собственной вины; обстоятельства же, при которых 1-я дивизия на это решилась, тоже принимались во внимание.

После инцидента в Козоедах д-р Крегер покинул дивизию и уехал в Прагу к К. Г. Франку, как уже было описано в главе VII. Однако, К. Г. Франк находился в то время у верховного правителя адмирала Денитца во Фленсбурге.

Когда восстание вспыхнуло, д-р Крегер жил в отеле «Алькрон», где был в то время немецкий персонал и который большей частью был занят немецкими вооруженными силами. После 12.00 часов 5-го мая никто уже не мог его покинуть, поэтому «Алькрон» вместе со всеми гостями и персоналом стал готовиться к обороне. В 15.00 часов явился дозор чешской полиции и потребовал, чтобы из отеля было выпущено два офицера чешской полиции, присутствие которых в комендатуре восстания является необходимым. До этого времени в хаосе событий дня никто не знал об их присутствии. Полицейский дозор знал номера их комнат, в которых эти офицеры действительно находились. После короткого переговора, оба согласились гарантировать свободный уход гостей и персонала из отеля, но при условии, что во время следования через Прагу, все они, включая и полицейский дозор, будут служить в качестве заложников. Путь через Прагу до Чернинского дворца длился полтора часа.

Чешский полицейский дозор, действительно, воспрепятствовал всем попыткам насилия, а перед входом в замок, который до сих пор находился под охраной сторожевой части СС, члены чешской полиции были отпущены.

Д-р Креггер встретился с К. Г. Франком лишь на следующий день, когда восстание уже было в полном разгаре. Несмотря на то, что в то время уже был утрачен Рузиньский аэродром и бои велись около радиостанции, положение считалось не внушающим опасения, поскольку 1-я дивизия не перейдет на сторону чехов. Когда же, наконец, д-р Креггер встретился с К. Г. Франком, то его первыми словами было: «Вы знаете, что творится? Власовские люди воюют с нашими солдатами. Значит, я все-таки был прав, я и все остальные, которые в течение месяцев предупреждали и предупреждали!».

6-го мая в Пражский замок прибыл также парламентар РОА и просил д-ра Крегера прибыть к полк. Сахарову, который, как мы знаем по нескольким данным, пытался самостоятельно вести переговоры с немецким командованием Праги относительно капитуляции. Д-р Крегер зная Сахарова и считая его человеком крайне ненадежным и помня предостережения ген. фон Туссена отклонил это приглашение. Позже в форме РОА он все же участвовал в переговорах, происходивших в Международном Красном Кресте на Малостранской площади. Он стремился связаться с ген. Власовым и найти с ним разрешение положения в Праге и, главным образом, добиться свободного ухода немецкого населения из города и тем избежать насилия по отношению к немецким штатским лицам и пленным. В Международном Красном Кресте (МКК) он не был встречен дружелюбно, да у МКК не было никакой возможности и даже желания что-либо предпринять. Его чиновники, были заняты отправкой телеграмм в американскую комендатуру в гор. Пильзен с просьбами оказать помощь Праге.

Ни с полк. Сахаровым, ни с ген. Буняченко д-р Крегер не желал вести переговоры. Он не видел никакой надежды повлиять при их посредничестве на положение дел в Праге.

Ночью 8-го мая д-р Крегер покинул Прагу в конвое полка «ДФ».^[152]

ЧЕШСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОВЕТ ВЕДЕТ ПЕРЕГОВОРЫ С 1-й ДИВИЗИЕЙ^[153]

До сих пор мы следили за ходом действий воюющих частей в пражских улицах.

6-го мая, еще до того, как ЧНС переместился в район Праги Винограды, он совещался относительно 1-й дивизии. Совет все еще знал о ней очень мало, но в конце совещания ген. Култвашр видел, что до сих пор деятельность дивизии проявилась слабо и что в отношении к ней нужно держать себя сдержанно. Однако такое предложение исходило из неосведомленности. Военные действия более широкого масштаба против центра города, подготовлялись лишь на раннее утро следующего дня, но все же уже 6-го мая после полудня, 2-й полк воспрепятствовал продвижению боевых частей СС-Валленштейн в район города Смихов, в направлении от Радотина и через Сливенец. Если этого он не выполнил бы, то военное командование Праги вряд ли смогло бы помешать их соединению с гарнизоном на Петршине и Страгове, что вызвало бы 6-го мая частичное окружение Праги с юга и запада. В результате потери территорий повстанцами в последующие дни, главным образом, вследствие продвижения боевых частей СС с северо-востока из района Миловице, Прага оказалась бы в весьма затруднительном положении.

7-го мая в 07 час. 45 мин., Чешский Национальный Совет заседал на новом месте. Согласно «Протоколу», заседание происходило в Статистическом управлении, находившемся в Бартоломейской улице, в Старом Городе.

Заседание началось докладом офицера связи Харва- та из казарм имени Иржи-Подебрадского. Его заданием было соединение с 1-й дивизией и привод ее в Прагу. Прибыв в Прагу, он получил дальнейшее политическое задание: сопровождать адъютанта ген. Власова, кап. Антонова, который нес письмо от ген. Буняченко, адресованное К. Г. Франку с призывом капитулировать до 10.00 часов вечера

того же дня. Копия письма на немецком языке была передана ген. Култвашру. Но офицер связи вместе с кап. Антоновым не дошел до резиденции К. Г. Франка в Черинском дворце. Призыв к капитуляции передавался в то время по радиовещанию, поэтому Харват и Антонов направились прямо в здание ЧНС. Из сочетания двух источников, данного «Протокола» и писем д-ра О. Махотки, вытекает, что Харват докладывал, пока Антонов ждал в коридоре. На доклад Харвата ответил Иосиф Смрковский, член ЧНС от коммунистической партии, заявив, что ген. Власов не может ставить Франку никаких ультиматумов и что он должен координировать свою деятельность с чешским военным командованием. Смрковский затем предложил, чтобы радиовещание принимало для передачи сообщения только от ЧНС.

В это время д-р Отакар Махотка, член ЧНС от Народно-социалистической партии, идя на заседание ЧНС увидел в коридоре Иосифа Смрковского, разговаривавшего крайне резко и недружелюбно с офицером в длинном кожаном плаще и в неопределенной форме, которая не была ни немецкой, ни русской. Разговор происходил на русском языке, которым он владел довольно плохо.

Между тем, Совет перешел к дебатам относительно присутствия в Праге 1-й дивизии и об ее участии в боях. Иосиф Смрковский был категорически против того, чтобы с Антоновым вообще велись какие-либо переговоры.

Его аргументы в «Протоколе» не приводятся, но они сохранились в книге В. Артемьева: «История 1-ой дивизии РОА». Насколько этот разговор является полным или аутентичным трудно сказать в настоящее время.

Смрковский: «Мы вас об этом не просили, а штаб восстания не чешский народ и его правительство. Это лишь военное командование, которое для достижения военных целей могло использовать все возможности для успешной борьбы. Мы — представители чехословацкого народа, мы о вашей помощи не просили и мы не хотим сотрудничать с предателями своей родины и с немецкими

наймитами. Войска маршала Конева, если не сегодня, то завтра, придут в Прагу и помогут восстанию. Ваше командование явно рассчитывало на нашу поддержку, но пусть вам всем будет ясным, что вы для нас такие же враги, как и немцы».

Капитан Антонов не рассчитывал на такой прием. Он был потрясен и старался более точно разъяснить побуждения, которые привели Освободительное Движение русского народа к борьбе против большевизма. Смрковский продолжал свои нападки. Как коммунист, он придерживался своих собственных взглядов и принципов, отдавая себе отчет в том, в каком свете окажется восстание перед советским союзником, если оно будет сотрудничать с антикоммунистическим движением, а как революционер, он готовил революцию и мятеж. Он заявил Антонову, что единственным путем для них остается перейти на сторону Красной Армии, а если командование РОА не будет с этим согласно, то предложил ему свергнуть его и взять командование в собственные руки. Далее он заявил, что на согласие Совета о совместной борьбе рассчитывать не приходится, т. к. из двенадцати его членов, восемь являются коммунистами... «И вы сами подтверждаете, что вы наши враги!».

В ход дальнейших переговоров вмешался ген. Култвашр, хорошо владевший русским языком, который предложил поставить на голосование вопрос о помощи и совместной борьбе. Смрковский и несколько других членов были забаллотированы и вопрос о помощи был принят в результате чего 1-я дивизия должна была в дальнейшем координировать свою деятельность со штабом восстания. Однако Совет отказался оформить письменное соглашение. Это было большим разочарованием. Кап. Антонов, уполномоченный на ведение переговоров как Власовым, так и Буняченко, должен был наконец, принять такое решение. Он ожидал большего. Целью его посещения было подготовить путь для заключения союзного соглашения с официальной политической организацией так же, как оно было заключено с офицерами. Антонов не был единственным

лицом, с которым велись переговоры. Главой второй миссии был полковник РОА из штаба ген. Власова, о котором известно лишь то, что его инициалом была буква К.; он пребывал где-то в Праге на частной квартире и, несмотря на сопротивление Смрковского, ген. Култвашр с ним разговаривал по телефону. Номер телефона сообщил кап. Антонов.^[154]

Результаты переговоров Антонова, наконец, все-таки были изложены в письменной форме, как об этом совершенно определенно приводится в «Протоколе». Со стороны РОА, соглашение подписал кап. Антонов, уполномоченный на это ген. Буняченко и замещающим в то время больного ген. Власова. Документ состоит из трех пунктов и текст его следующий:

Позиция Чешского Национального Совета по отношению к военным действиям ген. Власова и его войск против немецких вооруженных сил в Пражском районе.

Чешский Национальный Совет является представителем Чехословацкого правительства, единственно имеющим право выносить решения относительно всех военно-политических вопросов на территории Чехии, занятой до сих пор неприятелем. Войска ген. Власова принимают это к сведению.

Чешский Национальный Совет приносит благодарность генералу Власову и его войскам за то, что они по призыву радиовещания пришли на помощь борющемуся пражскому населению. Было принято решение, что в тех местах, где власовские части оперируют как самостоятельные подразделения, они принимают капитуляцию самостоятельно, а в тех местах, где они оперируют вместе (с чехами), то и капитуляцию принимают вместе. Капитан Антонов провозглашает, что так как ЧНС взяло на себя функции правительства, то аннулируется призыв РОА о капитуляции (немецкой армии — прим. автора).

1) Части ген. Власова будут оперировать в полной согласованности и единении с командирами чехословацких воинских подразделений.

Уделим внимание детальному анализу формулировки пункта № 2 «...что они по призыву радиовещания пришли на помощь...». Этим Совет дает 1-й дивизии понять, что он не чувствует себя связанным никакими предшествовавшими соглашениями, заключенными с офицерами военных командований. Для избежания каких-либо сомнений заседание подтверждает, что переговоры с Власовым об оказании помощи вели кап. Рудл (начальник замковой охраны в Ланах) и майор Машек. Радиовещание в призыве о помощи подтверждает эту просьбу и констатируется, что переговоры отдельных лиц велись в частном порядке. Таков подлинный текст «Протокола». Если же мы придадим особое значение словам эту просьбу, то констатирование приобретает новый смысл. Это означало бы, что Совет не признает предшествовавшие переговоры и соглашения, имевшие место в Козоедах и в Сухо-мастах. Здесь есть и иная возможность принять текст дословно и тогда считать его доказательством полной неинформированности Совета. Возможны оба варианта.

Далее велись переговоры о том, что командование чехословацких вооруженных сил оставляет за собой право на призыв ко всеобщей капитуляции немецких вооруженных сил.

После этого пункта кап. Антонов подписал документ и покинул заседание. Совет же продолжал вести дебаты относительно дивизии. Загорелся спор относительно благодарственного письма за оказанную помощь, которое предполагалось послать ген. Власову.^[155] В «Протоколе» об этом имеется короткий абзац содержащий дальнейшую словесную загадку.^[156] Письмо должно быть отправлено немедленно, потому что ее вмешательство (1-й дивизии РОА — прим. автора) благодаря этому ограничится до минимально возможной меры. Прав им не предоставляется. Письмо было закончено, переведено и отправлено. Текст письма:

Господину генералу Власову.

Чешский Национальный Совет выражает благодарность Вашим солдатам за быструю помощь, оказываемую по призыву радиовещания нашей столице Праге. Чешский

Национальный Совет совещался с Вашим уполномоченным и прилагает схемы этого сотрудничества.

Фраза, начинающаяся словами...потому что ее вмешательство... является не особенно вежливой, но она ясна, О каких правах, однако, была речь? Дивизия просила о предоставлении политического убежища и в этом ей было отказано.

Когда кап. Антонов вернулся с заседания Совета и принес, после всех больших надежд, лишь этот не имеющий цены документ из трех пунктов, то он застал ген. Буняченко, с начальником его штаба, на артиллерийской позиции над Злиховом, откуда он руководил орудийным огнем дивизионной артиллерии.^[157] Гневу Буняченко и его разочарованию не было предела. Сведений о том, в каких выражениях он реагировал на результаты переговоров, не сохранилось. Он немедленно известил об этом ген. Власова, который в тот же день вероятно, после получения вышеупомянутого письма уехал в Прагу.

В течение 7-го мая несколько раз велись переговоры с немецким командованием Праги относительно капитуляции и об уходе немецких войск из города. В чешских источниках об этом повествуется не так уж много. Дело в том, что капитуляция немецких войск и уход их из Праги еще до прихода Красной Армии, легли «пятном» на деятельность ЧНС.

Источники РОА^[158] относительно этих переговоров приводят несколько интересных и важных обстоятельств, отображающих хаотическое положение в те дни. Согласно этим данным, переговоры с немецким командованием Праги о капитуляции 1-я дивизия вела в присутствии представителей американской армии, которые прибыли на эту встречу на трех броневиках. Немецкая армия должна

была покинуть Прагу, а оружие сложить за линией американских войск. 1-я дивизия должна была остаться в Праге и ожидать прибытия американской армии.

Через несколько часов после окончания встречи, радиостанция 1-й дивизии поймала следующую депешу: «Командиру 1-й дивизии генералу Буняченко: предлагаю, чтобы вы отказались от какой-либо помощи со стороны американцев. Прага должна быть русской, а не американской. Подпись: Уполномоченный НКВД по делам Чехословакии...» (Автор приводит два имени: Никандров или Никифоров, точной транскрипции автор не помнит). Впрочем, информационная служба РОА сообщила в тот же день, что продвижение американцев в западной Чехии было приостановлено.

Вскоре после этого в штаб дивизии прибыла группа чехов в штатской одежде с просьбой быть принятыми ген. Власовым. (Вероятно, речь идет о членах ЧСН(так в книге — прим. авт. fb2) Кнапе и Давиде — прим. автора книги). Вместо Власова с ними разговаривал Буняченко. В источнике эта делегация называется представителями муниципалитета города Праги. Как я уже упомянул, это, наверное, были представители ЧНС, который фактически действовал лишь на территории Праги. Делегация принесла ген. Власову благодарственное письмо за оказание помощи Праге (дело идет о том же письме, которое было приведено выше); вручив это письмо, она выразила желание получить ответ на два вопроса, которые в значительной мере расходились с содержанием и тоном только что врученного письма. Вопросы были следующие:

С кем идет армия генерала Власова? С западными союзниками или с Красной Армией? Или против обеих?

Почему на танках 1-й дивизии имеются надписи: «Смерть Гитлеру и смерть Сталину!»?

Командование дивизии дало ясный ответ на оба вопроса:

Армия ген. Власова была сформирована для борьбы против большевизма и безусловно не будет вести

переговоров с Красной Армией.

Власовцы считают врагами русского народа одинаково, как Гитлера, так и Сталина.

Армия ген. Власова сохранит в отношении западных союзников нейтралитет.

Чешская делегация выслушала все эти ответы, и заявила, что ничего в содержании только что переданного письма не меняется, что они приносят благодарность ген. Власову, командованию дивизии, офицерам и солдатам за оказанную помощь, но что они не могут оставаться равнодушными к недружелюбному отношению власовцев к наилучшему другу Чехословакии к Сталину и его армии, а поэтому просят командование дивизии, чтобы оно стянуло все свои части из района Праги.

Приведенный документ говорит ясным языком. Несмотря на то, что он является свидетельством из среды

РОА, он полностью соответствует позиции ЧНС. По времени его можно отнести к вечерним часам 7-го мая. Если мы сопоставим содержание документа с послевоенным утверждением чехов, что благодарственное письмо ЧНС ген. Власову никогда не было вручено, то вскрывается намерение покрыть деятельность некоторых лиц путем логичного рассуждения, что если никакого письма вручено не было, то не было и никаких переговоров в штабе РОА.

Для объяснения неясностей относительно писем, — т. к. было два письма, — необходимо напомнить, что немедленно после окончания восстания, многие люди старались отмежеваться от своей деятельности в истекшие дни. При наличии Красной Армии было невозможно свидетельствовать о собственной повстанческой деятельности путем участия в боях вместе с дивизией Буняченко. А для многих людей доказательство об их повстанческой деятельности было крайне необходимым. В то время это был листок бумаги, который открывал двери в дальнейшую жизнь. Вследствие этого происходило искажение фактов и явная фальсификация. Это, как, мне

кажется, является логичной закулисной стороной различных неясностей относительно дней восстания и неясностей относительно писем.

Дело в том, что в тот же день после полудня, ген. Буняченко получил еще одно письмо от ЧНС, содержание которого было оскорбительным. Штаб дивизии снесся с Советом и настаивал на отказе от некоторых крайне неподходящих выражений. Совет ответил, что такого письма отправлено не было, а поэтому он не может ничего ни опровергнуть, ни изменить.

Письмо, вызвавшее столь сильный гнев у Буняченко и содержание которого неизвестно, было явным фальсификатом. Д-р О. Махотка подтверждает, что такого письма на имя Буняченко от Совета послано не было. Кто его написал и дал вручить командиру 1-й дивизии неизвестно. Существует две версии: автором письма было или немецкое информационное агентство или Иосиф Смрковский. Или то, или другое, письмо выполнило свое назначение. У обеих сторон были причины для того, чтобы дивизия покинула Прагу.

Считаю необходимым вернуться к «Протоколу» и найти хотя бы след для разъяснения загадки с письмами в главном документе восстания. Все нижеследующие записи являются фрагментарным изложением, иногда малопонятным, и все они относятся к 7-му мая:

9 час. 45 мин.: Давид высказывается по вопросу о Власове и утверждает, что случай Власова может иметь необозримые последствия для позиции Советского Союза. Он против отправки благодарственного письма. Движение руководится человеком, который нарушил присягу. Извещение только власовским частям.

Снова относительно письма Власов—Смрковский: Дело идет лишь о сопроводительном письме со схемой сотрудничества.

Снова случай с Власовым: Смрковский спрашивает, на каком основании Власов дал свое решение. Русские переговоры с Антоновым.

Давид:...ясно, что уже само упоминание имени Власова может быть для советских деятелей достаточным поводом для опасений относительно линии этого восстания и о его действительном значении... обратиться только лишь к солдатам, а господина Власова оставить без контакта... Дело идет о союзнике, который для нас очень много сделал.

Проф. Пражак: Но ведь ничего иного не произошло, как только то, что власовские части пришли и их помощь была ограниченной.

Давид: Предложение не вести переговоров с Власовым... Смрковский присоединяется.

Призыв в радиовещании: Солдаты так наз. власовской армии... бейте нацистов так, как они были биты славной Красной Армией.

12 час. 30 мин.: в радиовещании сообщение о продвижении власовцев к Праге. Сообщение о встрече председателя Совета с Власовым является ложным и должно быть опровергнуто.

Смрковский: Нашим именем была произведена провокация (касается предшествующего сообщения и опровержения — прим. автора).

Констатирование, что сообщение о переговорах с власовскими частями дал транслировать Майвальд...

Матуш у командира власовского дивизиона. Как будто призывает подкрепление из Будейовиц.^[159] Ген. Буняченко чувствует себя обиженным одним пунктом нашего извещения. Командиром является не Власов, а Буняченко. (Первая констанция действительности. Дело касается реакции на передачу пражского радиовещания — прим. автора). Буняченко требует кого-нибудь из ЧНС. Благодарности он не ожидает.

Кнап: Ввиду недоразумения, рекомендую посетить Буняченко и выяснить все дело. Он не сказал ясно, чем он себя чувствует обиженным. Не нравится ему, что мы говорим власовская армия. Не русская. Мы не должны

были их сначала просить о помощи, они пришли сами. Не следует бояться, что они будут вмешиваться в наши дела. Если же мы не желаем их помощи, то он может стянуть свои части, а на вопрос, что об этом подумает Красная Армия, он уверяет, что между ними не будет никаких боев. Он определенно заявляет, что хотели помочь пражанам. Кнап предлагает, чтобы его сопровождал член Совета (к ген. Буняченко — прим. автора).

21.00 час.: Доклад В. Давида и Й. Кнапа после посещения ген. Буняченко. (Главным поводом для посещения было приобретение оружия от 1-й дивизии — прим. автора). Для объяснения своей позиции Буняченко требует, чтобы он мог выступить с речью по радиовещанию. Дело идет о политическом меморандуме на четырех страницах, написанных на машинке, в которых он разъясняет, почему он перешел на сторону власовской армии, хочет объяснить дальнейшие внутренние русские проблемы, почему он пришел на помощь, что его к этому побудили славянские чувства. Эта речь передавалась, бы по-чешски и по-русски. Далее Буняченко приводит некоторые технические данные. В его распоряжении около 30 танков, ^[160] легкие орудия калибра 75 мм, но недостаток всех боеприпасов. Он предусматривает переместить часть артиллерии на Петршин. До сих пор он потерял в Праге около 300 бойцов. (Этот доклад отображает положение после полудня — прим. автора).

Так выглядит запись о деятельности 1-й дивизии в Праге 7-го мая с 09 час. 45 мин. до 24.00 часов. Нигде нет упоминания о втором оскорбительном письме. Не говорится также и о том, что дивизия покидает Прагу, и, что самое важное, какие шаги предприняло чешское военное командование для заполнения опустелых мест. Я думаю, что приведенные выдержки из «Протокола» в достаточной мере отображают политическую и, главное, военную авторитетность ЧНС и его военного командования и в этом нет надобности для дальнейших комментариев, может быть лишь повторить и подчеркнуть, что чешское военное командование Совет в полном смысле слова «унаследовал» от иных нелегальных

организаций, а сам к нему лишь добавил имя капитана Нехановского.

7-е мая было для 1-й дивизии роковым днем и полным активной деятельности.

Дивизия идет рано утром в атаку на центр города, но только двумя усиленными батальонами.

Антонов ведет неуспешные переговоры в ЧНС и последний направляет ген. Власову, а не ген. Буняченко, благодарственное письмо, в холодном и фактически отрицательном тоне.

В долине реки Влтавы стоит 2-й полк и охраняет Прагу с юга.

Где-то в Праге американская миссия ведет переговоры с 1-й дивизией о немецкой капитуляции. В результате переговоров вмешивается уполномоченный НКВД по делам Чехословакии.

После полудня к Буняченко приходит Матуш, а после него представители ЧНС Давид и Кнап. Они призывают командира дивизии, чтобы он с войском покинул Прагу.

Между тем известно, что американские части не продвигаются, но с севера приближается Красная армия.

После всех этих посещений и отказов Буняченко получает «оскорбительное письмо», которому источники РОА уделяют столько внимания.

После перечисления главных событий этого дня, не остается ничего иного, как задать следующие вопросы: Почему Буняченко стянул все свои части на смиховскую сторону лишь в 23 часа? Надеялся ли он все еще на какие-либо гарантии? Было ли это оттягивание возможным проявлением нежелания признаться в своих собственных неудачах?

С уходом дивизии из центра города ее деятельность на западных и южных окраинах города Праги не закончилась полностью. Боевые группы СС наступали на Прагу с юга, главным образом, по левому берегу Влтавы.

Когда они не смогли проникнуть в Прагу непосредственно, они пытались осуществить это по отвесным расселинам в скалах и по небольшим дорогам из долины Влтавы на запад. В районе селения Сливенец с ними столкнулись подразделения 2-го полка. В настоящее время трудно сказать, какое боевое задание было у этих немецких частей. Я лично думаю, что они стремились дойти до шоссейной магистрали Прага—Бероун и как можно скорее стянуться за линию американской армии. В большинстве случаев, по крайней мере на этом участке, это были юные подростки,^[161] которые, скорее, просили о милости, чем воевали. В борьбе человека против человека, происшедшей на юго-восточных окраинах Сливенца, им помешал в продвижении на Запад батальон 2-го полка.

Части 2-го полка воевали в этом районе еще 8-го мая утром, но уже не ради интересов Пражского восстания. Они обеспечивали безопасность отступления 1-й дивизии из Праги в направлениях с востока и с юга.

После ухода дивизии из Праги в городе оставалось еще несколько меньших групп РОА, которые продолжали вести бои вплоть до 9-го мая. Среди бывших членов 1-й дивизии, проживающих в эмиграции, иногда утверждается, что в Праге остались так наз. «инфильтраторы» и весь артиллерийский полк. Такое сведение, однако, не подтверждено. Командир полка подполк. Жуковский был арестован Красной Армией 12-го мая в селе Лнарже.

Кроме того, в пражских госпиталях оставались раненые.

Многие лица на чешской стороне желали, как в те дни, так и позже, чтобы 1-я дивизия вообще в Праге не появлялась. Ввиду того, что никто о ней не забыл, и что вначале знали о ней мало, а позднее, кроме нескольких хулительных утверждений ничего о ней не слышали, утаиваемое прошлое способствует возникновению легенды.

К ВОПРОСУ «КТО ОСВОБОДИЛ ПРАГУ?»

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо снова привести ряд реальных фактов, которые были подробно проанализированы в предшествующих главах. Восстание не было подготовленным, а когда 5-го мая оно вспыхнуло, то отсутствовала как политическая, так и военная организованность, способная активно включиться в ход событий, а также способная предотвратить отрицательные явления, главным образом, жестокое поведение по отношению к немецким пленным и гражданскому немецкому населению.

Уже в первый день военные действия приобрели такие размеры, что немецкая армия утратила контроль над городом.

Еще 7-го мая никто в Праге не мог с уверенностью сказать, какая из союзных армий займет город.

1-я дивизия РОА не включилась в пражские бои неожиданно. Ее участие было результатом переговоров с военным командованием, которое знало, что вмешательство регулярной армии является абсолютно необходимым, иначе восстание будет потоплено в крови. До 7-го мая части 1-й дивизии удерживали под контролем западную часть города, в которой все еще имелись сильные островки немецкой обороны в районах Страгова, Градчан и Дейвиц. На восточном берегу части РОА установили контроль над средней частью города, от линии Мост Ира-сека—Винограды—Страшнице, в направлении на юг.

Главная заслуга дивизии РОА состоит в том, что в критическое время она разделила город на две части — северную и южную (см. карту № 5), — благодаря чему в продолжение своей активности в городе, воспрепятствовала соединению внепражских вооруженных частей. Без участия дивизии в Пражском восстании, западная часть города, определенно была бы занята уже 6-го мая, а само восстание, наверное, было бы

задушено на следующий день. Если бы дивизия не покинула город в ночь с 7-го на 8-ое мая вследствие расхождений с ЧНС, то 4-й и, главное 3-й, полки в течение 8-го мая установили бы контроль над большей частью северного района города и оба полка, безусловно, принудили бы части СС, наступающие с севера и востока, обойти Прагу с востока и отступить на юг. Одновременно необходимо признать, что продвижение 1-й дивизии к Праге с запада имело в некоторой степени и отрицательное воздействие на положение дел в Праге. Она, таким образом, принудила большинство немецких частей, преимущественно армии, вести бои непосредственно в самом городе, отрезав им пути отступления на запад. Капитуляция немецких частей 8-го мая произошла уже после того, как натиск 1-й дивизии в Праге прекратился, т. к. она Прагу покинула, путь отступления на запад открылся, а угроза прихода Красной Армии уже стала непосредственной.

С того момента, как части РОА покинули восточный берег реки Влтавы, повстанцы самостоятельно несли на себе всю тяжесть боев вплоть до самого конца восстания со значительными территориальными потерями.

Главным фактором успеха восстания был момент неожиданного захвата врасплох как со стороны восставших, так и со стороны 1-й дивизии, которая включилась в бои в самое критическое время.

К ЭТОМУ ЕЩЕ НЕОБХОДИМО ДОБАВИТЬ:

а) 1-я дивизия никогда не занимала полностью всю Прагу (я избегаю пользоваться выражением «освободила», т. к. освобождение является положением, вытекающим из успешного окончания военных действий, потому что для осуществления этого у нее не было достаточно времени). Трезво рассуждая, у нее не было даже достаточно возможностей для проведения столь обширного действия. Мне также неизвестен любой другой случай, чтобы контроль над миллионным городом, занятым армией, был бы достигнут в течение двух дней при помощи одной дивизии и революционных частей.

б) Если условия позволили бы, то Пражское восстание наконец смогло бы с помощью 1-й дивизии, взять контроль над занятой частью города, независимо от того, капитулировал бы немецкий гарнизон или нет, но конечно, лишь при условии не вмешательства отступающих частей армейской группы «Центр». Если они действительно отступали бы, то восстание не могло бы произойти или оно было бы жестоко подавлено в самом начале. 1-й дивизия должна была бы с первых дней мая соблюдать всеобщее направление отступления в Крушни Горы. Иное направление, при условии действительного всеобщего отступления армейской группы «Центр», не было бы возможным.

в) Без какого-либо сомнения, необходимо констатировать, что главную тяжесть боев несли на себе революционные части Пражского восстания, но оно вряд ли смогло бы удержаться без вмешательства 1-й дивизии.

г) Суммируя все вышеприведенные факты, в заключение следует сказать, что Прага, собственно, никем не была освобождена. 8-го мая, после ухода 1-й дивизии из Праги и при одновременном вступлении в нее со всех сторон виспражских немецких частей, большая часть города снова была занята немецкими вооруженными частями. Когда в тот же день вечером они прекратили бои и постепенно отошли, то за малым исключением не оставалось уже никого, от кого нужно было бы освободить город.

Любые иные рассуждения противоречат реальности событий, происшедших в майские дни 1945-го года.

Вторая мировая война закончилась окружением 11-го мая 1945 г. армейской группы «Центр» фельдмаршала Шернера в районах Лиса-на-Лабе, Йичин, Горжице, Пардубице, Хрудим, Хотеборж и Колин, когда эта армия все еще насчитывала 860.000 бойцов.

Пражская операция Красной Армии была лишь составной частью этого мощного маневра на окружение.

XII

События в южной и западной Чехии

О судьбе 2-й дивизии у нас имеются лишь отрывочные и часто взаимно противоречивые сведения. В апреле 1945-го года линия западного фронта осторожно приблизилась к учебному лагерю Хойберг, где тогда формировалась 2-я дивизия и где находился штаб РОА. Уже тогда ген. Власов решил сосредоточить все части армии в районе города Рид, расположенного у подножья Альп в Западной Австрии.^[162] В этот район, в ходе отступательных боев, приближались в то время Казачий корпус и различные антикоммунистические группировки из Югославии, Венгрии и Северной Италии.^[163] Все эти части в то время стремились к сохранению собственной жизни.

Перемещение 2-й дивизии в южную Чехию имело интересную, предшествовавшую этому, закулисную сторону. 10-го апреля 1945 г., генерал добровольческих частей Кестринг передал приказ ОКВ о том, что части РОА должны переместиться из районов Хойберг и Мюнсинген в город Линц.^[164] Полковник Герре, командир организационного штаба по делам РОА, не знал о замысле этого приказа (сосредоточение в Линце, а потом перемещение на линию реки Влтава) и, поэтому, не считал этот приказ одним из лучших для будущей судьбы частей РОА. Между тем местные военные органы в Мюнсингене делали расчет на включение частей РОА в бои против наступающей американской армии и полк. Герре усматривал в этом разрешение вопроса, как поскорее осуществить перевод русских добровольцев в американский плен. Ген. Кестринг тоже пытался изменить приказ ОКВ, но его усилия были безрезультатными. Полк. Герре попытался лично вмешаться в это дело и отправился в Рейхенхалл, где в то время находился ген. Кестринг. Генерал его принял, но на возражения полк. Герре лишь пожимал плечами и в заключение ему приказал немедленно вернуться в Мюнсинген и привести приказ в исполнение. На его полные отчаяния вопросы и возражения, генерал с грустью ответил: «Ваши телефонные разговоры, в которых вы высказываетесь против перемещения, — к сожалению, обоснованно, — были подслушаны. Если вы быстро не уедете отсюда, то

вы взвалите на себя обвинение в попытке совершить государственную измену». Герре знал, что русские офицеры, главным образом, ген. Меандров, собираются приступить к переговорам с американцами. У него не оставалось иного выхода, как в соответствии с приказом переместить дивизию в Линц. Дивизия, а также остальные части, покинули Мюнсинген 20-го апреля, а через два дня после этого, Мюнсинген был занят американцами.

Дальнейший поход дивизии в долину реки Влтавы происходил в соответствии с приказами СКВ от 12-го марта и 26-го апреля. О первоначальном обещании, данном ген. Власову о том, что все добровольческие части будут сосредоточены около Франкфурта-на-Одере, в то время уже было забыто, или же оно уже было неосуществимо.

Приказ о перемещении был разработан штабом РОА 7-го апреля. Уход из Мюнсингена начался 17-го апреля, а из Хойберга 18-го апреля. Части продвигались ночными переходами, в среднем по 28–32 километра. В гор. Меммин-ген, откуда передвижение частей должно было продолжаться по железнодорожному пути, они начали прибывать 20-го апреля. Дисциплинированность во время транспорта была довольно низкой. Немецким офицерам связи и полевой жандармерии лишь с максимальным усилием удавалось ограничивать случаи грабежей и незаконной реквизиции, которые случались сплошь и рядом каждый день. Необходимо, однако, заметить, что снабжение транспорта было недостаточным, а в некоторых случаях, начальники немецких складов вообще отказались от снабжения транспорта. При этом на следующий же день, эти склады были уничтожены перед приходом американской армии.

Интересен тот факт, что в немецких документах, как конечный цель транспорта с самого начала указывается город Линц, в то время как русские, вплоть до самого прибытия в Линц, были убеждены, что они следуют в район гор. Рид, где они должны были соединиться с 1-й дивизией и Казачьим корпусом. Немецкое командование

явно о своих планах не информировало штаб РОА.

В штабе РОА предполагалось при этом, что во время предусматриваемого занятия района Рид произойдут стычки с немецкими частями, которых удастся разоружить и этим оружием воспользуется 2-я дивизия, вооружение которой было неудовлетворительно. И неудовлетворительным оно так и осталось вплоть до самого конца.

Ген. Жиленков был, между тем, уполномочен КОНР также вести переговоры с казаками. Необходимо было обсудить вопросы совместных действий в районе г. Рид и сохранения войск РОА для продолжения борьбы против большевизма.^[165] 22-го апреля ген. Жиленков покинул перемещающиеся части, но к месту встречи с казачьими представителями не добрался.^[166]

В гор. Лшц были направлены следующие части:

Штаб РОА, начальник штаба ген. Трухин.

2-я дивизия, командир ген. Зверев.

Офицерское училище. Офицерский резервный полк, командир ген. Меандров.

Запасная бригада (2.000 чел. остались в Мюнсингене).

Саперный батальон, составная часть 1-й дивизии.

Во время похода и следования железнодорожным транспортом к русским частям присоединялись военнопленные, а также рабочие, посланные на работы в Германию из оккупированных территорий на востоке, т. наз. Остарбайтеры (Остовцы). Немецкие офицеры связи были не в состоянии воспрепятствовать этому росту состава. Большинство новоприбывших: приходило не с тем, чтобы стать солдатами, а просто быть среди своих. В Ландсберге дивизия освободила целый транспорт советских пленных, которых везли куда-то па восток с неизвестной целью.

Во время следования через гор. Бад Рейхенхаллен ген. Зверев был награжден Военным крестом за заслуги 2-й

степени.

После прибытия в Линц, 29-го апреля ген. Кестринг сообщил начальнику штаба РОА ген. Трухину, что транспорт не будет продолжать следование в г. Рид, но будет выгружен в Линце и получит дальнейший приказ, [167] К этому он добавил: «Все происходит с согласия ген. Власова, который был у меня вчера, 28-го апреля. Часть железнодорожных транспортов еще находится в пути.

Первые транспорты уже выгружаются и пехотным походом переместятся в направлении Линец—Ческо-Будейовице. 1-я дивизия вчера вечером должна была прибыть в Прагу». В каком месте дивизия в это время действительно находилась, этого ген. Кестринг не знал. О походе на юг, к гор. Рид, не могло быть и речи. Ген. Трухин должен был примириться с действительностью и предполагать, что он соединится с 1-й дивизией в начале мая, в Южной Чехии. [168]

После прибытия в Линц 2-я дивизия и остальные части перешли в ведение командования армейской группы «Юг», ген. — полк. Л отара Рендулица. Ввиду того, что штаб РОА не имел связи с генералом Власовым, [169] ген. Трухин, а также полк. Герре, которому после его неуспешного ходатайства в Рейхенхалле у ген. Кестринга нужны были ясные приказания относительно дальнейшей деятельности дивизии, решили посетить ген. — полк. Рендулица в его комендатуре Эрла, находящейся восточнее Линца. Они были приняты внимательно и получили приказ переместить дивизию в район г. Ческе Будейовице, а оттуда на северо-восток и там создать и занять ряд оборонительных позиций против Красной Армии. Там должно было также произойти пополнение боевого снаряжения. Ген. Трухин принял приказ, сохранив на лице маску безразличия. [170]

Начиная с 1-го мая, выгрузившиеся транспорты, согласно приказу, выступили в поход на север, следуя двумя походными колоннами. В западной колонне были штаб армии и Офицерское училище, а в восточной — 2-я дивизия и остающиеся части.

Несмотря на то, что передвижение осуществлялось преимущественно по железнодорожному пути, продвижение Американской армии по долине Дуная было настолько быстрым, что она фактически следовала за русскими частями на расстоянии однодневного перехода. 2-го мая, когда 2-я дивизия выступила из Линца, головная часть американской армии находилась на расстоянии 30–35 километров от русских частей. Тот факт, что частям вообще удалось добраться до Линца, было заслугой полк. Герре. Он велел взорвать перед наступающей Американской армией несколько десятков мостов. Ген. Трухин это расценивал положительно, несмотря на то, что перемещение производилось против направления Красной армии, наступающей со стороны Вены. Намерением ген. Трухина было во что бы то ни стало соединиться с остальными частями РОА в Австрии, а о решении относительно похода на север, в Чехию, штаб РОА тогда еще не знал.

3-го мая, после трехдневного похода на север и полной неопределенности, ген. Трухин, еще до вступления на территорию Чехии, созвал в австрийском селении Рейнбах совещание командиров и членов штаба. Решение, которое они вынесли, исходило из следующих соображений:

— Первоочередной целью является соединение с 1-й дивизией. Ввиду того, что неизвестно место ее нахождения, соединение может не осуществиться.

— Связи с ген. Власовым не существует. Для осуществления этой связи сегодня вечером на север отбыл ген. Шаповалов.^[171]

— Из создавшегося положения вытекают три возможности: или продвигаться дальше на север; или вернуться обратно в Линц;^[172] или немедленно войти в контакт с Американской армией и, независимо от 1-й дивизии, перевести части за боевую линию.

После короткого совещания, была выбрана третья возможность. На выполнение задания были уполномочены ген. Ассберг и полк. Поздняков.

Полномочие на вступление в переговоры с американцами было дано от имени КОНР и датировано днем 5-ое мая 1945 года:

Генерал майор РОА Ассберг и полковник Поздняков, в сопровождении адъютанта ген. Ассберга, лейтенанта Буткова, переводчицы Смирновой и шофера Гансвола, следуют на территорию союзной Англо-Американской армии с проектом перехода части войск РОА на сторону Союзных армий. Комитет Освобождения Народов России уполномачивает ген. Ассберга и полк. Позднякова войти в контакт и вести переговоры о способе перехода войск РОА на сторону Союзной англо-американской армии. КОНР доводит до сведения, что целью войска РОА не является вооруженный бой против союзных войск, а поэтому ни одна составная часть войск РОА ни при каких обстоятельствах не вступит в какие-либо боевые действия против Англо-Американской армии.

Французский текст подписали следующие лица: Ген. Трухин, как член Президиума Комитета и как заместитель главнокомандующего войск РОА; члены Комитета: ген. Меандров и ген. Боярский, доцент Музыченко и доцент Гречко.

4 мая вечером Ассберг и Поздняков, вместе с сопровождавшими их лицами, выехали из селения Рейнбах в направлении к городам Вишни Брод (нем. Гохенфюрт) и Светлик (нем. Кирхлаг) с таким расчетом, чтобы застигнуть американские части на следующий день утром. Перед г. Светлик они натолкнулись на американский патруль, который отвел их в штаб американской 11-й танковой дивизии в Светлике, к командующему дивизии генералу Г. Е. Дагеру (составная часть XI-го армейского корпуса 3-й армии).

6-го мая в 13.00 часов делегация вернулась с ответом, когда штаб РОА уже находился на территории Чехии в селе Разбоден.^[173] Ответ, составленный также на французском языке, содержит шесть пунктов и к нему приложена карта с обозначением осей перемещения в районы, где войска РОА должны сосредоточиться. Ответ

был подписан в г. Светлик, 6-го мая, в 10 час. 20 мин. Текст ответа следующий:

1. Войска РОА должны немедленно прекратить всякую военную деятельность и освободить всех военнопленных, если таковые у нее имеются.

2. Всё военное снаряжение и вооружение, а также оборудование, средства транспорта и тому подобное, должно быть сохранено в полном порядке.

3. Вышеприведенное снаряжение и вооружение должно быть взято с собой и не должно быть оставленным на месте или переданным немецким частям.

4. Все составные части армии должны сосредоточиться в одном месте, с которого они будут переведены в новый район, согласно обозначениям, нанесенных на картах.

5. Переход в указанный район будет производиться только в дневное время, в одной колонне, с ясными распознавательными знаками.

6. Данные условия являются предварительными и, в случае необходимости, подлежат изменениям со стороны вышестоящих инстанций союзного командования.

Ответ на поставленные условия должен быть вручен в срок до 36-ти часов, начиная с 18.00 часов, 6-го мая 1945-го года.

Во время разговора с русской делегацией, ген. Дагер, согласно докладной полк. Позднякова, выразился в том смысле, что с согласия Штаба 3-й Американской армии, он гарантирует, что части РОА не будут выданы советским органам лишь в течение продолжающейся войны. Вынесение окончательного решения не зависит от военного командования, но предоставлено правительству. Об этом, столь важном обстоятельстве, полк. Поздняков будто бы информировал ген. Трухия и ген. Меандрова. Удивительно, однако, что об этом столь важном условии, выраженном хоть и в устной форме, ни один из обеих генералов никого из своих подчиненных не

информировали. Весьма возможно, что именно это обстоятельство заставило, наконец, ген. Трухина направиться к ген. Власову в Прагу, не сообщив никому о зловещем условии. Считал ли он тяжесть ответственности слишком большой, чтобы самостоятельно выносить решения, или же указанное условие являлось всего лишь фикцией полк. Позднякова.

Однако, шестой пункт американского документа гласил вполне ясно, о сохранении за собой права на изменения в будущем. При столь неясных обстоятельствах во время хаотического завершения войны, каждый включил бы такую оговорку в свое соглашение. Но оговорка могла представлять собой или надежду или угрозу.

Между тем, в частях РОА, разбросанных по территории Чехии, события разворачивались ускоренным темпом. 3-го мая, ген. Шаповалов покинул штаб с намерением разыскать ген. Власова. Он прибыл в городок Немецки Брод на аэродром РОА, откуда, вследствие неполадок в автомашине, продолжал свои поиски дивизии на самолете, вместе с лейт. Бушманном. 4-го мая, как уже было описано, он приземлился близ селения Сухомасты, в районе расположения 1-й дивизии. 5-го мая, 2-я дивизия получила оттуда личное письмо ген. Шаповалова с приказом ген. Власова, немедленно отправиться в Прагу на помощь 1-й дивизии.^[174] Ни генерал Власов, ни ген. Шаповалов, конечно, не знали о том, что начальник штаба ген. Трухин между тем вступил в переговоры с американцами. Согласно первому пункту вышеуказанного ответа генерала Дагера, ему запрещалась какая-либо боевая активность и, кроме того, он должен был отдавать себе отчет в том, что он, собственно, никакими боевыми частями, в полном смысле этого слова, не располагает. Дивизия все еще продолжала быть дивизией, но только по количественному составу солдат, а не по степени вооруженности, а от Праги ее отделяло расстояние около 150 километров.^[175]

История с письмом Шаповалова вовсе не так уж проста. В то время в штабе РОА находился Сергей Фрелих, который встретился с Власовым в Линце около 29-го апреля. Фрелих знал о переговорах с американцами и сам, на ином участке, принимал в них участие.^[176] Согласно его показаниям, начальник штаба 2-й дивизии, ген. Боярский, привез от ген. Власова из Праги следующий устный приказ 2-й дивизии: немедленно выйти в поход к Праге. После передачи приказа, ген. Боярский, согласно показаниям Фрелиха, снова отбыл в Прагу и его возвращение обратно ожидалось три дня.^[177] Этот второй отъезд ген. Боярского подтверждает и Алдан. Согласно его данным, Боярский отбыл в Прагу 5-го мая с намерением отыскать ген. Власова, разъяснить ему положение и привезти от него новые приказы для дальнейшей деятельности.

В обеих версиях, Шаповалова и Боярского, должно быть немало правды и они логично взаимно сходятся. Ген. Трухин в течение всего этого времени был поставлен в положение чрезвычайной напряженности. Почасовой лимит, в размере 36 часов, почти истекал, а части армии в Южной Чехии продолжали стоять в бездействии, ожидая решения.

О событиях в Праге ген. Трухин узнал от местного населения в Южной Чехии. Прослушивание радиосообщений из Праги не давало ясной картины создавшегося положения. 5-го и 6-го мая в одном из городков, наименование которого не приводится, чешские повстанцы предоставили в распоряжение Трухина от 20 до 30 грузовиков для переброски части подразделений в Прагу, но ген. Трухин отклонил это предложение. Этим объясняется, почему первоначально дружелюбное отношение населения Южной Чехии к РОА решительно изменилось.

Свидетельство об изменении отношения представляет также полк. Герре:

Штаб РОА и небольшой штаб немецких офицеров связи сначала помещались в чешских казармах в г. Будейо-

вице, но враждебное отношение местного населения заста- вило оба штаба переместиться на южную окраину города, потом в с. Каплице, а позднее, в город Стракошце. Настроение среди местного населения в Южной Чехии было до того напряженным, что полк. Нерянин должен был приставить к группе немецких офицеров связи личную охрану, численностью в 35 человек и вооруженную автоматами. Полк. Герре называет это положение состоянием мятежа, главным образом, по отношению к чинам немецкой армии. [\[178\]](#)

Усугублению трехсторонних враждебных отношений способствовали также и столкновения подразделений РОА с немецкими частями. На железнодорожной станции в с. Каплице группа РОА освободила транспорт, следова- щий из концентрационного лагеря, в котором находилось 800 человек. В транспорте были русские, поляки, французы и бельгийцы.

В районе г. Тргови Свины произошло столкновение с частями С С, в результате чего были убитые у обеих сторон. В этом месте, 2-я дивизия приобрела дополнительное оружие.

4-го мая штаб армии РОА с ген. Трухиным и штаб связи полк. Герре находились в г. Страконице. Ген. Трухин, находясь в затруднительном положении ввиду почасового лимита, а главное, вследствие неуверенности относительно судьбы нескольких десятков тысяч людей, не хотел брать на себя ответственности за капитуляцию войск РОА, которые согласно планам КОНР, должны быть сохранены. Ген. Трухин намеревался перевести в американский плен не только части, находящиеся в Южной Чехии, но и 1-ую дивизию и Казачий корпус, который в то время уже вошел в подчинение РОА, вследствие чего, Трухин нес ответственность и за судьбу казаков. Поэтому он решил лично отправиться в Прагу к ген. Власову, получить его подпись и вместе с ним скоординировать всю акцию. Об операциях 1-й дивизии в Праге он уже знал и не одобрял их. Под давлением своего второго заместителя, полк. Нерянина, он перед своим отъездом подписал соглашение о переходе войск РОА за

американскую линию, как это было договорено с ген. Дагером. Документ датирован днем 6-го мая и был оформлен в двух экземплярах. Один из них оставил себе полк. Нерянин, второй экземпляр ген. Трухин взял с собой. Ни он, ни кто-либо из вышеуказанных генералов и офицеров, которые делали попытки соединиться с ген. Власовым, в Южную Чехию уже не возвратились.

Их судьба сложилась следующим образом:

Ген. Трухин отбыл в Прагу на автомашине и его сопровождали ген. Шаповалов, адъютант лейт. Ромашкин и шофер. Они приближались к Праге с юго-запада и следовали через места, где уже были явные признаки восстания. После нескольких остановок им удалось добраться до г. Пршибрам, где путь был прегражден революционными отрядами (гардами). Советский парашютист, сброшенный над г. Пршибрам за несколько дней до этого, опознал сидящих в машине. В здании ратуши, куда они были приведены, их ожидал капитан советской армии.^[179] Он выдвинул ящик стола и вынул из него планшет с картой ген. Боярского. После этого, он с иронией сказал: «Вы, наверное, знаете, кому это принадлежало, товарищ Трухин. Вчера мы его повесили».

На следующий день, ген. Шаповалов был расстрелян, а ген. Трухина позднее увезли в Москву. Лейт. Ромашкин, спустя три дня после этого, был освобожден частями 1-й дивизии, отступавшими из Праги.

Срок в 36 часов, данный американским командованием, должен был истечь в 06.00 часов 8-го мая.

В ночь на 8-ое мая полк. Нерянин направил группу из восьми офицеров к американской 11-й танковой дивизии с документом, подписанным ген. Трухиным, и просил о предоставлении дальнейших инструкций относительно перехода. Сопроводительное письмо он подписал лично. В эту ночь произошло то событие, которым заканчивается любая война. В 00.01 час., 9-го мая, Германская армия прекратила все боевые действия и капитулировала.

Ген. Дагер снесся со своим высшим командованием и заявил, что ввиду окончания войны, соглашение подлежит изменениям. Он приказал армии РОА остаться там, где она находится и устно добавил, что в случае какого-либо перемещения части РОА будут, без всякого предварительного предупреждения, подвержены обстрелу и бомбардировке со стороны американцев. [\[180\]](#)

Из дальнейшего хода событий вытекает, что эта угроза была лишь формальной, или кто-то информировал верховное американское командование о фактическом положении дел и разъяснил ему политическую сущность событий в Южной Чехии. Фактом является то, что части РОА под натиском приближающихся авангардов Красной армии начали спонтанно уходить на запад и никто по ним не стрелял и не бомбардировал. В то время за американскую линию ушло такое количество различных частей, что формальная угроза со стороны американцев все равно была бы неосуществимой.

В период бездействия и неопределенности, в Прагу к Власову выехал 8-го мая также Сергей Фрелих. Его сопровождали член штаба майор Сергей Шейко, чех-член повстанческой части и чешский полицейский. В каждой деревне они останавливались и расспрашивали немецкие части о положении дел. Оба чеха входили в дома, где прослушивали сводки чешского радиовещания. Когда группа добралась до штаба 2-й дивизии, разместившегося восточнее от с. Каплице, то там пили коньяк из больших стаканов и забавлялись. Фрелиха они с иронией попросили, чтобы он передал в Праге привет ген. Власову. После этого группа продолжала свой путь на север. Перед г. Табор они остановились около немецкого подразделения и спросили офицера, могут ли они еще проникнуть в Прагу. Последний ответил, что тогда они должны поторопиться, т. к. Красная армия находится лишь в пяти километрах в направлении на восток. Чехи выходили из домов и рассказывали, что согласно радиосводкам, первые советские танки вошли в Прагу. Вследствие этого группа решила не ехать дальше и вернуться в с. Каплице, в штаб 2-й дивизии. По прибытии в штаб, Фрелих отправился к

командиру ген. Звереву, и сообщил ему, что советские танки находятся в 20-ти километрах от этого места и что необходимо дать приказ об отступлении. Пражское радиовещание беспрестанно повторяло сообщение о прибытии советских танков в Прагу.

АМЕРИКАНСКАЯ ДЕМАРКАЦИОННАЯ ЛИНИЯ

(«СТОП-ЛИНИЯ»)

Ввиду того, что последние главы данной книги повествуют о переходе частей РОА в американский плен, а также потому, что наиболее острым остается вопрос, почему некоторые части могли перейти в плен, а иные были на месте выданы Красной армии, необходимо разъяснить это положение на основании американских военных документов.

Принципиально действовал приказ 3-й армии США, переданный XI-м армейским корпусом своим подчиненным дивизиям,^[181] которые почти все действовали на территории Чехии. Этот приказ, в качестве разъяснительной директивы, был потом разработан дивизией между 11-м и 13-м мая. Его первоначальный текст был следующий:

1) Согласно инструкции Верховного командования вы останетесь на нынешних позициях в Чехословакии.

2) Все немецкие части, через расположения которых мы прошли при нашем продвижении к пльзеньской ДЕМАРКАЦИОННОЙ ЛИНИИ до 00.01 час., 9-го мая 1945 г., являются военнопленными и будут эвакуированы в Германию; остальные части или отдельные лица, которые проникли через линию после 00.01 час., 9-го мая 1945 г., будут возвращены на ДЕМАРКАЦИОННУЮ ЛИНИЮ и переданы советской армии. Немецкие гражданские лица, через территорию которых мы во время нашего продвижения прошли, должны быть заставлены оставаться на месте. Немецкие гражданские лица, которые проникли, будут отправлены на ДЕМАРКАЦИОННУЮ ЛИНИЮ и возвращены советской армии.

3) Ген. — полк. Веллер и фельдмаршал Шернер будут выданы советскому верховному командованию...

В приказе содержится всего 8 пунктов, повествующих обо всем возможном, только не о том, что помимо немецкой армии, в этом районе были армии иных народов, к которым пункты Ялтинского соглашения ни в коем случае не относятся, но это пока что никого не интересовало. Приказ решал положение лишь в общих чертах. В район 11-й танковой дивизии США отступили части 25-й Grenadierdivision der Waffen SS «Hunyadi» (венгерская 1-я добровольческая дивизия). Они не были немцами по национальности и не носили немецкой формы. Также и РОА не являлись ни в правовом, ни в формальном отношении немецкой армией. Командиры американских дивизий и полков были этим приказом поставлены перед проблемой, к которой они не были подготовлены. В общей сложности, за ДЕМАРКАЦИОННУЮ ЛИНИЮ отступило, или даже перешло на территории XII-го армейского корпуса, приблизительно 50 различных дивизий (некоторые были дивизиями уже только по своему наименованию), а также неопределенное количество беженцев. В этом хаосе американские командиры помогали себе простым способом: старались их не замечать, поскольку это было возможным. Кроме того, через ДЕМАРКАЦИОННУЮ ЛИНИЮ перешла и Красная армия и не хотела возвращаться обратно.

Американская военная документация разделяет части в общих чертах на: категорию «русские» — т. е. Красная армия категорию «белые русские» — под этим подразумевается РОА или власовцы и, наконец, категория ДиПи — перемещенные лица, т. е. беженцы, а в эту категорию мог быть включен кто-угодно. Очень редко встречаются цифровые данные согласно национальности.

Личные точки зрения верховных командиров содержатся в записях их разговоров, которые были перепечатаны в машинописи и я привожу из них нижеследующую часть:

#

Ген. Ирвин (Майор-ген. С. Ле Рой Ирвин, командир 5-й пехотной дивизии): Есть что-нибудь нового относительно русских Ди-Пи?

Ген. Гей (Майор-ген. Г. Р. Гей, начальник штаба 3-й армии): Нет, они будут только лишь удерживаться на месте, подготовленные для того, чтобы они могли быть выданы русским.

Ген. Ирвия: Могу я как-нибудь вести переговоры (в английском тексте употреблен глагол «диккер», т. е. заключать сделку) об их выдаче?

Ген. Гей: Да.

Ген. Ирвин: Может быть мне совсем не посчастливиться, но это было бы здорово, избавиться от них всех сразу. Русские расстреливают всех власовцев (в англ. тексте «белых русских») и СС. Не будет с ними никаких хлопот.

Ген. Гей: Нет, я думаю, что вам не следует причинять себе с этим никаких забот... указания для военного управления были разработаны для Германии и не распространяются на Чехословакию. В Чехословакии вы имеете правомочие принимать решения на месте.

Ген. Ирвин: Ладно. [\[182\]](#)

Рапорт офицера связи 26-й дивизии XII-го армейского корпуса Г-3, 12-го мая 1945-го года.

1) Для оставшихся частей дивизия предлагает следующее:

а) Всех немцев (за исключением власовцев — белых русских) отпустить в массовом порядке, чем нам пытаться выдать их русским.

б) Что касается власовцев, то дивизия верит, что наилучшим путем для их выдачи будет дать возможность русским продвинуться и окружить район с власовцами, а затем стянуть американские части, чтобы избежать любых потерь среди американского персонала. [\[183\]](#)

Приведенные цитаты из американской документации, безусловно, помогут читателю понять положение, описываемое в данной и последующих главах.

СУДЬБА ЮЖНОЙ ГРУППЫ РОА

С 8-го мая командующим офицером всей южной группы РОА стал заместитель начальника штаба полк. Нерянин.^[184] Положение в Южной Чехии сделалось угрожающим. Дальше всего на восток, в район северовосточнее от селения Каплице и вплоть до гор. Тршебонь, были выдвинуты части 2-й дивизии и Запасной бригады. Штаб 2-й дивизии помещался в зданиях поместья, находящегося в нескольких километрах восточнее Каплиц, а штаб немецких офицеров связи — в селе Сухдол. От местного населения они узнали, что советские части находятся уже приблизительно в 40-50-ти километрах на восток от селения.

В силу такого положения, полк, Нерянин решил игнорировать приказ американцев и рано утром 9-го мая дал приказ всем частям отойти на запад, следуя по одной походной оси Каплице—Крумлов.

Начальник Офицерского училища, ген. Меандров, был с этим решением согласен и Офицерское училище, а также офицерский резервный полк, покинули в 13.00 ч. селения Нетршебице и Разбоден и также направились в гор. Крумлов. В Крумлове они были остановлены. Комендант города и командир 104-го американского пехотного полка 26-й пехотной дивизии отвел им городской парк в Крумлове, где они оставались в течение 36 часов, а утром, 11-го мая, переместились в село Кладенске Ровне, находящееся в пяти километрах на юго-запад от Крумлова. Переход на американскую сторону был произведен в полном порядке, с оружием, без особых потерь и в тех частях, которые запоздали.

На американскую сторону перешла также Запасная бригада. В ее составе было на 5-е мая 2.000 бойцов. Согласно приказу полк. Нерянина, она 8-го мая также вышла в поход на запад и 10-го мая дошла до района Фримбурк, где натолкнулась на американские части и была остановлена. До этого места дошло приблизительно 1.500 бойцов.^[185] На долю данного подразделения выпала

самая счастливая судьба из всех частей РОА. Американский командир, вопреки действующим приказам, дал небольшим группам возможность перейти через американскую линию, выдал им сопроводительные документы и, благодаря этому, приблизительно 800 человек добралось даже вплоть до Мюнхена.

По мере того как части постепенно прибывали в Крумлов, у них появлялась надежда, что пока-что они находятся вне досягаемости Красной армии. Гарантии же о том, что они не будут выданы Советам им никто не давал. Ввиду отсутствия ген. Трухина и всех остальных генералов, которые почти все до единого уехали на север для получения подтверждения от главнокомандующего ген. Власова на поход южной группы, инициативу перенял на себя ген. Меандров, и руководимый чувством ответственности, обратился вместе с полк. Неряниным, к полк. Герре с просьбой оказать последнюю услугу в интересах РОА: «Андрей Федорович, да сохранит вас Господь! Все наши надежды будут сопровождать вас. Может быть вам посчастливится найти ген. Кестринга, которому удалось бы воспрепятствовать нашей выдачи Сталину». Генерал Меандров верил, что ген. Кестринг является единственным человеком, который еще может принять меры в пользу РОА. Вечером 8-го мая полк. Герре покинул Крумлов с двумя автомашинами. Во второй машине следовали ген. Ассберг и полк. Поздняков с женой, которая должна была служить переводчицей во время их разговора.

Через несколько километров их остановил американский патруль и не разрешил им следовать дальше. Лишь только утром, после смены патруля, полк. Герре обратился к нему с просьбой разрешить следовать дальше, т. к. русский генерал, сидящий в машине, должен прибыть в комендатуру своего корпуса. Американский солдат был крайне этим удивлен и показал себя хорошо информированным: «О, русский генерал? Ради Бога, поезжайте вперед!». Таким образом полк. Герре, вместе с сопровождавшими его лицами, наконец, добрался до ближайшей главной комендатуры (в рукописи, в первый

раз, приводится корпус, а во второй раз, дивизия, поэтому установить наименование части и имена отдельных лиц, невозможно) и там просил о разрешении продолжать свой путь к ген. Кестрингу. В помещении, в котором происходил разговор, уже сидел советский офицер. Когда появился ген. Асс-берг, то советский офицер подошел к нему и плюнул на его пальто, процедив сквозь зубы: «Мы знакомы!». Американский генерал обратил внимание на происшедший инцидент и в острой форме выпроводил советского офицера из помещения сказав, что на территории, занимаемой Американской армией, следует вести себя прилично. Этот генерал хотел помочь полк. Герре, положение РОА понимал, но не считал себя вправе что-либо решать и поэтому письменного разрешения на продление дальнейшего пути не дал. Даже ген. Неринг, командир немецкой 1-й танковой армии, которая уже находилась за американской демаркационной линией, не мог или не хотел выдать такого разрешения. Вследствие этого ген. Ассберг и сопровождавшие его лица вынуждены были вернуться в Крумлов.

К продолжению пути без разрешения приступил полк. Герре сам вместе со своим сержантом, отправившись пешком к ген. Кестрингу, предполагая, что он будет находиться в своем имении Бихлгоф близ г. Маркварнгейн. Их путь длился 12 дней и, пройдя свыше 300 километров, блуждая с различными приключениями по территории, занятой двумя армиями, они 20-го мая, наконец, добрались до ген. Кестринга. Герре сообщил своему генералу о положении частей РОА в Южной Чехии. Его миссия, однако, уже с самого начала не имела надежды на успех, т. к. после ухода частей из учебных лагерей в Мюнсин-гене и Хойберге, ген. Кестринг уже фактически не имел возможности оказать влияния на судьбу РОА и предотвратить ее выдачу Советам. В тот же день вечером они оба были арестованы американским патрулем.

Так закончилась деятельность полковника Генерального штаба Гайнца Данко Герре, который в

организационном отношении в наибольшей мере способствовал существованию РОА.

Особенно трагичный конец постиг 2-ю дивизию, командир которой ген. Зверев, в последнюю минуту не выдержал. [186] Я должен предпослать оговорку о том, что 2-я дивизия, несмотря на недостаточность вооруженности, была единственным подразделением во всей южной группе способным выполнить какое-либо боевое задание. Из состава всей южной группы она была выдвинута дальше всех на северо-восток. Почему она выполнила немецкий приказ выдвинуться так далеко, остается под вопросом. Соответственно общему положению вначале мая 1945-го года, 2-ая дивизия, как наиболее многочисленное подразделение всей южной группы, должна была быть перемещенной как можно дальше на запад, что, впрочем, было действительным приказом и для всей группы. Вполне очевидно, что часть ответственности за ее печальный конец лежит и на штабе РОА, несмотря на то, что он прилагал все усилия исправить положение.

6-го мая ген. Зверев получил приказ от ген. Трухина переместить дивизию в район штаба и Офицерского училища. 7-го мая, этот приказ подтвердил и снова повторил полк. Нерянин. 8-го мая, когда в присутствии ген. Трухина было принято решение перейти на американскую сторону, ген. Зверев был в штабе армии. 8-го мая, в 18.00 час., снова был дан приказ к перемещению и даны все подробности. В штаб дивизии он был доставлен в 20.00 часов, 9-го мая, в 04.00 час., в дивизию был направлен офицер штаба армии, майор Сергей Шейко. Дивизия должна была немедленно приступить к перемещению. Однако, к нему было приступлено лишь 10-го мая, в 03.00 час., по приказу начальника штаба дивизии ген. Богданова.

8-го мая, когда ОКВ объявило о прекращении военных действий на всех участках фронта с 00.01 час. 9-го мая, штаб немецких офицеров связи 2-й дивизии все еще находился в селе Сухдол. Майор Кейлинг получил приказ отойти вместе со штабом и со всеми офицерами связи, прикомандированными к русским полкам, по оси Крумлов

— Вегсшид—Пассау, на территорию, оккупированную Американской армией. Единственное, что майор Кейлинг еще мог сделать для 2-й дивизии, было заставить ген. Зверева отдать приказ к отступлению за демаркационную линию. Согласно описаниям очевидцев, силы Зверева иссякли. Разочарования последних лет и то, что сопровождавшая его жена покончила самоубийством, приняв яд и теперь умирала, лишили его какой бы то ни было воли принять решение как в интересах дивизии, так и спасения собственной жизни. Единственное, о чем он просил майора Кейлинга было: «Дайте мне оружие, оружие...».

Вскоре после этого его жена скончалась и ген. Зверев уже не желал дальше отступать. Даже под давлением американского патруля, который проник в его штаб, он отказался отступить и будто бы велел расстрелять отдельных членов органов СС, которые, будучи уже обезоруженными, отступали через его территорию. Вплоть до того момента, когда появился первый, выдвинутый вперед советский патруль 297-й стрелковой дивизии, с ним оставалась лишь его личная охрана. Произошла перестрелка и ген. Зверев, будучи раненым, был взят в плен.

Начальник штаба дивизии, ген. майор Богданов, после отдачи приказа об отступлении, уехал в штаб РОА в Страконицах. В ту же ночь он покинул штаб и на собственный риск перешел в Баварию, где его след потерялся. Это был единственный генерал РОА, которому удалось спастись хотя бы от того, чтобы не быть судимым в Москве.

Полк. Нерянин пишет, что по приказу части Красной армии могли дойти лишь до определенного района и что никаких столкновений с частями 2-й дивизии не произошло. Тогда абсурдным является его сообщение, что 10-го мая в плен Красной армии попали весь второй полк дивизии, части снабжения, дивизионная кавалерийская часть, а также части остальных полков и отдельных батальонов.

Майор Кейлинг прибыл в Крумлов утром 9-го мая ожидая там прибытие подразделений 2-й дивизии. Однако пришла лишь часть 1-го полка, приблизительно 700 бойцов, которые отступали без приказа. К вечеру Кейлинг был в Страконицах, где доложил в штабе о положении 2-й дивизии.

11-го мая части 75-го корпуса Красной армии заняли район, находящийся на восток от селения Каплице. Из состава самого штаба дивизии, помимо Богданова, спасся лишь один кап. Твардиевич.

О том, что произошло в районах с. Каплице и г. Крумлов после 11-го мая, из доступных нам источников ничего неизвестно. Из общего состава, численностью в 16.000 бойцов, которым дивизия располагала на 8-е мая, в американский плен перешло лишь 3.000. Из общего состава всей южной группы, численностью в 25.000 бойцов спаслось лишь 7.200 человек.

12-го мая, кога часть штаба и Офицерское училище разместились близ села Кладенске Ровне, к ним дошли остатки дивизии, численностью приблизительно в 2.200 бойцов.

Положение частей РОА 12-го мая, все еще находившихся в американском плену в лагерях западнее г. Крумлов, как оно представлялось американскому офицеру связи XII-го корпуса таково:[\[187\]](#)

Е. Сообщение о тревоге среди власовцев (белых русских), основанное на страхе, что они будут выданы Красной армии, мне представляются плодом фантазии, не обоснованным по сравнению с действительной опасностью. Я посетил их лагерь, расположенный на юго-запад от гор. Крумлова (в сообщении приводится наименование ЦЪЕ- ЦЕ БОЙЕ. Мне не удалось найти на карте селения с таким наименованием — прим. автора). Лагерь выглядит спокойно, совсем как идиллическая сельская сцена. Я его спросил (без указания имени, судя по взаимосвязи, подразумевается ген. Меандров — прим. автора), имеются ли у него какие-либо проблемы; он ответил отрицательно. Он заявил, что его единственным

требованием является, чтобы части не были выданы Красной армии. Он говорил спокойно, без какого-либо намека на истеричность в голосе. Он сказал, что запасов у него имеется на 3–4 дня. Его требованием в настоящее время является немедленное предоставление хлеба и корма для коней (части в лагере состояли из штаба генерала Власова, 2-й дивизии РОА саперного батальона, Офицерского училища, вместе с разными штабными частями).

В этом месте ген. Меандрова посетила группа офицеров НКВД, получившая на это разрешение от Американской армии. Меандров их принял в своей палатке. Когда гости изложили свои предложения, генерал Меандров им ответил словами: «Мы к вам никогда не вернемся...» и доводы для обоснования этого решения были произнесены с такой решимостью и с такой убедительностью в своей правоте, что никто из советских офицеров ничего не ответил и все они молча удалились. Свидетель этой сцены живо вспоминает об ужасе, который отразился в глазах трех автоматчиков, сопровождавших офицеров НКВД. С ненавистью и со страхом, конечно, они часто встречались. Но с такой решительностью, наверное, очень редко. [\[188\]](#)

Слова ген. Меандрова стали лозунгом следующей волны эмиграции из Советского Союза, «невозвращенцев». Меандров со всей решительностью боролся против насильственной высылки бывших граждан Советского Союза. В плену он пытался покончить жизнь самоубийством, но после излечения, все же был выдан вместе с ген. Ассберг-гом в апреле 1946-го года и был казнен. Его завет: «Мы к вам никогда не вернемся!» живет в решении многих сотен тысяч людей!

Из этих обломков в американском плену образовалась так наз. «Группа войск РОА ген. Меандрова». Меандров остался верховным командующим офицером, а начальником его штаба стал полк. Нерянин. За исключением Казачьего корпуса, это была наиболее многочисленная часть в американском плену. 28-го мая ее перевели в лагерь для военнопленных в Ландау, в Баварии,

а позднее, разделили по разным лагерям для военнопленных в Германии. Позднее, большинство из них было насильственно репатриировано в Советский Союз. [189]

Таковым был трагичный конец так называемой «Южной группы».

Авиачасть ген. Мальцева, которая была наиболее выдвинутой на запад, покинула Карловы Вары и Хеб и в конце апреля с помощью немецких посредников, вошла в контакт с командиром 2-го американского танкового корпуса ген. Кеннеди. Этот генерал, на собственную ответственность, принял в американский плен подразделения ген. Мальцева, которые сложили оружие в лагере Мюнсинген. Но и они, включая ген. Мальцева, в большинстве своем, были позднее насильственно репатриированы в Советский Союз.

В заключение еще необходимо упомянуть о трагичной судьбе Казачьего корпуса, который участвовал в боях почти с самого начала войны, сперва в меньших частях, а позднее, в составе Корпуса. Под конец войны, когда он оторвался от боев в Хорватии его численный состав был от 40 до 45.000 бойцов. В Италии, в районе гор. Толмеццо, стояла «Домановская дивизия», насчитывающая в боевом составе 12.000 человек. Обе группы бойцов сопровождалась членами семейств и, таким образом, их общая численность достигала 60–65.000 человек. Это была последняя возможность в истории, когда казаки и их боевой дух могли свободно проявить себя и заблестеть как закатывающаяся звезда на горизонте угасающих казацких традиций. В хаотическом завершении войны, лишь одно это казачье войско до последней минуты сохранило свою целостность. Казаки предпочли умереть, скорее, от собственного оружия, чем дать себя уволочь в Советский Союз.

В свете вновь опубликованных документов, наверное, возникнет необходимость произвести переоценку роли партизанских боев в Югославии, которая не была столь однозначной, как ее официальная история представила

мировой общественности. Допустим, что Советский Союз и добился каких-то больших международных успехов вследствие победного завершения Второй мировой войны, но внутривнутриполитической жизни России он достиг наибольшего успеха путем окончательной и всеобъемлющей ликвидации всей националистической оппозиции. Ее составной частью была также и гибель казаков. [\[190\]](#)

XIII

Отступление из Праги и путь к гибели

1-я дивизия отступала из Праги как с поля проигранной битвы, несмотря на то, что в течение двух последних дней она установила контроль над большей частью города. Внутренне надломленные и лишенные последней надежды, войска уходили из Праги навстречу своему неизвестному будущему. Целью был американский плен, но и относительно этого у большинства офицеров были свои сомнения. После разочарования в Праге дивизия не верила больше ничему. Во время боев в городе, некоторые чешские солдаты их предупреждали, что их ожидает неопределенное будущее. Но безгранично верили геи. Власову и на все у них был один ответ: «Андрей Андреевич все устроит!».

8-го и 9-го май части возвращались в районы своего расквартирования вокруг селения Сухомасты. Они были сильно изнуренными, поэтому обратный путь длился гораздо дольше, чем быстрый поход к Праге. С другой же стороны, некоторые части войск захватили в Праге пожарные автомашины с предприятий и, брошенные немецкой армией автомашины и поэтому опередили остальных. Вследствие этого, потребовался промежуток времени около двух дней, прежде чем дивизия могла полностью сосредоточиться в селе Сухомасты.

Части, наиболее выдвинутые на север, часть пути прошли по шоссейной магистрали Прага—Бероун вместе с немецкими вооруженными частями, оставившими тяжелые орудия на окраинах Праги и отступавших на запад лишь с ручным оружием и с жаждой в сердце поскорее оказаться за американской демаркационной линией. Созерцать разбитую и отступающую армию, — переживание, о котором невозможно забыть. Большинство немецких групп во время этого последнего отступления в ходе Второй мировой войны охраняло военный характер. Автомашины с ранеными, без пневматических шин, медленно следовали вместе с пехотными частями. Я вспоминаю о группе немецких генералов, у которых остались лишь чувство гордости, монокль в глазу и перчатки за поясом.

Население, переживающее дни своей победы, никогда не проявляло широкой гуманности по отношению к побежденной армии, особенно в тех случаях, если побежденная армия символизирует утрату независимости и годы притеснения. Так это происходило и в те памятные майские дни. Части 1-й дивизии, которые отступали среди немецких частей, провожалось населением с благодарностью, но уже без того воодушевления, как 6-го мая, когда дивизия пришла им на помощь. Ядро дивизии отступало самостоятельно, следуя через селения Модржина, Будняны, Корно и Сухомасты. На этом пути, за исключением отдельных лиц или небольших групп, немецких частей не было. Некоторые группы во время похода отступали еще дальше на юго-восток. Штабу немецких офицеров связи, еще в Сухомастах, было возвращено оружие и дана свобода действий; с этого момента, их судьба стала общей.

В дивизии было известно, что целью отступления был город «Пилсен». О том, что их ждет в будущем, никто не знал, да и не мог знать. Когда я в Желковицах покидал дивизию и пришел проститься с командиром 2-го полка подполк. Артемьевым, он мне сказал по-русски: «От одного пса вы как раз избавились, но второй вам прыгнул на шею». Так в то время думали и говорили в дивизии, которая осталась в полном одиночестве во враждебном мире. Должен сознаться, что всю глубину слов Артемьева я осознал лишь позднее.

9-го мая командир дивизии дал особый приказ о прекращении всех вооруженных действий против немецкой армии.

Путь отступления проходил, далее, через города Лоховице—Йинце—Пршибрам—Рожмитал. С этого места дивизия продолжала следовать по менее оживленной дороге, проходящей вблизи Брдских лесов, чтобы избежать встречи с частями СС, которые в то время находились в районе Милина. Несмотря на это, авангард несколько раз сталкивался с отступающими немецкими частями. Более крупное столкновение с отступающей группой частей СС произошло утром 10-го мая около г.

Рожмитал. Во всех остальных случаях были слышны лишь отдельные выстрелы и немецкие части освобождали путь. Переход происходил по территории, которая еще никому не принадлежала. До сих пор, здесь не было ни Американской, ни Красной армий.

В качестве последнего, в походной колонне отступал 4-й полк, а 2-ой батальон, частично моторизованный, следовал в качестве арьергарда. Во время отступления, 4-й полк несколько раз наталкивался на небольшие группы Красной армии. Иногда советские офицеры угрожали им, что скоро расправятся с «предателями родины». Но вооруженных столкновений ни разу не происходило. Обычно это были небольшие группы солдат на информационных и разведывательных заданиях.

Население провинциальных городов и селений, через которые проходила дивизия, не проявляло такого же дружелюбия, как население Праги. Контроль над ними был у вооруженных групп, выдающих себя за «партизан». В тех местах, где они не были непосредственно под контролем советских парашютистов, наличие всевозможных красных обозначений ясно подсказывало, кто ими командовал. В силу этих обстоятельств ген. Буняченко перестал себя чувствовать в безопасности. Теперь он пользовался, вместо командирской машины, незаметной машиной марки Опель-Кадет и сидел на заднее сидение, скрываясь за картонными коробками. Его опасения оказались обоснованными. Об этом свидетельствует следующее происшествие. [\[191\]](#)

Когда дивизия проходила через одно из сел, то староста села пригласил командира дивизии и его штаб на празднование в ознаменование совместной победы в Праге, прося их прийти хотя бы на минутку, насколько это им позволяет время. Буняченко и Николаев отказались. Им это показалось подозрительным. Однако, некоторые из офицеров полка приглашение приняли. О том, что там произошло, штаб дивизии узнал позднее от одного из офицеров, которому удалось спастись. После сердечной встречи и угощения, дом, в котором происходило празднество, был окружен красными партизанами, а

офицеры были обезоружены и арестованы. Об их дальнейшей судьбе ничего неизвестно.

Часть дивизии проходила через г. Пршибрам. Капитан 3-го полка, Будератский, в поисках на окраине города бензина забрел во внутренний двор городской тюрьмы. Из одного из зарешетчатых окон он услышал призывы о помощи на русском языке. Капитан вернулся с подкреплением и, угрожая применить силу, проник в здание тюрьмы и освободил заключенных. Ими были лейт. Ромашкин, адъютант ген. Трухина, и еще несколько шоферов автомашин. Сведений о том, где в то время находилась партизанская бригада «Смерть фашизму», которая, будто бы, господствовала над гор. Пршибрам и уничтожала СС-дивизию, автор книги «Майское восстание 1945 года» И. Долежал не приводит. От освобожденных заключенных Буняченко узнал о судьбе генералов, которые находились в пути к ген. Власову в Прагу. В общей сложности, в Пршибраме были захвачены в плен генералы Трухин, Шаповалов и Боярский. Согласно неподтвержденным данным, одинаковая судьба постигла в Пршибраме ген. И. А. Благовещенского; однако, подробности этого неизвестны.

10-го мая после полудня походная колонна приостановилась. Когда остановка длилась слишком долго, подполк. Николаев и майор Швеннингер обогнали всю походную колонну, доехав вплоть до головной части. Там они увидели командира разведывательного дивизиона, который при помощи чешского переводчика, договаривался с американским капитаном, занявшим со своим подразделением временную демаркационную линию на данной дороге. Это была выдвинутая вперед часть 4-й танковой дивизии 3-й Американской армии. Николаев старался объяснить ему, так же как перед этим и командир разведывательного дивизиона, что его дивизия намеревается дойти до района своего расквартирования, находящегося в 15-ти километрах западнее демаркационной линии. Однако, американец не мог прийти в себя от удивления и наконец заявил: «Как это так, что вы не знаете, что маршал Сталин еще вчера

объявил конец войны и прекращение всех военных действий? Почему же вы продвигаетесь с дивизией еще дальше?». Наконец, после безрезультатных переговоров, американский капитан соединился по-радио со своим начальником и сообщил Николаеву, что американский генерал согласен, чтобы дивизия дошла до назначенного района. Одновременно, он передал приглашение американского генерала командиру дивизии прибыть на следующий день на завтрак к 11.00 часам. В том критическом положении, в котором находилась дивизия, эта первая встреча с американцами приобрела комический характер. Например, чешский переводчик обращал внимание американского капитана на то, что в группе имеется и немецкий офицер. Но ему это было совершенно безразлично. Когда майор Швеннингер ему подтвердил, что он действительно является немецким офицером и что он за всеми их предшествовавшими переговорами наблюдал, то удивлению капитана не было предела. Однако, он представил майора Швеннингера другому американскому офицеру со словами: «Это один из офицеров нашего великого русского союзника. Можете ему пожать руку». После этого, положение уже стало совсем ясным. Явно, что американский капитан ничего не слышал о существовании Власовской армии, ее форма ему ничего не говорила, положение дел он не понимал, а людей, с которыми он только что вел переговоры, он принимал за бойцов, выдвинутых вперед частей Красной армии.

Я потому так подробно останавливаюсь на описании этого эпизода, что он был типичным для всего того, что в последующие дни, а потом и месяцы, вплоть до 1946-го года, происходило в лагерях для военнопленных. Американцы отличались просто полным незнанием отношений и абсолютным непониманием всего положения. Недоразумение при первой встрече, было выяснено позже, но завтрак на следующий день так и не состоялся. Добравшись до назначенного района, дивизия теперь была за демаркационной линией и, таким образом в сравнительной безопасности. После полудня и вечером 10-го мая дивизия разместилась в районах селений Сахров,

Летице и Пршедмирж. Командный состав расположился в селе Гвождяны. Общая численность дивизии все еще составляла 20.000 бойцов.

Между тем Красная армия не оставалась в Праге в полном составе, чтобы наслаждаться славой победителя. Ее части получили дальнейшее, в основном политическое, задание: ликвидировать остатки 1-й дивизии РОА и воспрепятствовать их переходу на американскую сторону. О том, что после этого произошло, мы узнаем из весьма схематичного отображения событий в записи командира 25-го танкового корпуса Красной армии, ген. — лейт. Е. Фоминых.^[192] Эта запись служила до сих пор для всех авторов статей об РОА в качестве одного из курьезных источников, повествующих о взятии в плен ген. Власова. Статья Фоминых, естественно ставшая темой полемик в эмигрантской русской прессе, была, само собой разумеется, написана в духе, типичным для советской публикации. Так как мне не удалось найти более подходящего источника, я использую информации ген. Фоминых, оставляя стиль его идеологического разглагольствования.

25-й танковый корпус был одной из передовых частей Красной армии в боях за овладение Берлином, после чего приняла участие в наступлении на Прагу. Точно неизвестно где и когда в ходе этого продвижения корпус получив новое, самостоятельное задание, был выделен из состава армии для продвижения на юго-запад, где он должен был войти в контакт с американскими войсками. Это задание для своей части приводит ген. Фоминых. Однако из дальнейшего описания вытекает, что у него были еще и другие задания.

С шоссейной магистрали Прага—Пльзень мы свернули на юг, в леса. 11-го мая утром мы дошли до реки У с лавы, где встретились с союзниками. Мы перешли реку и сосредоточились в районе гор. Непомук. Когда я встретился с командиром американского корпуса (XII-й Ю.С. армейский корпус США, но это могла быть лишь дивизия — прим. автора), я предложил ему разоружить остатки фашистских войск и бандитов-власовцев,

которые, будучи до сих пор вооруженными, блуждали по лесам.

«Мой дорогой гость», — ответил американец, — «мы оба солдаты. Политикой пусть интересуется тот, кому следует. О вашем прощении я уведомлю своего командира».

О власовцах, и тем более, о самом Власове, американец не хотел даже и слышать. Не оставалось ничего иного, как действовать на собственный риск и Власова вскоре привели в мой штаб.

Из описания ген. Фоминых вытекает, что местом, где его корпус свернул на юг в леса, мог быть лишь город Здице. Оттуда корпус продолжал следовать по оси Лоховице—Йинце—Пршибрам—Рожмитал, что являлось точной осью отступления 1-й дивизии. Из этого следует, что интерес Фоминых вовсе не состоял лишь в том, что нанести официальный визит американскому командиру. Его задание было ясным — захватить 1-ую дивизию полностью, вместе с ген. Власовым, о котором предполагалось, что он передвигается вместе со своими частями, и захватить, как можно скорее, пока он не успеет перейти демаркационную линию. В информационном отношении вся эта акция была хорошо подготовлена, если судить по способу ее осуществления. Из иных источников известно, что в направлении Прага—Пльзень, в первые майские дни были сброшены советские парашютисты, несмотря на то, что в то время у них не было никаких боевых заданий в данном районе. Очевидно, они должны были следить за продвижением западных союзников и, в частности, были предназначены для оказания помощи при выполнении крайне деликатного задания, т. е. ликвидации РОА, как можно скорее и как можно быстрее. Задание было выполнено образцово. 25-му танковому корпусу не нужно было выискивать 1-ую дивизию. По всей вероятности, он был информирован парашютистами о ее передвижении и поэтому шел наверняка. Выбор такого сильного подразделения против одной пехотной дивизии свидетельствует о том, что в случае вооруженного сопротивления, дивизию предполагалось уничтожить

такой силой, которая надежно гарантировала бы полный успех. [\[193\]](#)

Ход событий был быстрым и драматичным. Если проследить отступление 1-й дивизии и, одновременно с этим, наступление 25-го танкового корпуса и занести все это положение на карту, то мы получим ключ к разрешению событий, которые произошли в последующие дни. (См. карту № 4).

— 10-го мая вечером дивизия находится в районе гор. Гвождяны.

— 11-го мая 25-й танковый корпус переходит реку Усла-ву и занимает район гор. Непомуки. Это означает, что он обошел 1-ую дивизию с юга и отрезал ей путь отступления на запад.

— В тот же день, под натиском части 25-го танкового корпуса со стороны Рожмитала, уже разоруженная дивизия вынуждена переместиться в район селения Лнарже, на территорию между Американской и Советской армиями. Она не стоит за демаркационной линией, лишь находится под охраной Американской армии

и ожидает решения своей судьбы.

— Дивизия, таким образом, фактически оказалась в окружении. Если судить по карте, то оставался лишь один путь отступления, на северо-запад, через селения Брды — Лнарже—Смолинец—Мировице. Если же 25-й танковый корпус размещался в районе гор. Непомуки, то и этот путь должен быть под его контролем.

В силу этого обстоятельства судьба 1-й дивизии была решена.

ПОЛОЖЕНИЕ В РАЙОНЕ СЕЛЕНИЯ ЛНАРЖЕ

Положение в районе селения Лнарже осложнялось тем, что оно приобрело скорее политический, чем военный характер. Дело касалось «русского вопроса» — наличия двух политически различно мотивированных армий из Советского Союза. Американская армия остановилась на этом участке тоже по политическим соображениям. Они исходили из кругов верховного командования обеих сторон, как американской, так и советской, а политическую мотивировку в американских частях, конечно, мы не найдем. Они тогда находились на вражеской территории. Интересно проследить, как эта очная ставка разворачивалась и как на это смотрели штабные офицеры и генералы Американской армии на уровне дивизии.

В районе, где происходили события, описываемые в данной книге, Американская армия должна была дойти до линии Пльзень—Ческе Будейовице. Этой линией являлась шоссейная магистраль Пльзень—Непомук—Лнарже — Блатна—Писек—Ческе Будейовице. До этой линии Американская армия дошла без особых происшествий, добравшись до нас раньше, чем Красная армия. При таком положении она направила на северо-запад небольшие передовые части, что с военной точки зрения является вполне обоснованным, которые в основном заняли параллельную магистраль Рокицаны—Бржезнице—Миротице. На этих передовых позициях произошла первая встреча с 1-й дивизией РОА и с Корпусом Фоминых. Район, в котором произошли описываемые в книге события, был занят 90-й пехотной дивизией США. В ходе дней 5-го и 6-го мая, когда все еще была возможность дальнейшего продвижения американских частей по направлению к Праге, — на что рассчитывали командующий 3-й Американской армией ген. Паттон, — в район 90-й дивизии была включена 4-я танковая дивизия США, которая пополнив частями своих подразделений 90-

ую дивизию, была готова выйти с передовых позиций по направлению к Праге. Как известно, этого не произошло.

Это объясняется тем, что в районе, занятом первоначально лишь пехотной дивизией, появилось столь большое количество танков, что вместе с 90-й дивизией они заняли всю демаркационную линию, т. е. магистраль Непомук—Лнарже—Блатна. В центре этого района и на его центральном коммуникационном пути находится селение

Лнарже, центр описываемых событий, занятое с 11-го мая

I-й дивизией, а его западная окраина — дозорами 358-го пехотного полка 90-й дивизии.

Остается лишь добавить, что замысел ген. Паттона о походе на Прагу по побочной коммуникационной линии, исходил из того предположения, что центральная магистраль Прага—Бероун—Пльзень будет запружена отступающими немецкими частями и беженцами, что будет невозможным для быстрого продвижения вперед. Такой опыт американские командиры приобрели в ходе следования через Западную Европу. Был ли этот опыт учтен и для направления к Праге, не заверено документами. Это является лишь дедукцией автора данной книги.

Из документации 90-й дивизии я привожу следующие данные:

Встреча Фоминых с американскими командирами записана в дневнике офицера-корреспондента, Г-2, с датой

II-го мая, в 22 час. 25 мин., и текст ее следующий: «11-го мая в 16.00 час. в комендатуре дивизии состоялась официальная встреча командующих генералов: XII-го корпуса, 90-й пехотной дивизии, 4-й танковой дивизии и членов их штабов с генерал-майором Е. И. Фоминых, командующим генералом танкового корпуса „Фоминых“ полк. П. М. Елисеевым, заместителем командира корпуса, и полк. Зубковым, начальником штаба. Встреча прошла в

сердечной обстановке, с обеих сторон, как американской, так и русской.»

Следующая запись от 12-го мая, 06 час. 15 мин., короткая и в ней сообщается, что в районах 357-го, 358-го и 359-го полков «все было спокойно в течение ночи». 358-й пехотный полк стоял непосредственно на западной окраине селения Лнарже, но достоверность этой записи является весьма спорной.

Офицер-корреспондент дивизии впервые принял во внимание наличие 20-тысячной дивизии, которая с 10-го мая после полудня, т. е. уже третий день, стояла против 358-го полка. Среди маловажных сообщений, как например, о ремонте двигателя на джипе и о теплой и солнечной погоде, говорится, что из 358-го полка поступило сведение, что на мотоциклете приехал русский человек, воевавший на немецкой стороне с известием, что в двух километрах на северо-восток от проходного пункта № 153, находится от 2.000 до 4.000 солдат. 358-й полк их остановил.

В 13 час. 50 мин., из 358-го полка снова поступило сообщение о том, что «белые русские» отесняются в район перед 3-м батальоном, на координату 3818 (т. е. приблизительно в трех километрах севернее с. Лнарже), тем, что Русская армия (Красная) закрывает этот сектор. Белые русские не хотят попасть в плен к русским.

В 16.00 час.: Эта ситуация уже была разрешена, но не записано, каким образом.

В 16 час. 50 мин. снова поступило сообщение из 358-го полка: командир 1-го батальона сообщает, что командир 359-го полка позволяет беспрепятственно проходить русским, чехам и всем, кому угодно. Он лишь спрашивает, были ли отменены прежние условия. Капитан Друри отвечает, что небыли.

В 17 час. 30 мин., 357-й полк сообщает: Представитель поляков воевавших на стороне белых русских, заявил, что в район полка приходит около 10.000 солдат и что какой-то американский майор разрешил переход, обещая им охрану.

На следующий день, 13-го мая, появляется еще несколько сообщений из района расположения 358-го полка. Отдельные люди и целые группы продолжают переходить через демаркационную линию.

Более ценные и упорядоченные данные содержатся в дневнике оперативного офицера, Г-3. Казалось бы должно было бы быть наоборот, что оперативный офицер имел свой собственный информационный центр.

О контакте 1-й дивизии РОА с Американской армией 10-го мая после полудня нет никаких сообщений ни в одном из рапортов американских частей, находившихся в районе Рожмтал—Лнарже. Весьма возможно, что сведения о нем включены в рапорты об одной из многих отступавших немецких колонн.

Контакт дивизии с Красной армией произошел 11-го мая в 09 час. 55 мин. в районе размещения 358-го полка. Это был авангард Корпуса Фоминых, 12 разведывательных автомашин, за которыми, по сообщению командующего разведывательной части, следует 400 танков!

В 13 час. 30 мин. Красной армии было разрешено пользоваться магистралью Седлице—Платна—Лнарже—Не-помук—Пльзень, но не сворачивать с нее в направлении на юг. Американская армия частично занимала территорию, находившуюся на север от этой линии, главным образом в направлении Лнарже—Гвождяны.

Вслед за этим, в районе 1332, дальнейшая часть дивизии, 2-й кавалерийский полк непосредственно вошел в контакт с Фоминых, договорившись о встрече обоих командиров корпусов.

Следующий день 12-го мая богат внесением записей. Хаос в районе Лнарже начинается в 13 час. 30 мин. Проникновение частей РОА невозможно остановить, несмотря на то, что по ним стреляли. В 14 час. 10 мин., командир 358-го полка сообщает, что «белые русские» бегут от Красной армии «как звери». Командование

дивизии приказывает остановить их стрельбой. В 14 час. 20 мин. в дивизию поступает приказ XII-го корпуса. В нем содержится 8 пунктов, а 7-й пункт имеет следующую формулировку: «Задержите всех белых русских и выдайте их Красной армии».

В 17 час. 30 мин. в район 358-го полка проникают дальнейшие группы власовцев и из их сообщений оперативный офицер узнает, что дело идет о 600-й Русской дивизии, а имя командира, приводимое в этой записи Бонизан-ко. После 16.00 часов положение начинает успокаиваться. Наверное, Красная армия замкнула круг с севера и юга. По сообщению из корпуса Фоминых, на следующий день, будут произведены очистительные операции в лесах между с. Лнарже и г. Непомук.

В указанных дневниках и остальной документации 90-й дивизии и XII-го корпуса нет ни единого упоминания, что о судьбе 1-й дивизии велись переговоры и принятии какого-либо решения. О наличии дивизии упоминается только один раз, как я уже указал, в дневнике Г-3.

14-го мая, части 90-й дивизии получают приказ о перемещении в Баварию, по оси Домажлице—Валдмюнхен. 5-я дивизия последовала за ней 18-го мая. Остальные части тоже не задержались долго на территории Чехии.

В то время, как дивизия, находясь по деревням в районе Лнарже, проводила часы и дни в полной неуверенности, ген. Власов вел переговоры о судьбе всей армии с представителями союзников в гор. Пльзень. Утром 8-го мая он направился в Пльзень в сопровождении подполк. Тензорова, Непорожного, других офицеров своего штаба и охраны. Группа состояла из двенадцати человек^[194] и должна была следовать через г. Пршибрам. Местное население предупредило Тензорова, что город находится под контролем коммунистических партизан. Тензорев не хотел рисковать тем, чтобы следовать через город с боем, поэтому решил объехать Пршибрам. В то время никто из всей колонны не знал о том, что за

несколько дней до этого в Пршибраме пострадали генералы южной группы. Сведений о том, по какому пути конвой продолжал свое следование в г. Пльзень, Тензоров не привоидт. Однако, из описания вытекает, что он вынужден был продвигаться по центральной магистрали Бороун—Пльзень, которая была запружена отступающими немецкими частями. Таким образом колонна ген. Власова, невольно включившись в немецкие части, продолжала путь по указанной центральной магистрали в течение 10 часов, прибыв в Пльзень в полночь.

На следующий день полковник Американской армии принял ген. Власова, считая, что он советский генерал. Этот полковник совершенно не понимал положения, а когда недоразумение было выяснено, то заявил, что у него нет инструкций о том, как в таком случае поступить и сообщил, что это дело будет обсуждаться союзной комиссией на следующий день, 10-го мая в 10.00 час. утра. Когда Власов вернулся в виллу, где он был помещен, он нашел сопровождавших его лиц переодетыми в штатскую одежду, найденную в гардеробах виллы, где раньше проживал ответственный работник какой-то нацистской организации. Все они, главным образом Тензоров, настаивали на том, чтобы воспользоваться этим случаем для перехода в Германию. Для этого у них были все возможности, т. к. американцы не стерегли виллу.

Власов отказался. Он решил остаться здесь вплоть до вынесения решения о судьбе армии. После этого сопровождавшие его лица без всякого возражения сняли с себя штатскую одежду. На следующий день, в 10.00 часов, генерал Власов был принят американским генералом в штабе одной из дивизий XII-го корпуса. Присутствовали высшие американские офицеры, представители английской и французской сторон и советский майор, командир партизанской части, как представитель Красной армии. Трое западных союзников выразили согласие на перевод дивизии в американский плен, но при условии, что с этим будет согласен и советский представитель. Последний запросил инструкцию по-радио. Ответ пришел через час: советское верховное командование настаивало

на том, чтобы дивизия была выдана в плен Красной армии. Переговоры были прерваны с тем, чтобы Власов мог лично соединиться со своей дивизией, в которую он должен был отправиться еще в тот же день.

В 14.00 час. американский офицер известил Власова, что 1-я дивизия находится в селении Лнарже. Прямого соединения не удалось установить, так как никаких документов об этом не имеется. Власов вперед послал в дивизию Игоря Пекарского (его чин неизвестен) и лейт. Левчу-ка с сообщением, что дивизия будет разоружена Американской армией, в каждой роте останется 10 ружей для несения сторожевой службы, а офицерам будет оставлено их личное оружие. После этого, дивизия должна была быть переведена в плен с правами регулярных пленных.

После отъезда обоих офицеров Власова пригласили на дальнейшие переговоры. Ввиду того, что единственный свидетель, И. Пекарский, в то время находился в пути в дивизию, никаких сведений о том, каким образом продолжались дальнейшие переговоры, не сохранилось. В документации американского ХП-го корпуса, а также 2-й пехотной и 16-й танковой дивизий, т. е. частей, которые находились в районе гор. Пльзень, не сохранилось ничего относительно этих переговоров. Расхождения, имеющиеся в нижеследующем описании Пекарского, повидимому, вытекают из того, что в тот день в подчиненные дивизии поступил уже ранее упомянутый приказ ХП-го корпуса о почасовом лимите 00,01 час, 9-го мая, после которого уже никакие части в американский плен не переводятся. 1-я дивизия дошла до американской демаркационной линии 10-го мая, после полудня. Вследствие этого могло случиться, что какие-либо дальнейшие переговоры стали бы необоснованными и ген. Власов, вместе с сопровождавшими его лицами, должен был вернуться в дивизию. Все то, что я только что привел, является дедукцией из известных фактов. Возможно, однако, что Власов возвращался в дивизию все-таки с каким-то обещанием, которое давало хотя бы надежду; или же это неопределенное обещание о решении относительно

судьбы дивизии, перенесенное лишь на утренние часы 12-го мая (см. дальнейший текст), должно было удержать эту двадцатитысячную дивизию пока что в спокойном состоянии.

В Лнаржах должно-было осуществиться проведение одинаковых мероприятий, как о них уже упоминалось в предшествующем тексте в связи с 5-й дивизией США. Красной армии предоставлялась возможность продвинуться, окружить район нахождения обезоруженной дивизии, после чего американские части должны были стянуться, а район с 1-й дивизией должна была перенять Красная армия. (См. прим. № 22 к главе № XI).

Обоих офицеров штаба Власова сопровождали американский полковник и еще один офицер, а следовали они под охраной американского танка. Американский полковник неустанно поддерживал радиосвязь и еще до того, как они прибыли в Лнарже, дал приказ второму офицеру самому сопровождать русских в дивизию. Одновременно он сообщил им, что дивизия не будет переведена в гор. Пльзень, несмотря на то, что об этом было заранее договорено, и что ген. Власов вернется в дивизию в тот же день к вечеру.

Неопределенные сообщения о переговорах, происходящих в Пльзене, быстро распространились по всей дивизии и поддерживали надежду на будущее. Согласно описанию Пекарского, дисциплина все еще была вполне удовлетворительной, несмотря на то, что дивизии угрожала неустанная опасность со стороны советских частей, расположившихся в непосредственной близости от них. В дивизию проникали с той стороны советские агитаторы и агенты, но пока без заметного успеха. Вся дивизия находилась в ожидании прибытия Андрея Андревича.

Пере отъездом ген. Власов а из Пльзеня перед его виллой собралась многочисленная толпа чехов. Каждый хотел увидеть спасителя Праги. Когда он появился, делегация передала ему букет цветов и горячую благодарность за спасение Праги. В завершение

парадоксального положения, люди провозглашали: «Да здравствует Власов! Да здравствует Сталин!», а какой-то пожилой человек произнес приветственное слово и, в знак благодарности, вручил ген. Власову — бюст Карла Маркса! Провожаемый овациями толпы, ген. Власов покинул в 16.00 часов город Пльзень и вернулся в 1-ую дивизию.

Для объяснения событий, которые произошли после этого, необходимо добавить, что хотя селение Лнарже^[195] и находилось на территории, оккупированной Американской армией, но дорога Непомук—Лнарже и далее на восток была коммуникационной линией для советских частей, размещенных в этом районе. Советская армия не могла пользоваться дорогой Непомук—Смолинец—Рожми- тал ввиду того, что на ней расположилась 1-я дивизия, все еще находящаяся под охраной Американской армии.

Власов и сопровождавшие его лица прибыли в селение Лнарже поздно ночью. Конвой остановился перед замком, где разместился штаб американского командования, и американские офицеры ушли в замок. Русские остались в автомашинах и просидели в них четыре часа в ожидании вынесения дальнейшего решения. Из селения, погруженного в темноту майской ночи, к ним доносились отрывки русских разговоров, русские песни, смех. Часы проходили в молчании, пока, наконец, американцы не предложили русским переночевать в замке. Власова принял кап. Донахью, американский комендант города. О генерале, его политическом движении и его армии он знал так же мало, как и остальные американские офицеры. Но он проявил искренний интерес, что подбодрило Власова. Несмотря на то, что он был утомлен от безуспешных переговоров в предшествовавшие дни, он снова разговорился и — даже не подозревая этого, — говорил в последний раз как свободный человек о своих надеждах, тщетном усилии и разочаровании. Он говорил не только от своего имени, но и от имени людей, трибуном которых его сделала одинаковая с ними судьба, которая в то же время, не предоставила ему возможности довести дело до

успешного конца. Когда он закончил, кап. Донахью встал, подал ему руку и сказал: «Благодарю вас, господин генерал, я постараюсь сделать для вас все, что будет в моих силах».

На следующий день утром, 11-го мая, дивизия, согласно американскому приказу, сложила оружие на свободном участке, находящемся севернее от Весского пруда. Все оружие было сдано в открытом поле близ селения Лнарме. Офицерам оружие было оставлено, а из состава солдат, вооруженным остался каждый десятый. Помимо остального военного материала, дивизия оставила на этом участке приблизительно 60 танков и самоходных машин. Такое разрастание дивизионной танковой части произошло благодаря тому, что она подбирала машины, покинутые немецкой армией.

Обо всем этом Власов информировал кап. Донахью. Он сообщил ему также, что на следующий день весь район селения Лнарже будет передан Красной армии и что у него до сих пор не имеется разрешения пустить дивизию за демаркационную линию. Но он предложил Власову возможность свободного ухода в британский сектор, вместе с транспортом британских военнопленных.

Власов от предложения отказался. Ввиду того, что в замке он не чувствовал себя в безопасности, он направился в лагерную стоянку дивизии. Чувство опасности было обоснованным. Американский командный пункт в лнарж-ском замке был как проходной дом. Часть здания забрал революционный Национальный комитет, а весь замок был свободно доступным для различных «партизан» советских офицеров и солдат.

В штабе дивизии Власов узнал о судьбе ген. Трухина и остальных генералов, которые были взяты в плен в Прпгибраме. С Буняченко он совещался, главным образом, о судьбе дивизии и условился с ним, что в том случае, если дивизия не будет впущена за американскую демаркационную линию, то Буняченко ее распустил.

После полудня Власов вернулся в замок и кап. Донахью ему снова косвенно предложил возможность побега.

Но Власов отклонил предложение и на этот раз.

К вечеру 162-ая советская бронеприкрытие, стоявшая непосредственно против 1-й дивизии с восточной стороны, пришла в движение. Дозоры дивизии рапортовали об этом в 19.00 часов. Советские танки продвинулись лишь на один километр. Несмотря на это ген. Буняченко решил перенести свой командный пункт на запад, в леса. Разоруженная дивизия переместилась в район селений Лнарже, Ко-целовице, Касейовице, вплотную к границе Американской армии. Советские части остановились приблизительно в 3-х километрах от линии Американской армии. На этой узкой, никому не принадлежащей территории, дивизия ожидала американского решения о своей судьбе. Положение было устрашающим. Буняченко созвал к себе командиров полков, но они не нашли его на новом месте. Он пытался соединиться с Власовым, но и это ему не удалось. Для разрешения создавшегося положения он решил вступить в переговоры непосредственно с командиром американской части, чтобы он все же разрешил переместить дивизию за американскую линию. Ему было лишь обещано, что встреча с командиром будет состояться на следующий день 12-го мая в 10.00 час. и что там будет вынесено решение относительно того, будет ли дивизии разрешено совершить переход.

Затем случилось происшествие, которое обеспечило безопасность дивизии от продвижений советской бронеприкрытия хотя бы до 11.00 часов последующего дня. Это происшествие стало темой контр-споров в эмигрантской русской прессе. [\[196\]](#)

Командир 2-го полка, подполк. Вячеслав Артемьев, пытаясь ночью разыскать штаб дивизии, натолкнулся на дозор советской бронеприкрытия. Во избежание взятия в плен, он объявил себя посредником и попросил русского сержанта проводить его к командиру бригады. Под охраной военного караула, его доставили к полк. Мищенко и Артемьев заявил ему, что он уполномочен на ведение переговоров от 1-й дивизии РОА, находящейся в нескольких километрах от этого места, что она

насчитывает 20.000 бойцов и полностью вооружена. Мищенко его попросил приехать к нему через два часа, с чем Артемьев согласился и одновременно просил его принять все меры для предотвращения вооруженного столкновения между обеими частями. Мищенко дал обещание и одновременно просил о принятии одинаковых мероприятий со стороны РОА. Он не знал, что дивизия уже была разоружена.

После возвращения Артемьев переместил свой полк в селение Лнарже, после чего намеревался уведомить Буняченко о создавшемся положении. Между тем в штаб дивизии явилось два советских офицера, майор и лейтенант, которых Мищенко направил в штаб дивизии, когда спустя два часа Артемьев не вернулся. Как Буняченко, так и Артемьеву не оставалось ничего иного, как продолжать игру. Они формально установили условия перехода дивизии в советский плен на 11 часов 12-го мая, и Артемьев отбыл в штаб советской бригады, где должен был получить письменную гарантию в том, что до указанного часа советская сторона не предпримет никаких действий. Артемьев прибыл в Гвождяны, где в то время расположился советский штаб, в 1.00 час., 12-го мая, Мищенко согласился с поставленными условиями, на листке бумаги написал требуемую гарантию, к которой добавил оговорку, что дивизия перейдет в плен с полным вооружением. На этом переговоры закончились и Мищенко разговорился о жизни в Советском Союзе, где все изменяется к лучшему, приказал подать поздний ужин к сам много пил. В подвыпившем состоянии, он даже предложил Артемьеву, чтобы он свой полк перевел в плен немедленно-и обещал ему и возможность сохранения звания в Красной армии. От своего хозяина, который явно разделял военные иллюзии советских людей об изменениях к лучшему, Артемьев избавился лишь к утру.

Между тем в замке селения Лнарже ген. Власов писал Международному Трибуналу письмо, в котором обращался к нему с предупреждением о том, что произойдет небывалый случай несправедливости, если русские добровольцы будут выданы советской армии. Он

предлагал, чтобы руководители РОА были заслушаны Трибуналом и подчеркивал, что решающим является не то, что добровольцы были организованы в составе немецкой армии, но то, что дело идет о политической оппозиции такого масштаба, что ею невозможно пренебречь и, поэтому, она не может быть передана советскому военному трибуналу. Кап. Донахью распорядился отправить текст письма по- радио.

Утром он сообщил ген. Власову, что дивизия не будет впущена за демаркационную линию и, на собственный риск, посоветовал ему, чтобы все старались проникнуть на запад небольшими группами. Ген. Власова должны были доставить в пункт Верховного командования Американской армии для переговоров в 14.00 час., когда весь район должен быть передан Красной армии.

На рассвете посты 1-й дивизии обнаружили, что американские танки покинули свои позиции и стянулись на запад. Некоторые части дивизии последовали за ними. Вскоре они натолкнулись на дальнейшие американские танки и остановились.

В первой половине дня полк. Мищенко также продвинулся со своей бригадой дальше на запад и в 11 часов ожидал в условленном месте переход 1-й дивизии в плен. Не дождавшись этого, он в 12.00 часов приступил к дальнейшему продвижению, но на этот раз уже в боевом порядке. Вскоре после этого, он вынужден был остановиться, т. к. американские танки, которые должны были стянуться лишь в 14.00 часов, пока что преграждали подступ его бригаде к селению Лнарже, главным образом, по мосту перед городком. Во главе танковой колонны следовал сам Мищенко. Советские танкисты, солдаты и офицеры вышли из своих танков и уже могли лишь наблюдать за неорганизованным отступлением групп 1-й дивизии за линию, охраняемую американскими танками.

Между тем ген. Буныченко в 10*00 часов был впущен в замок и ген. Власов информировал его о решении, которое он должен будет получить от американского генерала в 12.00 часов, а также о том, что район селения Лнарже

будет передан Красной армии в 14.00 часов. Он предупредил его и о том, что открытой помощи со стороны Американской армии ожидать не приходится. Буняченко понял, немедленно вернулся в дивизию и на 12.00 часов созвал в штаб всех командиров дивизионных частей.

Дивизионным штабом была группа из пяти автомашин, стоявших на холме с хорошей видимостью вокруг, на расстоянии приблизительно одного километра на север от с. Лнарже. Через этот холм проходила также линия постов американских танков. В этом месте ген. Буняченко, начальник его штаба и несколько дальнейших штабных офицеров ожидали прибытие своих подчиненных командиров. Все они до сих пор были одеты в форму, но без знаков различия. Генерал был бледен и с трудом подавлял в себе раздражение. Это уже не был твердый, решительный и безбоязненный Буняченко, как его привыкли видеть даже во времена наибольшей угрозы для дивизии. По мере того, как они приходили, он их информировал о создавшемся положении и давал свой последний приказ, который, скорее, походил на совет и просьбу:

«В 14.00 часов Американская армия стянет свои части и этот район перейдет в руки Красной армии. Немедленно распустите свой полк. Людям прикажите, чтобы они небольшими группами и наиболее коротким путем переходили в южную Германию. Избегайте шоссежных дорог и населенных мест. Первоочередное задание — покинуть Чехию в направлениях на юг и на юго-запад. Я буду в южной Германии, постарайтесь меня там отыскать».

Задавать вопросы было излишним, т. к. Буняченко сам ничего не знал большего и перед ним, так же как и перед всеми остальными стояло неизвестное и неопределенное будущее. Он прощался с командирами полков пожатием руки, а они, с такой же строгой сдержанностью, прощались с командиром своей дивизии...

Позднее, когда Буняченко и Николаев прощались с майором Швеннингером, который уезжал со своим штабом в Баварию, Швеннингер сказал им, что может быть они доживут до того времени, когда идея, за которую они боролись, будет реабилитирована. Николаев на это ответил: «Разлад между западом и Советским Союзом произойдет в свое время. Но это будет долгий путь. Много лет пройдет. Может быть до этого доживете вы. Вы возвращаетесь домой, к своим. Но наш путь тѐмен...».

До возвращения своих командиров, полки преимущественно держались вместе. Ввиду того, что они были под охраной Американской армии, все еще оставалась какая-то надежда на американский плен. Приказ же о роспуске дивизии порвал последнюю нить связи, которая удерживала этих 20.000 отчаявшихся людей вместе.

Командир 2-го полка прощался с солдатами следующими словами: «Прощаюсь с вами, друзья мои по оружию. Не поминайте лихом. Благодарю вас за воинскую службу. Желаю вам, чтобы вы спаслись. Последний приказ: Разойтись!».

Люди, которые годами выполняли приказы и привыкли жить как составная часть воинской организации, должны были теперь решить, что им предпринять. Они знали только военную жизнь в составе двух армий — простые граждане Советского Союза, который лишил их реального представления об остальном мире. Теперь же так внезапно, неподготовленные, они стояли перед решением — куда деться.

«А куда пойдете вы, господин полковник?» Ответ: «На запад». «Так и мы тоже на запад. Кто хочет, пусть идет к красным. Эти с него сдерут шкуру».

После роспуска частей район селения Лнарже превратился в хаос, в котором тысячи беспомощных людей искали путь к сохранению своей голой жизни. Больше всего войск было сосредоточено на юго-восток от сел. Лнарже, вокруг замкового пруда. Солдаты и офицеры спарывали знаки различий, с формы исчезали

Святоандреевские кресты. Сжигались документы, отбрасывались предметы, которые еще вчера были столь для солдата необходимыми, а сегодня уже стали лишней поклажей. Некоторые переодевались в штатскую одежду, которую получили от местного населения в обмен за ценные предметы, оружие и коней. Они превратились в толпу, которая пешком, на конях, на телегах и на дивизионных автомашинах двинулась в путь. То там, то тут, раздавались выстрелы. Так кончали свою жизнь те, которые предпочитали принять смерть от собственной руки, чем от руки своих собратьев. Группа майора Костенко откапывала ружья, которых они не сдали американцам, решившись биться за сохранение своей жизни. О том, как закончилась жизнь этого геройского кавалериста, мне не удалось узнать. Единственный человек его части, которого я разыскал в Канаде, не имел о нем никаких сведений. Известно лишь то, что он был взят в плен и увезен в Москву.

Тысячи людей остались там, где их застиг последний приказ. Они апатично лежали в полях, перед домами и ожидали исполнение своей судьбы. Они были уже слишком истомленными, чтобы быть в состоянии продолжать безнадежные переходы.

В 13 час. 30 мин. уже были распущены все части, а письменный материал сожжен. 1-я дивизия перестала существовать. Группы солдат соответственно приказу покидали Лнарже. Небольшие группы бойцов и отдельных лиц американские посты пропускали на свою территорию. Некоторые группы следовали на восток, — те, которые в предшествовавшие дни поддались агитации или же те, у которых тоска по дому была сильнее, чем страх перед всем тем, что их ожидало в стране, снова находящейся в руках Сталина. Бойцы расходились без гнева, не было слышно упреков офицерам и, тем более, по отношению к генералу Власову. Горькие слова вырывались лишь по адресу западных союзников. Всему пришел конец, всех ожидала горькая судьба. Те, которые уходили на восток, знали, что идут навстречу гибели. Утешались лишь тем, что «Всех нас не перевешают. Пережили мы немецкие

лагеря, переживем и советские...». Вместе с ними уходил и командир артиллерийского полка. Свое решение он старался объяснить майору Швеннингеру словами: «Что хотите? — Там моя Родина. Я на чужбине жить не могу». Не мог, поэтому шел умирать за родину. По крайней мере он так думал, что на родину.

Со стороны американской 90-й пехотной дивизии, особенно в районе 358-го полка, после 13 час. 30 мин. было замечено внезапное повышение активности и передвижение в направлении к американской линии. Это были «белые русские», которые пришли в движение. Приказ не пропускать их за линию продолжал быть в силе. Когда рапорт об этом движении поступил в комендатуру дивизии, ее командир, майор-ген. Эрнест, издал приказ 358-му полку остановить проникновение их на американскую сторону и вернуть солдат обратно, применяя какие-либо средства для его исполнения. На американской стороне не все командиры и офицеры штаба были единодушны в том, как им поступить в данном случае. Офицер связи армейского корпуса намеревался вмешаться в обсуждение создавшегося положения явно в пользу русских, потому что оперативный офицер штаба дивизии указал ему в крайней острой форме на размеры его полномочий. После того, как не удалась его попытка, он отбыл в 358-й полк, чтобы на месте увидеть положение собственными глазами.

Поток воинов бывшей 1-й дивизии проходил через селение Лнарже по его главной улице, затем сворачивал на запад, в район 3-го батальона вышеуказанного полка, а там снова поворачивал на юг и рассеивался по всем дорогам и по полям, ведущим на юг, следуя на всевозможных средствах транспорта, а главным образом, пешком. В районах расположения всех трех батальонов полка русских людей, поскольку постам удавалось остановить их продвижение, возвращали обратно. В одном месте подъехала автомашина с одним офицером 1-й дивизии. Когда машина была остановлена и офицер понял положение, он попросил американского офицера дать ему папироску, закурил ее, отдал американским офицерам

свой фотоаппарат, подал руку двум офицерам на задних сидениях, вытащил револьвер и застрелился....^[197] В районе 345-го артиллерийского полка (командный пункт в селе Ржесанице, пригл. в 6-ти километрах на юго-запад от селения Лнарже) русские люди проходили свободно, уверяя американцев, что какой-то американский офицер им дал разрешение проникнуть поглубже. Офицер связи вернулся в Лнарже, следя вдоль демаркационной линии (в данном документе, названа как «ограничительная линия») вплоть до селения Седлице, и наблюдая, как большие группы русских людей были остановлены на американской линии и вынуждены вернуться на север.^[198] Было очевидным, что больше шансов проникнуть на юго-запад было у отдельных лиц и у небольших группировок.

Тот факт, что дивизия, находясь под неустанным фактическим и психологическим натиском танковых частей Красной армии, смогла продержаться так долго, способствовало то обстоятельство, что район с. Лнарже разделен системой трех прудов. Весский, Замецкий и Подгайский пруды растянуты с севера на юг по узкой полосе, длиной приблизительно в 3 километра и в самом селении Лнарже, образуются два узких прохода с востока на запад. (См. карту № 6). Американским дозорам было нетрудно преградить эти два перехода и дать хотя бы временную возможность разоруженной дивизии почувствовать относительную безопасность. Когда дивизия была распущена, американские дозоры отступили на запад, а танковые подразделения 25-го корпуса Красной армии проникли с востока обхватным путем, севернее Весского и южнее Подгайского прудов, в районе между двумя другими прудами, Новым и Горжейшим, зайдя в район южнее и западнее селения Лнарже, а на свободной территории, западнее селения, начали захватывать в плен беспомощные толпы бойцов бывшей дивизии.

Пленных на месте распределяли на три группы: офицеров, сержантов и солдат. Советские караулы окружили весь район, приводя в него новых пленных. К вечеру в импровизированном лагере появилась колонна автомашин и на пространстве посередине лагеря был

поставлен стол, покрытый красным сукном. Крутом была согнана многотысячная толпа пленных. За столом, некто в генеральской форме, повидимому военный прокурор, читал массовый приговор, который к толпе доносился только отрывками фраз: «...по постановлению верховного совета... как изменники родины., приговариваются все офицеры к расстрелу... остальные к двадцати пяти годам принудительных работ... приведение казни в исполнение состоится согласно решению командующего генерала...».

Когда генерал уехал вместе с колонной автомашин и со столом, затянутым красным сукном, над лагерем начали спускаться сумерки и караульные развели костры. Караулы вокруг офицеров состояли из людей какой-то азиатской национальности, которые вообще не говорили по-русски. При наступлении ночи, те, кто не был намерен ожидать решения ген. Фоминых о месте и времени массовой казни, начали исчезать из лагеря, переждав ночь и весь последующий день на деревьях ближайшего леса. Утром, они услышали из лагеря продолжительную стрельбу....
[\[199\]](#)

После полудня и ночью на территорию, оставленную Американской армией, начали прибывать также специальные советские части. О том, каково было их назначение, свидетельствует книга Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛаг»:

Когда мы забрали их в плен, мы стреляли в них, как только из их рта выходило первое понятное русское слово....
[\[200\]](#)

К этому множественному числу принадлежат и чешские «партизаны», а также различные темные элементы без лица и без имени, которые всегда вращаются вокруг трагических происшествий и готовых на все худшее. Если у них не было оружия, они тут же жен и детей выдавали своим советским союзникам. Такой конец постиг почти половину состава 1-й дивизии. Но и те, которым удалось перейти на территорию, оккупированную Американской армией, спасли свою

свободу и свою жизнь лишь на время. В большинстве случаев, позднее, и они были насильственно репатриированы в Советский Союз. [\[201\]](#)

Чешские публикации о трагичном конце 1-й дивизии в большинстве случаев хранят молчание, а если и упоминают, то естественно, без намека на какое-либо понимание проблематики Движения. Так, например, командир одного подразделения 1-й партизанской бригады им. Яна Жижки, действовавшего в районе гор. Мирошов и Рокицаны, взял в плен «предателя» кап. Тулинова, которого ошибочно выдает за адъютанта ген. Власова. Захват в плен этого загнанного и истомленного человека он считает самым большим успехом своего подразделения. [\[202\]](#)

Для описания хаотического положения и трагичного конца 1-й дивизии, я использовал три вида источников, но вследствие их отрывочного и неупорядоченного характера, не мог использовать их параллельно. Поэтому описание разделено по времени и месту действия на три раздела. Прежде всего, писание Фоминых, затем выдержки из дневников 90-й пех. див. США и документации XI-го Армейского корпуса США и, наконец, немецкие и власовские источники. Все мои попытки заполнить пробелы в описании событий путем опроса до сих пор живущих членов американских частей, а также попытка найти данные в архивах ассоциации участвовавших в них дивизий, потерпели полное фиаско. Столь же неуспешными были и все мои попытки отыскать архив Гражданского управления США.

ВЗЯТИЕ В ПЛЕН ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА

Остается описать захват в плен генерала Власова и его окружение. Как о выдающемся человеке, о нем немало сообщений и описаний, включая романтизированные и заведомо искаженные версии, в которых пытаются представить его в неверном свете. В статье советского генерала Фоминых, например, сообщается, что когда был задержан автомобиль генерала Власова, то его нашли завернутым в ковер. Как это удалось Власову, при его почти двухметровом росте, сделать, не объясняется. В Гуверском институте я нашел рукопись без подписи, где подробно повествуется о том, как Власов нелегально жил на территории Чехии и, наконец, был арестован пограничным патрулем в 1946-м году при попытке перейти границу в Баварию и выдан советским учреждениям. Встречается также и описание драматического побега в ближайший лес через подземный ход из замка в селении Лнарже, которым, будто бы, воспользовался Буняченко и несколько дальнейших офицеров. Владимир Поздняков, один из тех, кому удалось спастись, пишет в своей статье,^[203] что о взятии в плен ген. Власова могут свидетельствовать только два человека, которые были при этом и пережили события. Первым является кап. Антонов, а вторым личность, обозначенная инициалами И. П. По всей вероятности, им является офицер личной охраны ген. Власова, Игорь Пекарский.

О капитане Антонове ходят слухи, что он поступил не так, как следовало бы ожидать от него и что он не оставил ничего, что могло бы внести свет в обстоятельства захвата в плен ген. Власова.^[204]

При изучении материалов в Гуверском институте я нашел рукопись на двух страницах, подписанную именем Игорь Пекарский. Часть информации из этой рукописи я использовал при описании данной главы, главным образом, поскольку они относятся к поездке ген. Власова в город Пльзень и обратно в дивизию в селении в Лнаржах.^[205] Ввиду того, что захват в плен ген. Власова произошел несколько десятков минут после роспуска дивизии, по

всей вероятности все произошло быстро и без осложнений. Описание Игоря Пекарского соответствует этому, оно дельное и, по моему мнению, самое достоверное, хоть и раскрывает взаимосвязи, которые, возможно, никогда не будут объяснены. Из рукописи Пекарского я привожу главный отрывок:

Взятие в плен произошло 12-го мая. (Пекарский приводит, что это произошло «утром», но из остальных источников вытекает, что все началось в 14.00 час., когда бригада полк. Мищенко пришла в движение для занятия района с. Лнарже, оставленного Американской армией и когда кап. Донахью должен был направить ген. Власова в пункт американского верховного командования — прим. автора).

Утром ген. Власов, ген. Буняченко, подполк. Николаев, кап. Антонов и еще несколько офицеров штаба уселись в четыре легковых автомашины и в сопровождении двух американских офицеров и американского танка, выехали из замка (в селении Лнарже — прим. автора) по направлению к Баварии. Джип с американскими офицерами ехал во главе колонны, за ним следовала автомашина ген. Буняченко, которой управлял подполк. Николаев. Рядом с ним сидел еще один офицер (майор Рыл — прим. автора), а на заднем сидении были ген. Буняченко и я (Игорь Пекарский — прим. автора). Далее следовали еще три автомашины, а в последней из них находился ген. Власов. Колонну замыкал американский танк.

Все мы, кроме ген. Власова, были переодеты, полностью или частично, в штатскую одежду, с форменной одежды мы устранили знаки различия и званий.

Выезжая из деревни, мы увидели закрытую автомашину, возле которой стоял какой-то сержант РОА в форме, но без знаков воинского различия и кокарды. Когда мы к нему подъехали, мы услышали, как он спрашивает подполк. Николаева: «Куда вы едете, господин подполковник?». На это Николаев ответил, махнув при

этом рукой: «Поезжай за нами, Миша». Еще некоторое время мы продолжали путь, а потом замедлили, т. к. мы приближались к мосту. В эту минуту машина, возле которой стоял Миша, нас опередила и встала поперек дороги, между нами и джипом таким образом, что вся колонна должна была остановиться. Из машины вышел советский капитан (Якушев, командир батальона из бригады полк. Мищенко — прим. автора), подошел к нашей машине, обратился к ген. Буняченко и попросил его пересест в его машину и следовать за ним в комендатуру танковой части, через территорию которой мы проезжаем.

Американские офицеры, которые нас сопровождали, и генерал (Буняченко — прим. автора) безуспешно старались объяснить советскому капиталу, что мы являемся американскими пленными и что мы на территории, находящейся в ведении американского командования. Наши машины окружили люди в штатской одежде, которые не выглядели ни как Остовцы (русифицированное наименование для Ostarbeiters, — прим. автора), ни как солдаты, переодетые в штатское.

В группе, сопровождавшей советского капитана, был один офицер РОА (кап. Кучинский, командир батальона

РОА, один из тех, которые перешли к советским частям. Это был именно он, кто предупредил Якушева, что в последней машине находится ген. Власов. — См. вышеуказанную статью ген. Фоминых). Наконец, один из американцев — как я позднее узнал, по фамилии Мартин, [206] по происхождению словацкий еврей, а в то время бывший начальником лагеря для военнопленных в Гораждёвицах — нам заявил, что мы должны подчиниться приказу советского капитана.

Произошел спор, во время которого стало известным, что в последней машине следует ген. Власов. Капитан (Якушев — прим. автора) все свое внимание сосредоточил на этой машине и ген. Власов вышел из нее.

Подробности разговора, бранные слова и угрозы не столь важны. После того, что сказал Мартин, оба американских офицера безучастно стояли в стороне,

занимались своей жевательной резинкой и наблюдали за тем, что будет происходить. (Полк. Мартин был новой фигурой на сцене, а в различных иных источниках, совершенно определенно приводится, что он приехал на место происшествия в третьей американской автомашине. Урывки разговоров, как они записаны в разных свидетельских показаниях, а также присутствие кого-то, кто имел право давать или изменять приказы, ставит все это происшествие в особом свете. Можно предполагать, что с большой долей вероятности, о подготовляемой акции велись переговоры. Фоминых совершенно определенно приводит, что советская разведка знала о том, в каком месте генерал находится и блокировала все пути на запад в районе селения Лнарже. — Прим. автора).

Когда ген. Власов вышел из машины, его переводчик, лейт. Ресслер, старался на плохом английском языке объяснить американским офицерам суть дела. Разговор закончил полк. Мартин, заявивший: «Это — дело русских, нас это не касается». Ген. Власов, отказался следовать за кап. Якушевым и последний направил на него автомат. Власов расстегнул плащ и сказал: «Стреляй!». В эту минуту снова вмешался полк. Мартин и обратился к Якушеву со словами: «Не на нашей территории, прошу вас». На этом все закончилось. Между тем, несколькими людям удалось бежать. Кап. Николаев даже, пользуясь своей машиной, вернулся в замок в Лнарже и информировал о случившемся кап. Донахью. Он немедленно вернулся вместе с ним на место происшествия, но там они нашли уже только сопровождавших их американцев. (Автору этого свидетельства, Игорю Пекарскому удалось спастись. — Прим. автора).

Автомашины повернули назад и следовали за советским офицером.

Это произошло 12-го мая 1945-го года, недалеко от чешского города Гораждевице.

На этом заканчивается запись Игоря Пекарского. Захват ген. Власова в плен произошел в двух километрах

на юг от селения Лнарже.

Сведения о захвате ген. Власова в плен можно дополнить описанием происшествия его переводчика, лейт. Виктора Ресслера, который, вместе с ген. Власовым и кап. Антоновым, находился в последней машине вышеуказанного конвоя.^[207] Когда колонна остановилась перед мостом, ген. Власов вышел из машины вместе с Ресслером, который направился к передней машине колонны и в эту минуту увидел, как их машина, с шофером и с кап. Антоновым, поворачивает назад и уезжает в направлении к с. Лнарже. Остальные машины стояли покинутыми с открытыми дверцами. Помимо Якушева, который все еще направлял свой автомат на Власова, здесь находилась одна лишь работница здравоохранения, которая старалась помешать Якушеву стрелять в него. Группа американцев стояла в стороне и ни во что не вмешивалась. Наконец, Якушев сказал: «Зачем стрелять! Тебя судить будет Сталин». В эту минуту, Ресслер услышал призывы Власова: «Ресслер, где вы, Ресслер!». Последний к нему подбежал и сказал: «Подождите, Андрей Андреевич, Антонов сейчас же вернется с нашими людьми». Якушев забеспокоился и снова стал угрожать автоматом. Наконец, он принудил их обоим сесть в машину на задние сидения. Шофер был солдат в форме РОА и к нему, спереди, подсел Якушев. Автомашина быстро понеслась обратно к с. Лнарже. Когда она следовала через селение, Власов попросил остановиться у замка, чтобы он мог забрать свои вещи. Якушев приказал шоферу: «Езжай, не останавливайся!». Следующие эпизоды происходят в штабе корпуса Фоминых в городе Непомук.

Ген. Власов, вместе с лейт. Ресслером, был отвезен в штаб 25-го танкового корпуса, где как раз закончился общий американско-советский банкет. На столах еще стояли бутылки вина и остатки разных блюд. Офицеры советского штаба тотчас же узнали ген. Власова. Перед ними стоял бывший командир 2-й ударной армии ленинградского фронта. Скорее по принуждению, чем по собственному решению, он должен был немедленно

написать приказ своим подчиненным частям о безоговорочной капитуляции. Его возражение, что армия уже была разоружена, командир корпуса не принял.

В штабе лейт. Ресслер был отделен от ген. Власова и уже больше никогда его не увидел. Советские офицеры и солдаты с интересом расспрашивали его о Власове и РОА. Относились они к нему хорошо. На ночь, его заперли в подвале, а на следующий день, перед зданием контрразведки, он встретился с Буняченко, Николаевым и Костенко; он не приводит его имени, но его командную должность и описание: высокая фигура и острый нос. Были там еще и другие офицеры РОА. Ему удалось подойти к Буняченко и спросить его, при каких обстоятельствах он сюда попал. Но у последнего не было желания пускаться в длинные разговоры и он коротко отрезал: «Надоело мне шататься». На следующий день, их отвезли на грузовике в штаб 13-ой армии и там их снова допрашивали. После этого их отвезли на аэродром в Дрездене и там с ними впервые обращались грубо. Группу пленных, состоявшую приблизительно из двадцати пяти человек, погрузили в «Дуглас», без сидений, только с трофейными коврами на полу, и вылетели «на родину».

В Дрездене ген. Власов был приведен в комендатуру 1-го Украинского фронта к маршалу И. С. Коневу. Последний приказал немедленно его отправить в Москву.

Когда ген. Власов, еще перед этим в 14.00 час. покидал замок в с. Лнарже, он оставил там под охраной кап. Донахью, подполк. Тензорова и других офицеров штаба с тем, чтобы в случае необходимости, они оказали помощь распушенной дивизии. В ту же ночь, кап. Донахью перевез эту группу за 30 километров вглубь американской зоны, дал им запас провианта и предоставил их судьбе. В составе группы находились: подполк. Тензоров, майор Савельев, кап. Антонов, шофер Власова Лукьяненко, переводчица Ростовцева, ее муж и работник здравоохранения Донаров с женою. [\[208\]](#)

Не могу отказаться от того впечатления, что путь в Гораждёвице, на котором по воле свыше генерал Власов

был захвачен в плен, был последней попыткой капитана
Донахью к спасению ген. Власова. Но я подчеркиваю, что
это только лишь мое личное предположение. [\[209\]](#)

XIV

Заключительная глава

*В общем, мы в этой войне узнали,
что хуже всего на свете быть
русским.*

Александр Солженицын

«Архипелаг ГУЛаг».

Наиболее трудной проблемой, встающей перед автором при создании любой книги на военно-политическую тему, является отделение эмоционального чувства от фактической действительности, игнорирование общераспространенными точками зрения и общепринятыми представлениями, чтобы предоставить читателю документально проверенные события соответственно их времени и места действия в попытке найти их взаимное соотношение.

Особенно тяжелой эта задача становится при описании категорий «народных войн», в которую история военных событий включает народные восстания и революции. В области таких военных действий, больше всего сказываются влияния различных политических группировок, восстания никогда не бывают сплоченными и они становятся отображением всевозможных социальных влияний, а также проявлений патриотических чувств с различными оттенками. Народная война всегда проходит под влиянием эмоциональных проявлений, которые глубоко уходят корнями в историческое прошлое и под их влиянием, реальность и рассудительность отступают на задний план, особенно в тех случаях, если ими злоупотреблялось в прошлом. Наибольшее значение сопротивленческие народные движения приобретают во время длительных войн. Во время таких войн они становятся важным фактором, который может чувствительным образом ослабить экономический потенциал воюющей оккупационной власти. В тех же случаях, когда военные события уже были раз-

полях сражений и проходят заключительные фазы в силу инерции, такое народное движение сопротивления становится, скорее, помехой, а если открытое восстание вспыхивает уже во время этой заключительной фазы войны, то оно имеет лишь политическое или психологическое значение. Почти как правило, оно потом переходит в символ с длительным воздействием. После этого с ним производит манипуляции политическая партия, получившая перевес. Иными словами, народные восстания утрачивают свое политическое значение и становятся орудием политики новой власти.

Это, вероятно, является действительным в отношении всех народных восстаний, которыми завершились военные действия Второй мировой войны, что безусловно, относится в полной мере и к восстанию, происшедшему в мае 1945-го года в Праге. Составной частью тамошнего «Народного движения сопротивления», по собственному решению, оказалась и 1-ая дивизия РОА.

Почему она приняла участие в пражской боевой акции? Были ли гарантии чешских военных миссий достаточными, чтобы подвергать риску тысячи жизней? При данных обстоятельствах эти гарантии были многообещающими. Они были обусловлены послевоенным политическим упорядочением Средней Европы. Каковым оно будет, представляло себе лишь незначительное количество людей, а плохие прогнозы принимаются с большой неохотой. Произведя оценку абсолютно существенным образом, можно констатировать, что 1-ая дивизия, в результате участия в восстании, потеряла три дня и около 300 человек погибшими. За эти три дня она вошла в историю и дожила до дальнейшего предательства. Что же делала бы дивизия в течение этих 3-х дней, если бы не включилась в пражские бои? Ответы необходимо сделать лишь предположительного характера, с большей или меньшей долей правдоподобности. Я приведу лишь то предположение, которое мне кажется наиболее реальным. Один день дивизия отдыхала бы в селении Сухомасты, а в течение двух последующих дней продвигалась бы через гор. Пршибрам в район городов

Страконице—Клатовы и соединилась бы с южной группой. Это означало бы опять-таки лишь американский плен, а позднее — насильственную репатриацию. Но здесь имеется одно обстоятельство, также предположительного характера. Следуя через г. Пршибрам, узнав о новейших событиях в связи с судьбой трех генералов и при наличии достаточного времени, она уничтожила бы партизанскую группу капитана Олесинского, захватившая генералов в плен. Тогда статья, помещенная в «Красной Звезде», № 289 от 10-го декабря 1959-го года, издание Министерства Обороны СССР, выглядела бы не так, как она гласит в настоящее время:

«...Для подавления восстания в Праге Гитлер бросил армию предателя Власова. В то время, как его части приближались к городу, высшие круги так называемой Русской Освободительной Армии решили „покинуть корабль“ и быстро повернули в ту сторону, откуда наступали американцы и англичане. Они еще не знали о том, что город Пршибрам находится в руках партизан и 30 власовских полковников и три генерала (Трухин, Боярский и Шаповалов) прибыли на автомашинах в город. Но вместо флага со свастикой, к которому они привыкли, они увидели флаги чешские и советские. Для возвращения было слишком поздно. Партизаны их захватили. Запрос в „верховное“ командование помог выяснить, где находится сам Власов. В том, что этот предатель, наконец, был поставлен перед советским судом, немалую заслугу имеет партизанская часть, которой командовал Олесинский...»

Вследствие этого, РОА вошла бы в историю восстания в Чехии, конечно, в отрицательном отношении.

Я преднамеренно не включил в данную книгу сведений о военных операциях Красной армии, но сделал лишь два исключения, описав продвижение 25-го танкового корпуса к городу Непомук и продвижение 75-го корпуса к селению Каплице. Помимо этого необходимо упомянуть о довольно странном и, с военной точки зрения нелогичном продвижении 121-ой гвардейской стрелковой дивизии из района г. Жатец к г. Карловы Вары, до которого она добралась 11-го мая 1945-го года. В ходе своего

продвижения, она встала на пути следования остальных частей Красной армии, продвигающихся с севера на юго-восток. Заданием этой дивизии, безусловно, была ликвидация КОНР. В то время он уже был эвакуирован в Германию вместе с остальными организациями. Все эти акции находятся в непосредственной связи с темой данной книги и ими нельзя было пренебречь. Прежде всего, две первые операции приобретают здесь совсем не то значение, которое им обычно приписывается, т. е. участие в ликвидации армейской группы «Центр». Окончание войны путем окружения и капитуляции этой самой большой армейской группы, которое состоялось 11-го мая 1945-го года, было обширной военной операцией, подробно описанной в книге «Освобождение Чехословакии Красной армией, 1944/45 гг.», написанной коллективом авторов при помощи военно-исторических организаций армий, которые были участниками данной операции. Книга подробно снабжена документами и рядом карт с указанием направлений наступления и с почасовыми данными. Среди них имеется лишь два упоминания о «власовцах» и ни одно из них не является точным. В приложении № 25 зарисовано окружение и уничтожение 2-й дивизии в районе реки Нежарки. Это сведение является спорным, так как могло относиться только к какой-нибудь выдвинутой вперед части 2-й дивизии РОА; кроме того эта дивизия обозначена номером 1. В указанном приложении занесено также положение Пражского восстания. Стрелка и надпись «власовцы от Бероуна» обозначают продвижение только 3-го полка 1-й дивизии РОА после ликвидации рузиньского аэродрома. Участие остальных частей в данном приложении не занесено.

Когда Красная армия заняла Прагу, генерал, а позднее маршал, Рыбалко несколько раз посетил ЧНС (Чехословацкий национальный совет). Проф. д-р Альберт Пра- жак его убедительно просил, чтобы он позаботился о сохранении жизни чинов РОА, которых Красная армия захватила в плен как в самой Праге, так и в ее окрестностях. Сначала Рыбалко ответил, что все они будут расстреляны. Когда же к этой просьбе присоединились и

остальные члены Совета, то он великодушно уступил, пообещав не допустить расстрела всех. [\[210\]](#)

Раненые бойцы 1-ой дивизии, оставленные в пражских госпиталях, были помещены в специальные палаты с обозначением «Героические освободители Праги». Это дало повод агентам НКВД для регистрации раненых, находящихся по госпиталям. Вследствие этого, чешский больничный персонал удалил все надписи, а врачи отказывались выписывать раненых из госпиталей. И все же, 15-го мая, агенты НКВД насильственно увели их в госпитальных халатах.

Непосредственно в Праге было казнено около 200 бойцов РОА, большинство из них офицеров. Они были похоронены на Ольшанском кладбище в секторе, который прилегает к Мланонёвицкой улице (ныне, имени Яна Желивского). [\[211\]](#)

Дальнейшее сведение о судьбе добровольческой части почерпнуто из источника, которого я не буду приводить. Оно отрывочное, но о его достоверности не может быть сомнений. Во Французской гимназии, находящейся на Билой улице в районе Праги Дейвице, еще перед восстанием была размещена часть русских добровольцев, имена которых невозможно теперь точно установить, но, повидимому, это был один из центров сосредоточения Запасной бригады РОА. Во время восстания эта часть принимала участие в боях на Ганспалке (Дойвице) против частей СС, находящихся в общежитиях имени Масарика. Ввиду того, что эта добровольческая часть не принадлежала к 1-й дивизии РОА и командование дивизии о ней определенно не знало, она не получила приказа к отступлению из Праги и была захвачена в плен Красной армией. Около 400 бойцов этой части было проконвоировано по улице На-Писках, начиная с Ганспалки вплоть до Боржиславки и на том месте, которое в настоящее время застроено блоком домов между Велварской и Суданской улицами, были расстреляны из автоматов. Дальнейшие казни были произведены в местах с названиями На-Юлище, Под Градбами, на Оржеховце и

в Певности улице. Казни, производимые иногда невероятно жестоким образом, происходили в присутствии гражданского населения и даже детей.

Почти все члены ЧНС подверглись, наконец, в освобожденной республике преследованиям. Безусловно, их положение усугубляло и то обстоятельство, что они заступались за воинов РОА и что они не препятствовали их вмешательству в пражские события. Не избежал преследований. и Иосиф Смрковский, которого, конечно, никто не мог обвинять в сотрудничестве с РОА во время восстания. Д-р А. Пражак вынужден был уйти с кафедры профессора Карлова университета, некоторые члены Совета эмигрировали за границу после 1948-го года, а кап. Неханский был казнен как «шпион на службе у западных держав». Ген. Култвашр долгие годы провел в заключении. Помимо сотрудничества с 1-й дивизией РОА, самым большим их преступлением считалось подписание 8-го мая капитуляции немецких войск в Праге, что дало возможность большинству немецких частей перейти в американский плен.

В 1968-м году, когда производилась переоценка многого из того, что произошло в течение истекших лет, в зале заседаний новой пражской ратуши состоялась «Беседа относительно вопросов и ответов о Пражском восстании». Пражская печать сообщила об этом собрании 7-го мая. Вступительную речь произнес Иосиф Смрковский, который, между тем, стал популярным трибуном народа. Он говорил о том, что в силу утаивания фактов прошлого, утратился огромный моральный капитал. Далее, он говорил о необходимости реабилитировать не только отдельных лиц, но и все Пражское восстание. На собрании шла речь и о 1-ой дивизии. «Расценивание власовцев является сложным делом... историческим фактом остается, что 6-го мая власовцы помогли Праге и помогли ей действенным образом...».^[212]

Всем попыткам произвести переоценку прошлого положила конец вторая советская оккупация Праги, происшедшая 21-го августа 1968-го года.

В истории Пражского восстания много обстоятельств остается невыясненными. Одним из них является наличие советских миссий. Вполне естественно, что таковые имелись в Праге для политических и информационных заданий. Вплоть до самого конца Второй мировой войны Прага была одним из крупных центров русской эмиграции. Безусловно, это вызывало информационный интерес, несмотря на то, что участие этой эмиграции в немецких событиях было весьма незначительным. В информационном отношении Прага, как центр будущего советского влияния по степени важности, должна была стоять на первом месте. О том, что в восстании будет участвовать и одна дивизия РОА, этого никто не мог предполагать и указанные миссии существовали в Праге не ради этого. Когда же РОА появилась в Праге в конце апреля стало возможным допустить, что миссии вынуждены были проявить к этому интерес. Весьма возможно, что одна из них гарантировала или даже предложила 1-й дивизии право иммунитета. Но вопросом остается, до какой степени такая гарантия могла быть искренней. Полк. Мищенко в Гвождях тоже наобещал небывалое благолепие. О том, что о советских миссиях велись обсуждения и в ЧНС, подтверждается в «Протоколе» с датой 7-го мая. Об их наличии рапортует в 9 час. 45 мин. подполк. Скленаж. Капитан Антонов во время переговоров в Совете будто бы сообщил, что толчок к тому, чтобы 1-я дивизия пришла в Прагу, подала миссия, находившаяся на Виноградах и что она также гарантировала 1-й дивизии право безнаказанности. В русских документах я не нашел никаких упоминаний о чем-либо подобном. Наоборот, документы свидетельствуют о советском отказе вообще от какой-либо деятельности 1-й дивизии в Праге. Безусловно, это ближе к правде, чем какие-то провласовские симпатии таинственных советских отдельных личностей. У Красной армии было достаточно возможностей для ликвидации немецких войск в Чехии и она, несомненно, не нуждалась для этого в помощи 1-й дивизии.

Такая же судьба, как и судьба 1-й дивизии РОА, постигла в Праге два наиболее крупных эмигрантских

архива: «Архив русской эмиграции» и «Казачий архив». В них хранились документы об истории белых эмигрантов с 1920-го по 1944-ый годы. Еще перед войной предусматривалась их перевозка в более безопасное место вне угрозы войны. В обоих архивах были собраны ценные публикации различных русских эмигрантских организаций, рукописи и документы исторического характера. Архивы попали нетронутыми в руки советских органов.

Еще более важной добычей был архив и картотеки организации «Опорный пункт русских эмигрантов». В его картотеках приводились информации о бывших гражданах царской России, с фотографиями и описанием их деятельности в эмиграции. Заведующий архивом, Ефремов, не уничтожил картотеки и попытался бежать в ночь с 8-го на 9-ое мая, но был задержан на месте и передан советскому командованию. На основании информации, содержащихся в этих картотеках, было сослано много людей, которые не успели вовремя скрыться на запад.

После того, как затихли выстрелы в лесах вокруг селений Лнарже и Каплице, от 1-й и 2-й дивизий, — двух главных частей РОА, — остались лишь колонны пленных, которые двигались в направлениях на запад и восток, в зависимости от того, в чей плен они попали. О их судьбе в советском плену, а также о тех людях, которые добровольно перешли на советскую сторону у нас имеются лишь скудные сведения. Их принесли с собой в Германию те солдаты и офицеры, которым удалось спастись бегством.

В последнюю ночь, с 11-го на 12-ое мая, которую разоруженная 1-я дивизия провела в неопределенности на узкой полосе между Американской и Красной армиями, на советскую сторону перешел офицер со всем подразделением, насчитывающим приблизительно 100 человек. На рассвете следующего дня, этой группе, вместе со всеми остальными, перешедшими в ту же ночь на советскую сторону, было приказано построиться. Власовский офицер, переодетый в форму Красной армии,

был приведен несколькими советскими офицерами и поставлен перед выстроившимися солдатами. Он был бледен и с трудом подавлял в себе раздражение. Остановившись перед выстроенным подразделением, он намеревался обратиться к солдатам с речью. После нескольких неуверенных попыток и колебаний он вдруг крикнул решительным голосом: «Я знаю, что меня сейчас же пристрелят. Вас...», но он не успел закончить фразу, т. к. один из сопровождавших его офицеров, действительно, тут же на месте выстрелил в него из своего револьвера. Некоторые из построившихся солдат бросились разбегаться во все стороны, иные остались стоять и с ужасом ожидали, что произойдет дальше. По убегающим начали стрелять из пулеметов с танков, которые стояли скрытыми в зарослях на краю поляны. Несколько залпов задело и тех солдат, которые оставались на месте. Люди падали на землю и молили о пощаде. Но автоматы продолжали строчить.

В тот же день, когда дивизия уже была распущена, поблизости от селения Лнарже было сосредоточено несколько тысяч ее бойцов, добровольно перешедших на сторону Красной армии. Их число за день продолжало увеличиваться людьми, захваченными чешскими «партизанами» на территории занятой Американской армией. Большинство из них состояло из бойцов перешедших на советскую сторону добровольно. Советские люди обращались с ними ничуть не лучше, чем с теми бойцами, которые были приведены насильно, и как тех, так и этих людей, держали на одном месте под сильной охраной. Отделяли лишь офицеров. Некоторые из них скрывались среди солдат, но последние, свои же люди, иногда сами их выдавали в руки советским. За весь день им ни разу не дали пищи.

iLfoeraetfig' 263

К вечеру им было приказано построиться снова. Перед построенной толпой, окруженной танками, было приведено и поставлено несколько десятков офицеров, которых тут же на месте расстреляли. Затем, к пленным подошло трое юных офицеров Красной армии. Они были

пьяными, громко разговаривали и смеялись. Один из них обратился к пленным с вопросом: «Ну, а кто из вас тут из Сталинграда? Подойдите ко мне!» Из рядов пленных вышло несколько человек и офицер, со словами «Земляки из Сталинграда...» вытащил свой револьвер и на месте застрелил их. Остальные бойцы бросились бежать в ряды выстроившейся части, но разъяренный офицер, лишенный разума под воздействием водки, продолжал стрелять. От его пуль падали как убегающие, так и те, которые согласно приказу стояли в рядах своей части.

На этом же месте сосредоточивали пленных в течение еще трех последующих дней. Они не получали почти никакой пищи и даже воду получали в ограниченном количестве. У них отобрали все, что они имели, начиная со спичек и кончая деньгами. Даже обувь, поскольку она была еще в хорошем состоянии, они должны были отдать, оставаясь босыми.

В руки Красной армии попал также и дивизионный лазарет, а вместе с ним и женщины-врачи, медицинские сестры, вспомогательный персонал и жены некоторых офицеров. Все они стали мишенью для издевательств и насилий. Больные и раненые были выброшены из санитарных машин и без оказания медицинской помощи присоединились к остальным пленным. В санитарной машине прибыл в Лнарже также лейт. Герхарт Бушманн, самолет которого был сбит над 3-м полком перед рузиньским аэродромом. Во время хаоса во второй половине дня, когда дивизионный лазарет попал в руки Красной армии, ему удалось бежать из санитарной машины и он, с ранением на ноге, отполз в ближайший лес. Некоторое время он скрывался, а потом на лесной дороге встретил пассажирскую автомашину с советским офицером. Будучи одетым в кожаном плаще без знаков, он по-русски приказал шоферу везти его в направлении, которое он ему указал. Они доехали до первой деревни, занятой обеими армиями. Автомашина остановилась около первого американского перевязочного пункта. Это произошло в семи километрах западнее от с. Лнарже.

На четвертый день пленных, оставшихся в живых, увели под сильной охраной в тыл армии. Во время этого перемещения снова происходили случаи насилия и стрельбы.

В частях, которые пришли в соприкосновение с бывшими бойцами 1-й дивизии, происходило специальное политобучение. Целью этого обучения было убедить всех солдат Красной армии в том, что они встретились с предателями родины, с немецкими наймитами, с людьми, к которым можно питать одну лишь ненависть, не оправдывать, не щадить, и только наказывать. Автор этих сведений, подполк. Артемьев, вспоминая о своей встрече с полк. Мищенко, солдаты которого производили все эти жестокости, спрашивает: «А где вы теперь, полковник Мищенко?». [\[213\]](#)

Относительно южной группы нам известно лишь о том, скольким ее бойцам удалось перейти в американский плен.

Таков был трагический конец Русской Освободительной Армии. Отдельные группы бывших солдат потом появлялись в разных тюрьмах и рабочих лагерях Советского Союза. С ними встретился и о них пишет Александр Солженицын, а также лейтенант Николай Краснов [\[214\]](#) и другие люди. В пятидесятых годах их постепенно начали отпускать и направлять на вновь заселяемые земли. Интересный отрывок информации непосредственно о судьбе ген. Власова и его группы появился в книге Леопольда Треппера: «Большая битва» (The Great Game), изданной в 1977-м году в переводе с французского языка в США. Место действия: камеры Лубянки в Москве. Автор встречался с рядом видных деятелей как в армии, так и в гражданской жизни, по мере того, как они проходили через камеры тюрьмы. Среди них был человек, имя которого автор не помнит, но согласно описанию его воинской должности и по остальным данным, это должен был быть ген. Жиленков. В те дни происходило заседание суда по делу ген. Власова и его группы. Каждый вечер охранники приводили этого

заклученного в камеру и он красочно и с циничной безучастностью рассказывал остальным заключенным о том, что в данный день происходило на суде. В первый день Власов сказал в зале суда: «Пусть ваше решение будет каким-угодно, но я войду в историю». На это в царившую в зале тишину Жиленков выкрикнул такие слова, которые встречаются лишь в самых дешевых романах. И если я представил личность ген. Жиленкова в дате книги в таком неприглядном свете, то потому, что убежден, что это по праву,

Особый подход к Освободительному движению имеется у писателя Александра Солженицына. Он лично соприкасался с русскими добровольцами как на фронте, будучи тогда капитаном Красной армии, так и позднее, как заключенный. Его отношение к оппозиции ген. Власова советскому строю не является положительным. В своей книге «Архипелаг ГУЛаг» он возвращается к истории РОА и к ее возникновению, пишет о ее темных сторонах, о деморализованной бригаде Каминского. Иногда, лишь с большим трудом можно различить, где кончается советский капитан артиллерии и где начинается личность автора в оппозиции, как мы его теперь знаем. Несмотря на неточности в тексте, которые не являются столь существенными, Солженицын совершенно обходит политическую концепцию программы КОНР, который представлял интересы и с которым отождествлялось значительно большее количество людей, чем допускает Солженицын. Политическая программа Комитета превысила пока все, что эмиграция из Восточной Европы и оппозиция восточной социалистической диктатуре когда-либо могла создать. Движение было целеустремленной организацией и если даже Солженицын утверждает, что понятие предательства обусловлено общественными причинами, а не биологическими и что в ходе создания своей книги будет возвращаться к этому феномену, он этого не сделал, будучи занятым лишь описанием потрясающих ужасов ГУЛага. ^[215]

Такое-же отношение к движению ген. Власова было и у украинского движения сопротивления. СС-дивизия

«Галиция», позднее 1-ая Украинская дивизия «Галичина», не отличалась той славной историей, как обе дивизии ген. Власова. Она лишь раз участвовала в боях на восточном фронте, была разгромлена в битве у гор. Броды в Словакии, стянута с фронта, реорганизована и к концу войны была включена в оборону на Южном фронте. Несмотря на это, действия ген. Власова остались для украинцев «власовщиной», с оттенком пренебрежения, как к чему-то неполноценному.

История отношений Освободительного движения к представителям Третьего Райха с самого начала отличалась особым характером, не предвещавшим хорошего конца. За каждым действием, за каждым проявлением всегда стояло взаимное недоверие обеих сторон. Эти отношения складывались так, как-будто оба участника выжидали, когда другой участник совершит ошибку. С одной стороны было чувство превосходства, а с другой чувство людей, которым было отказано проявить себя полностью. Неудивительно, что, наконец, одна сторона была убеждена, что она дает слишком много, а другая, что она получает слишком мало. Со временем это недоверие закономерно перешло в ненависть и у некоторых людей приобрело патологические формы. Пожалуй, больше всего это проявлялось у ген. Буняченко.

Необходимо принять во внимание также тот факт, который оказывает влияние на мышление и поступки каждого, кто провел долгие годы за линией, разделяющей западный мир от восточного. Каждый человек, приходящий с востока, как бы он ни боролся против порабощения своего духа, попадает на запад с ограниченным пониманием мира, в котором он очутился, создает неправильные реакции. Так это произошло и с ген. Власовым, с его офицерами, с солдатами, которые, сверх всего, впервые встретились с западным миром в нацистской Германии, опустошенной войной. Во время изучения материалов при создании данной книги, я натолкнулся на документы, которые для русских добровольцев не являются особенно лестными. Почему? Ответ следует искать не так в них самих, как в системе,

которая их сформировала и в заключение предала. Никто из них не был виновным в том, что накануне Второй мировой войны их наилучшие командные кадры были расстреляны, что Сталин заключил с Гитлером пакт о ненападении, что на войну они шли наученными лишь крикливыми пропагандными плакатами и что их сотнями тысяч уводил в лагеря для военнопленных их враг, который фактически не знал, что с ними делать, а поэтому относился к ним жестоко. Необходимо также неустанно помнить о наличии некоторых фактов, которые не являются общеизвестными. Советская власть не признала Гаагской конвенции 1907-го года, а также не ратифицировала и Женевскую конвенцию 1929-го года, которая точно определяет права военнопленных. С момента возникновения войны с Советским Союзом в июне 1941*-го года, германское правительство в собственных интересах постоянно делало попытки, через посредство Международного Красного Креста, привести статус военнопленных на обеих сторонах в соответствие с указанными конвенциями. Когда на все эти попытки не поступило никакого ответа с советской стороны, то попытки договориться предпринял Международный Красный Крест непосредственно сам, но тоже не достиг никаких результатов. Миллионы пленных солдат Красной армии дождались от своей родины лишь заявления Сталина, что таковых не существует, а если они имеются, то, как предатели родины, сложившие оружие, они лишаются гражданских прав, как если никогда не существовали. Гитлер лично настаивал на том, чтобы работники МКК посещали лагеря для военнопленных, и настаивая на том, чтобы пленным на обеих сторонах доставлялась почта. И эта попытка натолкнулась на холодный отказ советской стороны, повторивших вновь, что никаких советских пленных не существует, с добавлением вышеуказанного текста. Поэтому каждого советского человека ожидала смерть. В немецких лагерях — от голода, в лагерях западных союзников — от репатриации в Советский Союз. В силу всего этого большим лицемерием является обвинение в жестокости лишь нацистской Германии. В отношении к советским

военнопленным это было естественным последствием того, что если одна сторона не соблюдает правил игры, то не будет придерживаться и другая сторона. Конечно, этим я не хочу уменьшить долю виновности немецкой стороны в несчастном состоянии советских военнопленных, но справедливость в руках победителя установила меры наказания за это порабощение прав человека исключительно односторонним образом. [\[216\]](#)

Не только голод заставил пленных сменить форму, как это в упрощенном виде подают некоторые писатели. Их предала собственная родина, отказавшаяся от них, они перестали для нее существовать, да еще в таком количестве, которому до сих пор еще не было аналогии.

Эпилог

2-го августа 1946-го года газета «Известия» поместила следующее сообщение:

Военная коллегия Верховного суда СССР пересмотрела дело по обвинению А. А. Власова, В. Ф. Малышкина, Г. Н. Жиленкова, Ф. И. Трухина, В. И. Закутного, С. К. Буняченко, Г. А. Зверева, В. Д. Корбукова и Н. С. Шатова в государственной измене, активном шпионаже и террористической деятельности... и приговорила обвиняемых к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение.

Трагичное событие стало очевидным. Но несравненно худшим и непростительным является непонимание. Ни одна из участвовавших сторон до сих пор не поняла, в чем тогда, на самом склоне войны, заключалась суть всего дела. Ни одна не поняла, кроме, конечно, советской стороны.

До того времени, когда эти события станут в учебниках истории абзацем с объективным изложением всего происшедшего, к сожалению, никто из участников этих событий не доживет.

Послесловие

К ЧЕШСКОМУ ИЗДАНИЮ

Саул Белоу в своей книге «В Иерусалим и обратно» приводит весьма хорошее выражение: «Мы, американцы, являемся самыми информированными людьми во всем мире. В результате этого мы не знаем ничего». Я понимаю его так, что он косвенно выражает мысль, которая уже долгие годы засела в моей голове: т. е., что книги, а также средства массового осведомления, лишь информируют большинство людей, но не поучают. Это может сделать лишь чисто личный опыт. Люди, у которых познание европейского или афро-азиатского мира ограничивается лишь прессой и телевидением, хоть и могут о нем знать почти все, все-же ничего не знают о нем, а поэтому не в состоянии из его опыта делать выводы для себя. Они не знают его путем глубокого переживания, как сообщения о карательных отрядах в Камбодже переносят в чувство пережитого ужаса, как нас переживших это, охватывало при виде объявлений, гласящих: «За одобрение покушения на господина представителя...».

* * *

Как-то в 1943 году иллюстрированный журнал «Сигнал», издававшийся на нескольких языках Национал-социалистической партией трудящихся Германии для читателей в странах т. наз. Новой Европы, поместил большую статью о новой армии, которая сформировалась численностью почти в один миллион бойцов — в составе остальных армий Новой Европы, среди которых были бельгийские, норвежские, хорватские, эстонские, литовские, латышские и мусульманские дивизии СС, подразделения народов Советского Союза, армия Словацкого государства, испанская Голубая дивизия, английские, татарские и другие СС-подразделения. Это была «Die Wlasow Агтее» армия, во главе которой, согласно немецкой пропаганде, стоял А. А. Власов. Одновременно с этим немецкая звуковая кинохроника демонстрировала также кинокадры, снятые во время

тренировки этих солдат: бойцы в немецких касках Вермахта, но с русскими лицами, бросали ручные гранаты, стреляли из автоматов, пушек и ракетометчиков.

Я живо вспоминаю о своих ощущениях, когда я сидел в кинематографе — в относительной безопасности Протектората — и смотрел на этих солдат. Тревожное чувство опасения, как бы это свежее и колоссальное войско не отдалило бы конца войны, но главное, удивление, чувство отвращения и, наконец, непонятная неприязнь к людям, которые объединились с немцами! После опыта из антинемецкого подполья (см. роман «Случай инженера человеческих душ») и после катыньского потрясения, которому я честно но безрезультатно, старался не верить, у меня, правда, не было больших иллюзий относительно Советского Союза; жестокости Национал-социалистической партии трудящихся Германии, производимые во время недавней «гайдрихады», были составной частью моего собственного переживания, в то время как катыньские события были дашь сообщениями немецких информационных посредников, а Советский Союз, ничего не подделаешь, был тогда союзником. Мне не приходило в голову того, о чем, гораздо позднее, говорил Солженицын: что миллион русских предателей родины является, очевидно исключительным явлением в истории военного дела, которое невозможно объяснить никакой биологической особенностью русского народа, кроме общественными условиями, в которых русский народ жил в то время уже четверть столетия.

Я был потрясен. Я испытывал отвращение к этим людям, а после окончания войны, когда пресса, попугайничая пресыщенные нравоучительством и самодовольствием слова советских судебных бюрократов, обвинила их всех без разговора, огулом в измене родине, — я должен признаться, что тогда я не задумывался об этом.

* * *

Затем проходили годы и в мой личный опыт вписались события пятидесятых годов: сотни казней политических «преступников», в их числе Милада Горакова, Завиш Каланда, ген. Пика и множество иных людей с менее известными именами — и, конечно, также Клементис, Марголиус, Симонэ, — да еще урановые концентрационные лагеря и в них десятки тысяч менее тяжелых «преступников», от которых я, поскольку дело идет об этом опыте, отличался лишь тем, что мне повезло больше. Все эти иные, маленькие, каждодневные радости в жизни в условиях тоталитарной системы, завершившиеся переживанием колоссального захвата страны в ночь на 21-го августа 1968-го года, а после него «Boat people» (люди в лодке), Камбоджа, Ангола... Я ушел на запад и в мои руки попали, ранее недоступные, книги о том забытом миллионе «предателей родины».

И мне начало казаться, что все это произошло совсем иначе.

* * *

Я начинал понемногу понимать. И все время — как Солженицын — не мог избавиться от разных оговорок. Да, безусловно, в адских условиях в лагерях для военнопленных выбор был только между жалкой смертью или поступлением во Власовскую армию. Человек, который этого не пережил, не должен судить. По крайней мере, не строго. И все-таки, бороться за нацизм — против собственной родины —

Но — была это их родина?

За что они боролись?

Против кого?

Почему?

Наконец, медленно и совсем не так уж легко, я избавился от любого искушения осуждать их даже самым малейшим образом. Я перестал думать о кривизнах идеологий и шовинизма и начал видеть лишь их человеческое положение. И оно было трагичным.

Я себе представляю типичного русского солдата 1941-45 гг., которому во время возникновения войны было двадцать лет. Он чуть выплыл из туманных грез детства — да и оно было отмечено жестокостями Гражданской войны и ленинизации — и начал воспринимать окружающий его мир; в его стране последовали одно за другим события, которые должны были затуманить любую ясность идеологического небосклона и привести в замешательство нормально мыслящего человека. Огромные чистки, после которых в СССР осталось не так уж много таких семейств, где среди ее членов не было хотя бы одного политического «преступника». Колоссальные концентрационные лагеря вблизи полярного круга, население которых составляли преимущественно такие «преступники», ставшие таковыми, как мы теперь знаем, лишь в силу того, что ЧЕКА или ГПУ или же КГБ просто должны были выполнить план преступности, главным образом, своей собственной. Юноша, у которого в ледяных лагерях Сибири исчез отец, младшая сестра или невеста, едва ли мог думать о системе в своей стране так, как он должен был думать по принуждению.

В то время в Германии, к власти пробивался национал-социализм. Его сначала представили юноше, как какое-то небольшое зло — главным врагом Советов была социал-демократия, «предатели» рабочего класса (и в подсознание юноши так вошли дальнейшие из галереи предателей — эсеры, кадеты, меньшевики, троцкисты и проч.), и после этого должны были следовать еще многие другие, все одинаково туманные, и удивительно — все стремящиеся к установлению социализма! Вскоре после сталинской директивы о борьбе против социал-демократов, а не борьбы против национал-социалистов, в Германии пришли к власти национал-социалисты и устроили короткий процесс над социал-демократическими предателями рабочего класса. Такой же короткий процесс они одновременно устроили и над коммунистами, а в течение последующих шести лет оповестительные средства его родины информировали юношу о том, что предателями рабочего класса, а поэтому и его кровным врагом, с незапамятных времен были именно эти

национал-социалисты. Потом весной 1939-го года, они вдруг ни с того, ни с сего, стали друзьями и — союзниками! Не прошел и год, как его собственная родина участвовала вместе с ними в военном нападении на буржуазную Польшу и дружески ее поделила. Но союзники буржуазной Польши, империалистическая Англия и Франция, упорно продолжали вести войну, которая, как юношу информировали оповестительные средства его страны, была грязной войной западных капиталистов против германских рабочих в форме. В то время в Англии, чешские бойцы-коммунисты раздавали своим товарищам по оружию летучки с подобной идеологией.^[217] Что этот юноша должен был подумать, когда, например, 23-го августа он читал в Московской Правде: Вследствие ратификации пакта, враждебные отношения между Германией и Советским Союзом становятся делом прошлого; эта враждебность, которую искусственно вызвали к жизни поджигатели войны... После распада польского государства, Германия предложила Франции и Англии закончить войну — предложение, которое поддерживал и Советский Союз. Но они не желали об этом даже слышать...^[218] Как юноша должен был смотреть на немецких национал-социалистов, когда его страна вдруг начала постав. лять в Германию советское зерно, хлопок, дерево и масла, а также марганец и хром, столь необходимые, например, для производства танковой брони? Или когда немецкие военные делегации посещали советские, а советские делегации посещали немецкие объекты оружейной промышленности? Когда точно в соответствии с пактом, Сталин выдал Гитлеру около 500 иных предателей, на этот раз германских граждан-коммунистов, которые после 1933-го года бежали в Советский Союз, — и юноша уже не знал достаточно хорошо, от кого они бежали, от социал-демократов или от рабочих, сорганизованных в Национал-социалистической партии трудящихся Германии.^[219] В голове юноши, герметически изолированного от всего остального мира, начинала возникать большая неразбериха.

А затем вдруг в ночь на 21-го июня 1941-го года рабочие в немецких формах решительно навалились на его страну всей своей колоссальной военной мощью. Юноша, тоже уже в форме, был со своей частью где-то на Украине и вскоре после этого оказался в котле событий. Боеприпасов было немного. Был один лишь хаос. Юноша попал в плен.

И очутился в лагере для военнопленных. Это не был даже лагерь в традиционном смысле этого слова. На участке территории, обнесенном колючей проволокой, не было ни лачуг, ни палаток. Не было почти никакой пищи. Едва была вода. Пленные умирали тысячами.

Потом, юноше — может быть рабочие в формах, может быть уже офицеры из окружения Власова — передали текст заявления Сталина: Русских военнопленных не существует. Русский солдат борется до тех пор, пока не умрет. Если же он избрал плен, то этим автоматически исключается из общества русского народа.^[220] Может быть юноша избрал плен лишь потому, что был ранен и попал в него в без сознательном состоянии, как его на поле сражения оставило неспособное советское командование.

И, наконец, в лагере появились офицеры Власова, они говорили об освобождении России от Сталина и от большевиков. Что, — после всего этого, — в мыслях юноши сочетались с понятиями Сталина и большевизмом? У юноши, который в лагере умирал от голода только потому, что Гитлеру не удалось убедить Сталина признать Гаагскую конвенцию о правах военнопленных. Гитлеру, который вплоть до сентября 1941-го года в надежде на такое соглашение, велел регулярно посылать списки русских военнопленных советскому правительству через Международный Красный Крест.^[221]

Юноша вступил в ряды РОА.

Он не хотел воевать за социализм. Он хотел бороться против Сталина. В какое, в конце концов, из многих социалистических направлений он должен был верить, когда о себе из своих же осведомительных источников он

попеременно узнавал то самое худшее, то самое лучшее, зная лишь одно наверняка: информаторы из сталинской среды лгут.

А затем, находясь уже в форме армии германских рабочих, у него начали разрушаться и все иллюзии относительно борьбы против Сталина.

Наконец, обессиленный, он сидел на лужайке близ селения Лнарже в Чехии, раненый за несколько дней до этого эсесовской пулей во время боев в Праге, и уже не мог, не хотел идти дальше.

Он перешел добровольно в советский плен. А потом его расстреляли или отвезли туда, где находился отец — его младшая сестра или невеста — куда-то вблизи полярного круга.

Люди с хорошо упитанными — несмотря на все военные переживания — лицами, в форме военных прокуроров, люди, следовавшие за Красной армией, но вне досягаемости стрельбы из немецких орудий, осудили его строго, как предателя родины. Они отличались той нарочитой непредвзятостью и преданностью строгой справедливости, какой исполнены люди, выносящие решения о вердиктах смерти, но которые сами не находятся в безопасности от смерти, как о таких героях с боязливостью и порицанием писал Хемингвей.

* * *

Таким образом это была обыкновенная, человеческая трагедия. Ничего иного. Я, конечно, знаю, что когда-то давно, к этому движению, достигшему апогея грубой силы под водительством Сталина, тянулись идеалы, которым явно симпатизировала, еще задолго до этого, например, и писательница Вожена Немцова. Но что у них было общего с безымянным, дезинформированным юношей, находящимся в аду концентрационного лагеря? Возможно, что к заключению пакта с Гитлером привели Сталина вовсе не политические симпатии (да и кто теперь может с уверенностью сказать? Геббельс, как свидетельствуют его выступления, был в большом восторге от Ленина), но

чисто стратегические спекуляции. Какое же они имеют отношение к юноше, который в советских журналах видел фотоснимки Молотова, пожимающего руку Риббентропа?

* * *

Что же представляет собой Власов и его офицеры? Они, наверное, знали о чистках, об убийствах больше чем юноша. Они помнили о массовой ликвидации кадет, эсеров, всевозможных «классовых врагов», которых юноша не переживал. Они помнили о десятках, сотнях хороших друзей, коллег в офицерских формах Красной армии, которые в результате бессмысленных параноических сталинских чисток закончили свою жизнь перед карательным отрядом. Они помнили об иных идеалах, социалистических, как и демократических, но не связанных с потоками крови. Одинаковая информационная изолированность и идеологическая неразбериха были и их уделом.

Может быть у них были какие-то идеалы относительно национал-социализма? Может быть они ничего не знали о еврейском *Endlosung*? О планах «людей высшей расы» на будущее? Или они знали, предчувствовали, но не обращали внимания на все это, руководимые прогнозами будущего более трезвыми взглядами, чем патологические грезы Розенбергов и Гиммлеров?

Я не знаю. Среди них — всех, как офицеров, так и солдат — явно было также немало обыкновенных искателей приключений, нравственно опустившихся (почему?) и несчастных людей, хватавшихся в жутком водовороте смерти бурлящей Европы за людей с русской речью, как тонущий хватается за стебелек. Не знаю. Но кажется несомненным, что когда после долгих оттягиваний, им, наконец, идеологические искатели национал-социалистического движения разрешили участвовать в этой борьбе, они стремились лишь к сохранению армии. Для чего? Для новой войны, которая должна была начаться еще перед окончанием этой войны, в колесном механизме которого они так отчаянно завязли. Для нового похода против Сталина, на этот раз в союзе с

армиями демократических стран запада, может быть и вместе с остатками германской армии, избавленной, конечно, от Гитлера и его рабочей партии. Может быть, даже вместе с остатками вооруженных частей СС, которые, между тем, уже в ускоренном порядке заменяли идеологии о чистой и совершенной расе туманной идеологией похода европейских народов против большевизма. Впрочем, о таких прогнозах на будущее слухи распространялись в самой же Германии. Я никогда не забуду об английском капрале Сидделле, которому я помогал бежать из лагеря в Кладске, с опаской спросившего меня — что мне тогда показалось бессмыслицей — началась ли уже война между англо-американцами и русскими.

Не знаю. Во всем этом явно было много политической наивности и паники. Ненависть к тому, кто их так страшно обидел, превышала симпатии к тем, которых обидел кто-то другой. Эмоции затмили разум, рассудительность, осмотрительность — всех этих надежных и сомнительных помощников «мудрых» людей.

Сидя в университетском кабинете и находясь на континенте, по которому последняя война прокатилась в шестидесятых годах 19-го столетия, где никогда не было ни одного даже самого наидоброжелательнейшего диктатора, рассуждается иначе, чем рассуждалось в смертоносных лагерях Третьего Рейха, в хаосе переплетающихся линий фронта во время самой жесточайшей из всех войн. Мы тогда, находясь в своей собственной шкуре, — тоже рассуждали иначе, чем рассуждали они в их собственной шкуре. Находясь же в нашей нынешней шкуре...

Не знаю!

* * *

Книга Станислава Ауского не идеализирует власовцев: это более чем очевидно из многих ее отрывков. Но он стремится добиться для них справедливости. Если кому-нибудь покажется, что он иногда повествует о них с симпатиями, выходящими за рамки исторической

объективности, к которой он явно стремится, то это лишь незначительное облачко на фоне научного небосклона, исчезающее под черной тучей советской историографии, в которой нет и следа не только объективности, но даже малейшего намека на понимание человеческого положения.

Также и нам она сообщает кое-что о Пражском восстании, чего мы до сих пор не знали.

Естественно, что нам, пережившим всю тяжесть благославения национал-социализма партии трудящихся Германии на собственном горбе, вряд-ли удастся избежать наплыва смешанных чувств при виде всех этих русских лиц в формах, которые нам напоминают нерусские лица в тех же формах.

Но может быть мы сможем — и я думаю, что нам следовало бы — свои воспоминания о людях в Бухенвальде соединить одновременно с воспоминанием о русском солдате, преданном «великим маршалом» его же собственной родине и безжалостно умирающем от голода в лагере для военнопленных.

В конце концов, в этом химерическом устройстве национал-социалистического перевоспитания людей погибло и немало христианских священников.

Д-р Йосиф Шкворецкий.

Приложения

ОРГАНИЗАЦИЯ КОНР

Председатель: ген. — лейт. Андрей Андреевич Власов.

Личная канцелярия председателя; полк. Константин

Григорьевич Кромиади. Начальник секретариата: Д. А. Левитский.

Национальные комитеты отдельных народов:

Великорусский: ген, Василий Федорович Малышкин.

Украинский национальный совет: проф. Федор Пар-

фенович Богатырчук. Белорусский национальный совет: Н. Н. Будзилович. Народы Кавказа: проф. А. С. Цагол. Туркестанский:?

Узбекский, Туркменский, Казахский, Киргизский: Усен Кашалок, Тактасы Шоктаназаров, Омар-хан Ахмедиян, Рахим Бурханов и Абышев. Главное управление казачьих войск: ген. Георгий Васильевич Татаркин, ген. Е. И. Балабин, ген. Ф. Ф. Абрамов.

Организационное отделение: ген. Василий Федорович Малышкин.

Отделение гражданского управления: ген. Дмитрий Ефимович Закутный.

Отдел пропаганды: ген. Георгий Николаевич Жиленков, заместитель: полковник Алексей Иванович Спиридонов, инженер Владимир Николаевич Петров-Секция по делам сношений с правительственными учреждениями: Юрий Сергеевич Жеребков.

Составители «Манифеста»: А. Н. Зайцев, Н. А. Нарейкис (Троицкий), Ковальчук.

Отдел социальной помощи: Алексеев.

Отдел культуры и искусства: Игорь Л. Новосильцев.

Финансовый отдел: проф. Андреев.

Идеологический отдел: ген. Александр Николаевич Зайцев.

Юридический отдел: проф. Grimm. Отдел снабжения: майор Шишкевич,

Нач. «Союза Боевой Молодежи»: майор Ф. И. Легостаев.

Начальник Радиостанции: С. Н. Дубровский (Сверчков)).

Духовное обслуживание: Будзилович, представитель церкви при КОНР...Синод Русской православной церкви за границей, с митрополитом Анастасией (из Югославии) и с духовенством, не был в подчинении ген. Власова, но слу-. жил нуждам Освободительного Движения.

ШТАБ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ КОНР

Начальник штаба: ген. — майор Федор Иванович Трухин.

Зам. начальника штаба: ген. — майор Владимир Боярский.

Оперативный отдел: полк. И. Г. Нерянин (А. Г. Алдан).

Информационный отдел: майор Грачев.

Отдел разведки: кап. Пурик.

Служба связи: полк. Корбуков.

Отдел типографии: полк. Васильев.

Отдел шифрования: майор Поляков.

Организационный отдел: полк. Денисов.

Отдел обучения: ген. — майор Ассберг.

Личный отдел: полк. В. Поздняков.

Отдел пропаганды: Н. Г. Штифанов, Д. Д. Похомарчук (Падунов), М. Залевский. «Воля Народа»: редакторы ген. Жиленков, А. Казанцев.

«За родину»: редактор Пятницкий. «Заря»,
«Доброволец»: редакторы Зыков, Ковальчук,
Эристов.

Судебный отдел: прокурор Гаранин (Синицин),

полк. Гордеев. Начальник танковых войск: полк. Г. И. Антонов. Начальник артиллерии: ген. Богданов? Начальник Военно-Воздушных Сил: ген. В. И. Мальцев. Служба вооружения: ген. — майор Севастьянов. Преподаватели Школы в Дабендорфе:

А. Н. Зайцев, Н. Г. Штифанов, К. А. Крылов,

И. А. Ефимов, В. Осокин.

Начальник строевых курсов: майор Ф. И. Легостаев.

Медико-санитарная служба: полк. проф. Новиков. Военный госпиталь в г. Кемптен организации. Ветеринарная служба: майор Сараев. Отдел финансов: кап. Петров. Офицерский запас: подполк. Малешкиевич.

Отряд безопасности: подполк. Николай Тензорев (Ветлюгин).

Командир личной охраны ген. Власова: кап. Михаил Васильевич Шатов (Каштанов). Запасная бригада: полк. Койда;

начальник штаба подполк. Садовников. Полк снабжения: подполк. Власов-Офицерское училище: ген. — майор Михаил Александрович Меандров.

Протопресвитер Армии: протоиерей Д. Константинов. Духовник Штаба Армии: протоиерей А. Киселев.

В штабе армии был также командир запланированной 3-й пехотной дивизии, ген. — майор Шаповалов.

Штаб армии держал связь и оказывал влияние только на 2-ую дивизию, Офицерское училище и часть штабных частей, как они приводятся в перечне. Он не поддерживал действительного контакта со своей вышестоящей организацией, с КОНР, а с середины апреля 1945 года и с 1-й дивизией. Кроме того в штабе

находилось несколько генералов и немалое количество офицеров без зачисления. Неясно также, какое к штабу имели отношение Смешанная авиадивизия генерала Мальцева и комендатура вспомогательных войск подполк. Попова.

НЕМЕЦКИЕ ВНЕПРАЖСКИЕ ЧАСТИ

Общее положение во время перемещения внепразжских немецких частей изображено на карте № 5. Обозначение номерами направлений их перемещения соответствует номерам в описании их деятельности в данном приложении.

Во время участия в Пражском восстании, 1-я дивизия РОА столкнулась лишь с частью этих немецких войск. Для полноты картины военных действий в те дни, я привожу общее положение, как удалось восстановить его:

(1)(2) Эти два указания направления показывают наступление ударных групп из учебного района «Бё- мен», находившегося южнее гор. Бенешов, которым пользовались части СС. Это были преимущественно резервные и учебные подразделения, часть которых принималась в расчет при формировании СС дивизии «Валленштейн». В составе организации вооруженных сил СС у дивизии до того времени еще не было своего цифрового обозначения, поэтому она не приводится ни в одной из организационных схем вооруженных сил СС. Согласно неполным данным, предусматривалось создание двух полков, а для начала организационных работ был назначен начальник штаба дивизии, SS-Obersturmbannführer (подполковник)

Франц Кнебел, который пал во время отступления из Праги. 6-го мая с утра эти боевые группы двумя колоннами повели наступление на Прагу с юга и были единственными внепразжскими частями, помимо рузиньского гарнизона, с которыми вела бои 1-я дивизия РОА (Разведывательный дивизион, 1-й и 2-й полки). Наименования частей, как они приводятся в ниже следующих абзацах, обозначают их первоначальное назначение. Во время описываемых событий — кроме частей определено танкового состава — они имели характер пехотных боевых групп.

(1) Ударными группами этой колонны командовал СС-полковник фон Клейн. От Пиковиц наступал 4-й сапёрно-резервный и учебный батальон под командой SS-Stubaf. Саллера, вдоль реки Саза-вы, а затем по восточному берегу реки Влтавы. В Збраславе он перешел Влтаву для дальнейшего следования к Праге по западному берегу реки. Вероятнее всего, что Разведывательный дивизион 1-й дивизии натолкнулся именно на эту часть. Положение на слиянии Влтавы с рекой Беровкой должно было быть весьма сложным в утренние часы 6-го мая. Его можно описать только путём реконструирования ввиду того, что прямых доказательств установить направления наступавших частей у нас нет. После боевого столкновения между этими двумя частями, Разведывательный дивизион 1-й дивизии продвигался на север, к предместьям Праги. За ним следовал авангардный отряд 4-го СС сапёрного батальона. Этот авангард должен был попасть в тяжёлое положение, т. к. за Разведывательным дивизионом следовал 1-й полк РОА. При таком положении, авангард 4-го СС сапёрного батальона должен был перейти в Бранике на восточный берег Влтавы. Во время следования 1-го полка РОА, части СС не могли продвигаться дальше и их дальнейшее продвижение могло начаться лишь после прохождения 1-го полка. В дальнейшем продвижении они наткнулись на подразделения 2-го полка РОА, который из Йиновиц был направлен в долину Влтавы. Части 2-го полка продвинулись с боями вплоть до сел. Лаговички, где оставались в оборонной позиции вплоть до утра 8-го мая. До тех пор, пока в данном районе находился 2-й полк РОА наступление немецких частей не могло продолжаться * ся вдоль западного и частично восточного берега Влтавы в направлении к Праге. По рапорту командира Разведывательного дивизиона майора Кос-тенко, общее количество частей СС было приблизительно 800 бойцов и 6 танков типа «Тигр», что в количественном отношении соответствовало бы боевой группе с численностью усиленного батальона. За 4-м СС сапёрным батальоном продвигалось СС-сапёрное училище из Градишка, 13. Res.

Fuhrer-Lehrgang, обозначенное в немецких источниках как батальон Шайгерт.

(2) Боевыми группами на восточном берегу Влтавы командовал СС-полковник Юрхел. 6-го мая вечером они дошли до района Кунратице и на следующий день столкнулись с подразделениями 1-го полка РОА и с обороной пражских повстанцев в районах Праги Михле, охоло здания суда и тюрьмы на Панкрации и в Крчи. Это были боевые группы, составленные из частей СС артиллерийского училища II, находившегося в г. Бенешов. Ими были велосипедный дивизион Крёнер и СС-артиллерийская боевая группа Гаттингер. Эти части, несмотря на сопротивление повстанцев, продвигались с упорными боями и тяжелыми потерями и 8-го мая пробились вплоть до центра Праги. Из района гор. Бенешов, по направлению к Праге наступал СС батальон Штеурих. Он дошел только до района гор. Збраслав, где 7-го и 8-го мая укрепил федмостную позицию на восточном берегу Влтавы, а во время отступления немецких частей из Праги 8-го мая, взял на себя задание арьергарда по направлению следования Прага— Пльзень. Это была та часть, к которой относилось дополнение к капитуляционному документу ген. Туссена. В качестве арьергарда, он продолжал вести бои в районе Праги Годковички вплоть до ухода всех немецких частей.

Из района Войков (восточнее Седлчан) в Прагу продвинулась СС боевая группа Якобе (22. Puh-gerbewerber-Lehrgang, СС танкового училища и

Училища самоходной артиллерии). Эта часть должна была добраться до Праги еще до восстания, т. к. она участвовала в боях на Градчанах и в различных местах в центре города. Согласно чешским источникам, часть танковых подразделении перебрасывалась из Бенешова железнодорожным транспортом. Разрушения, произведенные в районе гор. Черчаны, помешали этой части проникнуть в предместье Праги. По-видимому это относилось к СС резервному и учебному танковому подразделению из района Букованы—Тынице-на-Сазаве.

(3)(4)(5) Указания этих направлений отображают наступление боевых групп СС из учебного лагеря в Миловицах.

В чешских источниках утверждается, что по этим трем направлениям продвигалась к Праге 5-я СС танковая дивизия «Викинг». Необходимо констатировать, что эта дивизия была 5-го мая в районе гор. Штырски Градец (Грац) в Австрии; до 8-го мая вела отступательные бои и в тот же день оторвалась от фронта и переместилась через Тироль в район гор. Ваграйн, где перешла в американский плен. До сих пор мне не удалось установить, какие именно части наступали по этим трём направлениям. По определению, что это не относилось к танковой дивизии. Такая мощная часть не появлялась в районе Праги. Все три колонны продвигались вперед, несмотря на сопротивление, оказываемое повстанцами в окрестностях Праги, в районе аэродрома в Кбелах, в районах Глоубетин, Кыйе и Грдлоржезы, и 8-го мая они пробились до площади «Петрске намести».

(6) Наступление усиленного полка СС «Der Fuhrer» (DF), составной части 2-й SS Panzer div. «Das Reich». Следование и перемещение этого полка по

всей территории Центральной Европы характеризует положение в командовании вооруженных сил немецкой армии в конце войны. Дивизия «Дас Рейх», как целостная часть, к концу войны перестала существовать. Полк «Дейчланд» воевал в Австрии, а остаток дивизии был включен в бои в районе гор. Дрезден.

26-го апреля, полк «ДФ» был переведен по железнодорожному пути в район Пассау. Там он получил дальнейший приказ переместиться на север по направлению Будейовице—Йиглава, с пред-полагаемыми боями в районе гор. Брно. 27-го апреля во время перехода на назначенное место приказ был изменён и полк отозван в район севернее гор. Дрезден, откуда планировалось произвести облегчающую положение атаку с дополнительными танковыми и моторизованными дивизиями в направлении на Берлин. 2-го мая этот приказ

был отменён. 3-го мая поступил приказ о перемещении в район Вахау. 5-го мая полк должен был вступить в бои в районе Баузен—Гёрлитц. И этот приказ был отменён.

Наконец, 6-го мая полк получил ясный приказ: повести наступление на Прагу, где происходило восстание. Для исполнения этого приказа и создания боевой группы, полк был пополнен следующими частями:

— одной разведывательной танковой ротой (из Разведывательного дивизионного танкового подразделения);

— одной разведывательной танковой ротой (из армейских частей);

— одним артиллерийским дивизионом (из 2-го артиллерийского полка дивизии).

Полком командовал SS-Obersturmbannführer (подполковник) Отто Вендингер. Боевая группа была выделена из состава дивизии и подчинена армейской группе «Центр», с которой поддерживала прямую радиосвязь. Это были единственные части СС дивизии «Дас Рейх», которые участвовали в пражской боевой операции.

Заданием этой боевой группы было пробить себе дорогу в Прагу, участвовать в подавлении восстания, пробиться до площади Platz der Wehrmacht (ныне Площадь Октябрьской революции) в районе Дейвице и там получить от начальника пражского гарнизона дальнейшие приказы. В общей сложности, вместе с остальными частями, эта группа должна была обеспечить беспрепятственное отступление армейской группы «Центр» через пражский коммуникационный узел. Для чинов этой боевой группы было ясным, что дело идёт о последней боевой операции в этой войне.

Полк вышел в поход в 05.00 часов и без особых происшествий проследовал через Арнс-дорф, Дипполитшвалде в г. Литомержице. Там командир полка узнал в С С Училище связи, что согласно радиосообщениям Прагу занимают выдвинутые вперед

части Американской армии. Ввиду того, что все боевые действия против западных союзников были приостановлены, командир полка запросил дальнейшие директивы от штаба Армейской группы. Ответ гласил: «Не прослушивать вражеских радиопередач. Задание привести в исполнение в кратчайший срок».

В 16.00 часов передовая часть колонны дошла до района Одолена Вода. На первые преграждения на пути следования, как и с сопротивлением, полк натолкнулся в вечерние часы в сел. Долни Хабры. После преодоления сопротивления полк занялся устранением преграждений на дороге при свете танковых рефлекторов. По мере их приближения к Праге, количество преграждений и баррикад увеличивалось, а также росло сопротивление повстанцев, что значительно замедлило движение полка. К окраинам Кобылиса, севернее Праги, полк дошел в 23.00 часа.

На следующий день, 7-го мая, он с боями дошел до Тройского моста (ныне Мост баррикадников). Во время сопротивления в Кобылисах полк потерял 25 бойцов убитыми. В этот день попеременно велись бои и переговоры с чешским парламентарием, старшим лейтенантом армии, который пытался добиться прекращения боёв и настаивал на том, чтобы полк отошел обратно в Литомержи-це. Командир полка ДФ заявил чешскому парламентарю, что это не является его заданием. Полученный им приказ ясно гласил: достигнуть района Дейвице, что он предпочёл бы выполнить без боя. Сопротивление чехов он считает бессмысленным, т. к. они хорошо знают, что своей национальной цели — освобождения от немцев — они всё-равно достигнут через несколько дней без боёв. Ответственность за убитых на обеих сторонах и дальнейшее разрушение города падает, таким образом, на повстанцев. Таковой была точка зрения командира полка.

8-го мая бои продолжались, пока на другом берегу Влтавы создавалось предмостное укрепление. Прислушиваясь к сообщениям о ходе переговоров о капитуляции пражского гарнизона, полк не вел

дальнейших боевых операций. Офицер связи армейской группы прошел на чешскую сторону в качестве парламентаря с предложением командира полка: свободный проход без боёв через площадь Plate der Wehrmacht. Парламентарь должен был вернуться до 15.00 час. и тогда полк прекратил бы боевые операции. Когда в 16.00 час. парламентарь не вернулся, командир полка дал приказ к дальнейшей атаке. В момент, когда тяжелые орудия приступили к стрельбе, от выдвинутых вперед подразделений 2-го батальона поступило сообщение о том, что парламентарь возвращается. В то время, по радиосообщениям уже было известно, что в 16.00 часов наступило перемирие и что в 19.00 часов будут открыты дорожные заставы и немецкие части получают право свободного прохождения через город. С этого момента для части Panzergrenadierregiment «Der Fuehrer» война закончилась.

В чешских источниках обо всех немецких частях не написано так много, как об этом полке. Я не имею умысла приписывать ни героизма, ни жестокости * любой из воюющих сторон. Война сама по себе является проявления насилия. Долю участия в ней несут обе стороны. В данном случае необходимо констатировать, что боевая группа ДФ полка состояла из трех пехотных батальонов[

*) Полк ДФ оставил в районе Дрездена 3-ью и 4-ую роты, которые не могли соединиться с полком из-за отсутствия моторизованных средств передвижения. На коммуникационных путях, переполненных отступающими на запад армией и беженцами, им удалось перейти границу лишь 7-го мая ночью близ Зинвальда. Ввиду того, что положение на коммуникационных путях неустанно ухудшалось, обе роты добрались 8-го мая только до гор. Усти-на-Лабе. В этом районе, в надежде на возможность соединения со своим полком, они оставались до вечерних часов 12-го мая. В этот вечер, группа уничтожила свое оружие и автомашины и без боев вышла на территорию Германии.

], двух танковых рот и одного артиллерийского дивизиона вместе с полковой артиллерией. Если эта огневая сила была бы использована действительно беспощадно, то бой должен был бы ограничиться уничтожающим воздействием на тяжелые орудия. Согласно показания командира полка, в его мыслях не было ничего подобного.

Полк дошел до Дейвиц без затруднений и в 20.00 час. командир полка представился немецкому коменданту города Праги генералу Туссену. Последний предлагал, чтобы полк отступил из Праги в направлении на юг, т. к. район Рузынь занят частями армии ген. Власова, которые сражаются против немецкой армии. Но командир полка решил отступить прямо на запад, в направлении на Пльзень, где, как он определенно знал, он перейдет в американский плен. Моторизованная колонна ДФ полка покинула Прагу еще в ту же ночь. Вместе с этим полком Прагу покинули К. Г. Франк и немецкий гарнизон Пражского замка. Моторизованная колонна использовала каждое место в своих автомашинах, чтобы помочь эвакуироваться из Праги немецкому гражданскому населению. Когда она покинула Прагу, то в её составе было приблизительно 1.000 автомашин.

9-го мая рано утром, передовая часть колонны следовала через Рузынь. С частями 1-й дивизии она не встретилась, т. к. они в то время приближались к гор. Пршибрам.

Около 10.00 часов головная часть колонны проследовала через посты 2-й пехотной дивизии США близ гор. Рокицаны и полк сдался в американский плен.

Бывший командир полка ДФ, Отто Вейдингер, охарактеризовал участие своего полка в боевых операциях в Пражском восстании, как самое бессмысленное кровопролитие, которое он когда-либо пережил за время войны.

(7) По направлению Угрженевес—Штербогоды к Праге направлялась другая колонна немецких подразделений. На сопротивление она натолкнулась в районах Праги

Страшнице, Забеглице, Гости-варж. Более подробных данных мне не удалось установить.

(8) Также и о частях, находившихся в этом направлении, у нас не имеется более подробных данных.

(9) В этом направлении продвигались части из артиллерийского полигона в Йинцах и из окрестностей. Подробности неизвестны. В боях, происходивших южнее Праги, до 8-го мая они не участвовали.

(10) Можно предполагать, что в этом направлении продвигались в качестве пехоты рабочие части со стройки аэродрома в сел. Водоходы и Клецаны.

Усиленная деятельность немецкой авиации в районе Праги в последние дни апреля, которая должна была причинить немалые заботы чешскому повстанческому командованию, и вытекающее из этого требование исходит из решения принятого в бомбоубежище Гитлера под зданием Рейхстага 26-го апреля 1945-го года. Этот день и ночь были одними из самых тревожных в период окончания войны. Гитлер получил сообщение, что СС Рейхсфюрер Гиммлер предложил союзникам капитуляцию и приказал расстрелять Фегелейна; он также получил предательское письмо от Геринга. С нетерпением он следил за ходом наступления ген. Венкла. В центре воевавшего Берлина приземлился «Арадо», управляемый Ганной Рейтч, с генералом авиации фон Греймом, в тот же вечер произведенным в чин фельдмаршала и назначенным преемником Геринга. Гитлер приказал ему сосредоточить вновь сформированные эскадры реактивных самолетов Мессершмитт в районе Праги, с заданием оказывать поддержку армии Венкла. Какое именно количество самолетов было сосредоточено, установить невозможно. В рапорте, поступившем с Рузиньского аэродрома 5 мая, сохранившемся в федеральном архиве во Фрей-бурге, состав на аэродроме приводится настолько низким, что он не мог оказать никакого сопротивления любому контрнаступлению. Боевые операции против Рузиньского аэродрома вел 3-й полк 1-ой дивизии РОА. (См. гл. XI, стр. 131 и 136).

Сокращения

ЧНС — Чешский национальный совет. НО — Headquarters (командование). GCD — German captured (немецкие захваченные документы).

КОНР — Комитет Освобождения Народов России. КТБ — Kriegstagebuch des OKW (Wehrmachtsverfuhrungstab) (военный дневник Министерства обороны).

МКК — Международный Красный Крест.

НА — Национальный архив, Вашингтон, Д. С.

НТС — Национальный Трудовой Союз.

ОДНР — Освободительное Движение Народов России.

ОКГ — Oberkomando des Heeres (Верховное командование армии).

ОКБ — Oberkomando der Wehrmacht (Верховное командование вооруженных сил).

ОСЕ — Operation Special Executive. (Орган исполнительной власти).

ПТ — Противотанковый.

РОА — Русская Освободительная Армия

СД — Sicherheitsdienst, часть RSHA-Reichssicherheitshauptamt (Органы безопасности,).

УПА — Украинская повстанческая армия.

Офицерские знаки различия вооруженных сил СС

SS-Obergruppenfuhrer — Генерал

SS-Oberstgruppenfuhrer — Генерал-полковник

SS-Gruppenfuhrer — Генерал-лейтенант

SS-Brigadefuhrer — Генерал-майор

SS-Oberfuhrer — Полковник, звание для административных учреждений

SS-Standartenfuhrer — Полковник

SS-Obersturmbannfuhrer — Подполковник

SS-Sturmbannfuhrer — Майор
SS-Hauptsturmfuhrer — Капитан
SS-Obersturmfuhrer — Старший лейтенант
SS-Untersturmfuhrer — Лейтенант.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. ПОДЛИННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, КОПИИ И ИХ ПЕРЕВОДЫ

1. Арлт, Фриц Рудольф: Schandruk in den letzten Kriegsmonaten, рукопись.
2. Arming of Resistance Movement in Bohemia and Moravia by SOE, PRO London, FO 371, 47009 от 5-го до до 10-го февраля 1945 г.
3. Артемьев, Вячеслав П.: «Обречённая дивизия» (История Первой Дивизии РОА), Зал. Германия, 1962 г.
4. Архипов, А. Д.: «Воспоминания», рукопись.
5. Вейдингер, Отто: Личные письма, интервью 1978 г.
6. Власов, Андрей Андреевич; Новогоднее приветствие генерала Власова всем нашим соотечественникам, 31-го декабря 1944 г.
7. Вонерсал, Вольфганг: Личные письма.
8. В.В.С. — Р.О.А., анонимная рукопись.
9. Герр, Гейнц Данко: Aufstellung der Wlasov Divisionen im Winter 1944-45.
10. Герр, Гейнц Данко: Manifestation von Prag, рукописи.
11. Гиммлер, Гейнрих: Письмо от 9-го февраля 1945 г., адресованное СС.-Группенфюреру (ген. — лейт.) Фегелейну, В 9/16.
12. Жеребков, Юрий Сергеевич: «Попытки КОНР⁵а войти в контакт с англо-американцами», рукопись.

13. ИКС: Meine Begegnung mit Gen. Bunjatschenko, Komandeur der 1. Wlassow-Division, rukopis.
14. Кейлинг, Зигфрид: Die Wlasow Armee, Aufstellung der 600.650 ID. (russ.)
15. Кейлинг, Зигфрид: Ergänzungen, rukopisy.
18. Кёстринг, Эрнст: Nach meiner Gefangnahme, rukopis.
17. Крогер, Эргард: Письма и интервью 1978 г.
18. Кромиади, Константин: Письма и интервью 1978 г.
19. Курц, Гейнрих: Die Manifestation von Prag, rukopis.
20. Lagekarte Heeresgruppe «Mitte» 30.4.1945, abends. RH2, st/6596.
21. Махотка, Ста кар: Личные письма.
22. Натц, Фридрих-Вильгельм фон: Bericht über den Angriff der 1. Wlasoff Division am 13.4.1945, rukopis.
23. Натц, Фридрих-Вильгельм: Личные письма и интервью
24. Организационная схема 2-й дивизии (650. Inf.-Division russ. NR.II) 70074/45 geh.v.17.1.45, ОКН Org. Abt.
25. Пекарский, Игорь: «Показания», рукопись.
26. Tagesmeldung: Дневной рапорт 9-й армии от 13.4.1945
27. Туссен, Рудольф фон: Личные письма и интервью.
28. Фрелих, Сергей: Begleiter Vlassov's von 1941 bis zu Ende
29. Фрелих, Сергей: General Vlasov's Herausgabe, rukopis.
30. Фрелих, Сергей: Личные письма и интервью, 1978 г.
31. Чешский национальный совет с резиденцией в Праге, 8-го мая 1945 г.: Протоколы исполнения формы капитуляции.
32. Шварценберг, Франтишек: Личные письма.

33. Швеннингер, Гелмут: Bericht uber die Ereignisse um die 600. Inf. Div. (russ.) in der Zeit von 6.3.-14.5.1945, рукопись.

34. Штал, д-р: Личное письмо.

35. Штёвичек, Иван: Протокол заседания ЧНС в дни от 4-го до 9-го мая 1945 г. (История и военное дело, № 7, 1967 г.).

В различных местах книги цитируются подлинные документы из следующих архивов:

Архив РОА, Нью-Йорк. Bundesarchiv-Militararchiv. Freiburg;

Hoover Library, Stanford University, Palo Alto, Calif. Institut fur Zeitgeschichte, Munchen. The National Archives of the United States, Washington D.C.

II. КНИЖНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Алдан, Андрей Георгиевич: «Армия Обречённых». N. Y. The Russian Liberation Army Archives, 1969.

2. Бартош, Антонин: «Клэй-Эва вызывает Лондон», Нью-Йорк, 1977 г.

3. Бартошек, Карел: «Пражское восстание 1945 г.». Братислава, изд. Освета, 1960 г.

4. Бетелл; Николас Вильям Бетелл: The Last Secret: the Delivery to Stalin of Over 2 Million Russians by Britain and the U.S. New York, Basic Books, 1974.

5. Богатырчук, Ф. П.: «Мой жизненный путь к Власову и Пражскому Манифесту», Сан Франциско, 1978 г.

6. Вейдингер, Отто: Kameraden bis zum Ende. Preussisch Oldendorf, Schutz, 1978.

7. Вильмот, Честер: The struggle for Europe. New York, Harper. 1952.

8. Гелен, Рейнгард: The service: the memoirs of General Reinhard Gehlen. New York, World Publ., 1972.

9. General von Panwitz und Seine Kosaken. Preussisch Oldendorf, Schutz, 1971.

10. Гоффман, Иохим: Die Ostlegionen 1941–1943: Turkotataren, Kaukasier u. Wolgafinnen im dt. Heer. Freiburg, Rombach, 1976.

11. Гоффман, Иохим: Deutsche und Kaimyken: 1942–1945. Freiburg, Rombach, 1974.

12. Гоффман, Питер: The history of the German Resistance. 1933–1945. Кембридж, Масс, MIT Пресс, 1977 г.

13. Das Ende an der Elbe. Stuttgart, Steingruben-Verlag, 50.

14. Делианич, Ариадна: «Volf'sberg-373»>. Сан Франциско, „Русская жизнь“, 1952 г.

15. Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mittleuropa. In Verbindung mit A. Diestelkamp (et al.) bearb. von T. Schieder. Bonn, Hrsg. vom Bundesministerium fur Vertriebene. 1953-57.

16. Долежал, Йиржи: „Майское восстание 1945 г.“, Братислава, Изд. политической литературы, 1965 г.

17. Дудин, Л. В.: „Великий Мираж“ (Торонто), 1947 г.

18. Казанцев, А.: „Третья сила“, Франкфурт-на-Майне, Посев, 1974 г.

19. Кернмайер, Эрих; Generalfeldmarschall Ferdinand Schorner (von Erich Kern). Preussisch Oldendorf, Schutz, 1971.

20. Киселёв, Александр: Нью-Йорк, 1978 г.

21. Краснов, Николай Николаевич: „Незабываемое, 1945–1956“. Сан Франциско, „Русская Жизнь“, 1957 г.

22. Kriegstagebuch des OKW (Wehrmachtsfuhrungstab), часть IV, 1044–1045.

23. Людде-Нойрат, Валтер: Regierung Donitz. Gottingen, Musterschmidt, 1964.

24. Материалы к истории ОДНР, 1941–1945 (Онтарио?).
25. Моравец, Франтишек: *Master of spies*. New York, Doubleday, 1975.
26. Муллиган, Тимоти Патрик: *The politics of chaos; Autumn 1942 — Spring 1943*. Master theses, University of Maryland, 1977.
27. Некрич, Александр Моисеевич: *The punished peoples: the deportation and fate of Soviet minorities at the end of the Second World War*. Нью Йорк, Нортон, 1978 г.
28. Осокин, В.: „Андрей Андреевич Власов“, Нью-Йорк, Всеславянское изд., 1966 г.
29. Освобождение Чехословакии Красной Армией, Прага, изд., „Наше войско“, 1965 г.
30. Поздняков, В. В.: „Рождение РОА“, Сиракузы, 1972 г.
31. Поляков, Иван Алексеевич: „Краснов—Власов; воспоминания“, Нью-Йорк, 1977 г.
32. Рендулиц, Лотар: *Gekämpft, besiegt, geschlagen*. Велс, Велсермюл, 1952 г.
33. Сладек, Олдржих: „Пароль Свобода“.
34. Совет освобожденной Чехословакии. „Пражское восстание 1945 г.“, Вашингтон Д.С., 1965 г.
35. Солженицын, Александр: „Архипелаг ГУЛаг“, 3 том, изд. Нью-Йорк, Harper & Row 1974–1976.
36. Стеенберг, Свен: „Власов“, Нью-Йорк, Кнопф, 1970 г.
37. Толстой, Николай: *The secret betrayal, 1944–1947*. N. Y. Scribner, 1978. British ed. published under title: *Victim of Yalta*.
38. Торвальд, Юрген: *The illusion: Soviet soldiers in Hitler's armies*. N. Y. Harcourt Brace Jovanovich, 1975.

39. Фишер, Джордж: Soviet Opposition to Stalin. Кембридж, Масс. Harvard U. Press, 1952.

40. Черный Вацлав: „Плач чешской короны“. Торонто, Publichers, 1977.

41. Шатов, Михаил: Библиография освободительного движения народов России в годы Второй Мировой войны, 1941–1945», Нью-Йорк, All-Slavic-Pub. House, 1961 (2 т. изд.).

42. Шверин-Кросигк, Лютц: «Memoiren», Штуттгарт, Сювальд, 1977 г.

43. Шмидт, Дана Адаме: Anatomy of a satellite, Бостон, Little, Brown, 1952.

44. Штейн, Джордж: The Waff en SS; Hitler's elite guard at war. 1939–1945. Ithaca, N.Y., Cornell U. Press, 1966.

45. Штейнер, Марлис Г.: Die 23 Tage der Regierung Donitz. Dusseldorf, Econ-Verlag, 1967.

46. Штрасснер, Петер: Europäische Freiwillige. Die Geschichte der 5. SS-Panzer-Division «Wiking». 3 verb. Aufl. Osnabruck, Munin, 1977.

47. Штрик-Штрикфельдт, Вильфрид: Against Stalin and Hitler: Memoir of the Russian Liberation Movement, 1941–1945. London- Macmillan, 1970.

III. СТАТЬИ

1. Артемьев, А.: «Вокруг НТС», газ. Новое Русское Слово, 18-го ноября 1979 г.

2. Архипов, А.; «О переговорах первой дивизии РОА», газ. Новое Русское Слово, 20-го мая 1962 г.

«Не Драгунский, а Власовцы», газ. Новое Русское Слово, 12-го февраля 1960 г.

3. Воперсал, Волфганг: «Vom SS-Vt-Ersatz Sturbann „Deutschland“ zum ss-Pz. Gren. AuE-Btl. 2.», Der Freiwillige, 1978-79.

4. Г. лейтенант: «Под Прагой», Голос народа, № 17, 1967.

5. Зисмаи. Абрам: «О генерале Давиде Драгунском», газ. Новое Русское Слово, 24-го января 1960 г.

6. «Как это было с Пражским восстанием», газ. Лидова Демокрацие, Прага, 7-го мая 1968 г.

7. Кармазин, А.: «Прага в судьбоносные и роковые майские дни 1945 года», Русская Жизнь, 23 окт., 1968 г. «Ответ на вопросы», газ. Новое Русское Слово, 2-го февраля 1962 г.

8. Осипов, А.: «Первая дивизия РОА», Часовой (без указания даты).

9. Петерман, Иван Г.: «Prague's Four Fantastic Days», Sat. Eve. Post, 19-го июля 1945 г.

10. Поздняков, В.: «Правда о Власовцах», газ. Новое Русское Слово, 22-го февраля 1960 г.

«Последние дни», Голос Народа №№ :25, 26, 30, 33, 1951 г.

«Как советчики захватили ген. Власова», газ. Новое Русское Слово, 16-го октября 1962 г. «А. А. Власов и 1-я дивизия под Прагой», газ. Новое Русское Слово, 6-го февраля 1966 г.

11. Тензоров-Ветлюгин: «Последние дни генерала Власова», Снайпер, №№ 11, 12, 1949 г.

12. Томашевский-Черный: «Об освобождении Праги», Россия, 25-го мая 1966 г.

13. Шатов, М.: «Прагу освободили Власовцы», газ. Новое Русское Слово, 11-го февраля 1960 г.

«Прага в 1945-м году», газ. Новое Русское Слово, 11-го декабря 1968 г.

14. Шрёбингер, Рудольф: «Wlassow auf der Seite der Tschechen», Die Welt, 1976.

15. Фоминых, Е.: «Как был пойман предатель Власов», газ. Известия, № 239, 7-го октября 1962 г.

УКАЗАТЕЛЬ

А.

- Абрамов, Ф. Ф., ген. — лейтенант 52, 54, 84
- Азар, В. Н., (поручик) 62, 64
- Алдан, см. Нерянин, А. Г.
- Александр, Ф. М., Сэр Гарольд, маршал 297
- Александров, командир 3-го полка, подполк. 102, 177
- Алькрон, отель в Праге 27, 36, 126, 190
- Алькен, де-Гунттер, СС-полковник
(штандартенфюрер) америк. вооруженн. конвои и
разведки 186, 196, 305 Андерс, Вл. Вл., генерал 284.
- Антилевский, капитан авиации 70, 123
- англичане, добровольцы в лагере Гильдешейм 60
- Антонов, Ростислав, капитан 158, 192, 193, 194, 196,
251, 254, 255, 262, 300
- Армейская группа «Курланд» 61
- «Юг» 143, 144, 209, 306
- «Лехр» 142
- «Центр» 70, 104, 105, 112, 114, 118, 130, 136, 140,
141, 142, 143, 144, 146, 152, 165, 169, 298
- «Висла» 93, 95, 101
- Артемьев, Вячеслав П., командир 2-го полка 98, 100,
101,
111, 118, 122, 172, 228, 243, 244, 246
- Архипов, А., подполковник 120, 182, 183, 185
- Ассберг, генерал-майор 210, 220, 225
- Ашенбреннер, Г., генерал авиации 111, 132, 133, 134
- Ausbau des Bohmischen Kessels 52, 121, 129–134
(Подготовка Богемского Котла)

Б.

Бабушкин, старший лейтенант 64, 115 Байдак, полковник 70 Байдалаков, В. 295

Балабин, Е. И., генерал-лейтенант 52, 54.

Бартош, чешское военное командование 121, 162 Белоруссия 48

Бенеш, Эдуард, д-р, президент 131, 163, 301

Берч, д-р СС-подполковник (Оберштурмбаннфюрер).

84-85, 150 Бинерт, министр внутренних дел, 46 Бискупский, генерал 46

Благовещенский, И. А., генерал 230

Богатырчук, Ф., проф., член президиума КОНР 72, 137, 291 Богданов, генерал 60, 222, 223, Борман, Мартин 25 Боярский, В., генерал 18, 213 Бударатский, капитан 230

Будзилович, В. Н., член президиума КОНР 137 Буняченко, С. К., генерал-майор, 55–58, 93-103, 104–124,

134, 165, 182, 183, 187, 196, 197, 198, 200, 201, 229, 242, 244, 245, 255, 267, 295

Буссе, Т., генерал 97, 101,

Бухардт, Ф., СС-майор (Штурмбаннфюрер) 19, 81, 85 Бушманн, Г., лейтенант авиации 69, 123, 124, 176, 177, 212, 264

Бушманов, Н. С, полковник 287 Бычков, капитан 70

Бюргер, Ф., подполк. генерального штаба 162, 183, 187

В.

Вагнер, К., СС-Оберштурмфюрер 175, 176, 303 «Варяг» самостоятельный полк 291, 312 Васильев, Р. Р., полковник 70

Вейдингер, О., СС-подполковник (Оберштурмбаннфюрер). См. приложение «Немецкие внепражские части».

венгры (мадьяры) 47, 101, 149, 217

Verteidigungsbereich Prag 146, 147, 189

Веселый-Шнейнер, К. полковник 161

Вишцлебен, фон, фельдмаршал 145, 146

Власов, Андрей Андреевич, генерал-лейт. 18–22, 23–39, 40, 45, 94, 97, 103, 112, 113, 119, 122, 126, 129, 170, 181, 183, 187, 191, 196, 208, 213, 227, 244, 265, 281, 304

Встреча с Гиммлером 21, 40

Верховное командование вооруж. сил КОНР 51, 61

Отношение к церкви 37

Отношение к Буняченко 113–114, 116

«Акция Власов» 74 и чешское военное командование 118–120 и обязательства данные немцам 112, 120 Закладка военного госпиталя РОА 135–136 Возможность встретиться с ген. Айзенхауэром 133 Выступление по радио для ООН 128 В Фюссене 135

Подписание соглашения в Сухомастах 168, 302

Полномочия для ведения переговоров в Швейцарии 129

Покидает Прагу 37, 188

Ведёт переговоры в г. Пльзень 237-240

В 1-й дивизии в сел. Лнарже 241-242

Захват в плен 13, 158, 250-255

Биография 12

Винета 17 Военная книжка 61 приложение

Воскресенский, генерал 290

Врангель, П. Н., генерал 78

Вышеславцев, Б. П., философ, 127

Г.

Гаагская конвенция 267

Гайда, Р., генерал 43, 43

Галициен, 14-я СС дивизия 19
Гарбрехт, капитан 101
Гашпар, Тидо И., 82
Геббельс, И. 64, 68
Гей, Г. Р., начальник штаба 3-й армии США, генерал
218
Гейдрих, Р., 159
Гелен, Р., генерал-майор 17, 53
Генлейн, К., Гаулейтер 66
Геринг, Германн 69
Герсдорф, майор 64
Гестапо 17, 134, 295 Гилгер, Г., 28, 29
Гиммлер, Г., 20, 21, 22, 24, 62, 63, 66, 126, 285
Гитлер, А. 20, 21, 24, 35, 38, 43, 130, 143, 145, 297
Глазков, В. Г., 78
Головин, 17
Гот, Г., генерал-полковник 116
Гофер, Гаулейтер 135
Гречко, доцент 211
Грубый, министр сельского хозяйства, 46
Гуккенпакк, подполковник 173
Гурлеекий И., майор

Д.

Дабендорф, см. — Училище пропагандистов
Дагер, Г. Е. 211, 215
Давид, В., член ЧНС 197
Данненфельд, фон, полковник 127
Двингер, Эрих-Эдвин, писатель 134

Деллингхаузен, Е. барон фон, ротмистр 133
Денитц, Карл, верховный адмирал 139–142, 297
Ди-Пи (перемещенные лица) 136
Донахью, капитан 241-4, 253, 255
Дубов, майор 79
Дяченко, ген. 282

Е.

Европейское содружество народов 38

Ж.

Женевская конвенция 267
Жеребков, Ю. 46, 69, 91 Ведёт переговоры с западн.
союзниками 125–137
Жиленков, Г. Н., генерал 18, 21, 29, 39, 40, 45, 125, 129,
208, 265, 279 В Братиславе 74, 77, 80, 82–92
Жуков, маршал 309
Жуковский, подполковник 202, 247

З.

Закутный, генерал 136
западные союзники, 50-51
Зверев, Г. А., генерал 60, 208, 216, 222, 223
Зирфогель, генерал 150
Зыков, М. А. 17, 21, 38, 286

И.

Идел-Урал 48
Ингр, генерал 301, 302

Индийский легион 60 Иов, игумен 60 Ира, лейтенант

Ирвин, Ле Рой С, ком. 5-й пех. див., генерал 218
итальянские части 47

К.

Кавказские народы 19, 25, 48, 67

Кавказские части 47, 109, 284, 291

Казанцев, А. С, 282, 284, 295

Казачий корпус 19, 52, 94, 135, 214, 225, 284, 291, 297,
309 казачье движение 26, 34 казачие поселения 20 казаки-
сепаратисты 78-79

Казачий союз Папаонов 88

калмыки 47

Калтенбрюннер, Е. 285

Каменицкий, д-р 46

Каминского бригада 56, 286

Камышанский, И. Т., д-р 135

Кейлинг, С, майор 59, 222, 223, 288, 293

Кейтель, Вильгельм, фельдмаршал 25

Кеннеди, генерал 132, 225

Кёстринг, Е., генерал кавалерии 8, 24, 27, 206, 208, 220,
221, 281

Киселёв, А., священник 58

Клаус, Й. 284

Клейст, Петер, д-р 284–285

Клецанда, В., генерал 130, 150, 181, 295

Климент, д-р 44, 45

Кнапп, Й. 197

Койда, подполковник 58, 60 Кононов, И. Н., генерал
309

КОНР (Комитет Освобождения Народов России) 12,
18, 23–39, 104, 123, 125, 210, 266

Создание Комитета 23–39, 280
учреждение в Братиславе (Словакия) 39, 73-92
учреждение в Праге 52-54
Управление Казачьих Войск 67
перемещение в Карловы Вары 66–72, 127, 128
эвакуация и перемещение в Фюссен 134-137
организация, приложение Константинов, Д. В.
священник 281
Корте, генерал-майор авиации 148
Костенко, майор 109, 170, 171, 246, 255
Коцар, подполковник 70
Краснов, П. Н., генерал от кав. 51, 52, 67, 79, 291, 308
Краснов, Николай, лейтенант 265, 311
Крёгер, Е., д-р, СС-полковник (Оберфюрер) 39, 68, 81,
85,
112, 116, 126, 127, 135, 149, 189–191, 290, 294
Крейчи, д-р 44, 46 «Крепость Альпы» 134, 135, 136
Крим 48
Кромиади, К. полковник, 134, 136, 137, 300
Крылов, лейтенант 86 Кугаевский, С. И., 86, 89
Кузминский, А. В., 86, 88, 89
Култвашр, К. ген. 153, 154, 155, 157, 162, 191, 193, 260
Кураторий для воспитания молодёжи 43
Курц, Гейнрих, д-р, 23
Куминский, капитан 252

Л.

Лавров, А. Г., полковник 86, 87, 89 лазаретный поезд
89 Лампе, А. А., фон, генерал 84 Ламсдорф, Г., граф,
майор 62, 289 «Леандер» см. Меандров Левчук, лейтенант
239

Ленлих, д-р (МКК) 126 Ленский, капитан 61
Лоренц, В., СС-генерал (Обергруппенфюрер) 29, 44
Лукин, М. Ф., генерал-лейтенант 17, 18, 279

М.

Мальцев, В. И., генерал-майор 69, 71, 132, 133, 225
Мальшкин, В. Ф., генерал-майор, 29, 41, 136, 279, 283
Манифест, 14-го ноября 1944 г., Прага. 29–35 (см. КОНР)
Марзан, 127
Мартин, полковник 253, 310
Махотка, О., д-р 163, 192, 198
Машек, майор, 195
Машин, 38, 53, 286
Меандров, В. А., генерал-майор, 58, 207, 208, 211, 219, 220, 224, 225
Мейер-Детринг, полковник 152, 182
Министерство по делам оккупированных восточных территорий см. Розенберг Михаил, священник 90
Михайлович, Дража, полковник 37
Мищенко, Л. П., полковник, командир 162-й танкобрига-
ды 243–244 Моисеев, М. А. полковник (ген. — майор), 53
Моравец, полковник, министр 45, 46
Москаленко, А., лейтенант 64
Музыченко, доцент 211
Мюллер-Веллборн, Г., СС-капитан (Гауптштурмфюрер) 153, 299
Мголлер-Гибхарт, генерал-лейтенант 147

Н.

Натцмер, О., фон, генерал 109, 140, 141, 152
Национальная солидарность (общество) 42 Недич, П.,
генерал 37,

немецкие вооруженные части в Праге состав в мае

1945 г. приложение

Неринг, генерал 221

Нерянин (Алдан), А. Г., полковник 214, 215, 219, 220,
222, 225, 307

Неуберт, А. 168, 302

Неханский, Й., капитан 157, 161, 162, 260 Николаев, Н.
П., подполковник 55–58, 98, 107, 166, 167, 230, 244, 252,
255, 296

НКВД 137, 196, 224, 259, 308 Нобель, Г., 127

Нотц, Фридрих-Вильгельм, фон, полковник, 93-103,
292–293 НТС (Национально-Трудовой Союз) 40, 43, 129,
134, 284, 295

О.

Оберлендер, Теодор, профессор, капитан 132, 133, 134

Олендорф, О., 19

Оессингер, Й, СС-Майор (Штурмбаннфюрер) 148, 302

Олесинский, Е. А., капитан 258, 307

Ольчовик, старший лейтенант 166

Остполитик 16, 279

Ошима, Х., генерал, 38

П.

Паннвитц, Г., фон, генерал 19, 297, 309

панславистские чувства 39, 41. 45, 85 панславистский
конгресс 39

Паттон, Джордж С, мл., генерал 132, 150, 234, 235

Пекарский, И. 239–254

Поздняков, В., полковник 1, 210, 212, 220
Попелка, д-р 46
Попов, К., инженер, подполковник 71, 290
Порхаев, 78, 87
Прага, коммуникационный центр 152, 154, 160
Пражак, А., профессор, д-р 158, 259, 260
Пражский манифест, см. КОНР
Пратт, полковник 305 предмостное укрепление
Эрленгоф 2. 95-103 предмостное укрепление Гюстебизе 63
Пружинский, д-р, министр 82
Пшеничный, Г., полковник 280
Пюкклер, Граф фон, СС-ген. — майор (Бригадефюрер)
146

Р.

Радлова, дочь през. Гахш 163
Раевского охранный корпус 37
Растригин, инж. 79
Рендл, капитан 121
Рендулиц, Л., генерал-полковник 209
репатриация 224–225, 250, 308, 310
Ресслер, лейтенант 253–255, 310
РОА, 23, 26, 34, 43, 47, 62, 103, 107, 114, 116, 131, 135,
137, 157–205, 210, 214, 280, 283, 287–288, 296 и
американцы 133
организация 1-й дивизии 51, 55–58, 64 организация 2-й
дивизии 59–61 организация авиачастей 69–71, 299
вспомогательные войска 71–72 самостоятельная армия 61
группа полк. Сахарова (особая группа Власов) 62-65
Училище пропагандистов в Дабендорфе 71, 133, 260–
281 части, не входящие в подчинение РОА 71, 289
включение в бои на восточном фронте 93-103

1-я дивизия в Праге 151, 156-205

2-я дивизия 206–216, 219-225

Организация штаба, приложение 287–288, роспуск 245, 246, 248

Родзевич, А. Н., капитан 283

Розенберг, А. 19, 25, 48–49, 283

Ромашкин, лейтенант 215, 230

Рудл, капитан 195

Рыбалко, маршал 259

Рыл, майор 252

С.

Садовников, подполковник 60

Садовский, Г., ст. лейтенант 64

Сахаров, И. К., полковник 62–65, 108, 180, 186, 189–191, 289

Святоандреевский Крест 27, 283

Сейдеман, генерал 177

Семёнов, лейтенант 115, 116

сепаратный мир, попытки 50–51, 284, 285

Сиглинг, Ганс 286

Скленарж, подполковник 262, 302

Словацкая армия 82, 84, 87, 148

Словацкое государство 39, 73-92

Смрковский, Й. 153, 192, 260, 261, 304

Советские агенты 56, 117–118, 121, 122, 153, 229, 233, 240, 201

Советский Союз; реакция: 49–5 COE (Special Operation Executive) 301-302

Соколов, капитан КА, 185

Солженицын, А., 14, 249, 256, 265, 266, 299
Солин, старший лейтенант 170
Союз Андреевского Флага 83
Союз Галлиполийцев 78
Спеер, А., 143, 297
Спеих, Р., д-р, генерал-лейтенант 148
Спирidonов, А. И., полковник 85–86, 87
СС-Гауптamt 19, 67, 74, 116, 125, 294
Стал, д-р, 189
Сталин, И. В., 24, 27, 129, 163, 197
Стеенберг, Свен, писатель 8, 85
Стейнер, Ф. СС-ген., 299-300
СТОП-линия — демаркационная линия 216-218

Т.

Твардиевич, капитан 223
Тензоров-Ветлюгин, Н., подполковник 62, 121, 122, 136,
237, 255, 305 Тиллин, полк., 53
Тимошенко, Семен, маршал 75, 291 Тисо, Й., д-р президент 82
Трухин, Ф. И., генерал-майор 29, 61, 123, 208, 209, 215, 295 Тулинов, капитан 250 Туркестан 19, 48
Туркул, С, генерал 71, 83–84, 283
Туссен, Р., фон, генерал инфантерии 27, 117, 141, 146, 150,
151, 152, 153, 155, 157, 174, 184, 283 Туссен, Р., фон, генерал инфантерии 27, 117, 141, 146, 150,

У.

Украинцы 25, 26, 34, 39, 40, 67, 74, 75, 77, 87, 282, 291
Украинский Национальный Комитет 75

Украинские эмигранты в Праге 40-41

Украинские эмигранты в Словакии 75, 76

Украинская 1-я дивизия 132, 266

Украинская 2-я дивизия 132

УПА — Украинская повстанческая армия 284

Ф.

Фалл Грюн 44

Фегелейн Герман, СС-Группенфюрер (ген. — лейт.) 63

Фёдоров, майор авиации 17 Фишер, генерал 165^л

Флотов, фон, полковник 147

Фоминых, Е., ком. 25-го танкового корпуса Красной армии, генерал-лейтенант 231, 232, 235, 254, 255
Форостинский, С, 69

Франк, К. Г., госминистр 23, 28, 29, 43, 66, 86, 116, 128, 129,

130, 135, 140, 144, 145, 146, 150, 162, 190, 283, 295
Фрейтаг, генерал 282

Фрёлих, Сергей Б., капитан 130, 133, 181, 213, 216, 300, 307 X.

Харват, офицер связи 192

Херре, Г. Д., полк. ген. штаба 26–29, 59, 62, 93, 206, 209, 213, 220, 221

Ц.

царские офицеры — см. эмигранты

Ч.

Чернинский дворец 28, 36, 44, 128

Чехи: фашисты 43

в Карловых Варах 67

дружеская территория 107–108, 110

реакция на провозглашение Манифеста 39-46

участие в обороне Чехии 114, 129-134

коллорационисты 42, 43, 131-132

связь с Лондоном 128

Чешский Национальный Совет (ЧНС) 148, 156, 158, 160–164, 184, 187–189, 259, 260, 301

Чешские переговоры с 1-й дивизией 117, 118, 121, 161–169, 191-202

Чешское военное командование 118–119, 121, 161–164, 182, 193

военная комиссия 161 соглашение с 1-й дивизией 167–169 Вальтровка 163, 170, 177, 178 Последняя встреча с Власовым 188–189 Чешское национальное просвещение 41

Ш.

Шаал, генерал 145

Шандрук, П., генерал 26, 282

Шаповалов, генерал 61, 123, 124, 210, 212, 215

Шатов, М., капитан 135, 136

Шварценберг, Ф., профессор 163, 297

Швеннингер, Г., майор 56, 94, 103, 104–106, 109, ПО, 111, 117, 166–169, 230, 244

Шверин фон Кросиг, Лютц Граф 141, 298 Шейко, С, майор 216, 222

Шёрнер, Ф., фельдмаршал 104, 105, 112, 113, 116, 119, 151, 152, 153, 173, 217, 282, 296

шотландцы с 4-м полком 109, 179, 180 Штрик-Штрикфельдт, В., капитан 18, 36

Э.

Эгер, полковник авиации 173

Эйбель, профессор 134, 294

Эйзенхауэр, Двайт, генерал 133

Эйнспэннер, СС-Стандартенфюрер (полковник), 147
эмигранты из царской России 17, 24, 39, 42, 58, 74, 77–79,
87, 281, 284, 288

пражские архивы 262 Эрнест, Г. Е., ком. 90-й пехотн.
дивизии США, генерал 247

Ю.

Юнг, Игорь, 137

Я.

Якушев, капитан 252, 254 Ялтинская конференция 126,
140, 308

(НЮРЕНБЕРГСКИЙ ДОКУМЕНТ) № 1627

(Договор) между Правительством Райха, представленным Райхсминистром Розенбергом и Райхсфюрером СС Гиммлером, и Русским Освободительным Движением, представленным генералом Власовым, гласит:

1. Россия, после свержения большевизма, будет свободным и независимым государством. Государственное устройство решает русский народ.

2. В основу новых государственных границ ложатся границы СССР 1939 года. Изменения подлежат особым договорам.

3. Русское Освободительное Движение отказывается от территории Крыма.

4. Казакам предоставляется широкое самоуправление. Их будущее государственное устройство подлежит особым договорам.

5. Живущим в России нерусским народам и национальностям (племенам) предоставляется широкая культурная автономия.

6. Правительство Райха и Русское Освободительное Движение заключают договоры о совместной военной защите Европы. Эти договоры должны заключаться таким

образом, чтобы угроза возврата большевизма и новых европейских гражданских войн стали невозможны.

No- 1627

Zwischen der Reichsregierung , vertreten durch Reichsminister Rosenberg und den Reichsführer-SS Himmler, und der Russischen Freiheitsbewegung , vertreten durch General Wlassow, wird nachstehendes vereinbart :

1. Russland wird nach Niederwerfung des Bolschewismus ein freier und unabhängiger Staat. Über die Staatsform entscheidet das russische Volk.
2. Die Grundlage für das Staatsterritorium bilden die Grenzen des RSPER von 1939. Änderungen bleiben besonderen Vereinbarungen vorbehalten.
3. Die russische Freiheitsbewegung versichert auf das Territorium der Erin.
4. Den Kosaken wird weitgehende eigene Verwaltung eingeräumt. Ihre künftige Staatsform bleibt besonderen Vereinbarungen vorbehalten.
5. Den in Russland lebenden nichtrussischen Völkern und Stämmen wird weitgehende kulturelle Autonomie eingeräumt.
6. Die Reichsregierung und die russische Freiheitsbewegung treffen Vereinbarungen über den gemeinsamen militärischen Schutz Europas. Diese Vereinbarungen müssen so beschaffen sein, daß sie eine Wiederkehr der bolschewistischen Gefahr sowie neue europäische Bürgerkriege unmöglich machen.

Журнал-листовка «Боевой Путь»

Специальное иллюстрированное «Власовское» издание.

Nr. 659 ZJ/V 43. Напечатано с разрешения Dr. Ortwin Buchbender.

Товарищи командиры!

Советская интеллигенция!

Я, бывший Командующий 2-й Ударной Армией и Заместитель Командующего Фронтом Генерал-Лейтенант ВЛАСОВ А. А. — ныне военнопленный Германии № 16.901. В РККА прошел путь от бойца до

Командующего Армией. Командовал 89 гл., занявшей по боевой подготовке первое место Красной Армии. Во время войны—Командующий 37-й Армией. Оборонял более двух месяцев Киев. После разгрома ЮЗФ по приказу Сталина с боями вышел из окружения. 20-я Армия под моим командованием защищала Москву в трудные дни и, перейдя в плен, заняла Солнечногорск, Волоколамск, и т. д. Наконец, командуя 2-й Ударной Армией, находясь в условиях окружения, вел непрерывные бои до последней возможности.

В бою был взят в плен.

Видя огромные страдания нашего народа в этой войне, больно переживая наши военные неудачи, естественно задаешь себе вопрос: кто в этом виноват?

Оглядываясь на предвоенный период последних 12–13 лет, невольно приходишь к выводу, что во всех этих несчастьях виновна только лишь сталинская клика. Это она разорила страну колхозами. Уничтожила миллионы лучших честных людей, перебила лучшие кадры в 1937–38 г.г. Поощряя подхалимство и сея недоверие, всей системой неправильного воспитания разложила страну и армию. Душила всякую живую мысль в народе. Это она политикой авантюризма ввергла страну в бесцельную в ненужную войну за чужие интересы и сейчас, не имея опоры в массах, расстроив весь аппарат управления, подорвав экономику, ведет ее к поражению.

После взятия Крыма и поражения войск ЮЗФ, Германские Армии вышли на Волгу и продвигаются по Сев. Кавказу, не встречая должного сопротивления. Бойцы не желая драться за чуждые им интересы бросают оружие и технику и толпами сдаются в плен. Сталинская клика организовать дальнейшую оборону страны не способна и зная, что ей иного выхода нет, стремится лишь удержаться у власти ценою гибели миллионов людей и полного уничтожения веками накопленного народного достояния, бросая в бой все новые и новые, совсем необученные, наспех собранные части без всякого плана.

Обстановка на фронте для командира такова, что ему выхода нет. Сталинская клика виновником всех неудач ставят командира, тогда как он в своих действиях связан комиссаром, политотделом и НКВД, — людьми не следующими а военном деле. И вы часто видите честных людей: командиров, инженеров, врачей, хозяйственников и др., не видящих выхода из этого положения, кончающих жизнь самоубийством.

А в тылу страны полнейший хаос и надвигающийся невиданный крах. Миллионы людей мрут с голода и в первую очередь ваши семьи, не имеющие почти никакой помощи от правительства и местных властей. Большие надежды сталинская клика возлагает на англо-американскую помощь и организацию «второго фронта».

Большинство из вас прекрасно знают политику Англии и Америки — воевать до последнего русского солдата, загребать жар чужими руками, изматывать Германию русскими, обещая последним за это мифический «второй фронт»... Оглянитесь на историю. Русский народ ведь не впервые платится своей кровью за авгло-американские интересы.

Лживая пропаганда пугает вас фашизмом, расстрелами и зверствами в немецком плену. Пишет о голоде в Германии и истощении ее ресурсов. Миллионы пленных могут заверить вас в обратном. Они видят Германию такой, какая она есть, где и войны то как будто не чувствуется. Где каждый солдат не менее двух раз побывал в отпуску в кругу своей семьи. А про немецкую культуру, организованность и дисциплину и говорить нечего — это и так давно всем известно.

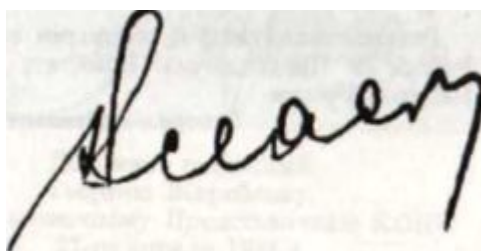
Какой же выход из этого тупика, куда завела нашу страну сталинская клика?

Выход только один. Другого историей не дано. Кому из вас еще дорога Родина, кто хочет видеть свой народ счастливым, тот должен всеми силами и средствами бороться за свержение ненавистной всем сталинской нанки, за формирование нового антисталинского правительства, за прекращение преступной войны за

интересы Англии и Америки. За почетный мир с Германией. Лучшие люди страны как на территории Сталина, так и в плену уже мыслят и некоторые из них работают в этом направлении — дело за вами!

Бывший Командующий 2-й Ударной Армией РККА

Генерал-Лейтенант

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'В. С. Жуков', written on a light-colored document.

10 сентября 1942 г. 480 ЯАВ/ГХ42

№ 480 РАВ/IX 42.

Напечатано с разрешения. Dr. Ortwin Buchbender.

КОМИТЕТ ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Ставка

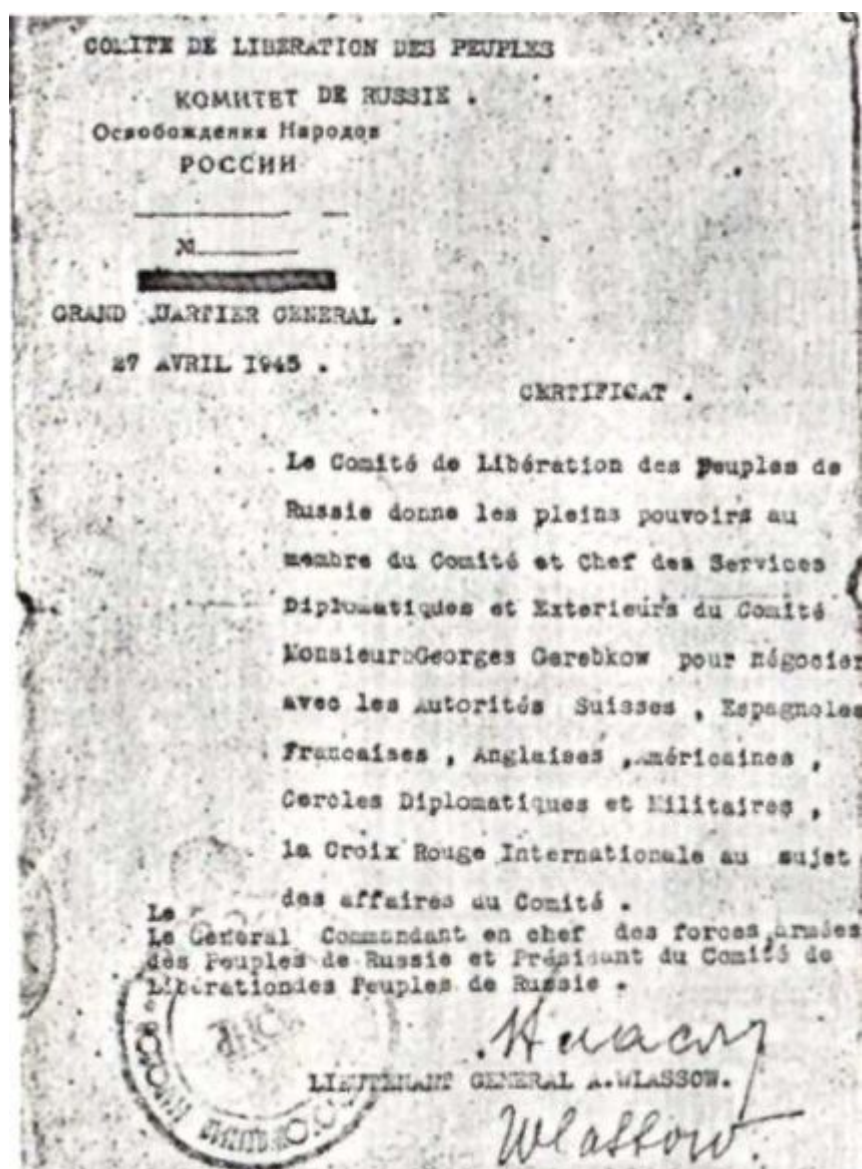
27 апреля 1945.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Комитет Освобождения Народов России уполномочивает члена Комитета и начальника дипломатической службы и отдела Внешних Сношений Комитета господина Георгия Жеребков а вести переговоры с полномочными представителями Швейцарского, Испанского, Французского, Английского, Американского (США) дипломатического корпуса, военного командования (и) Международного Красного Креста о делах Комитета.

Главнокомандующий военными силами Народов России и Председатель Комитета Освобождения Народов России

Генерал-лейтенант А. Власов.

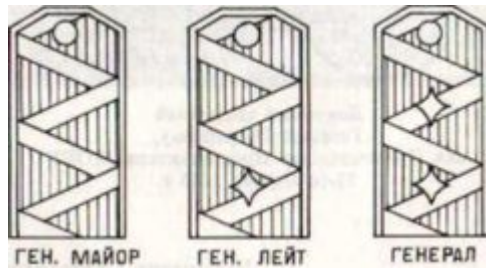
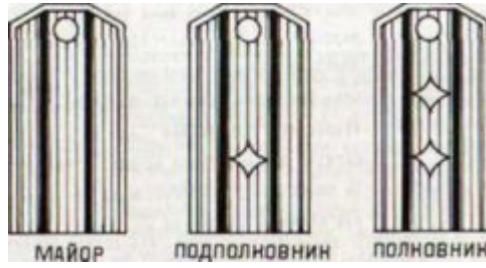
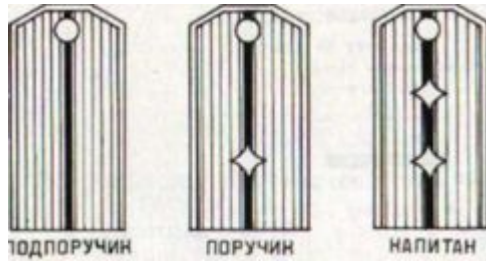

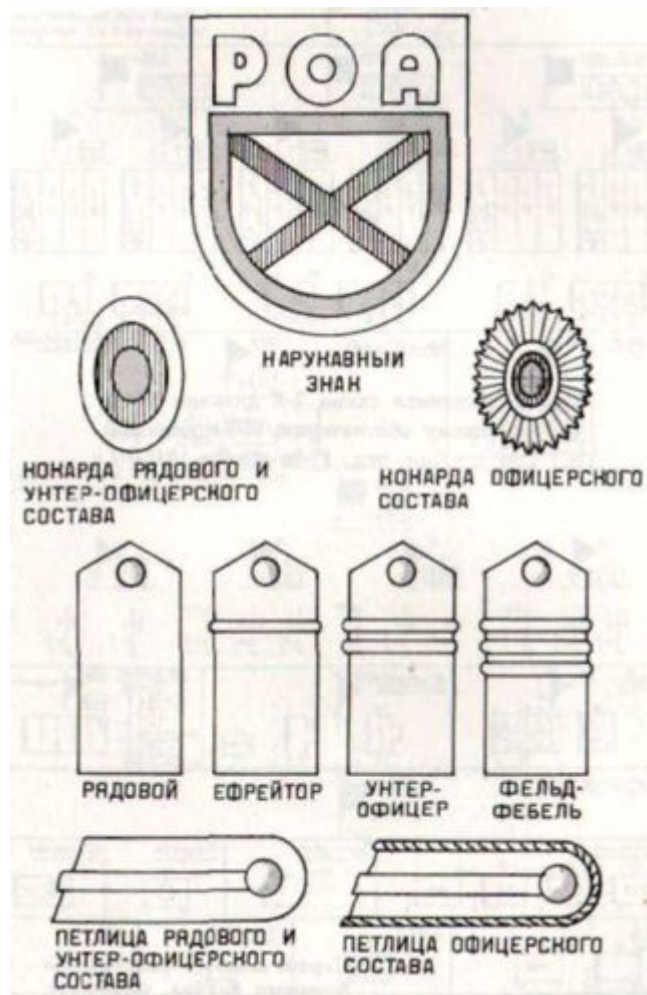
Документ выданный Георгию Жеребкову, как
Правомочному Представителю КОНР

27-го апреля 1945 г.

Напечатано с разрешения Журнала «Зарубежье».

**Знаки Различия Русской Освободительной
армии**

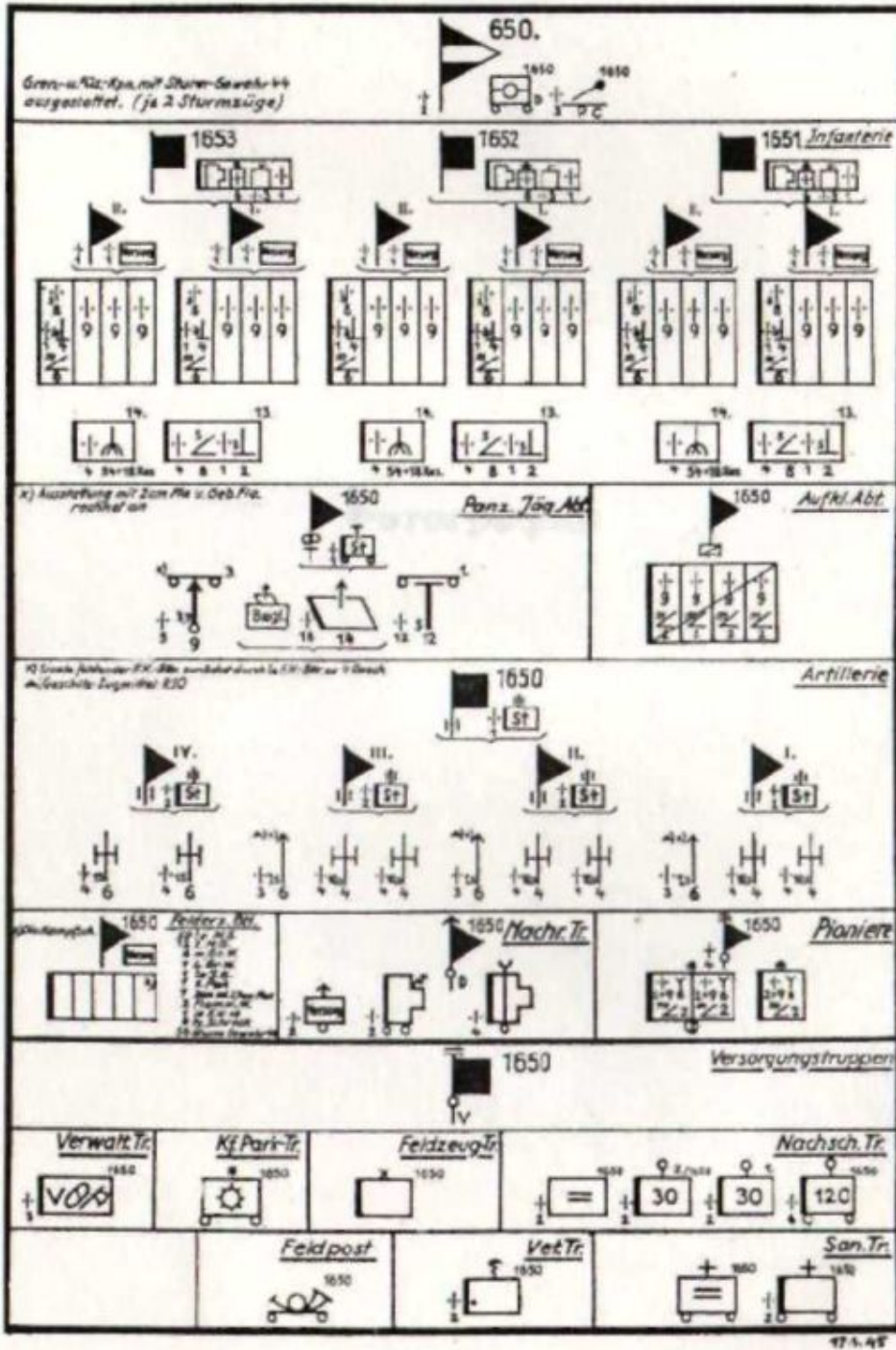

**Организационная схема 2-й дивизии РОА.
(по немецкому обозначению 650-я дивизия)
ОКГ Ген. шт./орг. отд., 17-го января 1945-го
Г**

Перепечатано с разрешения Военного архива,
Фрейбург.

650. Inf.- Division (russ.)

Фотографии

Многие фотографии сорокалетней давности, и их качество неудовлетворительно, но ввиду их исторической ценности, издательство их все-же поместило в книгу.

Ген. В. Ф. Малышкин, ген. А. А. Власов, кап. С. Б. Фрёлих. Берлин, Далем, резиденция ген. Власова. (Архив С. Фрелиха).

Полк. В. Боярский, полк. К. Кромиади, ген. Г. Н. Жиленков. Псков, 1943 г. (Архив РОА, Нью-Йорк)

Полк. К. Кромиади, ген. А. А. Власов, кап. С. Фрёлих.

На заднем плане: кап. Р. Антонов, лейт. Мельников.
Берлин-Далем, резиденция ген. Власова. (Архив С.
Фрелиха).

Ген. А. А. Власов, ген. Ф. И. Трухин. Дабендорф,
Школа Пропагандистов. (Архив С. Фрелиха).

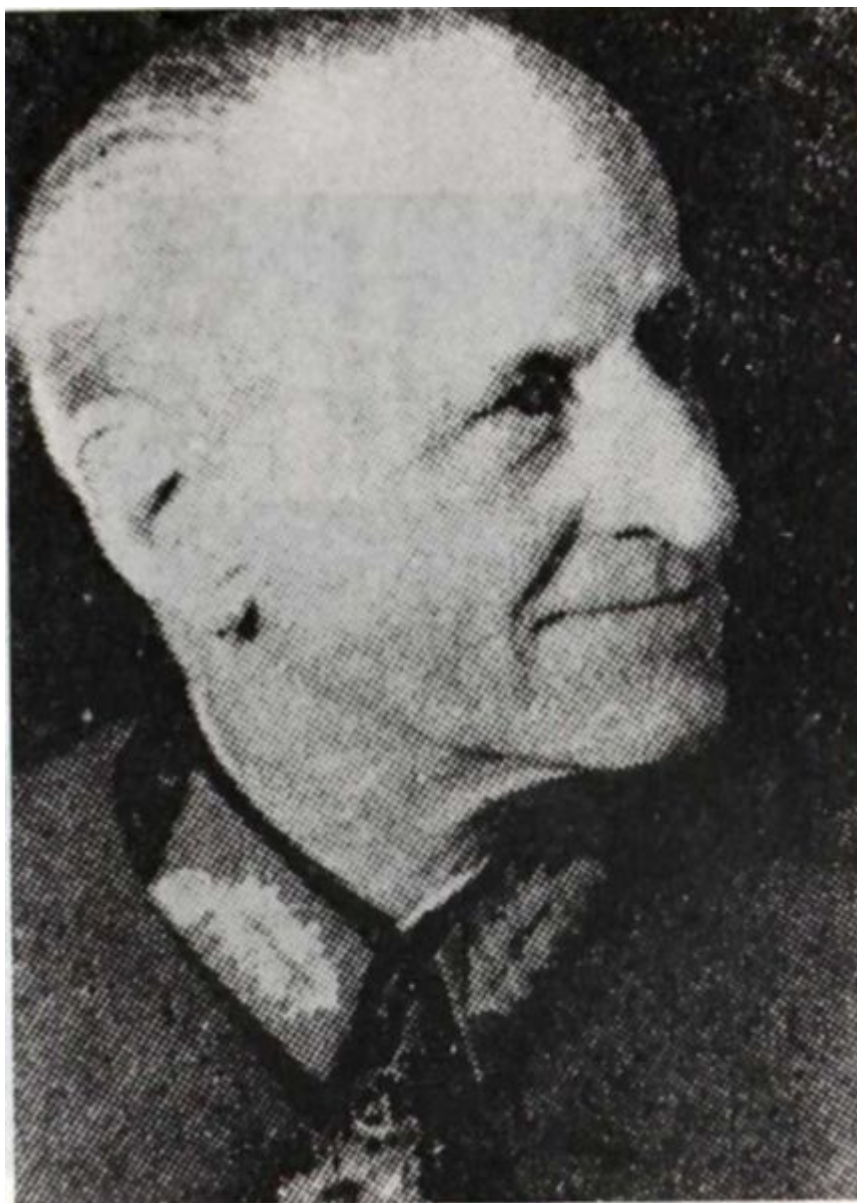
Ген. Ф. И. Трухин, ген. А. А. Власов, ген. Г. И. Жиленков. М. А. Зыков, кап. С. Б. Фрелих, кап. Штрик-Штрикфельдт, ротм. фон Деллингхаузен, зондерфюрер пастор Схаберт. (Архив С Фрелиха).

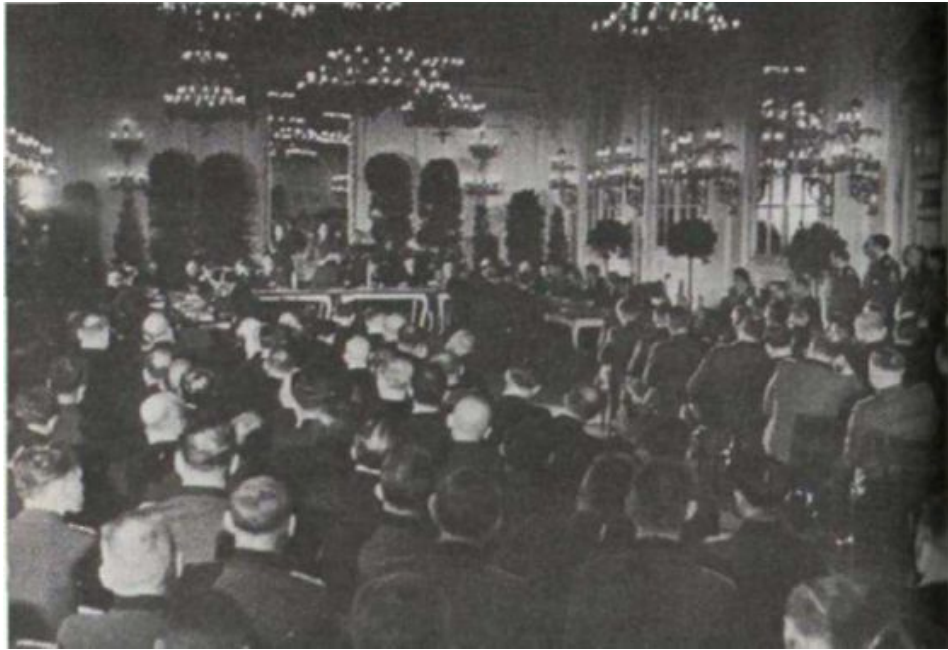
Дабендорф, Школа Пропагандистов; слева полк. ген. шт. Рейигард Гелен (1-го декабря 1944 г. возведен в чин ген. — майора), ген. — майор В. Ф. Малышкин, позади ген. Малышкина кап. В. Штрик-Штрикфельдт.

Генерал от кавалерии Эрнст Кёстринг. (Бундесархив Кобленц).

Пражский Манифест, 14-го ноября 1944 г., Рудольфова галерея Пражского замка: речь ген. Власова. (Архив Гуверского Института).

Рудольфова галерея, 14-го ноября 1944 г.: ген. фон. Туссен, СС ген. Лоренц, ген. Власов. (Архив Свена Стеенберга).

Рудольфова галерея, 14-го ноября 1944 г., офицеры штаба ген. Власова. Слева: СС-Оберфюрер д-р Г. Крёгер, нач. СС-Лейтштелле при КОНР; майор РОА Сергей Хитрово (расстрелянный в 1945 году в Тироле); адъютант К. Г. Франка (?); майор РОА Михаил Калугин, (канцелярия ген. Власова); кап. РОА Михаил Шатов, начальник личной охраны ген. Власова. (Архив Гуверского Института).

Мюнсинген, 10-го февраля 1945 г. Смотр артиллерийского полка. Слева: СС-Обергруппенфюрер Гофманн, ген. А. А. Власов, ген. Кёстринг, ген. Буняченко, подполк. Жуковский (ком. артил. полка), полк. Герре. (Архиз Н. В. Козлова).

Мюнсинген, 10-го февраля 1945 г. Смотр 1-й дивизии.
1) генерал А. А. Власов, 2) полковник Г. Д. Герре, 3) ген. Г.
Ашенбреннер, 4) СС-Оберфюрер д-р Е. Крёгер, 5) ген.
Веннингер (начальник лагеря). (Архив Н. В. Козлова).

Мюнсинген, 10-го февраля 1945 г. Выступление ген. А.
А. Власова. (Архив автора).

Мюнсинген, 10-го февраля 1945 г. 1-я дивизия в строю. Слева; ген. — майор С. К. Буняченко, командир дивизии; подполк. П. Н. Николаев, начальник штаба дивизии. (Архив Н. В. Козлова).

Мюнсинген, 10-го февраля 1945 г. 1-я дивизия в строю. Слева; ген. — майор С. К. Буняченко, командир дивизии; подполк. П. Н. Николаев, начальник штаба дивизии.

Учебный лагерь Мюнсинген, 10-го февраля 1945 г., смотр 1-й дивизии. Слева офицеры дивизионной части, их имена не установлены; в центре снимка командир 1-го пехотного полка со своим штабом. (Архив Гуверского Института).

Мюнсинген, 10-го февраля 1945 г. Парадный марш 1-го полка. (Архив Н. В. Козлова).

Мюнсинген, 10-го февраля 1945 г. Командир и штаб 2-го пехотн. полка. Справа; подполк. В. Артемьев, ком. полка; майор Н. В. Козлов, начальник штаба. Первый ряд,

справа: лейт. Пасечник; ст. лейт. Козлов; лейт.?.; лейт. Чугунов. На заднем плане: 1-й батальон с майором Золотавиным. (Архив Н. В. Козлова).

Мюнсинген, 10-го февраля 1945 г. Рота 1-го батальона 2-го полка. (Архив Н. В. Козлова).

Учебн. лагерь Мюнсинген, 10-го февраля 1945 г., 3-й полк. (Архив Гуверского Института)

Мюнсинген, 10-го февраля 1945 г., смотр 1-й дивизии. Майор Костенко и конная разведка. (Архив Гуверского Института)

Мюнсинген, 10-го февраля 1945 г. Противотанковый дивизион. (Архив автора).

Мюнсинген, 10-го февраля 1945 г. Танковая рота.
(Архив автора).

Мюнсинген 10-го февраля 1945 г. Банкет после парада;
1) подполк. Александров, ком. 3-го полка;

- 2) подполк. П. Н. Николаев, нач. штаба дивизии;
 - 3) подполк. В. Артемьев, ком. 2-го полка;
 - 4) ген. С. К. Буняченко, ком. дивизии;
 - 5) ген. Е. Кёстринг;
 - 6) СС-Обергруппенфюрер Гофманн.
- (Архив Н. В. Козлова).

Офицер связи 1-й дивизии РОА майор Гельмут Швеннингер.

Учебный лагерь Мюнсинген. Полк. Сахаров, ген. Буняченко, ген. Власов. (Архив Свена Стеенберга).

Фронт на Одере, февраль 1945 г. СС-Штурмбаннführер Отто Скорцени награждает орденами Группу полковника Сахарова, за уничтожение советских танков в районе предмостного укрепления Шведт. (Архив автора).

Ген. — майор Г. А. Зверев, командир 2-й дивизии.
(Архив РОА, Нью-Йорк)

Офицер связи 2-й дивизии РОА майор Зигфрид
Кайлинг.

Ген. — майор В. И. Меандров, нач. Офицерского
училища. (Архив Гуверского Института)

Смотр Военно Воздушных Сил РОА, Хаб (Эггер). Речь
ген. — майора Виктора Ивановича Мальцева.

Слева направо: ст. лейт. А. А. Идоль, директор
Русского Кадетского Корп. (из Югославии) ген. — майор
А. Г. Попов, ген. А. А. Власов, рядом ген. Ашенбреннер,
ген. — майор В. И. Мальцев, полк. Л. И. Байдак. (Архив
РОА, Нью-Йорк)

Прага, 8-го мая 1945 г., переговоры о капитуляции немецкого гарнизона (Бартоломейская улица?). Слева: ген. Рудольф фон Туссен, командир немецк. гарнизона Праги; подполк. генеральн. штаба Франтишек Бюргер «Бартош», начальник военного штаба восстания. (Архив автора).

Переговоры о капитуляции: справа ген. фон Туссен, рядом начальник его штаба ген. фон Бриесен. Сзади чехословацкий офицер и шт. кап. Б. Бенеш. Эскорт ген. Туссена на границах Праги. (Архив автора).

Сухомасты, замок. (Архив автора).

Сухомасты, здание Сокола, штаб-квартира 1-й дивизии
во время пражской акции. (Архив автора).

Лнарже, замок.

Лнарже, замок.

Знаки отличия.

Слева: за храбрость II-й степени, с мечами; за заслуги I-й степени, (оба знака отличия. I-й и II-й степени, были: бронза, серебро, золото). Знак отличия за участие в боях против партизан (были: черный, бронза, серебро, золото: согласно количеству дней участия в боевой операции). (Архив автора).

Значок выпускников Офицерского училища РОА.
Перепечатано с разрешения R. James Bender Publishing.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВ «СБОНР» и «ГЛОБУС», ОТНОСЯЩИЕСЯ К ВЛАСОВСКОМУ ДВИЖЕНИЮ

Артемьев В. П. — Первая Дивизия РОА.

Богатырчук Ф. П. — Мой жизненный путь к Власову и
Пражскому Манифесту.

Восьмой съезд СБОНР. 1977 г.

Девятый съезд СБОНР. 1982 г.

Ганусовский Б. К. — Десять лет за Железным
Занавесом.

Записки офицера Казачьего Корпуса ген. фон Панн-
вица 1945–1955. (В печати)

Делианич А. И. — Вольфсберг 373.

Делианич А. И. — Туманы.

Делианич А. — ОТЕЛЬ на Турахских высотах. (В
печати)

Прот. Константинов Д. — Записки военного священника.

Кромиади К. — За землю, за волю...

Кузнецов Б. М. — В угоду Сталину.

Манифест Комитета Освобождения Народов России.

Материалы к истории ОДНР. Вып. 1.

Материалы к истории ОДНР. Вып. 2.

ОДНР — Исторический обзор Освободительного Движения Народов России.

Плющов Борис. — Генерал Мальцев. История Военно-воздушных сил Русского Освободительного Движения в годы Второй Мировой войны (1942–1945).

После Платлинга. 1946. Сборник о выдачах.

Стенберг С. и Сабурова И. — Андрей Андреевич Власов.

Шт. — капитан А. П. Яремчук 2-й — Восемьсот дней.

Дневник добровольца Испанской Национальной Армии. (В печати).

Журнал «Борьба» 74–82 и т. д.

КНИГИ ДРУГИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

Алдан А. Г. — Армия обреченных. Нью-Йорк, 1969.

Беляевский В. А. — Вторая мировая война. Роль казачества в этой войне и трагедия такового. Сан Пауло, 1963.

Бетелл Н. — Последняя тайна. Лондон, 1974.

Казанцев А. — Третья сила. Посев, 1974.

Прот. Киселев А. — Облик генерала А. А. Власова.

Николаев А. — Так это было. Франция, 1982.

Ольшанский Б. — Мы приходим с востока. Аргентина, 1954.

Осокин В. — Андрей Андреевич Власов. Нью-Йорк, 1966.

Поздняков В. В. — Рождение РОА. Сиракузы, США, 1972.

Поляков И. А. — Краснов — Власов. Нью-Йорк, 1959.

Февр Н. — Солнце восходит на западе. Буэнос-Айрес, 1950.

Черкассов К. — Генерал Кононов. Австралия, 1963.

Шатов М. В. — Библиография Освободительного Движения Народов России в годы Второй мировой войны.

Шатов М. В. — Материалы и документы ОДНР в годы Второй мировой войны. Нью-Йорк, 1966.

Штрик-Штрикфельдт В. — Против Сталина и Гитлера. Посев, 1975.

КНИГИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Bethell N. — The Last Secret. New York, 1974.

Epstein J. — Operation Keelhaul. USA., 1974.

Huxley-Blythe P. — The East Came West. Idaho, 1968.

Thorwald J. — The Illusion. New York, 1975.

Tolstoy N. — The Secret Betrayal 1944–1947. New York, 1977.

Tolstoy N. — Stalin's Secret War. New York, 1981.

Globus Publishers, 332 Balboa Sfr. P. O. Box 27471 San Francisco, CA 94127. U.S.A. Tel. (415) 668-4723

Русское Национальное Издательство и Типография
Владимира Азар.

Технический редактор — А. В. Гибанов.

Напечатано в Русском Национальном Издательстве
«Глобус». Globus Publishers 332 Balboa Str. P. O. Box 27471
Son Francisco, CA 94127. Tel. (415) 668-4723

КАРТА № 1

Последняя фаза 2-й Мировой войны.

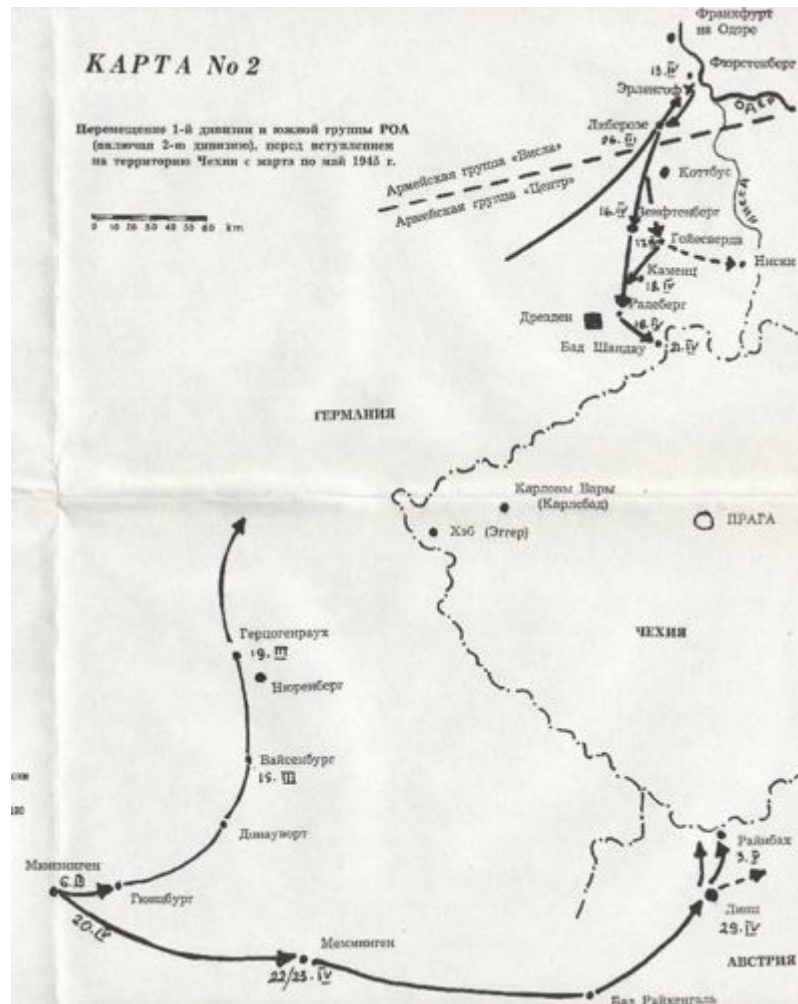
Линии фронта 12-го января 1945 г.

Территория германского Рейха 28-го апреля 1945 г.

Нейтральные страны.

Из книги: Charlts Wifonont «The Struggle for Europe»,
1952.

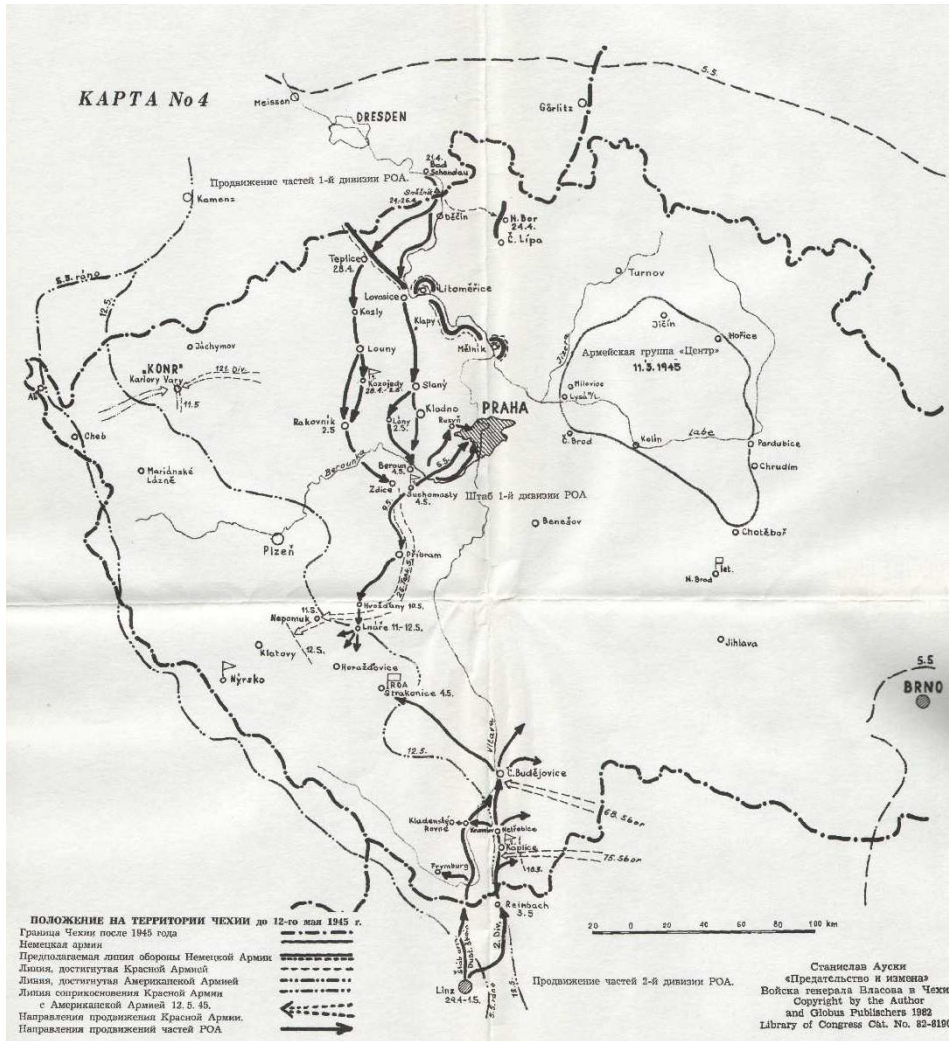
КАРТА № 2

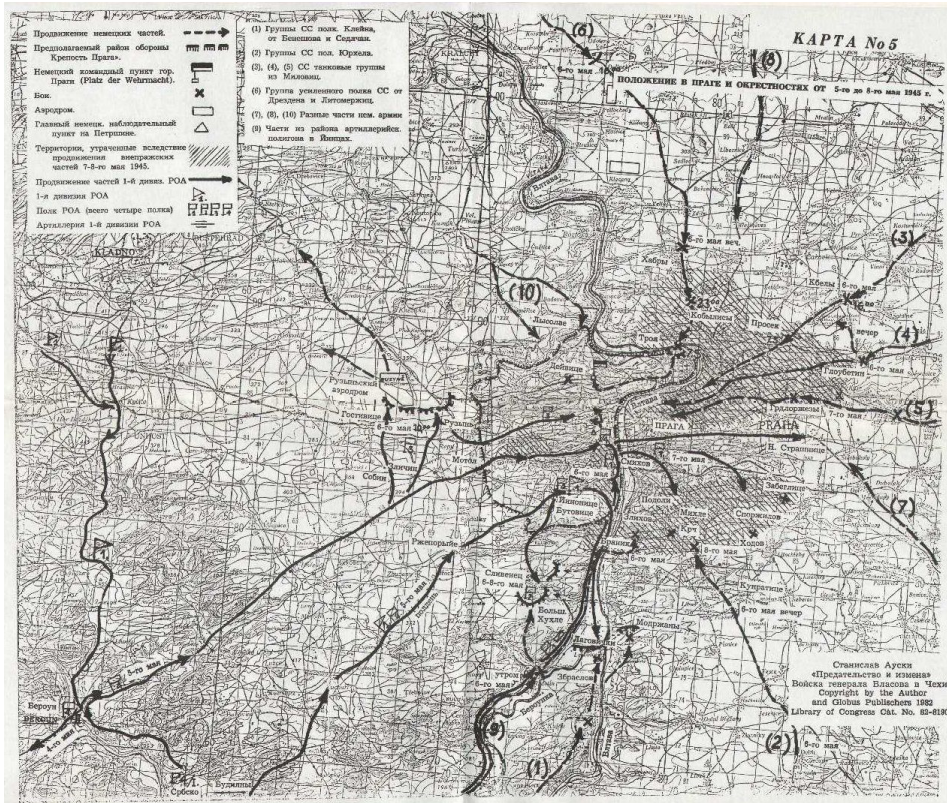
КАРТА № 3

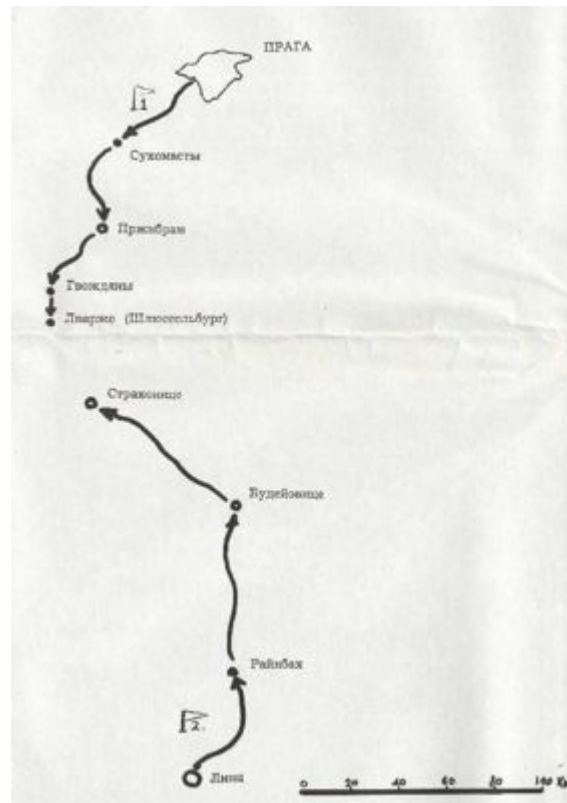
КАРТА № 4

КАРТА № 5

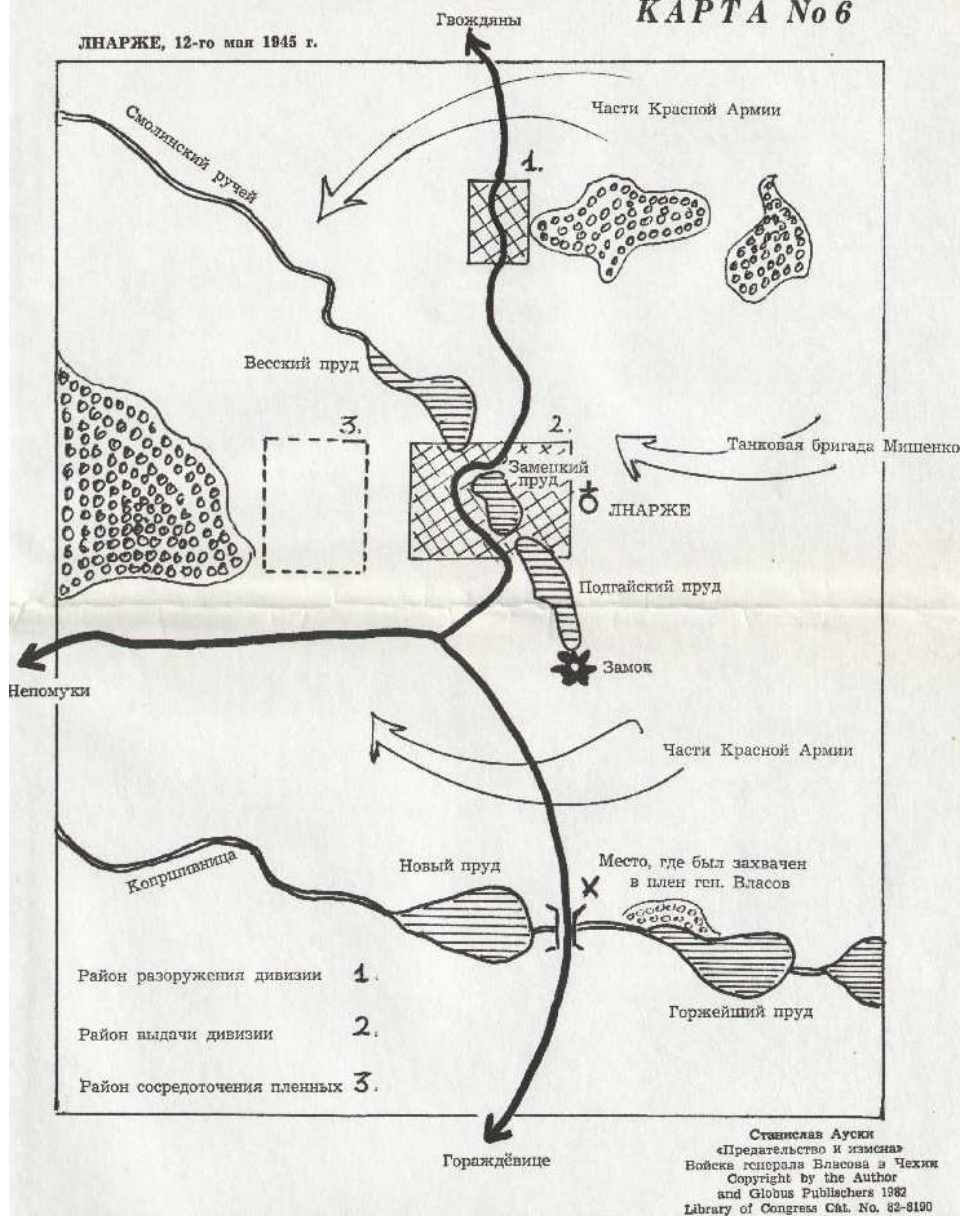

КАРТА № 6

КАРТА № 6

ЛНАРЖЕ, 12-го мая 1945 г.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

Примечания

1

Свен Стенберг: «Власов» изд. СБОНР, Австралия, 1974 г. (по русски).

Sven Stenberg «Vlasov», Alfred Knopf, New York 1970.

Swen Stenberg «Wlassow», Verlag Wissenachft und Politik. Koeln 1969.

В. Осокин: «А. А. Власов», Всеславянское Издательство, Н.-Й., 1966.

Прорыв 2-й Ударной армии был произведен с укрепленного участка фронта на реке Волхов, между озерами Ильмень и Ладога. В операциях на немецкой стороне с большим успехом участвовала испанская добровольческая Голубая дивизия. Эта дивизия была, под давлением западных союзников, позднее отозвана в Испанию. Однако, часть этой дивизии добровольно осталась в составе немецкой армии. Она была включена в состав Французской добровольческой дивизии «Шарлемень» и в конце войны приняла участие в обороне Берлина.

2

Сведения относительно общей численности военнопленных из рядов Красной армии неточны. Статистики германского Генерального штаба являются неполными. Цифры, приводимые в тайных документах, являются достоверными. До марта 1942-го года, количество военнопленных достигло цифры 3.600.000 человек (Nazi Conspiracy and Aggression, III, стр. 127). Николай Толстой, в книге *The Secret Betrayal 1944–1947*, стр. 35, Нью-Йорк 1977, приводит общее количество военнопленных соответственно нескольким источникам и в сравнении с Первой мировой войной:

1914-17: 2.417.000 русских пленных, 70.000 погибло в плену;

1941-45: 5.754.000 русских пленных, 3.700.000 погибло в плену, причем треть из них попала в плен в годы 1941-42.

3

«Остполитик»: общее наименование для ряда идеологических, политических и административных мероприятий, которые согласно идеологическим принципам Третьей Империи должны были быть действительными для оккупированных территорий на восток от первоначальной границы Германии в 1938-м году. Они часто носили взаимнопротивоположный характер и являлись одной из причин возникновения вооруженного сопротивления в тылу восточного немецкого фронта, а также утраты симпатий, питаемых к немцам населением некоторых стран в силу сопротивления Советам. Противоположность взглядов явилась причиной того, что вплоть до последней фазы войны, когда Третья Империя уже утратила почти все оккупированные территории, не было общего взгляда относительно их раздела на географические и политические единицы и какой способ самоуправления предоставить им. Фактически, оккупированные территории находились в руках административных руководителей, которые действовали согласно собственному ограниченному пониманию положения, в действительности же, — против интересов Третьей Империи. Типичным представителем таких ограниченных людей был Гаулейтер для Украины Эрих Кох.

Нюрнбергский документ НОКВ-3596, стр. 4, весна 1943-го года, подписали ген. Власов, Малышкин и Жиленков. Ген, Лукин добровольно вернулся в лагерь для военнопленных, где находился до конца войны. В 1945-м году был репатриирован в Советский Союз и, будто бы скончался в смоленской тюрьме в 1947-м году (Александр Даллин: «From the Gallery of Wartime Disaffection», The Russian Review, январь 1962 г., стр. 75–80).

5

Стеенберг, «Власов», стр. 128–136.

6

Юрген Торвальд: «The Illusion», Нью Йорк 1975, стр.
212.

1 В русской литературе это событие приводится как «Пражский манифест». В переводе на немецкий язык оно приводится как «Die Manifestation von Prag». Дословный перевод не отображает его формата и значения, тем более потому, что понятие «манифестация» приобрело с течением времени иное значение. Оба слова, как манифест, так и манифестация, в нынешнем значении не отображают характера общей политической программы, каковой этот акт был в действительности. Как в русских, так и в немецких источниках нет никаких отклонений от этого наименования. Гейнрих Курц, д-р, «Manifestation von Prag». рукопись.

2 Дабендорф, военный лагерь в окрестностях Берлина, полагавший это наименование по названию деревни, где он находился. С 1-го марта 1943-го года до февраля 1945-го года, в нем размещалось училище пропагандистов РОА. В его командном составе и на должностях инструкторов сменилось много генералов и офицеров РОА, которые позднее заняли ответственные командные посты, когда РОА стала самостоятельной армией. Курсы пропагандистов готовили бывших во-еянттлея-ных Красной армии, офицеров, сержантов и солдат для пропагандистской и политической деятельности в лагерях для военнопленных и на территориях, оккупированных немецкой армией. Последним начальником был подполк. Г. Пшеничный. Училище не было подчинено ген. Власову. Вплоть до самого конца оно находилось в ведении ОКВ, отд. Fremde Heere Ost. 28-го февраля 1945-го года, оно было эвакуировано в окрестности гор. Карловы Вары и временно размещено в замке гор. Киселка, где продолжало свою деятельность до начала апреля. 22-го апреля состав училища покинул Карловы Вары и походным маршем в направлении на юг переместился через Западную Чехию в Баварию, а 5-го мая перешел в американский плен в баварском городе Хам.

Несмотря на то, что судьба лагеря в Дабендорфе не входит в задание данной книги и связана с судьбой Освободительного движения на территории Чехии фактически лишь в последние дни войны, все-же необходимо сообщить о Дабендорфе хотя бы то, что являлось в его существовании самым важным: лагерь был колыбелью Освободительного Движения и главным местом, где на курсах для пропагандистов происходило постепенное перерождение бывших граждан Советского Союза в свободных граждан человеческого общества, где встречались люди из разных волн русской эмиграции и где постепенно из «политического вакуума» создавались пункты правительственной программы в таком виде, как они были представлены при провозглашении Пражского

манифеста. Православный священник, отец Димитрий Константинов, прикомандированный к лагерю в Дабендорфе, пишет, что особенность училища заключалась в том, что слушатели курсов менялись прямо на глазах своих инструкторов. Вчера еще военнопленные, до недавнего времени находившиеся под суровым режимом политруков Красной армии, с пренебрежительным отношением к людской жизни, жившие в атмосфере грубой ругани, ставшей хронической особенностью свойственной среди членов советских вооруженных сил во время Второй мировой войны, в состоянии постоянного полуголодного существования и в ужасных жизненных условиях, на которые не пошел бы ни один из воинов западных армий, в несчастных условиях в немецких лагерях для военнопленных — все это отступало на задний план и люди преображались... Люди как бы сбрасывали с себя искусственную кожу, в которую их облекла их советская страна. Изменялось ограниченное марксистско-ленинское мировоззрение. Из-под наносов псевдополитики и псевдокультуры появлялись русские люди, теперь иные в своем понимании мира и в своем поведении. (Константинов, «Записки», стр. 27–39).

Согласно традициям духовного обслуживания в русской армии, в Дабендорфе была установлена походная часовня — походный храм, — посвященный имени святого апостола Андрея Первозванного. В феврале 1945 года этот походный храм был эвакуирован в замок гор. Киселка, а позднее, непосредственно перед приходом Красной армии, в Марианске Лазне (Мариенбад), где во время американской оккупации пребывала многочисленная группа эмигрантов и, главное, православного духовенства. Оттуда, походный храм был тайно перевезен в Баварию, а затем в Аргентину. Его странствования по миру закончились одновременно со странствованиями священника о. Димитрия Константинова в гор. Гианнис в штате Массачусеттс. Этот храм является одним из немногочисленных сохранившихся памятников Освободительного движения, а в настоящее время он снова служит для исполнения

церковных богослужений и, одновременно, как памятник трагически погибшим его участникам.

Резиденция ген. Власова и его сотрудников находилась в Берлине-Далом, Kibitzweg № 9. В доме № 11 некоторое время размещалось Офицерское училище.

3 Эрнст Кестринг, генерал кавалерии, родился в России в 1876 году, перед Второй мировой войной известная личность в Москве, где он занимал должность германского военного атташе. Во время Второй мировой войны был назначен «Инспектором турецких формаций», как были названы подразделения, состоящие из народов Кавказа. Позднее он был назначен на пост «Генерала добровольческих подразделений», что являлось должностью советника при ОКВ. Цифровые данные см. Стеенберг, «Власов», стр. 151.

10

4 Одна копия этого документа хранится в архиве Гуверского института, Станфорд, Калифорния, в «Б. И. Николаевский Collection».

5 Разногласия и непонимание между отдельными движениями национального сопротивления были их трагедией. Если мы говорим в данном случае о соглашении, то в действительности это был компромисс, который являлся проявлением желания не раздувать огня, натворивший в прошлом неисправимые бедствия. Утверждение русских людей, что в составе КОНР были представители украинцев, является лишь частичной правдой. Украинское движение сопротивления было расщеплено на много фракций и в сотрудничестве с КОНР вошла не самая сильная из них. Признание Украинского движения сопротивления Германией произошло 12-го марта 1945 года, когда ее государственный министр Альфред Розенберг признал Украинский национальный комитет во главе с ген. Павло Шандруком, который занимал в нем руководящую должность как гражданского так и военного характера. Первоначальная 14-я СС дивизия «Галициен» была уже перед этим реорганизована и позднее переименована в 1-ую Украинскую дивизию «Галичина». Ее воины получили новую форму с украинской эмблемой и приносили присягу украинскому знамени. После включения в бей на восточном фронте близ гор. Броды, она переместилась по территории Словакии на южный фронт, где ей был отведен участок обороны в районе гор. Фельдбах в Австрии. До самого конца своего существования, она продолжала оставаться под командованием немецкого командира ген. Фрейтага.

2-я Украинская дивизия, неполная и в состоянии организации под командованием ген. Дьяченко, была передана ген. Шандруком в подчинение командиру армейской группы «Центр» фельдмаршалу Шерверу. Несмотря на то, что ген. Шандрук получил от Шернера обещание, что дивизия не будет участвовать в боях, она все-таки воевала в последние дни войны. Дивизия была использована на разваливающемся фронте в районе гор. Баузен, а после окружения Красной армией, пробилась на

запад в американский плен, потеряв при этом 60 % своего состава.

Ген. Шандрук встретился с ген. Власовым 20 января 1945 года в его резиденции в Далеме. Сведения об этой встрече и разговоре между обоими генералами публикуются в книге Павло Шандрука «Arms of Valor», R. Speller and Sons, New York, 1959, стр. 219–223, 226–227.

6 Лев Владимирович Дудин, «Материалы к истории ОДНР», Онтарио, Канада, стр. 48. А. Казанцев приводит, что это заседание состоялось в помещении штаба РОА в Далеме близ Берлина (Казанцев, «Третья сила», Посев, Франкфурт-на-Майне, 1974 г.)

7 Гейнц Данко Герре, полковник генерального штаба: «Aufstellung der Wlassov-Divisionen im Winter 1944–1945» и «Manifestation von Prag», рукописи. Участник военных походов в Польше, Югославии, Южной России, офицер с исключительными способностями, владеющий русским языком и знающий русские условия жизни, один из первых армейских офицеров, который предлагал внести изменения в восточную политику и осуществить создание добровольческих частей. Его должностное обозначение было Начальник организационного штаба, подчиненный ген. Кестрингу.

8 Русский художник, кап. РОА А. Н. Родзевич был уполномочен разработать проект суверенной эмблемы РОА. В общей сложности, девять проектов было представлено Розенбергу для его одобрения. Не один из них не прошел. Наконец, Розенберг одобрил проект ген. Малышкина, Святоандреевский Крест на белом поле. Первоначально, это было знамя царского морского флота. (Шатов, «Материалы», часть II, стр. 174).

9 Ген Рудольф фон Туссен был до конца апреля военным командующим Протектората Чехия и Моравия. 8-го мая покинул Прагу, а затем был затребован чехословацкими органами безопасности из американского плена для дачи показаний в Праге, где противозаконно содержался в заключении в плоть до 1960-го года. Дальнейшие данные о его деятельности исходят от его сына, старшего лейтенанта германской армии Рудольфа фон Туссена. Личная корреспонденция хранится в архиве автора.

16

10 У Карла Германа Франка была во время его деятельности в Протекторате Чехия и Моравия различные должности и титулы. У него было звание СС-Группенфюрера, что соответствовало званию генерал-лейт. в армии. Позже, он был командующим частей СС и полиции в Протекторате, а с 1943-го года был государственным министром по делам Протектората. Был казнен в Праге — на Панкраци, 22-го мая 1946-го года.

17

11 Герпе, «Manifestation», стр. 3.

12 Подробное описание хода этого события дает Свен Стеенберг в своей книге «Власов», а полный текст Манифеста приводит Вилфрид Штрик-Штрикфельдт в своей книге «Against Stalin & Hitler 1941–1945», (John Day Company, 1973). Факсимиле документа было опубликовано в журнале «С народом — за народ», № 4, декабрь 1964 г. Также выпущено отдельной брошюрой в изд. СБОНР. Организация КОНР см. Приложения.

19

13 Дудин, «Материалы», стр. 51.

14 Их имена знакомы людям старшего поколения. Это были: Марго Гейлшер, Петер Крейдер и другие. Причиной их присутствия были киносъёмки фильма производимые в Праге. Гейнрих Куртц, д-р «Manifestation von Prag», стр. 6, рукопись.

Единственным генералом, который не был приглашен в Чернинский дворец, был Сергей Туркул, весьма этим обиженный. Он был эмигрантом после Первой мировой войны, членом РОВС'а, Мировой организации русских военных ветеранов, где руководил фракцией, которая настаивала на сотрудничестве с Третьей Империей. Он организовал часть РОА в Зальцбурге численностью приблизительно 1.200 человек

15 В то время КОНР не был единственным, кто искал путь к спасению после разгрома Германии. На территории Европы оперировало несколько армий, решительно не желавших поражение Германии считать и своим поражением. Так, например, из Югославии организованно отступало в Центральную Европу около 50.000 бойцов в составе различных подразделений, главным образом, хорватских. Приблизительно по тому же пути шел и Казачий корпус генерала фон Паннвитца, численностью приблизительно в 25.000 бойцов. За продвигающейся Красной армией остались территории, занятые УПА (Украинска повсталецкая армия), которые изъявили желание сотрудничать с Власовым при условии признания свободной Украины. Согласно приблизительным подсчетам, в ее составе было около 50.000 человек. Через Южную Европу отступали дивизии, состоящие из народов Кавказа и юго-восточной России. Насколько велика была бы сила, которой Власовская армия могла бы располагать в критический момент, трудно сказать. Если война продолжалась бы до осени 1945-го года, как предполагалось еще вначале 1945-го года, численность могла бы достичь почти до 500.000 и больше. Кроме того, на стороне западных союзников воевали регулярные подразделения из стран, занятых Красной армией, и они решительно не хотели смириться с тем, чтобы в их стране решающую силу имел Советский Союз. Такой частью была, например, Польская армия генерала Андерса.

22

16 Сергей Фрейлих, Begleiter Vlassovs von 1943 bis zum
Ends, стр 23, рукопись.

17 В японском посольстве в Берлине работала жена писателя и члена НТС А. С. Казанцева. Она проявила желание отвечать на различные вежливые вопросы членов японского дипломатического корпуса и через нее к Ошиму поступали самые последние сведения относительно КОНР и РОА. (С. Фрейлих, интервью).

18 Источники: Секретные сообщения СД № 96/44 от 10-го ноября 1944-го года, 99/44 от 21-го ноября 1944-го года, 100/44 от 24-го ноября 1944-го года, 6/45 от 20-го января 1945-го года. (The National Archives, Washington D.C., Record Group 242/T-175, Roll 267.).

19 Прага была в то время самым крупным центром сосредоточения русских эмигрантов. Белградский центр эвакуировался в различные места в Чехии и в Германии или отступал, вместе с Казачьими частями, через Хорватию в Австрию. Парижский центр был за линией войск западных союзников.

20 Запоздание с опубликованием этого сообщения имеет интересную закулисную сторону. В то время, когда Гиммлер вел переговоры с Власовым, в Стокгольме происходила одна из причудливейших попыток войти в контакты с советскими дипломатами с целью заключения сепаратного мира. Переговоры вел СС-полковник д-р Петер Клейст, начальник отдела «Остланд» Министерства по делам оккупированных территорий Востока. Переговоры велись через посредничество Иосифа Клауса, который официально выдавал себя за торгозца украинского происхождения, с лета 1943-го года. Инициатором переговоров явно были Гиммлер и СС-генерал Е. Кальтенбрюннер, начальник RSHA. Ход переговоров отображал нерешительность Гиммлера согласиться с принятием условия для открытия переговоров, по которому требовалось устранение Гитлера. На основании этого повода никаких переговоров не произошло и все сводилось скорее к поддержанию контактов. 21-го сентября д-р Клейст вернулся в Германию, а 29-го сентября 1944-го года германское агентство печати получило разрешение опубликовать короткие сообщения о встрече Гиммлера с Власовым и о том, что было заключено соглашение «использовать все силы русского народа в борьбе за освобождение страны от большевизма». В сообщении от 10-го октября 1944-го года, представленном Шелленбергу, д-р Клейст приводит, что «включение в боевые действия ген. Власова вызвало большое удивление и должно быть принято как знак того, что Германия не ищет никаких путей к примирению с Советским Союзом». Насколько серьезно велись переговоры со стороны советских дипломатов, является предметом размышления. С советской стороны у нас не имеется прямых документов, известно лишь о том, что было проявлено желание поддерживать контакты, а также о том, что сообщения о противосоветских военных планах в Англии, переданные им д-ром Клейстом, были приняты и советские дипломаты проявили интерес к получению дальнейших.

После того, как советская сторона отклонила эти «предложения», уже никто не мог, даже самые рьяные противники Власова из кругов СС, помешать тому, чтобы «Освободительное Движение Народов России» было проведено в жизнь, как последняя карта перед окончанием войны. (The National Archives, Washington D.C., Record Group 242, roll 579. Александр Даллин: «Vlasov and separate peace: A note». *Journal of Central European Affairs*, JSjb 16, 1959, стр. 394–396).

21 Рапорты СД, Institut fur zeitgeschichte, Munchen.
микрофильм 652/1, стр. 472.

28

22 NA, Record Group 238, № 2998.

23 NA, Record Group 238, № 1815. Письмо в том виде, как оно хранится в архиве, является воспроизведением первоначального письма и написано крупными буквами. Гитлер отказывался пользоваться очками и вся корреспонденция, которую он должен был прочитывать лично, представлялась ему в таком виде. В приложении, состоящем из двадцати страниц, подробно повествуется о том, что в этом письме приводится в сжатом виде. Так как на письме нет никакой рукописной пометки, сомнительно, что Гитлер его читал. Мне не удалось найти никакой записи относительно того, чтобы Гитлер принимал Розенберга вплоть до конца своей жизни.

24 Убедительной обработкой этих новых данных является книга чешского историка Войтеха Мастного «Russia's Road to the Cold War», Columbia University Press. New York, 1979. Книга содержит также описание конца войны в Чехии и, главное, в Праге (стр. 273–279).

31

25 NA, T-78, Roll 501, str. 648–669.

26 Моисеев М. А., «Былое», Globus Publishers, Сан Франциско, 1980, стр. 164–166.

* В издательстве «Глобус» вышла книга его воспоминаний «Былое». Сан Франциско 1980 г.

27 NAGCR, Record Group № 242, File H3/984, H3/1014. Эти документы не были включены в микрофильмы и после рассортировки снова обозначены словом «СЕКРЕТНОЕ» и только теперь деклассифицированы. Полк. Машин, чехословацкий офицер, член организации «Оборона народа» (ON), был арестован в 1941-м году и казнен 30-го июня 1942-го года. Часть группы пережила волну арестов и их имена появляются в связи с Пражским майским восстанием: ген. Слунечко, подполк. Бюргер, подполк. Самеш.

Сотрудники ген. Власова, особенно Милетий Зыков, вначале 1944-го года вошли в контакт с офицерами чехословацкого генерального штаба, что не было противонемецким актом. Дело шло о привлечении членов для реализации идеи Европейского содружества народов. (Штрик-Штрикфильдт, стр. 181).

1 Это относилось к составу части, носящей наименование «Бригада Каминского», которая позднее была сильно и неисправимо деморализована. В военном отношении эта бригада обеспечивала самоуправляющиеся территории в тылу немецкого восточного фронта в районе города Локоты. На этой территории проживало около 1.700.000 жителей, а состав бригады, перед отступательным перемещением линии немецкого фронта на запад, составлял приблизительно 50 000 человек. Эта территория со своей собственной армией и независимой экономикой была сначала примером того, чего можно достичь без вмешательства немцев. Одновременно с отступлением немецкого фронта, отступала и бригада Каминского вместе с семьями своего состава. После оставления своей территории, бригада начала деморализоваться. Позднее она была переведена в состав вооруженных сил СС, а часть ее, под давлением со стороны немцев, участвовала в подавлении Варшавского восстания. 5.000 из состава бригады было переведено в 1-ую дивизию РОА, где они были разделены по отдельным частям. Иной частью СС, которая вошла в состав дивизии РОА, был остаток 30-й СС-дивизии «Sigling». Она состояла из добровольцев под командованием СС-подполковника Ганса Сиглинга. Позднее она участвовала в боях во Франции, где была сильно разбита и ослаблена.

2 От начала своего возникновения дивизия переживала немало кризисов, которые, вместе с неоднородностью людского состава, должны были отразиться на ее моральном состоянии. По мере того, как приближался трагичный конец, возрастало беспокойство, преимущественно в составе солдат. Я вспоминаю случаи, когда отдельные части дивизии отказывались носить знаки различия РОА или оружие, среди них наблюдалось чрезмерное пьянство.

Единственным задокументированным случаем просоветской деятельности был случай с группой полк. Николая Степановича Бушманова. Будучи руководителем учебной части курсов пропагандистов в Дабендорфе, он был арестован вместе с пятнадцатью человек его группы и казнен осенью 1944-го года в концентрационном лагере в Сахсенгаузен. (Статья А. Немирова «Судьба полковника Н. Бушманова», опубликованная в книге В. В. Познякова «Рождение РОА», Сиракузе, 1972 г., стр. 97–98).

3 В сентябре 1943-го года немецкий журнал «Сигнал» поместил обширную статью о добровольческих частях. Полная страница ее занята фотоснимками значков различия добровольческих частей соответственно их национальным группировкам.

4 Хелмут Швеннингер: Bericht über die Ereignisse um die 600. Inf. Div. (russ.), стр. 3, рукопись.

5 Докладная записка А. Розенберга Гитлеру от 28-го сентября 1944-го года, стр. 5, NA, Record Group 238! № 2544.

6 По упрощенной схеме дивизия была организована следующим образом:

Командир: ген. — майор Сергей Кузьмич Буняченко (произведен в генералы после возглавления дивизии)
Заместитель командира по политической части: майор Николай Боженко.

Начальник штаба: подполк. Николай Петрович Николаев. Оперативный офицер: подполк. Руденко. Офицер-пропагандист: ст. лейт. Нарейкис. Духовная служба: Игумен Иов. Офицер-военкорреспондент: ст. лейт. Ольчовик. Адъютант командира: лейт. Семенов.

Офицер связи Германской армии: майор Хелмут Швеннингер.

Дивизионные части:

Артиллерийский полк: Жуковский, 6 батарей по три орудия, калибра 75 мм.

Разведывательное дивизионное подразделение: майор Костенко. Состав: Танковая рота, первоначально вооруженная трофейными танками Т-34. Пулеметная рота. 2 кавалерийских эскадрона.

В немецких источниках приводится, что дивизия была вооружена ротой самоходных машин. В русских источниках нет упоминания о них. При отступлении с фронта на Одере дивизия вооружилась немецкими бронеавтомобилями и самоходками. Их общее количество определяется приблизительно в несколько десятков.

Полк снабжения: подполк. Максаков.

Самостоятельный учебный батальон

Саперный взвод: кап. Будный.

Батальон связи. Медико-санитарная рота.

Рота командира

Взвод полевой жандармерии.

1-й пехотный полк: подполк Андрей Дмитриевич Архипов.

2-й пехотный полк: подполк Вячеслав Павлович Артемьев. Начальник штаба: майор Николай В. Козлов.

I-й батальон; кап. Золотерин.

II-й батальон: кап. Димитриев

III-й батальон:

Рота тяжелых орудий: П. Сарачан.

Разведывательный велосипедный взвод: ст. лейт. Селин.

3-й пехотный полк: подполк Александров.

4-й пехотный полк: полковн. Игорь Константинович Сахаров. Начальник штаба: майор Герсдорф.

I-й батальон: кап. Чистяков.

II-й батальон: кап. Игорь Федотович Гурлеский.

Вышеприведенные данные были составлены согласно различным упоминаниям в источниках как русских, так и немецких. Имя и отчество указаны в тех местах, где мне удалось узнать о них. Имена командиров некоторых частей нам остались неизвестными, несмотря на то, что согласно источникам нам известно, что эти части существовали.

Организационная схема 1-й дивизии не сохранилась. В Bundesarchiv-Militararchiv во Фрейбурге хранится организационная схема 2-й дивизии, 650, Inf. div. (russ.). Она воспроизводится в качестве приложения к данной книге. По схеме обе дивизии не отличались друг от друга до конца войны, когда появился недостаток вооружения и оснащения и отсутствие тяжелого оружия и транспортных средств. Наоборот, вследствие стремительного возникновения 1-й дивизии в ее вооружении появились танки Т-34, на что организационный отдел ОКВ никак не рассчитывал.

7 В Гуверском Институте хранится «Собрание трудов» Б. И. Николаевского, рукопись без подписи, где описывается работа этой комиссии.

Во всем РОА было приблизительно 10 генералов и несколько сот офицеров из рядов прежней эмиграции. Часть командиров пехотных полков принадлежала к этой группе. Некоторые из этого командного состава написали после окончания войны свои воспоминания или помещали в эмигрантских газетах и журналах описания отдельных событий. Эти рукописи и публикации характерны тем, что они повествуют о различных подробностях жизни за фронтом, а описание боевых действий, в большинстве случаев, подают лишь в форме всеобщего констатирования. Ни одно из них не снабжено картой, что дало бы им характер военного документа.

1 George H. Stein: The Waff en SS, стр. 190.

2 Ее первоначальным командиром был немецкий майор Кейлинг, офицер связи 2-й дивизии.

3 Данные о противотанковом дивизионе и о 4-м полке, получены от В. Н. Азар, интервью 1979 г.

4 В. Н. Азар: «История одного молодого полка»,
Часовой, 295, март 1950 г. и «Борьба» № 75/76 ноябрь
1979 г.

46

5 Reichsführer SS, СС-генерал-лейтенант Фегелейн, письмо с обозначением В 9/16, копия хранится в архиве автора.

6 Геббельс Иосиф: *The Diaries of Joseph Goebbels, Final Entries, 1945*, Putnam, New York, 1978. Стр. 62–63. Рапорт полк. Сахарова не сохранился или мне не удалось найти его в немецких документах.

7 Согласно немецким рапортам с апреля 1945 года в Дании находилась 599-ая русская бригада численностью в 13.000 человек. (Institut für Zeitgeschichte, München, микрофильм MA 660, стр. 620, 119–120). 1-й Белорусский полк был, вероятно, составной частью этой бригады. Кроме того, в северной Германии находились русские и казачьи части, известные лишь по неполным данным или по имени их командиров. Когда армии ген. Власова было признано самостоятельным командованием, ОКВ дало приказ сосредоточить все эти части на реке Одер и передать их под его командование. В соответствии с этим следует понимать перемещение 1-й дивизии в район гор. Франкфурт-на-Одере и перевод 1-го белорусского партизанского полка в состав 1-й дивизии. Почему не произошли дальнейшие перемещения на Одере, объясняется тем обстоятельством, что приказ был дан уже во время полного развала фронта, а наступление на Одере 16-го апреля 1945-го года, окончательно остановило любые реорганизации, т. к. их уже невозможно было произвести. В источниках РОА 4-й полк приводится как «Самостоятельный полк полковника Сахарова». Организационный отдел ОКВ обозначил этот полк номером 1604 Grend. Inf. Reg., что означает 4-й полк 600-й пехотной дивизии (Bundesarchiv- Militararchiv, Freiburg, картотека).

Полк. Игорь Константинович Сахаров был эмигрантом со времени Первой мировой войны, интересным представителем особой общественной группы воинов по призванию. В период между двумя мировыми войнами он принял участие в военных конфликтах почти на всех континентах мира. Он воевал в армиях нескольких южно-американских стран, получил знаки отличия в юго-восточной Азии, был удостоенным наград полковником армии ген. Франко и членом Фаланги. Он был также единственным офицером в дивизии, который владел английским языком. Он был строгим и требовательным, но весьма популярным командиром в частях. После войны

он эмигрировал в Австралию, где в 1977-м году погиб в автомобильной катастрофе.

Майор Ламсдорф дал в 1966-м году интервью Свену Стеен-бергу, в котором он сообщил, что был на Одере командиром русского полка, перемещенного из Дании. На оборонном участке он находился по соседству с бельгийскими добровольцами (Догрель). После развала фронта он вместе с полком пробился на запад через Эльбу. Это подтверждается лишь косвенно тем обстоятельством, что майор Ламсдорф с 4-м полком не был в Праге в мае 1945-го года. (Возможно он был с третьим батальоном, отрезанным советским наступлением около гор. Либерозе и перешел через Эльбу в группе которой удалось спастись, но лейт. Шаповалов о его присутствии в этой группе не упоминает).

1 NA, Record Group 238, Lfo 3226. Руководителем этого учреждения был д-р Е. Крегер.

2 Ф. П. Богатырчук: «Мой жизненный путь к Власову и Пражскому Манифесту», изд. Глобус Сан Франциско, 1978, стр. 204–210.

51

3 Дудин, Материалы, стр. 68.

* Некоторые новые сведения см. «Летчики Русского Освободительного Движения», журнал «Борьба» № 82, сентябрь 1981 г.

4 Данные взяты из рукописи без подписи, обозначенные VVS — (BBC) — POA, Николаевский, «Собрание трудов», Гуверский институт, и дополнены данными из интервью с Г. Бушманом, 1970 г.

5 Все данные взяты из описания К. Попоза, опубликованного в книге М. В. Шатова, «Материалы и документы», П-я часть, Нью-Йорк, 1966 г., стр 116–140. На русском языке эта часть называлась «Вспомогательные войска КОНР», Сокращенно В. В. Описание полк. Попоза носит особый характер: как будто бы его автор не был бойцом. Без приведения данных о месте и времени, он говорит лишь о штабе и его семействах, повествует об усилиях сохранить пишущие машинки и канцелярский материал, рассказывает о высокой технической квалификации этих войск и ни единым словом не упоминает о судьбе 4.000 человек рабочих частей.

6 Полное наименование этой части: «1-й Имени Великого Князя Константина Константиновича Кадетский Корпус». Обе части состояли из молодого поколения русской эмиграции, которые проживали в большой русской колонии в Белграде под защитой югославского короля. За время своего существования между двумя мировыми войнами в Кадетск Корп. было 24 выпуска, последний из них произошел в 1944 г. В феврале 1945 г., последний выпуск был перемещен из Хеба в Берлин-Далем, где он должен был закончить обучение в Офицерском училище РОА, начальником которого в то время был ген. Воскресенский.

Во время немецкой оккупации гор. Белграда, возникла еще одна воинская часть Охранный Корпус. Его заданием было охранять русскую колонию в Югославии от насилия со стороны партизан, когда они начали проявляться после поражения королевской югославской армии. Одновременно с отступлением немецких армий с балканских территорий, отступала также и вся русская колония и ее воинские части. Некоторые подразделения и отдельные лица находились некоторое время в 1945 году на территории Чехии. Многие из этих эмигрантов также служили в XV-м казачьем корпусе под командованием ген. Хелмута фон Паннвитца, а часть поступила в РОА. Составной частью РОА был также самостоятельный русский полк «Варяг», (см. примечание на стр. 312 — (см. *** тут же — прим. авт. fb2)), который в 1945 г. отступил из Югославии на территорию Италии и частично в Австрию. Эти группы, в большинстве случаев, перешли в английский плен в районе гор. Клагенфурт в Австрии, а позднее путем насильственной репатриации безжалостно выданы командованием английской оккупационной армии советским органам безопасности. (Кроме Охранного Корпуса).

* * *

ПРИМЕЧАНИЕ к стр. 291.

Русский Особый Полк РОА «Варяг» начал свое формирование в Сербии и закончил его в гор. Любляна (Словения).

Командир полка: Полк. М. А. Семенов;

Помощник ком. полка: Майор М.Г. Гринев;

Адъютант полка: Поручик Л. Кубик;

Командир 1-й роты: Капитан А. Орлов;

Офицер связи с югославскими и казачьими частями и военный корреспондент: А. И. Делианич.

Полк близко сотрудничал со Словенскими частями генерала Льва Рупника и полковника Прегеля, Сербским Добровольческим Корпусом Министра Димитрия Лютотича и Воеводами далматинских четников Джуичем и Евджевичем.

Все эти части выразили свое желание войти под команду ген А. А. Власова.

В мае 1945 года большинство этих частей были выданы англичанами партизанам Тито и были они расстреляны в Кочевском Ущельи (16.000 человек) (см. книги А. И. Делианич «Вольфсберг 373» и «Отель на Турахских Высотах». Изд. Глобус, Сан Франциско).

7 Богатырчук, проф.: «К вопросу оценки антинемецкого выступления РОА в Праге в мае 1945-го года». Эта статья, без дальнейших данных, хранится в архиве С. Стеенберга в Bundesarchiv-Militararchiv, Freiburg, в статье, а также в указанной книге несколько раз употребляется слово «партизаны». Такая формулировка определенно является неверным выражением для обозначения лиц, с которыми велись переговоры при попытках войти в контакты. Это явно были представители групп движения сопротивления, личная идентичность которых, вследствие незаинтересованности с русской стороны, не была проверена, а в настоящее время, из-за недостатка источников, ее установить уже невозможно.

57

1 NA, GCD, T-175, Roll R-640.

2 Маршал Семен К. Тимошенко — малоуспешный командующий Центральным (1941 г.) и Южным (1942 г.) фронтами, позднее представитель Верховного командования Красной армии в высших частях. Неясно сформулированные надежды на его участие в Освободительном движении повторяются несколько раз в различных документах. Данных о том, как они возникли и каким образом отразились на его военной карьере, установить нет возможности. Скончался в 1970-м году

3 Aktion des Generals Wlasow: Regelung der ukrainischen Frage. NA, GCD, T-175, Roll-640, стр. 062–063. Братислава 29-го ноября 1944-го года.

60

4 NA, GCD, T-175, Roll-640. стр. 622–623. Братислава,
9-го декабря 1944-го года.

5 Казачье войско в то время уже разошлось во взглядах на борьбу за права казачества и влияние Всеказачьего атамана ген. П. Н. Краснова не доверявшим ген. Влсову и не желавшим сотрудничать с ним, постепенно уменьшалось, пока в результате своего сопротивления, Краснов не оказался в апреле 1945 года изолированным и покинутым большинством белых казачьих генералов и атаманов.

62

6 «Гардиста», Братислава, 10-го января 1945 г.

7 Это касается Нюрнбергского документа № 1627. Достоверность этого документа весьма спорна. Он представляет собой одну страницу, напечатанную на машинке, не приводя никаких исключительных данных. Она является лишь трактовкой отдельных пунктов Манифеста КОИР. На страницах нет ни заглавия, ни даты, ни подписи, ни пометки и ее происхождение неясно. Для какой цели мог служить этот документ Нюрнбергского Трибунала остается неясным. Подобных документов, выбранных для нужд верховного правового учреждения о проигранной войне немало в микрофильмовой документации. Мне хотелось бы предупредить читателя, что автор данной книги не производит оценки Трибунала как такового, но только лишь одного из спорных документов. (NA, GCD, Record Group 238).

8 Словацкая ежедневная газета «Гардиста» поместила с 16-го ноября 1944 года до 6-го марта 1945 года в общей сложности 9 сообщений и статей о Движении ген. Власова и подробно описала визит ген. Жиленкова 10-го января 1945 года. Статьи отличаются низким журналистским уровнем, что было общим слабым местом данной газеты. В Библиотеке Конгресса Вашингтон Д.С. не хранятся иные словацкие газеты или издания Протектората.

65

9 NA, GCD, T-175, Roll-540, стр.727.

10 Фридрих Бухардт: «Die Behandlung des russischen problems durch das Nationalsozialistische Regime».

11 Письма д-ра Крегера к автору настоящей книги.

68

12 «Воля Народа», № 6/1945, стр. 2-3

69

13 NA, GCD, T-175, Roll-640, стр. 823-4.

70

14 NA, GCD, T-175, Roll-640, стр. 682, 700.

15 До сих пор никто из историков Освободительного Движения не занимался изучением деятельности полк. Спиридонова. Первоначально он был офицером Красной армии, позднее лектором в Училище пропагандистов в Дабендорфе. Во время пребывания в Братиславе он был заместителем ген. Жиленкова. Он был образованным человеком, владеющим английским языком, но как личность, расценивался офицерским составом СД совершенно неподходящим для пропагандистской деятельности, в которой он занимал столь высокий пост.

72

16 NA, GCD, T-175, Roll-460, стр. 702.

73

17 NA, GCD, T-175, Roll-460, стр. 602–607, 636–638.

1 Данные о включении 1-й дивизии в бои на Восточном фронте задокументированы очень хорошо благодаря подробному описанию атаки и зарисовкам положения на карте. Мне их предоставил полк. Bundeswehr Фридрих-Вильгельм фон Нотц, который в апреле 1945-го года командовал полком Офицерского училища № 1233 и в районе обороны которого находилось предместье «Эрленхоф».

(Личные письма и карта находятся в архиве автора, интервью 1978 г.). Сохранился также дневной рапорт 9-й армии от 13-го апреля с подробным описанием боев. Дальнейшим источником являются мемуары полк. В. Артемьева.

75

2 Названное по наименованию поместья, находящегося посередине предмостного укрепления. См. карту № 3.

3 Столь мощная артиллерийская подготовка была в немецкой армии во время окончания войны, необычной несмотря на недостаток огнеприпасов. Полк. фон Нотц в указанном документе приводит, что это была последняя подготовка такого большого масштаба, равной которой он не помнит до окончания войны.

4 Само тактическое исполнение атаки, как оно описано, может быть предметом критики. Но это выходит за рамки данной книги.

78

5 Кейлинг: Die Wlassow Armee, стр 13, рукопись.

6 О том, что опасения ген. Буныченко были обоснованными, свидетельствует судьба немецкого полка № 1233. После начала наступления Красной армии 25-го апреля, полк. фон Нотц стал командующим арьергарда и прикрывал отступление 9-ой армии. 30-го апреля, когда полк был полностью уничтожен, его командир попал в советский плен только с одним оставшимся в живых бойцом этой части.

1 Walter Ludde-Neurath, Regierung Dönitz, Musterschmidt Verlag, Göttingen, 1964. Положение 2-го мая: «Armee-Gruppe Schörner mit ihrer Front gegen Russland völlig intakt...hatten jedoch nur für kurze Zeit Munition und Betriebsstoff». стр. 50

2 Заслуживает интереса тот факт, что во всех источниках, как русских, так и немецких, территория Чехии всегда называется Чехословакией. Даже переход через границу в Крутных горах (Рудных горах), тогда официально не существовавшей, также в немецких источниках обозначается как вступление на территорию Чехословакии. Граница Протектората тогда официально проходила западнее от гор. Литомержице.

3 Вячеслав Артемьев, «Обреченная дивизия», История 1-ой дивизии РОА, рукопись, 1962 г., стр. 91.

4 Ibid, стр. 87, 92. Посещение чешских офицеров 30-го апреля подтверждает также и В. Н. Азар, интервью.

5 Артемьев, «Обреченная дивизия», стр. 97. Не приводит ни имен ни фамилий и принадлежности к воинским группировкам.

Михаил Васильевич Шатов, статья «Прагу освободили власовцы» в газете «Новое Русское Слово», 12-го февр. 1960 г.

85

6 Артемьев, «Обреченная дивизия», стр. 99.

7 Николай Тензороз-Ветлюгин, «Последние дни генерала Власова», рукопись. Архив РОА, Нью-Йорк.

87

8 Артемьев, «Обреченная дивизия», стр. 99-101.

88

9 Герхарт Бушман, интервью, 1979 г.

1 Юрий Сергеевич Жеребков, «Попытки КОНР'а войти в контакт с англо-американцами». Рукопись хранится в архиве Гу-верского Института. В некоторых источниках Жеребков называется немецким агентом. Сам он на 4-й странице вышеуказанной рукописи, признается в открытом сотрудничестве с германскими учреждениями.

2 СС—полковник д-р Эрхарт Крегер, балтийский немец, говорящий по-русски, был начальником штаба связи СС для Движения освобождения. Этот пост он занял в октябре 1944-го года, когда гтрисъсотр### и контроль над Движением освобождения перенял SS-Hauptamt сменив таким образом кап. Штрик-Штрикфельдта. Д-р Крегер, как и его штаб, не пользовался популярностью среди русских людей и, поэтому, необходимо привести разъяснения. Когда органы СС, наконец с запозданием и наличием многих протестов ввели ОДНР в жизнь, SS-Hauptamt принял ответственность за его деятельность. В сущности деятельность д-ра Крегера состояла в том, что он стоял между Власовым, как представителем Движения, и остальным миром, исполненным интриг и неприязни со стороны различных германских учреждений. Кроме того рядом с Власовым должен был стоять человек, который иногда мог бы сказать также слово «нет». По этой причине должен был уйти с этого поста кап. Штрик-Штрикфельдт, пользовавшийся большой популярностью среди русских, как один из них, а не немец- ций офицер. Кроме того Штрик-Штрикфельдт не был в состоянии предотвратить некоторые отрицательные явления. Одним из них был выбор неподходящих лиц на руководящие посты. В конце концов, в этом отношении не смог достигнуть многого даже д-р Крегер Личная политика была общим слабым местом ОДНР. Все три командира дивизий оказались неподходящим выбором, а также часть генералов в КОНР и в штабе РОА, причинила вред движению.

3 Власов уполномочил на ведение этих переговоров д-ра Крегера (Стеенберг: «Власов», стр. 186).

4 Также и концепция самого выступления по радиовещанию, предназначенного для ООН, явилась результатом сотрудничества Жеребкова с проф. Эйбелем и с проф. Расхгофером, с которым он встретился в Вене. Проф. Эйбель, известный немецкий философ из Вены, был автором идеи нового восприятия мира, назвав свою теорию *Magna Charta Euraslatica*. Он считал человечество живым организмом, с которым нельзя обращаться произвольным образом. В Манифесте он усматривал реализацию своих идей и новое наступление человеко-идеализма против материализма. С Власовым он встретился в Берлине.

5 НТС — Национально-Трудовой Союз. Организация молодежи из среды белых эмигрантов, с социалистическими тенденциями, основанная в Белграде. Она стремилась найти пути к привлечению населения Советского Союза на борьбу против коммунизма. Она считала, что восстановление монархии и прежнего социального строя в России неосуществимо. С начала войны ей была разрешена деятельность на оккупированных территориях Советского Союза, но позже. Гестапо стало ее преследовать, а ее руководителей заточать в тюрьмы. Наиболее известными среди них были Виктор Байдалаков и Александр Казанцев. В составе РОА было немало ее приверженцев и членов. Первоначально им был и ген. Трухин, начальник штаба РОА. Позднее, когда он стал начальником штаба, он будто бы прервал связь с организацией. Однако, сведения относительно его участия в НТС расходятся. Определенно у НТС в рядах РОА было больше членов, чем он желал допустить в то время. (А. Артемьев¹ «Вокруг НТС», статья в газете «Новое Русское Слово». 11-го ноября 1979 г.). Организация действовала во время войны также на территории Словакии. В 1944-м году она выпускала свои издания в гор. Прешов.

6 Личные письма автора и интервью в 1978-м году.

7 Нельзя сказать, чтобы деятельность ген. Клецанды в период окончания войны была завуалирована таинственностью. Немецким кругам в Протекторате было известно, что он являлся командиром одной из военных группировок, подготавливавших восстание, или по крайней мере он выдавал себя таковым. Однако исключительным фактом в его деятельности было то, что он в подпольном движении являлся представителем того направления, которое было против сотрудничества с коммунистами и с Советским Союзом. Когда К. Г. Франк готовил передачу управления Чехии после ухода немецкой армии и упразднения Протектората, ген. Клецанда был выбран вести переговоры с западными союзниками. Но, его миссии не удалось войти в связь ни с Американской армией на западном фронте, ни с американскими дипломатическими представителями в Швейцарии. Свою деятельность во время оккупации ген. Клецанда защищал перед Народным трибуналом 2 августа 1946-го года. После вынесения оправдательного приговора, он снова должен был защищать себя перед Военным трибуналом. Прежде, чем это произошло, он покончил жизнь самоубийством.

8 С. Фрелих, письма и интервью в 1978-м году.

9 Нижеследующая информация исходит из источника, автор которого не желает быть названным по фамилии. Она косвенно подтверждается с нескольких сторон и ее можно считать достоверной. Не столько событие само, как, скорее атмосфера, царившая в 1-й дивизии, заставляет меня привести здесь этот эпизод. Хронологически он относится к содержанию главы XIII Вернемся обратно к перемещению 1-й дивизии на юг, в Бад-Шандау, откуда она должна была переместиться железнодорожным транспортом в район гор. Врно.

Командир дивизии отказался, выполнить приказ и, не уведомив армейскую группу о своем перемещении, повел дивизию пехотным походом в направлении на запад Шернер послал вслед за ним офицера связи с переводчиком, чтобы установить, что происходит. После длительных поисков они нашли 1-ю дивизию при ее переходе на западный берег реки Лабе (Эльбы) по железнодорожному мосту близ гор. Бад-Шандау. Когда немецкий офицер связи старался получить информации от офицеров дивизии, он натолкнулся на молчание или ответ, что они не знают, куда они следуют. Их поведение носило конспиративный характер. Во время переезда через реку Лабе, немецкие офицеры заметили, что на западном берегу в бовой позиции была размещена дивизионная артиллерия, как будто бы в намерении охранить переход через реку. Так как линия фронта в то время стабилизировалась и находилась в некотором отдалении от места перехода, это создало впечатление, у офицера связи и переводчика, что такая охрана перехода через реку Лабе могла быть направлена только против немцев. После перехода через реку, подразделения дивизии продвигались на юг по дороге, проходившей вдоль Лабе. Переход через реку и поход на юг происходили с соблюдением порядка и дисциплины, регулировочные органы на перекрестках не знали, где находятся командир дивизии и командиры полков. В одном месте немцы нашли командира батальона связи, но и он ничего не знал. Все это, наконец, привело

обоих немцев к заключению, что офицеры дивизии получили приказ не давать никаких информации. Поэтому они вернулись обратно к мосту и там переводчик спросил по-русски первого попавшегося солдата, где находится начальник штаба. Он сейчас же получил ответ, что начальник находится в автомашине у моста и руководит переходом на западный берег. Переводчик велел указать ему стоявшую машину, после чего они оба направились со своей машиной к подполк. Николаеву. Когда немцы ему представились и сообщили, откуда они прибыли и какова цель их посещения, подполк. Николаев был в большой нерешительности и с крайней неохотой сообщил им место, где они могут найти командира дивизии. В это время прибыл немецкий капитан из командного пункта в гор. Бан-Шандау и между ним и подполк. Николаевым произошел весьма резкий разговор.

Все заключалось в том, что о перемещении 1-й дивизии не было сообщено командиру в Бад-Шандау и никто не ожидал ее появления в этом районе. Из дальнейшего разговора между представителями штаба Шернера и Николаевым стало известным, что ген. Буняченко послал кого-то в Дрезден выяснить положение, связанное с наступлением американцев. У офицеров Шернера сложилось впечатление, что дело идет о попытке войти в контакт с Американской армией. В дальнейшем разговоре Николаев высказался в том смысле, что эта попытка им не удалась или результат ее не был положительным. Что произошло на самом деле, вопрос, на который вряд ли кто-либо может ответить в настоящее время. Последствия этих действий остались ясными. Продолжать следование на запад оказалось невозможным, поэтому дивизия двинулась на юг. Вторым последствием этого явилась недружелюбная позиция маршала Шернера в отношении к 1-й дивизии, т. к. он определенно знал или предполагал об этом деле. (Meine Begegnung mit Gen. Buniacenko. Kommandeur der 1. Vlasov Div., рукопись).

Это происшествие подтверждает также В. Н. Азар, сообщая, что Американская армия отказалась принять 1-ую дивизию в плен. Интервью, 1979 г.

10 Ольга Кржижкова-Камышанская, личные письма к автору.

99

11 Константин Кромиади, интервью, 1978 г.

12 Во время одной из таких попыток, которые приводит И. Тор-вальд в его книге «The illusion», Нью-Йорк, 1975, стр. 307. упоминается имя князя Шварценберга. Однако, Франтишек Шварценберг, в своем личном письме к автору отрицает участие кого-либо из членов его семьи в этом деле. В интересах казачьего войска, ген. Паннвитц направил с дипломатическим посланием к фельдмаршалу Александру двух офицеров, служивших в Казачьем корпусе: полк фон Рентелна, который знал маршала Александра со времени Гражданской войны в России, и ротмистра фон Гудемуса, родственника анлийского министра иностранных дел Идена. О результатах переговоров не сохранилось никаких сообщений, что означает, что как и все остальные попытки, они оказались безуспешными. (Эрих Керн, *Gen. von Pannwitz und seine Kosaken*, Verlag K. W. Schutz, 1971, стр. 140; Николай Толстой, *The Secret Betrayal 1944–1947*, Нью-Йорк. 1977, стр. 280).

Согласно другим сведениям, с подобной миссий было направлено на запад двое офицеров из штаба Казачьего корпуса: заместитель начальника штаба Корпуса ротмистр граф фон ТТТвейнитц и майор граф Карл Эрвин Элтц.

13 Казанцев: «Третья сила», стр. 172. Имена приводятся автором только инициалами.

1 Это государство было единственным союзником Германии, сохранившим ей верность до самого окончания войны.

2 На конференции обсуждалась также возможность перемещения нового правительства на территорию Чехии. Адмирал Денитц был против такого решения. При перемещении правительства на чужую территорию, правительство утрачивает, согласно международному праву, свое правовое положение.

3 Подобный план имел и Альберт Speer, который уже 23-го апреля настаивал у Гитлера на том, чтобы в Францию были направлены чешские промышленники с тем, чтобы они при помощи своих связей добились тех же результатов, какие предлагал К. Г. Франк.

4 В связи с этим, было обращено внимание на опасность отторжения и окружения армейской группы «Центр» в случае боковой атаки Красной армии, которая могла произвести такой маневр после взятия Берлина. На это обратил внимание человек не военного характера, а министр финансов граф Шверин фон Кросигк.

5 Людде-Нейрат: Kegiernng cfenltz, стр. 72, 75–78.
Марлис Стей- нерт: Die 23 Tage Regierung Donitz, Econ
Verlag, стр. 30–31, 188–192. Р. Гансен: Das Ende des dritten
Reiches, стр. 202–203.

6 Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht
1944-45, 2-ая часть, Франкфурт-на-М., 1961 г., стр. 1277–
1282. В дальнейшем тексте сокращение КТБ.

108

7 КТБ, стр. 1475

8 Ген. — полк. Александр Лехр, командир армейской группы «Юго- восток» (Е). При отступлении из Хорватии взят в плен, выдан Югославии и расстрелян карательным отрядом. После отступления германской армии, эта территория была подвержена жестокому террору со стороны победителя, последствия которого продолжаются до настоящего времени.

9 КТБ, стр. 1836. Фельдмаршал Шернер не выполнил этот последний приказ и продолжал вести отступательные бои.

10 Bundesarchiv-Militararchiv, Lagekarte Heeresgruppe «Mitte», 30.4. abends. Копия находится в архиве автора. Относительно этой карты уже упоминалось в IX-й главе.

11 Согласно данным из Bundesarchiv-Militararchiv, Фрейбург, письма находятся в архиве автора.

12 Петер Гоффман: The History of the German Resistance 1933–1945. MIT Press, Cambridge, Mass., 1977.

13 Фотокопии первой страницы этого документа, а также его содержание, приведенное в книге К. Бартошека: «Пражское восстание 1945-го года», Братислава, 1962-й год, стр. 75.

115

14 5-го марта в Германии были призваны на военную службу призывники 1929-го года рождения.

15 Два боевых полка этой дивизии, полк «Бемен» (Богемия) и полк «Мерен» (Моравия) были включены в бои от 14-го апреля до 7-го мая в Австрии в районе гор. Креме. Какие именно части приняли участие в пражских боях, пока что не удалось установить. Значек дивизии изображает стоящего льва.

16 Данные относительно авиачастей взяты из документа RL/547, с численностью состава к 3-му мая 1945-го года Bundesarchiv- Militararchiv, Фрейбург. Хотя в документации с указанной датой и содержатся подробные донесения о последних днях войны и деятельности авиачастей на полевом аэродроме в гор. Немецки Брод, документы не приводят никаких сообщений об авиачастях РОА на этом аэродроме. Дневной рапорт от 5 мая 1945-го года гласит: 17-ая армия и 4-ая танковая армия не сообщают о каких-либо исключительных боевых операциях.

17 На четвертый год войны более чем одну четверть всего состава вооруженных сил СС составляли этнические немцы из оккупированных стран.

18 Данные, предоставленные д-ром Сталем,
Bimdssarchiv-Militararchiv.

19 Бартошек: «Пражское восстание», стр. 36. Р. Туссен, личные письма, интервью 1978-го года. О судьбе штатских лиц немецкой национальности после окончания войны см. Documentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mittel-Europa, часть IV/1 и IV/2, Die Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus der Tschechoslovakei, Bundessrinisterium für Vertriebent, Кассель, 1957 г.

О событиях в Праге наблюдаемых местными немцами, см. 2. Bei- heft. Ein Tagebuch aus Prag 1945-46. Aufzelchnungen von Margarete Schell.

20 До сих пор никто еще не делал попыток для такого суммарного изучения. Относительно последней фазы войны в немецких архивах на территории Федеративной Республики Германии хранятся лишь отрывочные и неполные документы. Приведенные в данной главе данные были любезно предоставлены частными лицами. Во время войны на территории Чехословакии погибло 178 000 воинов немецких вооруженных сил.

21 Рудольф Туссен, представивший мне эти сведения, так же сказал, что у человека давшего ему эти данные, родственники проживают в Чехии, и поэтому я не привожу его фамилии.

22 Хелмут Мюллер-Веллборн, как офицер вследствие ранения снятый с службы, был членом студенческой части вооруженных сил СС при пражском Карловом университете. Окончившие университет выпускники предназначались для занятия различных административных должностей в германских учреждениях.

В рукописи, о которой упоминалось в разделе «1-я дивизия в Праге», состоящей из двух страниц без подписи, эти десантники называются бойцами армии Конева, т. е. 1-го Украинского фронта. «Участие Буняченко в боях за Прагу», Музей общества «Родина» гор. Лейквуд, штата Нью Джерси. В рукописи содержатся также сведения о том, как Буняченко перешел на немецкую сторону).

23 Далее, считаю необходимым указать, что в послевоенные годы вооруженным силам СС, приписывалась деятельность, в которой они совсем не участвовали. Александр Солженицын пишет, например, в книге «Архипелаг ГУЛАГ» в связи с Пражским восстанием: «...В тот момент стало известным, что СС генерал Стайнер подготавливает уничтожение чешской столицы вместо того, чтобы выдать ее неповрежденной...» СС-оберфюрер Феликс Стайнер командовал в апреле 1945-го года III-им танковым корпусом СС, а позднее, в качестве командира армейской группы «Стайнер», частями севернее от Берлина и в районе Меклябурга.

1 Поскольку в своей книге я пишу о Пражском восстании в мае 1945-го года, то только лишь о событиях, связанных с судьбой РОА. Моим намерением было и остается писать о КОНР и РОА. Моя книга, поэтому, не делает притязаний на историю Пражского майского восстания.

2 Ввиду того, что имя капитана Антонова упоминается в данной книге несколько раз в связи с важным посланием, считаю необходимым охарактеризовать его согласно описаниям людей, хорошо знавших его. Г-жа Кромиади (жена полковника К. Кромиади, начальника личной канцелярии ген. Власова) сообщает: Он был сыном офицера царского морского флота. Во время гражданской войны рос между «беспризорными детьми», а позднее, получил коммунистическое воспитание и образование. В Красной армии он был офицером реактивной артиллерии («Катюши»), В его характере сочеталось добро со злом. Он любил рисковать ради риска, безумно любил споры и давал себя уносить на крыльях собственной фантазии. Согласно данным С Фрелих а, он по своей предприимчивости стал необходимым адъютантом ген. Власова, для которого он умел обеспечить буквально все. Его рассказы о событиях, свидетелем которых он был и о которых он рассказывал после окончания войны в Германии, казались слушателям настолько разноречивым, что принимались с недоверием. На сторону немцев он перебежал под Сталинградом под влиянием летучек (? но так в тексте книги — прим. авт. fb2) Освободительного движения ген. Власова.

3 Этот факт подтверждается в нескольких местах в документе: «Протокол заседания чешского Национального Совета, в дни с 4-го по 9-ое мая 1945-го года». Иван Штевичек, «История и военное дело», 1967 г., № 6, стр. 979-1019. Прошло 22 года, прежде чем он был опубликован в Чехословакии. Помимо грубых неточностей в данных, этот труд явно несет на себе следы обработки перед выходом в свет.

4 Подробности имеются в книге ген. Франтишека-Моравца; «Master of Spies», Doubleday and Co., New York, 1975. Чешское дополненное издание «Шпион, которому не верили», 68 Publishers, Торонто.

5 Это сообщение в некоторых публикациях за границей комментируются как коммунистическая конспирация, целью которой было вызвать мгновенное восстание. Это сообщение с одинаковой формулировкой имеется и в КТБ. Вероятнее всего, дело шло о боевой разведывательной части 3-й Американской армии, которая проникла даже к Праге, или одной из нескольких американских военных миссий с вооруженным сопровождением, которые проникли даже в Восточную Чехию и входили в контакт со штабом армии Шернера. См. также данные в предыдущей главе.

6 Чешские источники (Бартошек. «Прагжское восстание») приводят, что гарнизон в городе насчитывал 30.000 человек. Согласно немецким источникам (КТБ), на всей территории Чехии было к концу войны 79 000 бойцов в подразделениях, которые не участвовали в боевых действиях на фронте. Численный состав подразделений Германской армии и вооруженных сил СС в Праге мог доходить до числа в 30.000 человек уже во время окончательной фазы боев, когда в Прагу были стянуты подразделения из широкого округа, а на восточных окраинах города стояли отступающие части армейской группы «Центр», численный состав которых невозможно отгадать.

7 В дальнейшем тексте сокращение «ЧНС». Это был орган, уполномоченный на ведение временного управления, признанный Чехословацким правительством в Кошицах, до возвращения официального правительства во главе с президентом д-ром Эдуардом Венешем, которое в то время перемещалось на запад за наступающей Красной армией. Ни один из членов ЧНС не был позднее принят в состав нового правительства.

132

8 Письма д-ра Отакара Махотки с 1969-го года, архив автора.

9 Звания и функции в отдельных источниках расходятся.

10 В распоряжении немецкого управления осталась радиостанция «Каролиентал» (в районе города Карлин).

135

11 Личные письма Ф. Шварценберга, архив автора.

12 Письма д-ра О. Махотки с 1969-го года, архив автора. Переговоры о поставках оружия для чешского движения сопротивления и, главное, для готовящегося восстания, записаны в английских документах SOE (Special Operation Executive) под номерами: PRO Лондон, FO 371, 47099; N 1093/25912 от 5-го до 10-го февраля. Ради интереса, привожу часть записей в моем собственном переводе. Копии документов были любезно предоставлены автору этой книги д-ром Вилемом Пречаном.

.. Когда прошлой осенью Чехословацкое правительство и его военные учреждения настаивали на том, что мы должны обеспечить поддержку для восстания в Протекторате, они были извещены письмом от (С.I.G.S. генералу Ингру (С 14312/0, абз. А), а также в разговоре господина Никольса с д-ром Бенешом, что мы весьма сожалеем о том, что не можем взять на себя абсолютно никакой ответственности за любое восстание, которое может произойти, так как у нас нет возможности оказать им действительную помощь. Д-р Бенеш принял это решение не в верном виде (С 14664/G, абзац Б) и мы с сожалением подтверждаем, что ни при каких обстоятельствах мы не могли повысить наши поставки для сопротивленческого Движения в Протекторате, о том чехословацкое правительство никогда не высказалось ясно в сообщениях в Чехословакию. Наоборот, вместо того, чтобы сообщить прямо, что на дальнейшую помощь с запада в случае восстания нельзя рассчитывать, чехи вывели из этого заключение, что восстание должно быть отложено вплоть до марта (RJ 660 с 1944-го года, абзац С).

... Безусловно, наша позиция является опасно неясной. Во-первых, восстание, которому мы не окажем поддержки, может вспыхнуть в Чехии и Моравии в течение одного-двух месяцев. Чехословацкое правительство отдает себе отчет в том, какую позицию мы займем и что ответственность падет полностью на него; группы Движения сопротивления в Чехословакии не

знают о том, что мы не окажем им помощи. Во-вторых, на эту территорию, по всей вероятности, двинется Советская армия-

Полковник Перкинс встретился с генералом Ингром в понедельник с тем, чтобы обсудить положение, которое возникнет, когда чехи отсюда вернутся на свою родину. Полковник Перкинс верно говорит, что было бы почти невозможным потом (после их отъезда — прим. автора) продолжать организацию помощи и доставить по воздуху материал из Италии без координации с русскими...

а) Передачи для подпольного движения в Протекторате, согласно этому сообщению, должны были подслушиваться английской информационной службой. (Это примечание и выделения в тексте произведены автором книги).

13 Бартошек, «Пражское восстание», стр. 279. Р. Стребингер, «Vlasov auf der Seite der Tschechen», Die Welt, 26. 2. 1974. Сообщение полк. Скленаржа от 7-го мая относится к одинаковым обстоятельствам. («Протокол заседания ЧНС»). Полк. Скленарж сообщает о продвижении 1-й дивизии к Праге тремя походными колоннами в 17 час 30 мин. В то время дивизия уже находилась в Праге.

138

14 Швенигер, Bericht, стр. 19.

15 Все данные, приведенные в чешском документе «Протокол заседания ЧНС» о том, что представители ЧНС вели переговоры с ген. Власовым, являются неверными. Переговоры от начала контактов в последние дни апреля, велись только с ген. Буныченко при молчаливом согласии Власова. О контакте лиц военного управления восстания с ген. Власовым см. описание событий 7-го мая.

16 А. Неуберт, владелец книгоиздательства и типографии в Праге, председатель Центрального национального совета. Арестован по приказу ЧНС 5-го мая, а деятельность группы, вместе с выпуском революционной печати, остановлена.

141

17 В. Н. Азар, интервью, 1979 г

142

18 Артемьев, «Истории», стр. 104.

19 Нижеследующее описание обработано согласно данным, опубликованным автором Вольфгангом Вонерселем в статье «Vom SS-VT-Sturmbann Deutschland zum SS-Pz. Gren. AuE-Btl. 2», помещенной в журнале Der Freivillige 9/1978, и главным образом, по письмам к автору. В бывших артиллерийских казармах в Рузине был размещен SS Pz. Gren учебный и запасной батальон Л1? 2. Его командиром был с июля 1944-го года С С-капитан Якоб Оеттингер. Одним из заданий этого подразделения было эвакуация тяжело раненых, ослепших после ранений, или с ампутированными частями тела воинов вооруженных частей СС из пражских госпиталей в Германию. Рота выздоравливающих первоначально помещалась в здании школы в Михле и ее командиром был СС-Остуф. Карл Вагнер. Главным же заданием батальона было обучение новичков и формирование частей, отсылаемых на фронт, главным образом для 2-й СС бронедивизии «Das Reich», 32-й SS Gren. Div. и для полков, формировавшихся СС дивизий «Бемел и Мерен», включенных в бои на фронте в Северной Австрии. Помимо этого на аэродроме помещалось около 300 бойцов вооруженных сил СС из различных частей, эвакуированных в Прагу из Данцига. К концу апреля 1945-го года в составе батальона было 1.300 новичков, в большинстве случаев из немецкого национального меньшинства юго-восточной Европы. Когда положение в Праге начало клониться к беспорядкам, из вышеуказанных 300 бойцов вооруженных сил СС было создано две роты для подкрепления гарнизона в Праге. В запасном батальоне остро сказывался недостаток оружия и боеприпасов, который так и не был устранен до конца существования этой части.

20 Как Вольфганг Вонерсал, так и командир СС запасного батальона № 2, который пережил эти события, ставят отступление немецкой части в зависимость следования СС полка «Der Fuhrer» через Рузынь. Как вытекает из дальнейшего описания, немецкие части после прорыва из окружения за малым исключением, были уничтожены. Оба автора приводят, что трагедия этих дней заключалась в том, что ни один из немецких командиров не мог предполагать, что полк «Der Fuhrer» будет в Рузини и что он мог бы спасти гарнизон. Прорыв из окружения гарнизона произошел ночью и рано утром, с 6-го на 7-ое мая. Усиленный полк «DF» следовал через Рузынь рано утром 9-го мая. Однако мало вероятности, что обе немецкие части в Рузини без тяжелого оружия и огнеприпасов могли бы продержаться еще два дня. Более правдоподобной является версия о судьбе, высказанная парламентаром РОА 6-го мая после полудня.

145

21 Г. Бушманн, интервью 1979 г.

146

22 В. Н. Азар, интервью 1979 г.

23 В. Поздняков: «А. А. Власов...», Новое Русское Слово, 26 февраля 1966 р.

148

24 Ibid.

149

25 Артемьев, «Истории», стр. 109–110.

26 Лейтенант Г., «Под Прагой», Голос народа
№ 17/1967. Артемьев, «Истории», стр. 108–109.

151

27 Личное письмо, в архиве автора.

152

28 Письма и интервью с д-ром Креггером, 1978 г.

153

29 Обработано согласно «Протоколу заседания ЧНС» и письму д-ра Махотки.

30 Целью поездки кап. Антонова было установить, что, собственно, представляет собой ЧНС, который б-го мая, когда решался вопрос относительно его поездки, уже второй день действовал в качестве временного правительства, о чем было мало известно. На выполнение этой миссии его уполномочил ген Власов, который, хотя и не вмешивался в события, но считал себя обязанным выяснить положение дивизии по отношению к новой политической организации, с которой еще не велось переговоров. (Согласно личной информации М. Шатова). Телефонный разговор ген. Култвашра был, очевидно, лишь подтверждением того, что РОА не может ожидать большего и поэтому со стороны РОА, вплоть до окончания ее действий в Праге, уже никто не пытался поддерживать дальнейших контактов с Советом. Ввиду того, что Й. Смрковский категорически восставал против какого-либо сотрудничества с РОА, считаю необходимым привести дополнительные подробности его деятельности в связи с РОА. Когда во время голосования он с коммунистическими членами Совета был забаллотирован по вопросу о помощи 1-й дивизии Пражскому восстанию, он настоял, благодаря своему влиянию, на том, чтобы с 1-й дивизией не было бы заключено такого письменного договора, который обязывал бы Совет по отношению к 1-й дивизии. Позднее Смрковский всячески старался оправдать и объяснить свое решение. Он даже утверждал, что именно он предлагал Совету принять помощь 1-й дивизии, именно потому, что она воевала плечом к плечу с русскими партизанами. Так как он был самым радикальнѣм членом Совета, его предложения не всегда проходили. 8-го мая, вследствие создавшегося положения, он настаивал на роспуске Совета, а когда переговоры о капитуляции с ген. Туссеном затягивались и казалось, что они ни к чему не приведут, он предложил застрелить сына ген. Туссена, содержавшегося в качестве заложника. Эти информации в «Протоколе» не приведены. Мне их предоставил д-р О. Махотка в личном письме.

31 Бартошек, «Пражское восстание», стр. 282, сообщает, что согласно некоторым свидетельским показаниям, письмо не было отправлено. Вся письменная документация штаба Власова была сожжена в селении Лнарже 12-го мая 1945-го года.

32 Неясности, а иногда выражения с двояким смыслом, содержащиеся в «Протоколе», можно приписать его конспективному сти. тю. Однако их нельзя игнорировать. Протокол, записанный в конспективном изложении может выражать важное решение, от которого зависела судьба тысяч людей.

33 Ген. Буняченко был весьма осторожным при выборе объектов обстрела и всегда давал чешским офицерам проверить их. Это было крайне необходимым, т. к. обстрел производился в населенном городе. Я не нашел ни единого упоминания о том, чтобы в результате обстрела, производимого дивизионной артиллерией были затронуты гражданские объекты.

34 Подполк. Николай Ветлюгин-Тензор, «Последние дни генерала Власова», рукопись 1949-го года, Архив РОА. Нью-Йорк. Этим данным соответствует запись в журнале U.S. 16-й танковой дивизии (США) в Пльзене в 21 час. 40 мин. 7-го мая: Полковник Пратт уезжает в Прагу с немецким полковником, чтобы вести переговоры о капитуляции немцев в районе Праги. (Record of the Adjutant General's Office, Record Group No. 407, Suitland, Maryland).

О вооруженном конвое в дивизионном журнале имеется лишь лаконическая запись следующего содержания: Дивизион ПРАГА прибыл в Прагу в 24.00 час. и установил, что официальное лицо, к которому он должен был явиться, отбыло в Велиховки (120 километров на восток); он немедленно отправился в Велиховки. Дивизион прибыл туда в 06.00 час, по пути потеряв два¹/₄-тонных грузовика. Задание было выполнено и дивизион покинул Велиховки в 11.00 час., а в Пльзень вернулся в 18 00 час.

Деятельность американских миссий была более широкой, чем это приводится в доступных нам американских документах. Весьма возможно, что эта документация не была до сих пор расклассифицирована.

35 Данные о том, что ген. Вуняченко намеревался призвать 2-ую дивизию из Южной Чехии в Прагу, повторяются в нескольких публикациях. Ген. Вуняченко знал о положении в Праге и должен был сознавать, что такое обширное задание, каковым было занятие города с миллионным населением, к которому приближались все передовые части немецких вооруженных сил. он не мог выполнить с одной дивизией. Приказ 2-й дивизии могли дать только ген Власов, сдержанная позиция которого по отношению к действиям командира 1-й дивизии нам известна, или начальник штаба армии ген. Трухин; и его мнение относительно деятельности командира 1-й дивизии было принципиально отрицательным. Кроме того Трухин в это время вел переговоры в Южной Чехии о прекращении всех боевых действий и переходе армии в американский плен. Подробности см. г. «События в южной и западной Чехии».

36 Трофейные танки Т-34 находились в боеспособном состоянии лишь с большим усилием. Часть их первоначально принадлежала «Бригаде Каминского». Германская служба вооружения хотела их списать, как негодных. Количество 30 является преувеличенным. В Праге их определено было меньше, чем 10. Часть была перемещена из Йинониц в районы Смихов и Винограды. Записей относительно их боевой деятельности не имеется. Горючее для них обеспечивал штаб восстания.

161

37 Самые молодые призывники, призванные на военную службу весной 1945-го года.

1 Часть данных, содержащихся в данной главе, взята из книги А. Г. Алдана: «Армия обреченных», Нью-Йорк, 1969 г. В РОА он пользовался фамилией Нерянин.

2 В хаосе приближавшегося окончания войны существовало несколько планов сосредоточения. Эти планы приводятся в отдельных главах данной книги. Ввиду быстро изменявшегося положения, а также потому, что у отдельных частей РОА часто не было взаимного контакта, они зачастую должны были действовать на собственный риск. Русские добровольческие части, не находившиеся в подчинении РОА, а также национальные армии иных народов, соблюдали договоренность с ген. Власовым лишь в общих чертах и вследствие естественного развития событий направлялись в тот же район. Конечно, перемещение этих армий нельзя считать координированным совместным действием.

164

3 Гепе, Aufstellung, стр., 25–27.

4 Такой в то время был общий взгляд на будущее войск РОА среди ее состава.

5 Подчинение Казачьего корпуса, во главе с ген. от кавалерии фон Паннвитцем, общему командованию РОА, было нелегким и длительным процессом. Казачий корпус вел переговоры об этом несколько раз, традиционным демократическим путем, — выступлениями своих представителей. У казачьего корпуса были во время Второй мировой войны свои собственные боевые традиции, и он не желал подчиняться РОА, у которой тоже была своя самостоятельная традиция, по сравнению с казаками весьма кратковременная. Предварительные переговоры представителей обеих единиц движения сопротивления происходили в Праге на рубеже 1944-45 гг

6 Под этим, вероятно, подразумевался приказ ОКВ о сосредоточении частей в г. Лিনি и об их перемещении на север с целью создания линии обороны по линии реки Влтава.

168

7 Алдан, «Армия», стр. 23.

8 Ген. Власов направлялся в этот день в Берлин вместе с д-ром Креггером.

170

9 Геппе, Aufstellung, стр. 30.

171

1 См. события, находящиеся в связи с 4-ым мая в с. Сухомасты.

11 Из того, что нам известно относительно армейской группы «Юг», можно предположить, что ген. Рендулиц не разрешил бы, в эти критические дни, ни одной из частей пересекать пути отступления своей армейской группы, направлявшиеся в американский плен.

12 Местные наименования взяты из русских документов и являются транскрипцией немецких наименований. В тех случаях, когда мне не удалось найти их правильного названия по-немецки или соответствующее этому чешское наименование селения, я их перенял дословно.

174

13 Алдан, «Армия», стр. 30. Письмо вызвало подозрения уже тогда.

14 Вполне очевидно, что неуверенность 2-й дивизии и остальных частей находившихся в южной Чехии, возникала вследствие недостатка связи. Этим объясняются попытки войти в соединение как между самими частями в южной Чехии, так и личные поездки офицеров штаба на север к ген. Власову и в 1-ю дивизию. С. Фрелих во время нашего личного разговора сообщил, мне что полк. Поздняков где-то в южной Чехии «избавился» от радиостанции. Это сведение не является подтвержденным и сам Фрелих это утверждение слышал лишь от иных офицеров в южной Чехии. Если же оно базируется на правде, то определяет единственное возможное объяснение всеобщего хаотического положения.

15 С. Фрелих был в конце апреля у ген. Ашенбреннера в районе Шлитцберг на Шумаве, приблизительно в 65 километрах от гор. Пльзень См. события, связанные с деятельностью особого штаба в отеле Прокоп близ Нырска.

177

16 Фрелих, BegleitLer, стр. 25.

178

17 Геппе, Aufstellung. стр. 30

18 Евгений Антонович Олесинский, советский капитан. В феврале 1945-го года был сброшен над Чехословакией с заданием организовать партизанские части. Перед отлетом получил инструкции лично от Н. С. Хрущева, бывшего тогда членом Военного совета украинского фронта. (Артемьев, Истории, стр. 113).

180

19 Алдан, Армия, стр. 34.

181

20 HQ 5th Infantry Division, Bischofsreut (039145) Germany 132400B May 45. Plan for movement of internees and civilians from division area North of STOP LINE to be returned over to Russia. Архив документа относительно этого и двух последующих примечаний: Record of the Adjutant General's Office 1937-, Entry 427, WW II. Record Group 407.

182

21 Tp Call, Gen. Gay to Gen Irwin LLL845. Msg. No. 2899.

183

22 Headquarters XII. Corps, G-3, 12. May 1945.

23 В процессе создания данной книги, я все время старался, поскольку было возможно, избегать собственные суждения. Но на этом месте считаю необходимым подчеркнуть, что присутствие полк Нерянина и его действия были одним из немногочисленных проявлений положительной активности во всей южной группе. Тот факт, что этот выдающийся офицер уже с самого начала не занимал более ответственного поста, послужило в ущерб РОА. Он был одним из немногих, кто умел не только правильно расценивать, но главное, действовать. Полк. Нерянин-Алдан был после окончания войны интернирован в лагере для военнопленных, откуда бежал лишь тогда, когда понял, что выдача и насильственная высылка являются неизбежными. Во время своего пребывания там, он активно включился в антикоммунистическую деятельность. В 1953-м году он был приглашен в Соединенные Штаты Америки, где читал лекции в Пентагоне. Полк. Нерянин скончался в Балтиморе в возрасте 54 лет.

24 В источниках не разъясняется, каким образом бригада потеряла приблизительно четвертую часть своего состава. Будучи запасным подразделением, она была недостаточно вооруженной и отдельные ее бойцы, повидимому, искали путь к сохранению в уходе из части. Алдан, «Армия», стр. 37.

25 В такой расценке точно сходятся как русские, так и немецкие источники.

26 Это относится к тому же документу, который был приведен в примечании № 22. Помимо прочего, в нем приводится количество «Ди-Пи» (перемещенных лиц). Среди них было 233 чеха.

188

27 Казанцев, «Третья сила», стр. 302.

28 Критерием для репатриации, согласно Ялтинскому соглашению, была принадлежность к гражданству Советского Союза ко дню 1-го сентября 1939-го года. Это означает, что члены добровольческих частей, которые были эмигрантами со времени Первой мировой войны, а также члены оккупированных балтийских стран и украинские добровольцы из западной Украины, не подлежали насильственной репатриации.

Однако известны случаи, когда происходило их насильственное репатриирование, которое скорее можно назвать арестом и уволакиванием. Примером этому является судьба казачьего генерала Краснова и его семейства, который несмотря на то, что не был гражданином Советского Союза, был выдан из плена в руки советских органов. (См. гл. XIV, прим. № 5).

29 В районе Линца и Юденбурга королевская английская армия выдала в руки НКВД, в мае и июне 1945-го года, более чем 50.000 человек казачьего войска, не только солдат и офицеров, но и их жен и детей. Воинские части Ее величества «Agryll and Sutherland 8th Battalion» и «West Kent 5th Battalion», вместе с 11-й английской танковой дивизией убивали военнопленных-казаков. их жен и детей, чтобы иметь возможность погрузить их насильно в грузовики и передать в руки советчиков. Лишь казачьи кони оставались на западе, и известны имена английских офицеров, которые выбирали себе наилучших из них и отвозили их в Англию

1 Швеннингер, Bericht, стр. 23. Название села не приводится. Это должно было быть одно из сел, находящихся южнее от городка Лоховице. Эпизод подтверждает также В. Н. Азар, но названия села тоже не помнит. Описание следующего происшествия в гор. Пршибрам, см. статью кап. Будератского, помещенную в Голосе народа, 1949 г., № 33.

2 Ген. — лейт Е. Фоминых, «Как был пойман предатель Власов», Известия, 7-го сентября 1962 г. Статья была помещена также в иной прессе.

3 Специальное задание 25-го корпуса о ликвидации 1-й дивизии РОА подтверждает в своих воспоминаниях также маршал Жуков. *Memoirs of Marchal Zhukov*, стр. 640–641.

4 Свен Стеенберг в своей книге приводит, что Власова сопровождал во время этого пути генерал Иван Никитич Кононов, Казачий корпус которого в то время отступал из Югославии в Австрию. Кононов предлагал Власову стянуть войска РОА на юг и объединить их с Казачьим корпусом. Создавшееся положение, уже не давало возможности провести в жизнь такого пожелания. Кононов, будто бы, покинул Власова еще до того, как они дошли до американской демаркационной линии, и вернулся обратно в свой корпус. Ни в одном из русских источников не приводится имени Коконова на пути следования в Пльзень. У Стеенберга имеется доказательство о присутствии Коконова из его личного письма. Будучи полковником, Кононов являлся в составе Казачьего корпуса командиром пехотной бригады, которая была ядром формировавшейся 3-й казачьей дивизии. Он был одаренным и энергичным офицером. О его прошлом мало известно. Он был командиром полка во время русско-финской войны. В немецкий плен он перешел вместе со езоей частью, как командир пехотного полка и ожидал, что он будет вместе с этим полком включен в бои против Красной армии. Кононов был одним из немногих казачьих командиров, кто верил в более широкий альянс добровольческих частей с армией РОА. Его взгляды поддерживали и разделяли подполк. Борисов и Зондерфюрер фон Карзов, который оказывал на Коконова большое влияние. При приближении окончания войны и отступления из Хорватии Кононов стремился провести в жизнь свои планы по объединению с РОА. Однако Казачье войско и его представители лелеяли мечту о независимости казачества, а планы Власова на преобразование России шли вразрез с их представлениями. Кононов отстаивал свои взгляды вплоть до последних хаотических дней войны. Когда Кононов представил проект на ведение переговоров по объединению с ген. Власовым, он был освобожден фон Паннвитцем от занятия командного поста и назначен на пост офицера связи со штабом ген. Власова. Он был

произведен в чин генерал-майора и отбыл к ген. Власову в Чехию, в сопровождении своего единомышленника фон Карзова. Но быстрый ход событий сорвал все эти планы, направленные на объединение обеих воинских частей. (Эрих Керн, *Gen. von Pannwitz und seine Kosaken*, Verlag K.W. Schutz, 1971, стр. 134-37). К. Черкасов, «Генерал Кононов», Австралия, 1963 г.

5 В источниках приводится немецкое название Шлюсселбург

6 Предметом контрспоров и полемики была статья Владимира Позднякова в которой утверждается, что события, описанные в данном абзаце, «бросают темное пятно» на РОА. В действительности же этого не было, а Поздняков в то время был не в 1-й дивизии, а в штабе РОА, находившейся в южной Чехии.

Относительно его личности необходимо сказать, что, обладая импульсивным характером, он любил поговорить и не всегда на подходящем месте. Его антикоммунистическая позиция была общеизвестна, но его связь с немцами носила такой характер, что ген. Власов держал его в стороне от исполнения ответственных функций.

197

7 Свидетельство офицера 358-го Inf. Reg. (пехотного полка).

198

8 Командование Ю.С. XII-го корпуса (США), G-3, рапорт офицера связи для 4-й танковой и 90-й пехотной дивизии от 12-го мая 1945-го года. Record of the AdjutantGeneral.

199

9 В. Н. Азар, интервью.

200

10 А. Солженицын, «Архипелаг ГУЛag», 1-я часть, стр.
255.

11 Насильственная репатриация и ее закулисная сторона не являются темой моей книги. Все это подробно описано в нескольких публикациях, главным образом, в книгах: Николас Беттел, *The Last Secret*, Basic Books, N. Y., 1974, (на русском языке: Н. Беттел «Последняя тайна» Лондон, 1974 г.); Александр М. Нокрич, *The Punished People*, Norton Co, Нью-Йорк, 1978 г.; Julius Epstein «Operation Keelhaul» Devin-Adair со 1974; Huxley-Blythe «East Came West» Saxton Press, 1956; Николай Толстой, *The Secret Betrayal*, Charles Scribner's, N. Y., 1977.

Толстой описывает также события, которые предшествовали репатриации, приводит и некоторые до сих пор неизвестные факты; но все же при описании событий, происшедших на территории Чехии, допускает много неточностей. Н. Н. Краснов «Незабываемое», Нью-Йорк, 1957 г., повествование участника, который остался в живых. А. И. Делианич «Вольфсберг 373».

202

12 Антонин Бартош, «Клэй-Ева вызывают Лондон»,
Нью-Йорк, 1977 г. стр. 357

13 В. Поздняков: «Как советчики захватили генерала Власова», газета «Новое Русское Слово», 16-го октября 1962 г. Поздняков лично описывает события последних дней РОА, которые выходили под заголовком «Последние дни» в печати «Голос народа», начиная с № 25/1951 г. В них содержится много подробностей, но много и неточностей, поэтому их невозможно считать надежным источником.

14 Мои попытки приобрести письменный материал среди вещей, оставшихся после смерти кап. Антонова, не имели успеха.

205

15 Hoover Institution, R. L Nikolaevski Collection.

16 Полковник Мартин был офицером штаба Ю.С. XII-го корпуса США. Его перемещение по территории западной Чехии мы можем проследить по документам. Его функция нигде не приводится, Интересно, однако, что его деятельность всегда каким-то образом, была связана с Красной армией.

17 Кромиади, Константин: «За землю, за волю...», изд. Глобус, Сан Франциско, 1980 г., стр. 239–245. Лейт. Виктор Ресслер был этническим немцем, который покинул Россию после Первой мировой войны и вернулся в Германию. Он был простым и честным человеком; в критический момент, когда ген. Власов был захвачен в плен, он поступил мужественно, Власова не покинул к за свое поведение должен был отсидеть десять лет в советском плену. В Германию он вернулся в 1955-м году.

208

18 Стеенберг, «Власов», стр. 210–211.

19 Было сделано несколько попыток разыскать кап. Донахью, пока что безрезультатно. Одинаково неуспешной была попытка и полк. Герре, который старался разыскать этого американского капитана через запрос в Пентагон. (Письмо от 3-го февраля 1967 г., Bundesarchiv-Militararchiv, Архив С. Стеенберга).

210

1 Д-р Отакар Махотка, личные письма, архив автора.

211

2 Сведение, повторенное несколько раз в русских источниках.

3 «Как это было с Пражским восстанием», газ.
«Лидова Демокра-
ции», Прага, 7-го мая 1968 г.

4 Артемьев: «Истории», стр. 144–148. Весьма возможно, что в этом вопросе автор намекает на то, что офицерам Красной армии, которые в конце войны подверглись такому опыту, не верили после их возвращения в Советский Союз. Их просто отсылали в рабочие лагеря.

5 Лейтенант Н. Н. Краснов был племянником легендарного генерала Петра Краснова с времен Гражданской войны. Россию он покинул вместе с родителями, будучи четырехмесячным младенцем, и три поколения Красновых проживало в многочисленной колонии белых эмигрантов в Югославии, где они получили гражданство этого государства. Несмотря на это, он во время активной деятельности английской оккупационной армии, в гор. Линц был выдан советским органам безопасности как офицер Казачьего войска, вывезен в Советский Союз и присужден к десяти годам пребывания в рабочих лагерях. По истечении срока наказания, он, как югославский гражданин, был выпущен в Швецию. После выхода на свободу он написал совместно с А. И. Делианич документальную книгу воспоминаний «Незабываемое», 1957 г. Сан Франциско, переведенную на англ. язык под названием «The Hidden Russia». Часть этой книги, отображающая судьбу воинов РОА и, главное, 1-ой дивизии в советских тюрьмах и рабочих лагерях, была перепечатана в публикации М. Шатова «Материалы и документы ОДНР», 2-я часть, стр. 78–90, Нью-Йорк, 1966 г. Книга является живым воспоминанием, главным образом, о тех людях, которые пережили долгие годы в советских «исправительных учреждениях», находившихся по всей обширной территории одной шестой части всего мира.

Заклученные встречаются под душами в тюрьме Лефортово. Из отрывочного разговора вытекает, что лейт. Краснов, по-видимому, встретился с подполк. Николаевым, начальником штаба 1-й дивизии. Последний в отрывочном разговоре сообщил ему, что Буныченко находится в тюрьме на Лубянке. Там также находятся Андрей Андреевич, Малышкин и Трз'хин, а остальные, может быть, находились в лефортовской... В дальнейшем разговоре в нескольких словах описывается захват в плен всего штаба в американском конвое, который направлялся от с. Лнарже на юг... подполковник имел на себе

шоферский комбинезон. Весь этот разговор напоминает описание Игоря Пекарского, приведенное в моей книге. У подполк. Николаева при себе была копия соглашения, заключенное с чешской миссией 5-го мая в селении Сухомасты, которое он ожег до превращения в шофера.

В 1950-м году в сети советских рабочих лагерей было приступлено к организации специальных тюрем-лагерей, «спецлагерей», для политических заключенных. Таковым был «спецлагерь М7» на Дальнем Востоке, расположенный на реке Ангара. Сюда начали свозить таких заключенных, как бывших «власовцев», а также литовцев, латышей, молдаван, приговоренных к двадцати пяти годам пребывания в рабочих лагерях. Краснов пишет: «С гордостью могу сказать, что те, кто взял на себя руководство, в большинстве случаев были солдатами или офицерами 1-й дивизии РОА... Идея оказалась сильнее смерти» Тоже самое говорит и Дмитрий Панин (у Солженицына «В круге первом» — Сологдин) в интервью с В. Н. Азар в Копенгагене на первом «Слушании» Сахарова в 1975 г.

В сентябре 1955-го года советское правительство амнистировало тех, кто пережил все это заключение. Она вернула им свободу, но с одним условием: что они расскажут молодому поколению о том, как с ними поступили западные союзники в конце войны...

215

6 Солженицын, «ГУЛаг», часть I, на английском языке
страницы 251–262.

7 Сообщение германского посольства в Вашингтоне Д. С., от 1-го декабря 1941-го года, опубликованное в газ. Нью-Йорк Таймс 2-го декабря 1941-го года, стр. 3.

*) Бенеш и эмигранты, руководимые им, агитируют за победу англо-американского блока и стараются вызвать в чешском народе ненависть к немецким рабочим в военной форме и возбудить недоверие к Советскому Союзу — приводит из такой летучки ген. Франтишек Моравец в книге «Шпион, которому не верили». Sixty- Eight Publishers Corp., 1977, стр. 278.

*) Эрнст Фишер, Erringerungen und Reflexionen,
Romohlt, 1989. стр. 424.

****)** См. Маргарет Бубер-Нойман: Als Gefangene unter Stalin und Hitler.

*) Николай Толстой: The Secret Betrayal 1944-47.
Charles Scrih- nert, 1977, стр. 34.

**) Конечно, Гитлер это делал не из каких-либо гуманных побуждений, для него было важным, чтобы с немецкими военнопленными, находящимися в Советском Союзе обращались согласно этой конвенции. Может быть, именно этим его безуспешные попытки, которые советскими военнопленными могли быть воспринимаемые иначе, чем базирующимися на чисто эгоистичных мотивах, объясняется, почему заключенные в мордовских концлагерях еще в пятидесятые годы регулярно праздновали день рождения Гитлера, изготавливали портреты фюрера и снабжали их надписями: «Нет Бога кроме Тора и Адольф Гитлер его пророк». — см. Александр Янов: *The Russian New Right*, California University Press, 1978 г., сар. 12.